

Комета Магницкого

1.

С утра Виктор забежал на ВЦ взять распечатки программ; прошёл не в ту дверь, презрев накинуть несвежий, но обязательный халат общего пользования, тем более надеть тапочки-бахилы, полные песка, за что системный инженер Артамонова сделала страшное лицо из своего стеклянного закутка, а он в ответ лишь деликатно ей улыбнулся и показал фигушку.

У входа в зал толпились операторши обеих смен: ночной и утренней. В свеженьких, накрахмаленных халатиках-мини они больше напоминают учениц салона красоты, нежели сотрудников закрытого НИИ.

Стоящая меж них высокой цаплей системотехник Жанна угощает разноголосую толпу конфетами, таская карамель пригоршнями из большого кармана своего мятого халата, что длинней белогвардейской шинели висит на ней, как на вешалке, чуть не до щиколоток.

Жанна – очень худая белокурая девушка лет двадцати трёх, с костлявыми, горбящимися от роста плечами и замкнутым лицом. Как и все истинные системщики, она абсолютно равнодушна к своему внешнему виду: предпочитает вечером задержаться на пару часов, чтобы покумекать над какой-нибудь очередной ситуацией, возникшей в операционной системе, нежели выстирать халат.

Чрезвычайно сосредоточенная девушка эта Жанна, и работает давно, спец не хуже Артамоновой, а может, и лучше в некоторых вопросах, и техникум окончила, и ребёнка родила, по слухам, вроде как прямо в семнадцать лет.

И то, что она всегда о чём-то с грустной понимающей улыбкой размышляет, как сейчас, во время раздачи конфет народу, подвигает Виктора мимоходом шутить с ней самым товарищеским образом. То гавкнуть на ухо, то заговорить металлическим голосом директора Орало: «Здравствуйте, товарищи! Какие будут жалобы на системотехников сегодня? Эти системотехники Жанны у меня дождутся, вот возьму да нагряну в гости с цветами, конфетами и разными предложениями иррациональными! Пусть тогда попробуют чаем не напоить!».

В этот раз чёрт опять дёрнул сотворить над поникшей речной ивой системщицей шутку. Он сделал первое, что пришло в голову, то есть заверещал кляузной радио-старушкой:

– Кто тут последний, я за вами! Опять в этом магазине левым товаром с чёрного хода торгуют? Как на духу предупреждаю: счас пожалуюсь в О-Бэ-Ха-эС-эС, коли мне не достанется!

Системотехник Жанна на розыгрыши младшего научного сотрудника Магницкого извечно реагировала сменой боевой раскраски: если была красна лицом, то белела, ну а по бледности заливалась ярким румянцем. И каждый раз голубоватые глаза начинали сверкать мыльными пузырями на солнце, причём сама Жанна оставалась по-прежнему немногословной, отделяваясь всегда одной и той же банальной фразой, обращённой куда-нибудь в ближний угол: «А вот и Витя с прибамбасом пожаловали!».

Виктор на прибамбас не обижался. Анемичная девушка, жалко её, обессиленную. Смотришь, и прямо сердце кровью обливается. Что тут ещё сказать?

Когда подошла его очередь в карамельной отоварке, Жанна объявила, что конфеты кончились.

– А больше нет, – и даже оттопырила карман, демонстрируя пустоту.

Карман халата широкий, глубокий, с надорванными краями, что на дне – не видно. Наверняка ведь зажилила парочку «раковых шеек». Разве можно так поступать с воспитанником образцово-показательного детдома имени Крупской? Сказала бы честно: «Не дам», – какой спрос? Так кончились у неё, видишь ли, срочно. Ага, держите карман уже, или вовсе зашейте белыми нитками.

Обе смены операторш, вчерашних десятиклассниц, весело захихикали над оторопевшим младшим научным сотрудником. Обнаглел народ, никакой субординации!

– Мать моя женщина! – изумился Виктор. – Почто всегда на мне товар в очередях заканчивается? А, девушки? Протестую!

И, недолго думая, смаху запустил в карман пятерню, желая ухватить какую-нибудь «раковую шейку» на самой глубине, дабы восстановить попорченную на глазах местного сообщества социальную справедливость, а также равенство, братство, доброту и веру в прогресс человечества. Однако наткнулся только на Жаннину тоненькую ногу. Карман оказался пуст.

– Ничего себе! – удивился неожиданной правдивости, заглядывая в растерянные глаза системотехника.

– Молодой человек! Прекратите приставать к сотрудницам!

– Всё-в-всё, меня там больше нет!

С начальником отдела размножения техдокументации, огромной, ширококостной, зычной Вильгельминой Карловной разве поспоришь?

Никто с этой дамой не спорит ни по какому поводу – себе дороже выйдет. Сам директор товарищ Орало, и тот предпочитает сглаживать углы, когда попадает в сферу её полномочий.

А Жанна входила в такие сферы целиком и полностью: во-первых, числится в списочном составе отдела размножения, во-вторых, хочешь – удивляйся, хочешь – нет, но, несмотря на несовместность и даже противоположность внешних характеристик, является с самого своего рождения дочерью Вильгельмины Карловны. Вот она где, антиутопия семейственности проявляется, в разрезе обыденного конфликта поколений.

– Экий басурманин!

Системотехник тотчас спрятала обе руки глубоко в карманах и несколько пригнулась. На лбу блеснула лёгкая испарина, наглядно выражавшая полное раскаяние худой, несамостоятельной матери-одиночки, живущей у своей родительницы на полном пансионе в её трёхкомнатной квартире, да к тому же работающей под маминым началом, и при всём этом кордебалете позволявшей себе чёрт те что в служебное время.

– Отойдите от неё и никогда больше не приближайтесь! Чтобы духа вашего не было! Разбойник какой выискался мне здесь!

Девочки-операторши мигом перестали веселиться, разбежались по делам, на ходу жуя конфетки, будто не присутствовали, не видели и не знают ничегошеньки. Что во многом истинная правда: очень, очень мало соображают, то и дело начёсы себе на голове создают вроде соломенных шалашиков, ногти маникюруют прямо у центрального пульта, а потом тыкнут с перепугу куда попало раскрашенным пальцем – и, считай, пропало машинное время.

Магницкий пошёл далее, независимо размахивая бобиной распечаток.

– Басурманин! – повторила ему вслед Вильгельмина.

Он обернулся, смерил начальницу отдела размножения сверхточным лазерным прицелом:

– Орднунг юбер аллес! – взяв двумя пальцами под козырёк.

Через запасную дверь машинного зала вышла Артамонова. Ни черта не понимая в его немецком, окаменела напряжённо-испуганным лицом, боясь, что Вильгельмина Карловна данной фразой будет обижена до глубины своей немецкой души или даже поругана. Кто знает этого Магницкого, чем он тут вздумал шутить...

– Порядок превыше всего! – дал перевод Виктор главе системщиков, чтобы не мучилась понапрасну в догадках о смысле трёх немецких слов, сказанных в адрес начальства.

Сникшая фигура Жанны изображала христианское смирение и раскаяние. Бедняжка. Ивушка плакучая. И ножки из-под халата в стареньких стоптанных туфлях тонюсенькие-претонюсенькие торчат, будто спички. Несчастливая Жанна! Как она умудрилась ребёнка выродить в семнадцать лет при столь хилой комплекции? Тем более под началом жуткой мамыши, гром-бабы с мясокомбината. Магницкий не выдержал, ещё раз обернулся. Вильгельмина погрозила кулаком.

Ага, а теперь маман-бабан дует на воду. А может, не совсем на воду?

Нет и ещё раз нет. Не будет этого. Жанна определённо напоминает своей фигурой бестелесную женщину раннего европейского средневековья, когда по канонам красоты дамы придавливали груди свинцовыми пластинами, стремясь стать как можно более плоскими.

Современного мужчину идеалы прошлого не волнуют, ему надо воодушевляться, а тут взгляду зацепиться не за что.

Глаза голубоватые, конечно, ничего себе, но слишком умные, ещё неплохи белокурые, спутанные в спешке беготни по ВЦ локоны. И всё. Но почему это вдруг подумалось об отношениях с бестелесным телом в белом балахоне как с женщиной, что за извращение, сеньоры?

Хотя, вот если допустить в первом приближении, что Жанна под халатом будет голая... нет... бесконечно жаль девушку, но даже не уговаривайте, ни за что! Мамаша Вильгельмина может быть на данный счёт абсолютно спокойна. Зря, напрасные надежды.

Товарищеские отношения с системотехником – это да, сам бог велел, без сомнений: умница, умница необыкновенная наша Жанночка, а прочее – увольте, лучше из института вон... хотя...

Что-то в этом есть. Да ну, ерунда какая!

А бедро... в кармане, кстати, хоть и тоненькое, но поразительно горячее. Чёрт возьми!

Ну вот, размечтался с утра на ровном месте... Насчёт кого? Насчёт несчастной Жанны! С ума сошёл, что ли?

Вздыхнув полной грудью, дабы освободиться от утренних кошмаров безумного разума, младший научный сотрудник с горящими глазами энтузиаста научного прогресса стремглав влетел в рабочую комнату, бросил рулон на стол, скинул пиджак на спинку стула, засучил рукава белоснежной рубашки и металлической линейкой принялся с жаром рвать рулонную распечатку на отдельные программы, разбрасывая по окружающим столам.

Постой, когда там у Жанны ночная смена намечается? Уйти, что ли, в ночь? Засидеться за программой до одиннадцати, рабочий день научного сотрудника не нормирован, ночное время тем более.

Магницкий отбросил линейку, зажмурился, в долю минуты доведя мозг до точки кипения. Вот оно, счастье! Как недалече! Возможно ль?

Но, очевидно, добиться с утра пораньше личного счастья в НИИ – цель принципиально недостижимая, ибо кругом вихряются, завиваясь мелким бесом, уже другие, планёрочные страсти.

2.

Счастье началось сразу после обеденного перерыва, когда Виктор заглянул к Забаве – рассказать Бориске анекдот, который вспомнил только что, да и слышал не долее трёх дней назад.

Забавы на месте не оказалось, по случаю длинных белых ночей подающий большие надежды теоретик семнадцатого отдела ускакал пить лимонад в опытный цех к автомату с бесплатной газированной водой, который наконец-то заправили смородиновым сиропом. Тем самым выпал из институтской жизни с её дежурными анекдотами и блиц-партией в бильярд под занавес сорокаминутного обеденного перерыва.

А меж тем жизнь в его рабочей комнате, носившей в среде младшего научного персонала название «забавной», ни на секундочку не прекращала бить юньским искристым ключом.

Только Магницкий приоткрыл солидную дверь, как через хорошо промытые на недавнем субботнике стёкла точно в зрачки ударило яркое белое солнце. Пришлось даже зажмуриться, будто бы от счастья.

Будто бы только что слопал четыре сочных, вкусных, горяченьких беляшика, запивая их сладким какао, и после этого, едва успев обтереть пальцы салфеткой, сразу увидел в непосредственной близости девушку неземной красоты.

Так зажмуренным и вошёл в большую, светлую комнату, имевшую четырёхметровой высоты потолки, огромные, с распахнутыми створками окна, за которыми ещё парил в воздухе случайно уцелевший тополёвый пух, вроде бы основательно прибитый ночной грозой.

В комнате восемь однотумбовых столов, один двухтумбовый – заведующего сектором Черкизова, шкаф и куча отобедавшего народа, мирно проводящего свободное время в приятных разговорах.

Выражением своего счастливого лица он никого не собирался обманывать: были и четыре беляшика не более десяти минут назад, и какао, и салфетки, и даже девушка, как ни странно, имелась в непосредственной близости.

И даже, представьте себе, не одна, а сразу штук семь, как на подбор высокие, стройные, в тончайших летних платьях, пронизанных лучами яркого света. Толпятся в центре комнаты, закатываясь жизнерадостным смехом.

– Что вы тут веселитесь? По какому поводу? Небось, премию квартальную пообещали сто процентов?

Девушки, молодые специалистки, только-только после университета, румяные, весёлые, как горячие пирожки с персиковым джемом. Смотреть на

них холостому мужчине чрезвычайно приятно, а вот жениться не рекомендуется.

Допустим, женишься сдуру на одной, куда остальных потом девать прикажете?

О чём беззвучно вопиёт пример сидящего в одной комнате со специалистками Борьки Забавы, и трудности, по его словам, кратно возрастают с мая по август, когда руки-ноги у специалисток становятся оголёнными, длинными, ужасно близкими; куда ни кинь взор – всюду, как на витрине, раскинулось нежное женское тело, местами призывно извивается, вроде бы весьма доступное, а тронуть нельзя.

– После обеда здорово тебе размечталось, – угадала физически крепкая спортсменка Мила, – премию ему подавай. Ишь чего захотел!

Мила – комсорг отдела, со всеми на дружеской ноге, сейчас единственная из девушек облачена в джинсы.

При встречах в длинных, тёмных институтских коридорах с молодыми людьми подходящего комсомольского возраста вместо рукопожатия она проводит прямой правый в солнечное сплетение, который сопровождается вопросом: «Комсомольские взносы сдал? – И безотносительно смысла последующего ответа назидательно добавляет: – Иди теперь мочу сдавай!».

– Точно, – примирительным тоном согласился Магницкий, уже многократно учёный комсоргом, – нет так нет, а скажите, девчонки, почему в кафе на Площади перестали пирожки с персиковым джемом продавать? Вы не в курсе?

– Кто о чём, а лысый о гребёнке, – вставила шпильку Люси пренебрежительным тоном.

Мигом убрав с лица улыбку, Виктор предался грустным размышлениям. Вон Забава не утерпел – женился, теперь локти кусает, ибо сидит в одной комнате с семьёю красавицами, и деваться ему абсолютно некуда, разве что бегать на опытное производство пить холодную газированную воду.

Впрочем, Бориска не теряется: все семь, как одна, обслуживают его в высшей степени нестандартные выдумки, ибо девочки – программистки, а Забава – теоретик, фонтанирующий идеями двадцать четыре часа в сутки, как вычислительный центр, в отличие от городского фонтана с цветомузыкой, который на ночь и на зиму предусмотрительно отключают.

Идеи Забавы большей частью сумасбродные, «за гранью разума», – так выражается молодое поколение программисток, когда приходится им составлять вполне реальные программы, следуя моделям Бориски, объясняя которые, тот заводит глаза под потолок, а ладонями творит свой воздушный замок из первых же подвернувшихся под руку функций интегрального вида.

– Забавы нет, вот и отдыхаем, – весело оскалилась Мила. – Кстати, Витька, ты почему уклоняешься?

– От чего?

– Будто не знаешь, от чего, от уплаты комсомольских взносов, разумеется!

Магницкий моментально напряг живот, бросив обеспокоенный взгляд на правую руку комсорга. Вроде кулак не сжатый. Хотя и с левой может запросто врезать. Говорит, что советский человек должен быть гармонично развитым...

– Комсомольские – ерунда, главное, чтобы от алиментов не уклонялся. Настоящий мужчина не должен уклоняться от алиментов ни вправо ни влево, – подмигнула Лариса, по кличке Пума, с безумно красивыми огромными глазами

и точно кошачьей мягкостью движений, – вот женишься ты, Виктор, на... Люське, к примеру, родишь ей быстренько ребёнка, а потом сбежишь, как заяц... к Миле, и если после всего того будешь уклоняться мне от алиментов – пеняй на себя!

– Девушки, я давно вышел вон из комсомольского возраста. Пожилой, серьёзный человек, какие могут быть взносы?

– И сколько же тебе, Витёк, лет?

– Сколько-сколько... много. Двадцать семь стукнуло. Полных двадцать семь. В комсомоле состоят до двадцати семи?

– Включительно.

– Исключительно. Ныне я просто беспартийный человек, и взятки с меня гладки. К тому же ни разу не женатый. Во искупление этого общественного греха честно плачу налог за бездетность.

– Эх ты, уклонист, – рассердилась Раиса, – двадцать восьмой год мужику валит, а он не женат. У тебя задержка в развитии? Даун, что ли?

– Он не даун, он мэ-нэ-эс, – констатировала Мила, – наукой увлекается.

– Девчонки, а давайте его прямо сейчас женим?

Лицо младшего научного сотрудника вновь украсило безотчётно-радостное выражение.

– В смысле? – удивился он. – Каким, позвольте вас спросить, образом? Только, граждане, не забывайте, у меня своего угла нет, в общежитии живу...

– Это к делу не относится, произведём над тобой акт инициации, и все дела. Раз из комсомольского возраста вышел, пора, Магницкий, быть тебе не мальчиком, но чьим-то мужем. Пора!

– Пора пришла – она влюбилась!

Не успел Магницкий толком порадоваться неведомой инициации, которая будет проводиться девичьими оголёнными руками (о кулаках Милы как-то не подумалось), случилось приятное событие, вроде первой фазы грядущего счастья: от девичьего кольца мягким шажком отделилась угловатая фигура Пумы, сделала шаг к нему и, оказавшись в непосредственной близости от мэ-нэ-эса, вопросительно заглянула в глаза и, не дождавшись ответа, приложила ухо к его груди чуть пониже горла. Почти как доктор, слушающий без медицинских приборов хрип простуженного дыхания.

Тут же с головой окатила тёплая морская волна: Виктор даже выпрямился и вытянул шею, чтобы не захлебнуться.

Денёк выдался солнечный, комната полыхала ярким июнем, девушки продолжали веселиться, толпясь вокруг них, как будто именинников. Иные поглядывали скорее сконфуженно, что-то говоря друг другу, не слышно что, слух Магницкого отключился временной контузией.

Необыкновенно хорошо стало жить. От близких чёрных, гладко-блестящих волос, необыкновенно приятно пахнущих, возникло ощущение редкостной удачи. Пума гладила тонкими пальцами по галстуку, приговаривая: «Миленький мой». Вот-вот, да, это правда, вот оно – самое настоящее счастье, без обмана!

Отняла голову на секунду, посмотрела исподлобья снизу вверх вопросительно, произнесла что-то вроде: «Жить будет». Магницкий слышал её голос вдалеке, как после контузии, и уточнил:

– С кем? Хочу с тобой.

– Здрасьте вам, – вмешалась Мила, – Лариса у нас замужем, поздно спохватился, дорогой. Ты на других-то посмотри. Народ на выбор.

– Миленький мой, – снова прилегла Пума, сверкая актёрски-радостными глазами.

Тут дверь приоткрылась, просунулась Забавина голова:

– Виктор, выйди срочно на минуту.

Тот лишь слабо отмахнулся: «Уйди, не мешай. Видишь, человеку хорошо?».

– Виктор, вопрос жизни и смерти решается.

Невесомая птица счастья вспорхнула, отлетев прочь.

Пришлось идти в темноватый коридор, где сразу был схвачен возбуждённым Забавой под локоток, хорошенько встрясён для приведения в чувство.

– Виктор, вопрос жизни и смерти! – шёпотом заорал Забава, поплотнее прикрывая дверь в кабинет, – дай мне ключ на час от твоей комнаты.

– Идея посетила?

– И ещё какая! Надеюсь, наш горячо и нежно любимый сосед Борцов на работе?

– По видимости, да, на обед он не приходит. Как правило. Только, христом-богом молю, не занимай его тахту! Запомни: моя располагается справа от входа. Как войдёшь – направо. Повтори.

– Как войду – направо. Не беспокойся, всё пребудет в порядке, целости и сохранности.

– Не запомнишь ведь, ибо ходишь налево.

– Вот женишься, тогда посмотрим, куда ты пойдёшь, – предрёк тоном провидца теоретик, быстро уносясь с ключом в сторону лестницы.

Магницкий вернулся на рабочее место, однако вдруг ни с того ни с сего ему сделалось нехорошо. Он резко отшвырнул от себя распечатку, встал из-за стола и снова кинулся к соседней комнате. Заходить не стал, лишь приоткрыл дверь и пересчитал народ.

Большой любитель ильфа-петрова, а также по совместительству завзятый чтец морального кодекса Черкизов посмотрел удивлённо поверх очков, но Виктор ничего не стал ему объяснять, закрыл дверь, достал платочек и промокнул пот на лбу.

В комнате отсутствуют трое: Забава, комсорг Мила и Пума. Комсорга могли вызвать по общественным делам хоть в райком. Значит, нет Забавы и Пумы? Он пробежался по всем комнатам второго этажа, за исключением кабинета директора и замдиректора, помчался в машинный зал, затем к системщикам, и, наконец, в отдел размножения. Лариски не было нигде.

Лишь в АРМ-кабинете разглядел в полумраке перед зелёным фосфоресцирующим экраном по-кошачьи изогнутую спину. Долго смотрел на неё, тихо подошёл и положил ладони на выпуклые оголённые ключицы.

– Ага, вот вы где спрятались.

Пума обернулась.

– Это ты, миленький? Уже соскучился? Садись рядом, программировать будем.

Виктор взял стул, сел, и погрузился в благодатную дрему. Пума глянула в его сторону, усмехнулась.

В комнате кроме них никого, здесь работают по одному, комната так и называлась: автоматизированное рабочее место программиста, сокращённо АРМ. Итак, он нашёл Пуму в АРМе. Это хорошо, просто замечательно. А как забегал вдруг, ни с того ни с сего!

Единственное окно в помещении АРМа наглухо закрыто непроницаемо тёмной тяжёлой шторой, зато кондиционер мерно несёт влажную прохладу в сумрак того небольшого пространства, где они обитают теперь вдвоём. На зелёном экране прыгают команды Фортрана-77: корректировка, трансляция, выполнение и снова корректировка.

Магницкий сидел, слушая умиротворённый стук сердца, что согласно было жить в столь комфортных условиях миллион лет без капремонта.

Длинные тоненькие пальчики Пумы летали по клавиатуре, изредка она взглядывала на экран, исподлобья, с недоверием и интересом одновременно, в то же мгновение на лицо её ложился зеленоватый отсвет экрана. Едва Магницкий успел подумать, что своим загадочным выражением оно похоже на русалочье, как та повернулась к нему, изогнула шею, и вновь пристроилась головой на груди, шепча: «Миленький», а он опять не мог понять: шутит, или всё же имеется в этом доля настоящей нежности?

Лёгкая, весёлая, ироничная Пума. То ли правда ласкается, то ли играет по кошачьей привычке. Не зря же – Пума. Но как чудесно быть с ней!

Он вдохнул запах волос, осторожно приобнял. Вдруг кольнуло: неужели правда замужем? Совсем не похоже.

Дверь распахнулась, Лариса молниеносно убрала голову, Виктор отодвинулся в сторону вместе со стулом, но не так скоро.

Никто не вошёл, дверь с саркастически долгим скрипом вернулась на прежнее место. Они переглянулись, словно старые заговорщики. Пума продолжила отладку программы, а Магницкий встал и нехотя вышел. Приспело его машинное время, хорошо хоть идти недалеко.

В длинном коридоре первого этажа вдоль стены, впритык друг к другу, бесконечной шеренгой стоят столы с мониторами, за которыми работают сотрудники. Его место пока занято.

За счастливым монитором номер семь восседает старший научный сотрудник Фрида Энгельс: молодая женщина с чёрными, блестящими кольцами волос, уложенными в роскошную высокую причёску, возраста слегка за тридцать, незамужняя, в белом, обтягивающем узкую талию и высокий бюст, платье, которое изумительно идёт её смуглым от черноморского загара, открытым плечам.

Фрида смахивает на латиноамериканку, жгучую, цветущую здоровьем креолку, роковую красавицу, перед которой не устоял бы ни один мужчина, если не всегда холодное, властное выражение лица.

Магницкий подошёл, молча встал за ней, прислонившись к стене.

Энгельс тотчас спросила:

– Минутку займу?

– Хоть две, но не более пятнадцати.

Машинное время младшим научным сотрудникам выделялось в час по чайной ложке. Другое дело – АРМ, там народ мог сидеть часами, и на удивление ничего не ломалось и не подвисало, чего нельзя было сказать о больших машинах. Вот сейчас за монитором номер восемь нервничала толстуха в рябеньком летнем сарафане – Баландина Татьяна.

– Что она всё время виснет? – обиженно спросила Татьяна, повернувшись к Виктору. – Жанна, давай быстрее разбирайся, моё время уходит, опять никакой работы не было. Сколько можно издеваться?

Системотехник сидела рядом, с привычно унылым видом собирая статистику ошибок. Раз за разом пускала с соседнего монитора зондирующие команды, стараясь определить причины омертвления баландинского раздела.

– У вас печать висит, – вычислила наконец она, – убрать?

– Печать? У меня? С ума сошли, что ли? Откуда у меня может быть печать?

– Не знаю, – бессильно констатировала системотехник. – Висит и всё.

– Кто запустил в мой раздел свою печать? Убирай к чертям собачьим, время уходит. Вот это да! А я-то думаю, в чём дело? Происки американские, не иначе...

Жанна флегматично уничтожила программу печати, встала, но не ушла, задержалась рядом с Магницким, следя за хаотичными попытками Баландиной наверстать упущенное время.

– Физкультпривет работникам отдела размножения! – скосил взгляд Виктор. – Когда очередное плановое размножение намечается у нас в данном отчётном квартале?

Этой роковой фразой он обожал доводить Жанну, ибо подразделение получило такое неофициальное название в большей степени за то, что молоденькие операторши то и дело уходили в декретные отпуска. И сидели там годами, получая сначала пятьдесят рублей на одного ребёнка, потом семьдесят пять на двух. На их место отдел размножения принимал новых претенденток, которые тоже скоро начинали пухнуть в области талии не по дням, а по часам.

– Привет, – сказала Жанна без всякого выражения, но привычно краснея анемичным лицом, в результате чего постепенно из позитивного оно сделалось негативным.

Так волнуется, будто Виктор втихоря сунул пятерню ей в карман. Просто ходячий упрёк утрешним грехам.

Он отвернулся, всем своим видом демонстрируя безразличие к худым системотехникам.

– Что, у тебя время сейчас? – спросила Жанна, продолжая стоять рядом.

– Да. Время моё, а пользуются им, как всегда, другие.

– Значит, прирождённый сачок, – подытожила Фрида Энгельс, исполняя на клавиатуре быстрый шопеновский этюд.

Сзади в своём белом платье, концертной причёске, с аппетитными локотками у талии – точь-в-точь знаменитая пианистка то ли из Южной Америки, то ли Африки, но тоже южной. Или дочь богатого латифундиста, или проклятого родезийского колониста.

– Если бы. Сказку о потерянном времени читали? Это про меня.

– Сейчас, сейчас уйду, успокойся, – не оборачиваясь отбивалась латифундистка от претензий, переходя на аккорды бравурного заключительного марша.

– Что тебе за это подарить? – съехидничал Виктор. – Может, конфету шоколадную к ланчу? Жанночка, детка, у нас там нигде конфетки случайно не завалилось?

– Нет, – побледнела в обратную сторону Жанна, выдёргивая руки из карманов и хлопая по ним.

Как назло в это время из собственного кабинета вновь явилась суровая Вильгельмина Карловна. Увидев дочь, уже прислонённую к стенке рядом с басурманином Магницким, немедленно окликнула:

– Жанна, ты чего здесь? Пойдём, есть срочное дело.

Жанна поволоклась за маман.

Наконец-то Виктор смог занять освободившийся стул. Рядом Энгельс, в обтягивающем сверху, но широком снизу бальном платье собирала многочисленные бумаги и книжечки в аккуратную стопу, в рабочем блокноте ставила галочки против пунктов, которые она выполнила за сеанс. Наполовину обнажённая тугая, смуглая грудь смотрела на него в упор, и даже, кажется, вызывающе хихикала.

– А всё-таки, Фрида Эдуардовна, не могу не выразить своих чувств – вы безумно жаркая женщина.

Энгельс тотчас распрямилась.

– С чего так решили? – на верхней губке пряталась снисходительная усмешка.

– Интуитивное ощущение зрелого мужчины.

– Смотрите, мужчина, не перезрейте дотла.

– В оставшееся время едва ли это возможно. Шесть минут долга за вами.

Прошу внести в кондуит. А впрочем, напомню обязательно. Вы же знаете, чувство стеснения по вопросу машинного времени мне совершенно неведомо.

– И по другим вопросам тоже.

Энгельс подняла перед собой высоченную стопу книг и распечаток, приготовившись разгоняться по коридору.

– У вас сегодня не свадьба ли намечается? – восхитился Виктор юному виду в профиль. – Вы прямо-таки само совершенство!

– Нет.

– Ну нет, и ладно. Хотя очень жаль.

Фрида невозмутимо проследовала мимо, таща груз неправильно – перед собой. И даже не улыбнулась на прощание. А ведь они могут больше не встретиться. Ни разу за весь оставшийся день. И завтра тоже. Но с меньшей вероятностью. Завтра он непременно отловит красотку здесь, дабы отнять, несмотря на вопли, свои кровные шесть минут.

Чтобы вызвать на лице Фриды прощальную улыбку, Виктор кольнул с боков бесподобной талии указательными пальцами.

Книги начали сыпаться на пол и Татьяну Баландину, которая развернулась и, широко раскрыв рот, наблюдала великолепную сцену, как, пытаясь помочь удержать падающую стопу, Виктор взмахнул руками, но поймал одну только идеальноформу Энгельс.

– Извините прискорбно!

Энгельс снисходительно улыбнулась.

– Извиняю в зачёт шести минут машинного времени. Татьяна, ты свидетельница!

– О, видите, и свидетельница уже есть. Что я говорил? Значит, свадьба не за горами. Поздравляю!

Под конец сдвинутого по времени обеда, уже между свидетельницей Татьяной и Виктором случилось нечто, скорее похожее на несчастье, чем на счастье.

Они повстречались на лестнице и не смогли разминуться. Приземистая Баландина возвращалась из кафе. По дороге зашла на базар, где купила стакан черешни, и теперь, поднимаясь по ступенькам, на ходу кушала ягоду, держа бумажный кулёк у груди, а Магницкий сбегал по лестнице вниз на поиски Пумы. Глаза его горели огнём страстного охотника.

Грудь Баландиной трёхцветная, как ни у какой другой женщины института. То есть сначала вокруг шеи имеется загорелый полукруг, почти чёрный – итог лежания на даче в закрытом купальнике. Ниже под ним расположено кольцо нормального среднего загара, а ещё ниже вообще белым-бело всю тропинку замело, что говорит о том факте, что Таня носит летом одежду с разнообразными вырезами.

На такие мелочи Магницкий не обращает внимания. Другое дело – черешня в кульке.

Заметив черешню, он попытался мимоходом сунуть руку, выхватить ягодку из кулёчка, почему нет? Свои же люди. Однако Татьяна издала такой отчаянный визг, что пришлось немедленно расстаться с добычей.

– Ты чего? Я ж одну только.

Баландина смутилась.

– Я подумала, – тихо призналась она, – ты в вырез полез.

– Вот, товарищ Гигиенишвили, до чего довели коллег своим разболтанным поведением, – отметил ворчливо фарисей Черкизов, который прогуливался в это время по второму этажу возле лестницы, – придётся как-нибудь на досуге снять ремень и высечь вас по филейным местам, на первый раз без соли, но самым рукописным образом.

– Да что вы, товарищ Лоханкин, побойтесь бога. Я же малокровный. Просто черешни ей жалко, вот она и изобразила. Правда, Татьяна? Неужели ты могла подумать своей умной головой, что я так, походя, за между прочим и среди бела дня, могу полезть, пардон, родной сослуживице в лифчик?

– А кто тебя знает? Ты, Магницкий, человек разноплановый, можешь в кулёк, можешь за пазуху. Разбаловался тут на вольных хлебах. Жениться тебе пора.

– Горбатого могила обязательно исправит, – махнул рукой свысока Черкизов.

– Что за шутки? Гражданин судья, призываю вас к порядку. Вы о ком столь грубо выражаетесь?

– О тебе, о тебе, сын прекрасной вдовы с заплаканными глазами. Ещё немного пошалишь, и жениться будет совершенно незачем.

– Ага, сегодня у всех для Магницкого одно наказание: женить на пятьдесят лет без права переписки. Тираны вы! Диктаторы грубого семейного беспредела! О золотой свадьбе моей мечтаете! И не стыдно?

3.

Теоретик Забава вернулся только под конец рабочего дня: бледный, лохматый, с горчичными глазами, в общем, как новый целковый, выпущенный по случаю очередной годовщины Октября.

– Слушай, ты сейчас в обморок упадёшь от счастья, – обнял он Магницкого сходу, вручая ключ. – Держи себя в руках. С утра умывался? Беляши лопал – губы вытер? Семечки не щёлкал? Не люблю, когда меня целуют после семечек. Терпеть не могу! Пойдём, взбрызнем тебя на всякий случай духами Зои Степановны, такие приятные и стоят недорого.

– Что такое?

– Свершилось-таки!

– Квартальная премия сто пятьдесят процентов?

- Бери выше!
- Я – лучший молодой учёный города?
- Вот всякую ерунду собирает, бестолочь!
- Почему ерунду? Я в конкурсе участвую.
- Да разве в конкурсе есть счастье?
- Ну, если по большому счёту, то нет, конечно. Хотя... если подумать...
- Ой, ну глупости говоришь! А это – счастье!
- Что – это?

– Горисполком выделил нашему институту трёхкомнатную квартиру, и профком собирается дать её Швамбранскому! Понял, что победа?

- Какая победа?
- Нет, ты понял? Или совсем дурак?

Магницкий пристально глядел на Забаву. Тот светился лицом и даже трепетал от нетерпения, как в момент требования ключей от свободной комнаты, где есть койка.

– Допустим, дурак. Говори.

– Нет, не могу больше, немедленно иду в комиссию молодых учёных требовать, чтобы твою работу изъяли из конкурса. Скажу, сам признался – дурак! Ладно, даю подсказку: у Швамбранского двухкомнатная квартира, кому она достанется?

– Не мне же!

– Это само собой. По главной очереди первым на двухкомнатную стоит Кохман. И он её получит, а живёт Кохман пока в однокомнатной! Значит, слушай внимательно, объясняю для полностью беспросветных идиотов: профком будет распределять однокомнатную Кохмана, которая находится в самом центре, сталинка! Кто первый в очереди на однокомнатные стоит?

– Я вроде бы...

– Ну вот, поздравляю! Наконец-то! Шикарная однокомнатная квартира в тихом зелёном дворе, в центре, мечта поэта! Вот к кому девушки будут ходить толпами! Ах, дружище, я тебе жёлчно завидую! Ибо живу в двухкомнатной, но с женой и ребёнком, а ты, существо парнокопытное, будешь обитать в однокомнатной, зато один. Кого хочешь, того и приводишь. Никакого Борцова спрашивать не надо.

– Насколько помню содержание сегодняшнего рабочего дня, это ты кого хочешь, того ко мне и водишь.

– Т-ссс! Тихо, дружище. Надеюсь, в будущем не забудешь своего верного товарища, который первым принёс счастливую весть, чуть не пав при этом за смертью.

– Так сильно переутомился?

Что и говорить, новость Забава сообщил замечательную, однако её достоверность требовала подтверждения из более легальных, а главное, высокопоставленных источников.

Поэтому Магницкий протолкнулся следом за Забавой в комнату к Черкизову, но сначала не удержался, подошёл к Пуме, карандаш которой летал над строчками программной распечатки, и, ткнув пальцем куда попало, шепнул: «Здесь ошибка».

– С чего ты взял?

Но Виктор уже сидел напротив начальника чужого сектора, зато партнёра по настольному бильярду, сверля его острым взглядом, а тот ещё минут пять, никак не реагируя на гипноз, злобно скрёб позолоченным пером

именной авторучки ни в чём не повинный лист бумаги. Писал квартальный отчёт по соцсоревнованию в отделе. А подняв голову, гнусно выразился:

– Что, любимец Рабиндраната Тагора по фамилии Марусидзе, в ваших глазах опять стоит немой вопрос о бесплатной раздаче слонов?

– Квартир, – поправил шёпотом Магницкий, – и только однокомнатных. Мне всего одну, больше не надо. Светит ли, о великий пророк и прорицатель, близкий к профкому, мне что-нибудь конкретное в виде «сталинки» товарища Кохмана? Кстати, смею напомнить, покорный слуга участвует в городском конкурсе молодых учёных. Даже вышел в финал.

– По благу пропихнули. Лучше бы замуж вышел и состоял в законном браке, – ухмыльнулся Черкизов, – или хотя бы в гражданском заимел ребёнка, а лучше двух, тогда и разговора бы не было. А так... – оценивающий взгляд прошёлся по груди Магницкого, и тот её быстро выпятил, – так... холостой... молодой... мэнээс, без диссертации. К тому же нагло хватает за коленки системотехников из отдела размножения. И при всём при том никак не желает размножаться. Позор!

– Я за коленки? Да ни в жизнь! Случайно... задел... бедро. А размножаться желаю. Но где? В общежитии несподручно.

– За бедро, говорите? Ещё хуже. И порвал при этом халат. А начальник отдела размножения, уважаемая Вильгельмина Карловна, которая и так о вас дурного мнения ввиду того, что вы набрасываетесь на её сотрудниц среди бела дня и рвёте на них одежду, между прочим, является членом профкома, да как на грех возглавляет жилищно-бытовой сектор. Заседание профкома по квартирам состоится в среду, вот если бы вы до среды успели жениться... или хотя бы зарегистрировать отношения...

– На ком?

– На каком-нибудь системотехнике. Ладно, шучу, – сделал скучное лицо, – будем за тебя биться всем, чем можем. Кстати, ты комсомолец или уже преждевременно абортировался из боевых сплочённых рядов?

– Абортировался. Но если заплатить взносы за три месяца, то комсомолец.

– Вот, плати немедленно комсоргу взносы за три прошедших месяца и за три месяца вперёд, будем величать тебя молодым учёным, комсомольцем, активно платящим взносы, всё плюс какой. Не вешайте нос, Шура. Как говорят хирурги, намывая руки: «За данного товарища можно бороться!». Шансы есть.

Вечером его обругал сожитель Борцов, по каким-то лишь ему ведомым приметам всегда легко вычислявший, что комнате посещали неизвестные лица с низкими целями.

– Ты меня достал, – объявил Гена, безжизненно валяясь на покрывале, – ну сколько можно пускать сюда всяких разных-заразных?

– Ген, Забава человек здоровый, кровь с молоком...

– Если смешать кровь с молоком и выпить данный раствор, то к тринадцатому метру длиной кишки из него получится трупный яд, – с псевдонаучным цинизмом констатировал сосед, – попрошу более парочек в комнату ни под каким видом не пускать. Ни больных, ни здоровых, ни дальних родственников, ни близких друзей. А то просто дом терпимости какой-то. Причём терпеть приходится исключительно моей несчастной тахте.

– Всё, Ген, я тебя уверяю, скоро твои треволнения окончатся. Мне дают квартиру.

Борцов только хмыкнул.

– Не веришь? Правда. Швамбранскому – трёхкомнатную, его двухкомнатную – Кохману, а на однокомнатные – я первый на очереди, так что буду жить в сталинке Кохмана.

– Поздравляю! И представляю, какой бордель твои друзья устроят по такому поводу в однокомнатной сталинке! Генералиссимус три раза перевернётся под Красной площадью, вся брусчатка к чёрту!

– Зато ты останешься один, в тишине и покое, представь, какое истовое блаженство чистоты и целомудрия развернётся на данных десяти квадратных метрах!

– Нет, едва ли что выйдет, ты жизни семейной ещё не нюхал, – продолжал сомневаться Борцов, – а я разведён, потому знаю. У меня вообще была двухкомнатная квартира, жене оставил. Дурак. А впрочем, если дадут, ты молчи, никому ничего не рассказывай, направо-налево не ори. Понял? Будешь много болтать – спугнёшь удачу. В таком деле главное держать язык за зубами, чтобы комендант не узнала, что ты съехал.

– Подари ей коробку конфет, заплати пятьдесят рублей, и будешь жить один.

– Чтобы я взятки давал? – удивился Борцов. – Какой-то дуре? Да ни в жизнь! Пусть меня лучше акула проглотит!

Какая акула? Где её взять сейчас? Ох, и любит сосед Гена бросаться красными словесами на ветер.

4.

Чёрт вбросил Черкизова в армовскую комнатку внезапно, не иначе тащил уже на тот свет за шиворот, но напоследок дал задание ещё людям напакостить, и заодно побороться за моральный облик одной из своих молодых специалисток.

Магницкий с Ларисой как раз стояли возле любимого автоматизированного рабочего стола, обнявшись в зашторенной тенистой тишине и благодати – то ли одну минутку, то ли все двадцать в полном беспамятстве.

Согнув гибкую шею и сверкая тёмным зрачком, Пума примостилась родной щёчкой на белой рубашке с расстёгнутым воротником, без галстука. Его руки обнимали тонкую трепетную талию, благодаря которой остальное тело казалось невесомей воздуха, ускользало от понимания, так бы поднял и нёс, и нёс, чтоб прочувствовать по-настоящему, какая она есть на самом деле.

Реакция на появление третьих лиц произошла самая что ни на есть глупая: он таки поднял её за талию, как хотелось, поднял и отбросил в сторону, да так лихо, что та фигуристкой улетела аж к дисководу.

От возмущения Пума чуть не взорвалась, глаза полыхнули, но, увидев непосредственное начальство, мигом заняла рабочее место. Перед тем покачав осуждающе головой. Ещё бы. Черкизов тоже покачал головой.

Сконфуженный Магницкий остался стоять живым памятником идиоту.

– А, вот ты где, – как ни в чём не бывало сказал завсектором, – пойдём-ка, выйдем на пару минут. У меня к тебе дело громадной государственной важности имеется – по благоустройству городского кладбища.

Пума сидела на автоматизированном месте неприступная, ещё немного взволнованная, и, сжав губы, резво колотила по клавиатуре, как по глупой башке Магницкого.

Было ясно, что Черкизов шутит, но лучше пока куда-нибудь удалиться на время, и Магницкий направился в коридор.

– Излагайте ваши претензии, – первым кинулся он в атаку, полагая, что Черкизов затребовал его в воспитательных целях.

Однако тот и не думал взывать к соблюдению моральных устоев в служебное время, а даже подмигнул, и молча продолжил движение через чёрный ход на улицу. Округлое лицо начинающего начальника светилось вселенской добротой и пониманием текущего момента.

– Тут такое дело, – начал он, – намечается... Короче говоря, как мне и предчувствовалось, твоя первая очередь на однокомнатную ни в коей мере не гарантирует её получения...

– В смысле? Как это так?

– Э, батенька мой, не забывайте: социалистическое государство живёт единственно заботой о людях нуждающихся, защищая всеми силами униженных и оскорблённых. А ты не унижен и не оскорблён. Это раз. Здоровый, молодой, крепкий мужик. Вона как девушку турнул от себя, чуть дисковод не перевернула. Кроме того, неженатый. Это два. Детей на иждивении не имеешь. Три. Стало быть с точки зрения социальной политики профкома очень уязвим. Ячейку общества не создал, комсомольских взносов не платишь, живёшь в своё удовольствие, как сыр в масле катаешься, ну вот и живи себе дальше в общежитии. Запросто найдутся люди более нуждающиеся.

– Но я же молодой специалист, работаю, в заочной аспирантуре учусь, по командировкам без отдыха мотаюсь, у меня тринадцать статей. И взносы заплатил! Значит, комсомолец! Передовик!

– Умри, несчастная. Статей двенадцать. Все работают и все учатся, и у всех статьи. А комсомольцев в Советском Союзе как собак нерезанных, на всех квартир всё равно не хватает.

– Как это двенадцать? Я шефу давным-давно тринадцатую сдал в читку.

– Знаю. А он похвалился Киселю. А тому для докторской как раз последней капли не хватало. Так что двенадцать у тебя статей по-прежнему, это число в некотором смысле даже лучше, а то чёртова дюжина получается.

– Да я не суеверный. Ни хрена себе, а шеф что?

– Шеф согласен. Это же решение директора – проталкивать всеми имеющимися силами Киселя наверх, и не нам его отменять. Есть виза руководства. Короче, молодой человек, вы что-то слишком благополучно выглядите, чтобы получить эту самую однокомнатную. Появится какой-нибудь мало-мальский инвалид умственного труда без левого полушария, и квартиру отдадут ему. Это пока не точное научное знание, но есть у меня такое неприятное предчувствие.

– Что же мне, под грузовик бросаться, чтобы угодить социальной политике нашего профкома?

– Первым делом, не возникай насчёт статьи. Шеф пишет тебе блестящую характеристику и уже указал в ней, что ты активный комсомолец и хороший товарищ. Это раз.

– А два?

– Два – помирись с Вильгельминой, которая в профкоме имеет решающий голос при распределении квартир. Нашёл против кого воевать, идиот. Сейчас самый удобный момент...

– Лучше на телеграфном столбе удавиться.

– Нет, лучше помочь выкопать могилу. Что глаза таращим? Имейте в виду, Витя, даром я вас питать не намерен. Пора собирать информацию и крутиться самому. У неё вчера умер папа. Сегодня формируем от коллектива бригаду на кладбище рыть могилу. Есть мнение, что это твой единственный реальный шанс помириться с Вильгельминой на кладбище у могилы незабвенного папы Карла. Она приедет туда сегодня вечером лично вручать призы победителям соцсоревнования среди копщиков в виде водки русской. Твоё дело – глубоко копать, мало пить и кроме «пусть земля ему будет пухом» ничего больше не говорить. Полстакана жажнешь, слеза покатится, не утирай, молчи-помалкивай, стой тихо, грустно, тем заслужишь доверие, и заодно из врага Вильгельмины перекуёшься в друга. Тогда сталинка твоя. Станешь у нас почётным сталинистом. Иди собирайся, узик с инвентарём перед институтом кочегарится, назад не вернёмся, с кладбища сразу по домам развезут.

На кладбище летом очень хорошо: поистине жарко, среди в рост высокой, дурманящей голову запахом мёда травы жужжат прерывистым басом мохнатые шмели.

Зачинатель всех великих институтских строек электронщик Котомкин неспешно поплевал на ладони, взял штыковую лопату. Начали копать попарно. Шесть человек институтской похоронной бригады разбились на три двойки, и каждые десять минут сменяли друг друга, резво уходя в твердокаменную глину.

– Вильгельмина просила вырыть глубину четыре метра, – объяснял Котомкин, с которым они работали в паре и вместе отдыхали в сторонке. – Наверное, папаша чем-нибудь при жизни досадил, решила как следует его прикопать. Хоть бы какая тучка солнце закрыла, что ли! Жарит, аж жуть! Как полагаешь, Вильгельмина нам по сколько-нибудь заплатит?

– Размечтался. Сочтёт общественным профсоюзным долгом и святой человеческой обязанностью. За деньги она бы кладбищенских наняла.

– Вот и мне так кажется. Но кладбищенские на четыре метра копать не будут, дураков нет, в лучшем случае два с полтиной – и хватит. Куда к чёрту? На четыре скот захоранивают с сибирской язвой и заразу всякую, но там экскаватором роют.

– Три на полтора площадь, да ещё четыре в глубину, это восемнадцать кубов глины, по три на брата придётся. Ухряпаемся серьёзно.

– Хватит ей трёхметровой глубины. А то домовина выйдет больше моего флигеля. Так я в нём со всей семьёй мыкаюсь, а дед один лежать будет.

К вечеру, когда солнце ещё сильнее распалилось от собственной безнаказанности, подъехала Вильгельмина на директорской «Волге», выйдя из которой, требовательно оглядела сотрудников-землекопов, молча подошла к могиле. Глава отдела размножения была по обыкновению в чёрном костюме, который ныне сходил за траурный. Выражение лица привычно грозное.

Держась скромненько в сторонке, Магницкий опять нагло, в присутствии мамы-Вильгельмины, представил жаркую сценку с Жанной в расстёгнутом халате-балахоне, себя в траурном костюме, обвитого её длиннющей, тоненькой, голой ножкой, но, увы, жароповышения в висках не ощутил. Даже против одетой Пумы оголённая Жанна бессильно никла трепетной ланью, схваченной за горлышко.

Ночная смена отменяется! Конечно, рабочий день не нормирован, но не до такой же степени отдаваться работе! И так устаёшь, как собака, а тут ещё накопался вдосталь. Эх, и душ, как назло, в общежитии не работает! Может, хоть Вильгельмина простит, не станет возражать, чтобы Магницкий получил долгожданную однокомнатную квартиру, вот когда наступит истинно невиданное и слыхом неслыханное счастье жизни!

– Мне кажется, здесь нет четырёх метров, – сказала начальница, стоя на доске и заглянув за край.

Даже в несусветную жару могила дышала сырым холодом вечности.

– Осторожней, Вильгельмина Карловна, не упадите, а то без лестницы мы вас не доставим, а лестницы у нас нет. Четыре метра ровно, как заказали, там уже сырость началась. В воду нехорошо гроб ставить.

– Как же вы оттуда вылезли без лестницы?

– На лопате, – кратко и с достоинством ответил Котомкин.

Скорбящая дочь отступила от края, передала копщикам сумку с водкой да закуской и быстро уехала.

Наклонившись к Магницкому, Котомкин продолжил мысль:

– Не на метле же. – Однако, вытащив из сумки четыре бутылки водки, палку страшно дефицитной копчёной колбасы и чёрный хлеб, добавил: – Серьёзная бабенция, понимает, что к чему, не зря член профкома. Ну что, товарищи учёные, нажрёмся прямо на кладбище?

Выпили, не чокаясь, за землю пухом для покойного, потом чокнулись за новую квартиру Магницкого во всех подробностях: за тихий подъезд, красивую соседку, нормальную сантехнику, исправную электроплиту и так далее. Обмыли на славу. Котомкин даже прослезился под конец. Ему из-за частного дома квартира в принципе не светила. Конечно, можно частный домик продать, отнести в профком справку, что своего жилья в городе не имеешь, тогда поставят на очередь, но как потом с семьёй по квартирам мыкаться лет десять?

5.

Два куба твердокаменной кладбищенской глины подействовали на молодой организм угнетающе, с учётом крепко-накрепко заколоченного душа вообще расстрельно. Не идти же в баню, чтобы париться там в очереди часа два-три. Магницкий выбрал самый лёгкий путь отдыха – завалился в койку.

Борцов по неизвестной причине отсутствовал. Оказавшись вне его назиданий, Виктор расслабился, готовясь отойти ко сну минуток на двести, а если повезёт, то и до самого утра. В коридоре на удивление тихо: слышно, как комочки подсохшей могильной глины осыпаются с волос на подушку.

Странная история получается: дедушка уйдёт под эту самую земельку только завтра, а он уже сегодня заснёт на ней, как убитый. Не зря говорят: всякому овощу свой срок.

В комнату постучали. Виктор решил отмолчаться, не помогло: дверь тихо отворилась, как-то вполоборота вошла невысокая женщина с кротким выражением простого лица. Густые русые волосы расчёсаны на прямой пробор, глаза серые, неприметные.

– Свекольник сварился. Будешь?

Нина. Бог ты мой, совершенно забыл, что она существует на свете. Да, да, да, упустил из вида тотчас, стоило Пуме положить голову ему на грудь. Вдохнул эфир счастья, и всё связанное с давней подружкой мгновенно испарилось. А ведь никуда она не делась, вот, пожалуйста, существует, думает о нём, заботится, приготовила ужин, пришла звать.

– Нет, спать хочу.

– Салат есть и тефтели.

– Тефтели с пюре?

– С гречкой.

– Нет, сейчас спать буду. Потом как-нибудь. Спасибо.

Не то чтобы не хотелось гречки с тефтелями, но первым делом надо срочно обдумать сложившиеся обстоятельства, рассмотреть их в подробностях со всех сторон.

Вопрос первый: что ему теперь с ней делать? Нина по умолчанию считает себя его женой, нерегистрированной, но всё равно – женой. Раньше Магницкий об этом старался не думать, жить да жить, как получается, теперь никуда не деться, надо принимать факт во внимание, учитывать, и как-то выпутываться из ситуации.

А Пума?

Или Нина не жена, а пока любовница? Существует ли вообще любовница без жены? Может быть, она просто подруга... детства? Гражданский муж ощутил острый укол совести за упавшее невесть откуда на голову счастье, отвёл глаза в сторонку. Гражданская жена. Дурацкое название: если брак не зарегистрирован официально, называется гражданским, если в загсе печать шлёпнули, то какой – церковный, что ли? Один чёрт, гражданский. Просто не знают, как поприличней сожителство назвать, вот и выдумывают... хитрецы. Да они-то, конечно, хитрецы, а ты сам кто?

А он, Виктор, себя мужем не считал и не считает. И жениться на Нине никогда не собирался! И не обещал на этот счёт ничего, а Нина не спросила ни разу. Но как сказать прямо в лицо, что теперь ни её рассыпчатая гречка не нужна ему, ни вкусные тефтели, ни, в особенности, она сама здесь? Попытался собраться с духом – не получилось. Раз сказать правду он не в состоянии, значит, придётся её обманывать? Противно. А если объясниться с ней сейчас, это вызовет ужасающую, продолжительную по времени, весьма возможно – многодневную бурю со слезами, приставаниями, выяснениями отношений по пять часов кряду, непременными воплями и проклятиями на его голову, а бури ой как не хочется. Он устал. Он хочет счастья. Он почти счастлив, в то время как Пума замужем, и он тоже, почитай, женат.

Да, если выразить своё нынешнее отношение к Нине немедленно, поднимется такой шторм, что от счастья решительно ничего не останется. Можно, он ещё немного полежит, пребывая в ничем не омрачённом, чудесном влюблённом состоянии, а скажет как-нибудь в другой раз? Завтра вечером, перед сном, когда в комнате будет Гена Борцов. При Гене Нина не взорвётся, а к утру, глядишь, перегорит, переплачет... и сама пошлёт его к чёрту навсегда?

А вдруг завтра Пума не захочет класть голову ему на грудь? Скажет утром, как отрежет: «Пошёл вон, надоел!». В принципе, ей это запросто. И положит Забаве, или тому же Черкизову? Нет-нет, такого быть не может! Он грустно улыбнулся.

Она ему вообще никто, даже не гражданская супруга, так, любимая. Зато Виктор чувствует, знает, уверен на все сто, что Пума любит его настолько же сильно, как он её, в этом нет ни малейших сомнений, и от того он безмерно счастлив, боже, как хорошо жить!

Нина не уходила. Взяла стул, села у изголовья с кротким выражением женского понимания, будто Магницкий очень болен и ему нужна круглосуточная сиделка.

– Опять посылали на отработку?

– Да, могилу рыл ближнему своему.

– Поел бы, а потом отдыхал.

– Сначала отдохну, потом поем.

Магницкий смежил веки, давая понять, что аудиенция окончена.

– Ну, ладно, – вздохнула Нина печально, и посмотрела долгим взглядом в пыльное окно, которое сама мыла ещё прошлой осенью.

Неизвестно какая муха её укусила, пришла и помыла. Не выдержав внутренней борьбы, Магницкий поделился новостью:

– Представляешь, обещают на днях квартиру дать однокомнатную, сталинку в центре.

Нина не верила, сидела, ждала ещё какого-нибудь вранья, но Виктор устало замолчал, и через минуту её глаза округлились от восторга:

– Правда? Тебе квартиру дают однокомнатную? Вот здорово! Да врешь! Нет? Хорошо бы, в квартире ванна есть, всегда можно согреть воды и помыться, не то что здесь.

– Всё можно. И помыться, и просто одному побыть, и друзей пригласить, и вообще, – Магницкий глянул на Нину, но поспешил продолжить, – я первым на очереди молодых специалистов уже сто лет числился. Думал, годам к тридцати, когда защищусь, кинут кость, а тут такая внезапная удача выпала – на расширение люди пошли в трёхкомнатную, другие в двухкомнатную, и в результате длинной рокировки мне однокомнатная перепала с кохмановского плеча.

– По этому поводу пили?

– Нет, это на кладбище, одной начальнице отдела могилку копали.

– Сколько ей лет было?

– Папенька ейный преставился. Глина твёрдая, как камень, надолбились до чёртиков, рук не чувствую, веришь? Смотри, какие мозоли вздулись!

– Стопроцентно получишь?

– Практически да. Профсоюз утвердит решение на правлении, и можно будет ордер получать да вещички перетаскивать.

– Я так рада за тебя, ты просто не представляешь!

– Хо! А я-то как рад. Если не могила, сейчас бы летал по воздуху, но сильно устал. Надеюсь, что не зря долбился: Карловна в профкоме распределением квартир ведаёт, и чего-то на меня бочку катит, так я отработывал, дабы расположить в свою сторону. Хотя и так бы поехал на раскопки, чего не выкопать для хорошего человека могилу?

– А чем ты ей не угодил?

– Чёрт её знает. Она женщина с приветом, к тому же начальница орденоносная.

– Меня на новоселье пригласишь?

– Без проблем. Свои же люди.

Нина опять скучно посмотрела в окно, её энтузиазм угас. Но не надолго:

– Адрес знаешь?

– Конечно.

– Пойдём, посмотрим.

– Да ты что? Один ни рукой ни ногой, а она – «пойдём». Не, намахался так, что ой-ёй-ёй. Потом как-нибудь. Чуть не сдох в той вильгельминовой могиле, до сих пор земля сыпется с головы на подушку. В другой раз сходим, посмотрим.

– Да, в отдельной квартире жить будет здорово. Я себе представляю.

– Откуда? Можно подумать, ты жила когда-нибудь в отдельной квартире!

– Ну я поэтому и говорю: можно себе представить!

– Разве что представить. Я и представить пока не могу. Невообразимое великолепие какое-то. Пришёл домой, закрыл за собой дверь, и... никого!

– Первым делом сантехнику заменить. Новый унитаз достать, импортную мойку и кухонный гарнитур. Польские очень хорошие. Кстати, у меня знакомая работает в мебельном магазине, может помочь достать. Косметический ремонт произвести, подновить, обои на свой вкус наклеить, чтобы квартира блестела, как конфетка. Я даже не завидую, такому счастью грех завидовать. Но, если честно, Виктор, не смогла бы, как ты сейчас, валяться на койке, со смертного одра встала и пошла смотреть, хоть на окна, и какой из себя подъезд.

– Вот в другой раз выкопаешь кому-нибудь могилу, вниз три метра сплошной глины, и попробуешь сходить, а я на тебя посмотрю, на умную.

– Балкон есть?

– Раз четвёртый этаж – конечно, есть.

– На балконе можно цветы развести, чтобы цвели круглое лето с июня по сентябрь, а ещё вырастить плющ по стенке.

– Здорово, – сказал Магницкий, сцепляя руки на груди, – видел я такие балкончики. Красота! Только мороки с ними много, каждый день поливать, землю менять, вредителей травить, рыхлить, окучивать... нет, не для меня.

– Зато красиво! Я бы в своей квартире обязательно устроила зелёный балкончик. Представляешь, утром выходишь подышать свежим воздухом – и попадаешь в цветущий, благоухающий сад!

– Ага, сад, метр на полтора. Ладно, ладно, не расстраивайся, дам тебе ответственное поручение поливать мой балкончик.

Удовлетворившись этим обещанием, Нина встала и легко покинула комнату, оставив Магницкого лежать бессильно распостёртым. Беспомощным он оставался ровно две минуты, пока шаги не стихли в конце коридора, после

чего вскочил, кинул решительный взор в зеркало и побежал смотреть будущую квартиру.

Не то чтобы жалко показать дом Нине, вовсе даже нет, но как-нибудь потом. Сейчас надо посмотреть самому. Это было новое, почти интимное чувство, каким он не мог делиться с другим человеком, даже с женщиной, даже с Ниной. Эх, жалко, Пуме нельзя показать. А потом бы, глядишь, ей понравилось, и осталась бы с ним в той сталинке жить-поживать. Да погоди, ещё и останется.

На трамвае доехал до улицы маршала Жукова, пошёл, глядя на номера, пока не уткнулся в свой, уже почти и родной домище. Обежал со всех сторон. Двор оказался тихий, тенистый от старых клёнов, с бабушками на лавочках. Хорошо, если бы окна выходили во двор. Неужели будем здесь жить?

Магницкий задрал голову, разглядывая верхний четвёртый этаж, прозрачные чистые стёкла окон, нарядные балкончики с цветами, точь-в-точь как мечтала Нина, и тут его хлопнули по плечу.

Рядом стоял и улыбался Кохман.

– Интересуешься? Идём, квартиру посмотришь, ничего квартирка, для моего семейства маловата, а тебе в самый раз будет. У нас уже вещи упакованы для переезда, на узлах третий день сидим. В двухкомнатной сразу пианино куплю дочке, давно обещал, здесь совсем негде ставить. Повеселим новых соседей! – он хихикнул. – Нет, потолки у тебя будут высокие, объём большой, а площадь не очень.

Потолки действительно оказались замечательные, вдобавок с лепниной в виде розеток.

– Красота?

– С общагой никакого сравнения.

– Поможешь вещи перевезти?

– Конечно. Я же самое заинтересованное лицо.

– Там у меня пятый этаж, зато лифт. А пианино по лестнице придётся тащить.

– Затащим без проблем.

Воодушевлённый блестящими перспективами жизненного устройства, Магницкий вернулся в общежитие, где завалился спать и проспал подряд целых восемь часов счастливым человеком.

Ему снились бесконечные анфлады комнат сказочного дворца, наполненные светом и ароматом яблоневого сада, а он шагал, шагал по ним, пока не очутился на маленьком уютном балкончике, обильно украшенном разноцветными фиалками, на котором, прыгая от нетерпения, ждала его длинноногая Пума. И никакой брат по разуму Черкизов не испортил им наслаждения от безумно жарких объятий.

6.

Утром Виктор даже на серьёзного от рождения Гену Борцова не мог смотреть без радостной улыбки.

– Что, неудачно побрился? – заподозрил тот неладное, ладонью проверяя гладкость щёк.

– Нормально. Я про своё думаю.

– Про квартиру? Ясененько. Тебе есть о чём приятном размышлять, удачливый ты наш, когда переезжать намереваешься?

– Вот профком вынесет окончательный вердикт, и поедет. Кохман сидит на чемоданах. Погоди ещё маленько, чувствую, недолго осталось нам с тобой ждать, надеяться и верить.

– Шкаф трёхстворчатый недавно видел в мебельной комиссионке, добротный, из натурального дерева. Стоял, смотрел, а чего смотреть? Предчувствие, что ли, сработало? Теперь думаю на место твоей кровати оставить. Пора заводить приличную мебель.

– Разумеется. Здесь ещё и кресло влезет.

– Неплохая идея. Куплю самое мягкое, сяду, закурю трубку и буду по вечерам слушать Моцарта. Ни одну сволочь не пущу в комнату... Я имею в виду – женского пола. Вот где покайфую!

– Что ты на них ополчился?

– Они мне всю жизнь испортили. Столько крови выпили!

– Э... скажешь тоже.

– Ты ещё зелёный, не понимаешь ни черта, вот погоди, будет тебе столько, сколько мне сейчас, отдашь квартиру бывшей супругнице, вернёшься в наш клоповник, и тогда я на тебя посмотрю! Ох посмотрю! Небось по-другому запоёшь!

– Да брось расстраиваться, смотри на мир веселей!

У проходной Магницкому встретились сразу три женщины в трауре.

«Плохое начало обещает хороший конец, – объяснил себе, – а конец, известно, делу венец! Тем сердце и успокоится. Всё в порядке, можно даже сказать, что повезло. Есть шанс набрать дополнительные очки в борьбе за отдельную благоустроенную жилплощадь».

Скромно приблизился к Вильгельмине Карловне, тупя взор об её туфли сорок третьего размера.

– Позвольте выразить вам глубочайшее соболезнование!

Рядом с мамой стояла Жанна в затрапезном жёлто-сером, мятом-премятом белогвардейском халате, с аккуратно пришитым карманом, в стоптанных туфлях и с чёрной ленточкой в волосах. После ночной смены, что ли? За руку держала дочку, которую в садик не отвели, а взяли с собой на похороны.

При виде Магницкого Жанна отвела лицо в сторону.

Наступила минута молчания.

Женщины ждали продолжения траурной речи, Виктор не знал, что говорить ещё, и тихонько перескочил взглядом с большеразмерной туфли на ногу Жанны.

Что это он там нафантазировал прошлый раз насчёт этой ноги? Боже мой, стыдоба! – И не совестно вам, товарищ Магницкий, в рабочее время заниматься форменным безобразием? – Стыдно, товарищи. Больше не буду.

– Спасибо, – сказала Жанна, – мы вам благодарны за участие.

И Вильгельмина тоже дрогнула на пару миллиметров носом.

«Наверно, я прощён, – возликовал мэнээс. – Больше басурманином не буду, отныне и навсегда зарекаюсь лазить в карманы системотехников за “раковыми шейками”!»

– Какой прелестный ребёнок, – от души порадовался он. – Жанночка, я вам по-хорошему завидую.

– У вас ведь нет детей? – подала голос Вильгельмина Карловна.

– Пока холост и бездетен, – кратко резюмировал Магницкий, – но сейчас вдруг подумал, что хотел бы быть папочкой такой миленькой девочки... в смысле потом как-нибудь, в будущем.

Очередные алые паруса пронесли по лицу Жанны.

– А вам сколько лет, товарищ...

– Магницкий.

– Товарищ Магницкий?

– Двадцать семь стукнуло. – И по привычке брякнул: «Из комсомольского возраста... пока не вышел, взносы плачу регулярно, и в общественной жизни активно участвую... например, в городском конкурсе молодых учёных».

– Жениться пора, молодой человек, семью создавать.

– Да кто же против, Вильгельмина Карловна? Я бы с преогромным удовольствием женился, но в том-то и дело... жилплощадь не позволяет. В общежитии имею койку да тумбочку.

– Ну-ну, не прибедняйтесь, Магницкий, не прибедняйтесь! Я этого не люблю! Даже полное отсутствие жилплощади никому ещё не мешало вступить в законный брак. Вот для жизни семейной – да, там жилплощадь необходима, с этим трудно не согласиться. А для одинокого мужчины отсутствие квартиры не проблема, ничего страшного, найдёте себе вторую половину с жилплощадью, семьёй обзаведётесь, детьми, какие ваши годы! Комсомольские!

Появился директорский шофёр.

– Вильгельмина Карловна, автобус готов, можно ехать.

«Что-то я не понял, – призадумался мэнээс, – набрал сейчас очки, или случился перебор?»

Утро для Виктора всегда самая продуктивная часть рабочего дня. С 8 до 12 работа спорилась, а потом сразу и очень сильно хотелось кушать. А потом спать. От последнего спасла бы только в пух-прах проигранная биллиардная партия, с ней приходила обычно рабочая злость, на которой можно проехать худо-бедно часов до пяти.

Но в этот день сразу не заладилось.

Уже в пять минут десятого так сильно захотелось увидеть Ларису, а главное – ощутить её голову на собственной груди, вдохнуть аромат гладко стянутых в хвостик волос, что Виктор вскочил со стула и начал ходить по комнате из угла в угол.

– Что ты, будто белый медведь в клетке, мотаешься? – потерпев немного, сочла нужным выразить неудовольствие Зоя Степановна. – Успокойся, не маячь перед глазами.

– Мне на ходу лучше думается, – соврал Магницкий, – а впрочем, не буду мешать, пойду по коридору пробежусь.

В коридоре достаточно сделать три небольших шага, и пожалуйста, вы уже в соседней комнате.

Главного блюстителя морали в это время нет на месте, он на производственном совещании, это плюс.

Чертя в воздухе ладонями плавные круги и эллипсы, на переднем плане Забава объяснял Ларисе своё понимание алгоритма некоего природного

процесса, который она должна ему срочно запрограммировать, тряс мятым листочком с какими-то формулками, сам сильно в них путался и убежал взглядом за окно.

Пума «ловила его на слове» – старательно записывала соображения теоретика в тетрадку, соорудив из пухлых пунцовых губ привлекательный бантик, всем своим видом демонстрируя полную лояльность.

– Ясно? – спросил Забава, как только увидел входящего Магницкого. – Тогда за дело, с богом! Надеюсь, сегодня вечером покажете мне какой-нибудь отлаженный первый модуль. А завтра уже что-нибудь конкретное посчитаем...

– Не вполне... – протянула Пума.

– Вот завтра и обсудим, а пока делайте, как поняли, чтобы я понял, чего вы не поняли, – встал, протягивая руку Магницкому. – Ты не сгорел ещё от жары сегодня? А я спёкся. Пойдём, лимонада хватим по стаканчику в цехе?

– Иди, я ещё потерплю.

– Ну, смотри.

Бросив мятый листочек в мусорку, Забава кинулся охлаждать горящие поршни.

Сердцеедка Лариса заглянула прямо в душу Магницкого и на всю комнату объявила:

– Пойдём, миленький, поможешь мне программировать забавные фантазии.

Девчонки зафыркали.

Не обращая на них внимания, Виктор широким жестом предложил Пуме руку, та возложила свою ладонь на его, и они пошли, пошли, пошли, вытянувшись в струнку, как к аналою. Сначала вниз по лестнице, затем мимо стеклянных застенок охраны, затем по длинному коридору, как по храму, в котором высоко под сводами тысячью свечей полыхали яркие лампы дневного света и присутствовал целый ряд свидетелей-программистов, сутуло пялившихся в свои ядовито-зелёные экраны. Меж ними бегала церковной службой системотехник Жанна с траурной ленточкой в растрёпанной причёске.

Её не пустили на похороны дедушки из-за возникшей ситуации!

«Сейчас покраснеет!» – догадался Магницкий, следя за лицом системотехника, но слишком возомнил о собственной персоне.

На этот раз Жанне нет до Виктора никакого дела, она даже мельком не глянула в их сторону, сосредоточенно пересчитывая в маленьком блокнотике неправильно сдвинутые биты оперативной памяти.

Парочка беспрепятственно погрузилась в тёмную прохладу армовской комнаты, наконец обнявшись, совсем уж близкими людьми после долгой разлуки. Можно сказать, припали друг к другу в сложной только на взгляд непосвящённого человека позе: голова одного на грудь другого. На вид неудобно, а лучше не бывает.

– Закроемся?

– Что люди подумают?

– Люди подумают, что мы опять обнимаемся.

И тут Магницкого осенило:

– Слушай, пойдём гулять?

– Сбежим, что ли, с работы? – с обезоруживающей детской непосредственностью спросила Лариса.

– Что ты, что ты, разве можно так говорить вслух? У нас, между прочим, день ненормированный. Запросто в обеденный перерыв может случиться

машинное время. В таком случае обед переносится на десять часов утра. Но это скажем только в том случае, если нас будут искать, в чём я весьма и весьма сомневаюсь. Кому мы нужны? Разложи свои бумажки по клавиатуре, будто на пару секунд отошла. Ну вот и отлично. Стой, куда? Не через вахту же, ой, молодо-зелено, через чёрный ход смоемся.

На улице замечательно как хорошо: солнышко, свежий ветерок, в парке деревья шумят вершинами, трамваи бегают-трезвонят, люди сплошь и рядом симпатичные. Виктор глубоко вдохнул, взял Пуму под ручку и направился куда глаза глядят. В ближний парк.

Но Лариса заглядывалась по сторонам:

– Давай лучше пойдём обедать?

– Если кто спросит, мы и так идём обедать. Объявится сейчас некий неизвестный товарищ, пристанет с вопросом: вы чего здесь гуляете? По какому случаю? Это я к примеру рассуждаю, не бойся, не оглядывайся. А мы ему ответим честно и откровенно: не гуляем, уважаемый, – обедать идём. Он сразу и отстанет.

– Хитрый ты очень.

– Не хитрый, а сообразительный, что разные вещи.

Парк по периметру обсажен стриженным кустарником, и если люди внутри периметра садятся на лавочку отдохнуть, то делаются с улицы не видными.

– Присядем ненадолго?

– Нет, миленький, нам же в столовую.

– А допустим в первом приближении, что шли и устали, из сил выбились, сели отдохнуть. Что, нельзя разве?

– Не положено.

Они почти пересекли весь парк по диагонали, скоро парковая дорожка сольётся с уличным тротуаром, где народу – не протолкнуться. Шаги сами собой укоротились. Пума завертела головой по сторонам.

– Стой! – вдруг скомандовала, крепко хватая его за плечи и разворачивая спиной к улице, сама встала близко-близко, чуть даже коснувшись грудью, и осторожно выглянула из-за его лица одним глазом, наблюдая за кем-то. – Не шевелись!

– Что случилось?

– Тихо ты! Муж. На нас смотрит. Прошу же не шевелиться! Смирно стоять можешь? С какой стати здесь оказался? На работу ко мне, что ли, решил зайти без спроса?

Они почти одного роста, его глаза на уровне её бровей. Когда прячется за ним полностью, он видит огромные, расширенные от страха бездонные чёрные зрачки.

– Не горбись, Магницкий. Что, боишься – по башке прилетит? Не бойся, он пока далеко.

– Тогда идём?

– Нет, если меня признает, знаешь, какой вой дома поднимет? С кем стояла? Отчего? Почему? А пока ещё не разобрал, вдруг почудилось? Грудь шире надуй. Плечи в состоянии развернуть?

– Плечи не умею. Уши растопырить?

– Всё, идёт сюда, – она вдруг совсем придвинулась, возложила локти на плечи. – Обними, будто целуемся. Муж знает, что я целоваться не люблю, тем более на улице, решит, что померещилось. Он очень ревнивый, но воспитанный

человек: ни за что не подойдёт к целующейся паре. Если, конечно, сразу не разглядел. Если узнал, обязательно прибежит, тогда его ничем не остановишь.

Руки Магницкого осторожно возлегли на тонкую, изогнутую талию.

– Так это...

Целоваться Пума отказывалась, рта не разжимала, но ресницами щекоталась лихо. В предчувствии удара сзади по голове Виктора чуть не разобрал нервный смех.

– Хватит обниматься, ушёл!

Магницкий оглянулся. Прохожие по-прежнему снуют одновременно в двух направлениях, некоторые смотрят на них понимающе.

– А скажи, будь добра, муж был? Не выдумала?

– Муж был и есть, никуда не делся.

– Сейчас был?

– Сейчас не было, и что с того? Испугался напрасно? Обиделся, миленький? Обнять тебя очень захотелось, только и всего. Идём быстро в столовую, нечего без толка шляться по улицам.

Ближняя забегаловка только что открылась. Они взяли то малое, что выставлено на прилавок: куриный бульон с яйцом и салат из свежей капусты. Больше ничего, даже хлеб не успели нарезать.

Ни на кого не обращая внимания, Лариса тут же высказалась вслух:

– Чтобы быть до конца правдивыми, им следовало в меню написать: «Бульон с половинкой яйца».

– После обеда немного погуляем?

– Знаешь, чем зря шляться-рисковать по улицам, давай лучше я к тебе приду в воскресенье в гости. Или в субботу. Часиков в пять?

– Согласен.

– Жди меня в семнадцать ноль-ноль. В субботу или воскресенье. Я пока не могу сказать точно. Будешь ждать, миленький?

– Само собой, конечно. В субботу или воскресенье.

– Ты один живёшь в комнате?

– С товарищем. Но у него есть великолепное качество: по выходным он ходит навещать детей к своей прежней семье, потому как человек разведённый, пожилой, на четвёртом десятке. Нет, у него даже два превосходных качества имеются; первое я назвал, а второе, – представь себе, – Гена даёт деньги в долг, а потом ждёт молча, не напоминая, когда отдашь. Сейчас только вспомнил, что уже третью неделю должен ему двадцать пять рублей. Святой человек, правда? Почти папа римский, только без этой... без тубетейки. Надо будет вернуть должок, потому что если наш святой Геннадий раздухарится, никому мало не покажется.

– Но это ничего, если я приду? Сосед не обидится?

– Ничего. Я буду очень ждать. Сяду в половине пятого на стул, закрою глаза и как размечтаюсь!

Вечером Магницкий повстречался в общежитском коридоре с Ниной. Будучи преисполнен радостью жизни, при виде её опять испытал лёгкую растерянность, стало немного стыдно за своё настроение, связанное с посторонней любимой девушкой, но счастья внутри оказалось настолько с излишком, что и ей он разулыбался, как хорошей знакомой.

– Ну? – спросила она, радостно блеснув глазами в ответ.

– Что?

– Ходил смотреть квартиру?

– А, квартиру... конечно. Вопрос решится завтра, а сегодня надо затаить дыхание и терпеливо ждать. Я стараюсь не думать об этом деле, чтобы не спугнуть сталинку с балконом.

– И как, понравилась?

– Нина, зачем спрашивать глупости? Как может человеку, всю жизнь мотавшемуся по общагам, не понравиться отдельная благоустроенная квартира? Даже самая плохонькая, у чёрта на куличках, и та показалась бы раем небесным, а тут трёхметровые потолки с гипсовыми розетками, да ещё в центре.

– Со мной идти не захотел, расстонался: могилу копал, устал, отдыхать буду!

– Дорогая Нинель, вся эта квартира в данный момент на воде вилами писана. Могут и не дать, а ты человек впечатлительный, эмоциональный, вон уже как насчёт балкончика размышлялась! Кухоньку воочию увидишь, санузел с ванной, вообще полёт фантазии такой начнётся, что никакими силами не остановить. Кинешься в хозяйственный магазин покупать тарелки с вилками да ложками. А вдруг не дадут? Что тогда? Опять депрессия, слёзы, зачем?

– Но ты же первый стоишь в очереди на однокомнатную?

– Вроде первый. Что с того?

– Не финти, Магницкий. Мне кажется, ты не хочешь брать меня с собой. Ведь не хочешь?

– Боже мой! И это ты говоришь мне?

– Отвечай, Виктор. Я серьёзно спрашиваю.

– Минуточку, предлагаю зайти в комнату. Вот, Борцова нет, начинай прямо с порога учиться чувствовать себя как дома. О чём мы беседовали?

– Виктор, ты свинья!

– Это я помню. Теперь совместными усилиями конкретизируем данный постулат и подвергнем его системному анализу.

– Тут и без анализа ясно, что мы состоим в гражданском браке уже целый год, просто живём в разных комнатах, но кушать супчик и тефтели ты приходишь ко мне, и вообще... Виктор, скажи честно, у тебя появилась другая женщина?

– Какая другая? – ненатурально изумился Виктор. – Смешно слышать. Ты громче покричи, пожалуйста, чтобы всё общежитие было в курсе природы нашего скандала.

– И закричу, мне не стыдно. Стыдно должно быть тебе!

– Да возьму я тебя в квартиру, если хочешь, боже мой, какие проблемы? Если выделят, конечно. Но пока в руководящих кругах преобладает мнение, что товарищу Магницкому достаточно комфортно живётся и в общежитии, потому что бездетный и бессемейный. Так есть ли смысл товарищу Магницкому мечтать всерьёз о цвете занавесок на кухне?

– Но можно сказать им, что де-факто ты женат гражданским браком, я подтвержду... подтвержу, а если потребуется, приведу сто человек свидетелей, половина общежития в курсе дела. Виктор, надо бороться, не опускать руки, когда ещё будут давать однокомнатную квартиру? Может быть, никогда.

– Вот только, ради бога, не приводи пол-общежития. На профком это не подействует, я тебе гарантирую, а Вильгельмина Карловна точно впадёт в безумную ярость. Если бы я мог предъявить свидетельство о регистрации из загса – тогда другое дело, а свидетелей все могут привести, и сто человек, и больше.

– Знаешь что? Давай прямо сейчас сбегает в райисполком, ведь там тоже есть отдел загса, зарегистрируемся и получим свидетельство о браке. Скажем им, что ты уезжаешь в дальнюю командировку на Север и это вопрос жизни и смерти.

– Ну да, срочно по делам на полярную льдину, которая вот-вот расколется, и молодой муж не вернётся, зато беременная жена начнёт получать пенсию по утере кормильца от государства. А райисполкомовцы тут же потребуют предъявить командировочное удостоверение. Ты посмотри на часы, какой райисполком работает в это время, уже семь вечера!

– Тогда можно завтра с утра. Пойдём пораньше, к открытию, зарегистрируемся первыми.

– Полагаешь, в нашем профкоме заседают сплошь идиоты? Мне в лицо скажут, что я уговорил какую-то первую встречную-поперечную на штамп в паспорте, лишь бы урвать с родного предприятия квартиру. Это будет минус в моральном плане, а не плюс.

– Тебе бы только оскорбить меня бранным словом. Встречная-поперечная! Так меня ещё не называли. Какая же ты свинья, Виктор!

В комнату вошёл Борцов.

– Здравствуйте, товарищи сожители!

Нина кинулась к двери, легко отшвырнув соседа с дороги.

– А вы, конечно, подслушивали! – выкрикнула она гневно и выбежала вон.

– Слышал в коридоре только, что Виктор – свинья, но, во-первых, фраза была сказана очень громко, а во-вторых – это общеизвестный факт, – объяснился ей вослед Геннадий. – Нехорошо, товарищ Магницкий, обижать старых подружек. Между прочим, они лучшее, что выпадает пожилому человеку в сухом остатке его жизни. Кстати, жёны не подходят под определение старой подружки, жена есть жена, об этом писатель Чехов первым догадался сказать, но лишь после того, как чёрт дёрнул его жениться на старости лет.

Однако Нина передумала уходить, вернулась с глазами полными слёз.

– Какой же ты всё-таки подлец, Виктор!

– Попрошу не ругаться, девушка, в общественном месте, – нахмурился Геннадий.

Нина отмахнулась от него, как от комара.

– И после всего... всего, ты имеешь наглость заявлять мне такое?

– Кстати, в точности как моя бывшая жёнушка чешет, один в один, – воскликнул сосед, радостно удивлённый, – слово в слово, по писаному. Родная, уйдите, как человек, знающий жизнь, гарантирую: ничего хорошего сейчас из вашего разговора не выйдет.

– Подлец, – сказала Нина, – подлец и подонок!

– Ах так? – разозлился Магницкий. – заруби себе на носу: если будешь ругаться, в квартиру не возьму!

– Я так и знала! Я так и знала, что ты негодяй, каких белый свет не видывал!

Гражданская жена сделала шаг вперёд, залепила гражданскому мужу пощёчину и гордо вышла вон.

Вздыхнув с облегчением, Гена прикрыл за ней дверь:

– И ещё хорошо, что ты официально жениться не успел, как она тебе только что предлагала, и детей у вас нет, а то бы не так намучился! Эх, да что говорить!

Он искоса посмотрел на Магницкого, который, забросив руки за голову, лежал на своей тахте, уставя глаза в потолок. И разочарованно смолк.

Виктор имел самый довольный вид. Он думал о Пуме.

«Она придёт в пять часов. В пять. В субботу или воскресенье!»

– А ты хитрый, – Борцов достал из тумбочки батон хлеба и кусочек сливочного масла. – Я думал, ты свойский парень, но только теперь всё про тебя понял до конца. Ты хитрец. Хитрые люди пытаются добиваться целей окольными путями, но день их торжества становится одновременно и днём величайшего поражения, ведь хитрость – это извращение ума под воздействием трусости.

– Замолчи, пожалуйста, – попросил Магницкий, – не мешай человеку мечтать об идеальном жизненном устройстве.

– Посмотрите на него, ещё один Кампанелла выискался на мою голову.

8.

С утра Пума осторожно, на цыпочках вошла в армовский кабинет, бросила сумочку на автоматизированный стол, включила машину и, пока та, весело мигая лампочками индикации, загружалась, подкрасила тени на глазах.

Потом причесалась. Открыла тетрадку. Оглянулась на дверь. Вдохнула. Достала лак для ногтей и, подправив маленькой кисточкой безымянный палец, подула на него.

– Ку-ку! – раздалось из-за тяжёлой пыльной шторы.

Пума схватилась левой рукой за сердце, а правой метнула в штору сумочку со всеми маленькими ножничками и пилочками.

– Виктор!

Магницкий вылез в комнату, отряхиваясь от пыли, начал подбирать разлетевшиеся по округе ножички с пилочками.

– Врут электронщики, что пылесосят всюду и каждый день. Ни черта не работают, сплошные профилактики устраивают по десять часов в сутки, да спирт казённый хлещут литрами. Какое литрами – ведрами! Не зря Орало на квартальном собрании обещал их вывести на чистую воду.

– Магницкий! Русским языком тебе говорю: никогда не пугай девушку. Совсем отбился от рук! Раньше заглянешь в вашу комнату, а там уже шум стоит: товарищ Магницкий в белой рубашке при галстучке, с закатанными рукавами рвёт и мечет, рвёт и мечет, как безумный, распечатки программ. А теперь посмотришь – тишь да гладь.

Виктор приблизился вплотную, Пума встала, и они обнялись.

– Заглядывала сегодня?

– Конечно.

– Меня нет?

– Нет.

– Жалко?

– Просто ножом по сердцу, миленький. Опять кто-то шагает по коридору, если толкать вздумаешь, ради бога, не на дисковод – у меня там база данных крутится. Лучше в кресло, оно мягкое.

– В таком случае давай сразу сядем: ты в кресло, я на стул рядом, и будем программировать что-нибудь полезное.

Они сели. Шаги стихли.

– Нет, я так не могу работать, – Пума вздохнула. – Не могу рядом с тобой работать. Не в состоянии.

– Кстати, знаешь, сегодня мне однокомнатную квартиру могут выделить. Сталинка в центре. Как раз сейчас профком решает этот вопрос – дать или не дать.

– Знаю, слышала. Дурачок ты, Витя, каких в мире нет. На профкоме решается вопрос, а он из-за шторы кукует.

– Комната большущая, потолки высокие, трёхметровые, балкончик красивый! Если дадут, давай устроим новоселье... вдвоём?

Забава вошёл и только после этого громко постучал.

– К вам можно? Разрешите беспокоить?

– Ты как всегда: ни раньше ни позже.

– Извини, Виктор, на одну минутку.

– Опять вопрос жизни и смерти?

– Нет, квартирный вопрос всех поголовно испортил. Черкизов тебя кличет, он только что вернулся с профкома.

– И как там?

– Не знаю, говорю же, зовёт. Извините, девушка, у нас очень важные дела.

Хмурясь, будто не выспался, Черкизов ходил по коридору возле стенгазеты, нервно потирая руки.

– А, молодое дарование с аллеи талантов, слушай умопомрачительную новость. Профком царственно повелел выделить однокомнатную квартиру матери-одиночке системотехнику Жанне. На днях она выписалась из трёхкомнатной квартиры своей мамы и прописалась в общежитии. Таким образом создалась ещё одна суперльготная очередь матерей-одиночек-комсомолок бесквартирных. А ты только неженатый, бездетный, хороший товарищ и комсомолец. Возражения имеются?

– Нет, возражения отсутствуют. Мать-одиночка – звание для меня в принципе недостижимое.

– Вот именно, правильно мыслишь. К тому же вы данную однокомнатную квартиру превратите в разбойничий вертеп, пристанище разврата. Прозвучало такое мнение, крыть мне его было нечем: один шурымуры прямо на работе разводит, другой в это время бегаёт в его комнату с девицей на обеденном перерыве, а люди всё видят, всё знают, и в нужный момент ставят вопрос ребром. Глубоко аморальная история. Так-то вот, товарищи комсомольцы и члены профсоюза, вам ещё работать и работать, над повышением своего нравственного уровня хотя бы ...

– Хотя бы до уровня матери-одиночки. И матери её матери. Мать её!

– Точно.

– Значит, общага мне на роду по гроб жизни написана.

– А жаль всё же, – чмокнул Забава обиженно, – очень жаль. Зараза эта Вильгельмина Карловна, какую мину подложила, ай-яй-яй! Пока человек могилу её папеньке копал, глину кидал, надрывался, квартиру прямо из-под носа увела. Даже глазом моргнуть не успел! Обстряпала дельце по высшему классу! А так разобраться, семейственность она страшную развела на работе: папашу на кладбище отправила, дочку с внучкой в однокомнатную квартиру сбагрила и теперь одна в трёхкомнатной выходит замуж за молоденького мальчика.

– Какого такого мальчика?

– Говорю же русским языком: молоденького. Народ всё знает, как уже отмечали вышестоящие товарищи.

– Вот мальчик её и накажет со временем за грехи по полной программе. Всем воздастся за грехи их, как вещал отец Фёдор. Тебе, Виктор, сегодня отоварка прикатила с воздаянием, кому-то потом.

– Ничего, перебьёмся, какие наши годы.

Забава похлопал его по спине.

– А отчего бы не сходить мне к Вильгельмине и не нахамить ей при всех. Просто посчитаться фактами? Зачем ждать, пока мальчик отомстит? Нашим шефом она точно никогда в жизни не станет, кишка тонка. И квартира у меня есть, чихал я на их профком, санаторных путёвок тоже не видел ни разу. О, давайте взносы платить не будем, раз они квартиру нам не дали!

– Взносы, молодой человек, автоматически из зарплаты вычитаются бухгалтерией, пора бы знать. Так что живи спокойно. Тебе, что ли, не дали?

– Да почти что мне. Моему лучшему другу! Отсутствие квартиры сродни гражданской смерти, а за смерть друзей надо активно мстить!

– Я ещё не умер.

– Беззаботный ты наш. Всё одно помрёшь, не сейчас, так позже, в каком-нибудь пригородном доме престарелых на обоссанной простынке с клеёночкой. А нянечки даже и не заметят потери, будут, кобылы дебелие, ржать в коридоре, анекдоты травить про Вовочку. Нет, пойду поздравлю Вильгельмину с квартиркой. С трёхкомнатной, для неё одной, такой большой и умной, да мальчика ейного, молоденького.

– Идите оба работайте, – рассердился Черкизов не на шутку.

Забава подмигнул Магницкому, вздохнул и скрылся в своей комнате. Но Виктор подхватил знамя сопротивления.

– Вы, товарищ Черкизов, мне покуда не начальник, посему прошу здесь не командовать. Спина из-за вас который день ноет, ни сесть толком, ни встать, ни лечь не могу.

– Поставь горчичники на ночь.

– Горчичники. Хорошо, вам жена горчичники зався ставит, если что случись, а тут один, как перст, на белом свете горе мыкаешь, ни жены, ни детей, ни угла своего, кругом всем обделённый. Только «давай-давай, работай!» да взносы профсоюзные плати, а ещё комсомольские не забывай сдавать за три месяца вперёд, да могилы начальству копай в свободное от работы время! Хватишься – горчичник ставить некому! Ещё немного побарахтаюсь в нашем НИИ – глядь, и стакан воды никто не протянет в предсмертной горячке. Сдохну, как собака беспризорная под забором, узнаете тогда!

Он зашёл в свою комнату, быстро захлопнув дверь, чтобы Черкизов не успел ничего возразить. Пусть помучается, ему полезно. Пора понять, что

партнёров по бильярду в профкоме надо грудью защищать, а не читать им после полной сдачи отходную про моральные ценности строителя коммунизма.

Зоя Степановна выключала вскипевший кофейник.

Магницкий быстро прошёл к распахнутому окну, упёрся руками в подоконник и посмотрел вдаль.

Красиво шагая длинными ногами, уходила с работы и от него Пума. Пережить очередное несчастье за столь короткий отрезок времени оказалось невозможно физически. Он так нуждался в её участии, что, не думая о последствиях, перенёс себя на руках за окно, приземлился на газон и бросился догонять дорожную коллегу.

Дверь в комнату отворилась, на пороге возник Черкизов с намерением дать отпор мэнээсам, отбившимся от рук. В коридоре завсектором приготовил для этого несколько нужных фраз и сейчас желал продолжения дискуссии.

– Виктор, тебе кофе наливать? – спросила Зоя Степановна заботливо, но ответа не получила.

Повернулась к окну, где только что стоял Магницкий.

– Странно, а мне показалось, что Виктор вернулся.

– Нальёте – не откажусь, – задумчиво принял предложение Черкизов, – что-то голова плохо варит с утра. Знаете новость? Ведь не дали вашему Виктору квартиру. Вильгельмина Карловна применила жёсткий прессинг по всему полю.

– Ах ты, жалость какая, а мы начали сбрасываться ему на люстру. Переживает, наверное, сильно. То-то мне почудилось, будто зашёл он эдак молчком, оглядываюсь – нет никого, значит, аура его мечется по институту, места себе не находит.

– Всё может быть в этом мире, – заторможенно произнёс Черкизов, подходя с чашкой к окну.

Видимая территория парка, как всегда в утренние часы, имела вид пустынный, даже кое-где заброшенный из-за скопившихся куч мусора. Завсектором зевнул, прикрывшись ладонью, отхлебнул из чашки горячий дефицитный кофе, сощурился на небеса.

– Хорошо на природе! Не то что в нашем научном гадюшнике. Садовником, что ли, пойти наняться? Иль дворником? А что? Мети да мети, и никаких тебе профсоюзных проблем...

Виктор догнал Ларису на выходе из парка.

– Привет, слышала новость? Я опять без квартиры.

– А кому дали?

– Жанне.

– А, ну да, она же одна, с ребёнком, у мамыши живёт. Бедненькая. Ей надо дать. Ты не расстраивайся, тебе потом дадут.

– Догонят и ещё дадут. Впрочем, я рад за неё.

Пума тревожно глянула по сторонам, сняла его руку со своей, слегка отстранилась.

– Увидят, кому не следует. Ты куда?

– Я? Да так, до киоска газетного иду, посмотрю – ты бежишь.

– А меня на комсомольскую учёбу послали. Не расстраивайся, я к тебе в общежитие приду, как договорились, в субботу или воскресенье, в пять часов. Будешь ждать?

– Само собой. Давай провожу до курсов.

– Слишком опасно, запросто налетим на знакомых. Придётся дома с мужем объясняться.

– Можно, я просто пойду рядом? Будто нас вместе послали на учёбу? Что тут такого?

Пума, очаровательно улыбнувшись, отрицательно покачала головой.

– Слишком взрослый мужчина, чтобы посылали на комсомольскую учёбу. В принципе, такое допустимо в редких случаях, но слишком похоже на враньё. Я приду к тебе, честно, обещаю.

Однако Магницкому было невероятно трудно расстаться с ней сейчас. Ужасно не хотелось, почти так же сильно, как умирать на ранней зорьке у стенки, залитой розовым светом, когда воздух особенно свеж. Вот вечером – пожалуйста.

– А если следом пойду? Шагах в двух-трёх, будто мы незнакомы? Ну можно, миленькая?

– Зачем? Вон твой газетный киоск. Пока, миленький.

Магницкий хотел что-то ещё сказать, открыл рот, Лариса быстро отвернулась и заспешила в толпе, легко обгоняя прохожих и сохраняя при этом свою летящую грациозную походку.

Чёрный вход оказался надёжно заперт, пришлось войти в институт через вахту. Новый вахтёр с забинтованным глазом, поглядев оловянным зрачком через толстенное стекло очков, бросился искать его пропуск.

– Я помню ваш номер, – сказал он, а носом подслеповато затыкался по рядам ячеек.

– Пропуск остался у меня, я покурить выходил. Буквально на минуту.

– Извините, не углядел, – расстроился вахтёр, по лицу его пронеслась тень сомнения в собственной профпригодности.

– Да ерунда. Бегаю туда-сюда весь день, дурная голова ногам покоя не даёт.

В коридоре стояла задумчивая Жанна.

Он подошёл.

– Поздравляю с отдельной квартирой. Теперь точно жди в гости, адрес можешь не говорить, у Кохмана был, так что скоро приду с конфетами и вином. Ты какое любишь больше: красное или белое, сухое или полусладкое? А то водочки трахнем на брудершафт?

Жанна не начала, как обычно, с усталой улыбкой заводить речь о витиных прибабасах. Стыдливо смотрела бедняжка в сторону и ничего не отвечала. Вот это и есть та самая кроткая умнейшая девушка, что умыкнула у него чудесную квартиру с балкончиком. Даже не верится.

– И не думай, что я какой-нибудь нахал уличный. Как положено приду, с подарочным комплектом, правда, ещё не выбрал, каким именно. Помоги, пожалуйста, определиться. Меня в конкретной ситуации весьма прельщает комплект ножей на двенадцать персон, их метать можно в именинника, фокус такой показывать на семейных днях рождений. В продаже также вилки есть и десертные ложки, а нормальных ложек нет, и чайных тоже. Я более всего чайные мельхиоровые ложечки предпочитаю дарить по доброте своей душевной, но тут придётся с ножиками заявиться, а может, ещё порыскаю по магазинам и где-нибудь вилок достану. Сядем рядком, поговорим ладком, чаю попьём с конфетками, а потом на балкончик сходим, воздухом подышим как-нибудь вечерком. Знаешь, как там здорово? Балкончик во двор зелёный

выходит. Очень хорошо будет курить на том балконе тёплым летним вечерком. Идиллия. Что, не куришь? Я тоже. Вот несчастье!

Он бросил взгляд на Жанну. Та страдала. Несчастливая. Чего взъелся? Мать-одиночка, системотехник в драном халате, всякая сволочь проходящая норовит ухватить за ногу, эх, бедная ты моя, бедная!

Магницкий ничего не мог с собой поделать, в одну секунду расчувствовавшись бездонной жалостью. Его не остановила даже Вильгельмина Карловна, опять возникшая в конце коридора чёрным призраком брючного костюма пятьдесят четвёртого размера. Жанна пригорюнилась, сгорбилась, опустила голову, и щека её оказалась близка, как никогда. Он быстро поцеловал щёчку, бедняжка даже вздрогнуть не успела, и пошёл навстречу маме Вильгельмине, нежно, по-сыновьи, улыбаясь. Успел различить шелест за спиной: «Опять ты, Витя...».

И тут случилось невозможное. Во-первых, Вильгельмина слегка посторонилась, давая дорогу, чего в принципе никогда не бывает – все её обходят, от мала до велика, а во-вторых, отвела в сторону твёрдый крупнозернистый гранит сердитых глаз. Вот, знает, кошка драная, чьё мясо съела.

Виктор маршировал вплоть до дверей рабочей комнаты, стукнулся в них три раза лбом, спросил: «Разрешите войти?» – и вошёл.

Зоя Степановна бросилась угощать его аж растворимым кофе с конфетой из личных запасов. Жалеет, что ли, тоже?

9.

В половине пятого субботы Магницкий взялся за приготовление глазуньи с зелёным луком и фруктового салата.

Яйца весело скворчали на сковородке, Виктор резал груши и яблоки на салат, когда мимо дверного проёма, на котором никогда не было дверей, прошла по коридору Нина. Заметив Магницкого, отступила от моратория на общение, который сама прежде и объявила.

– Не дали квартиру? Так тебе и надо!

– Не дали, черти, буду жить в общежитии дальше, теперь уже до второго пришествия точно.

Почувствовав извинительный тон, Нина решила, что Магницкий, свалившись с мечтательных небес на общежитскую кухню, глубоко раскаивается в своём наглom поведении, ищет перемирия и даже восстановления отношений, хотя бы для начала в вопросах кулинарных. При виде холостяцкой глазуньи она сморщилась, будто надкусила лимон:

– С такой беды опять на глазунью перешёл? Господи, Виктор, сто раз тебе говорила, что вредно есть столько яиц за один присест, в них же голимый холестерин. А это что, фруктовый салат? – глаза понимающе раскрылись. – Опять девушку поджидаем? Магницкий, ты неисправим... годы бегут, а привычки остаются.

Но Виктор со своей стороны предпочёл мораторий считать полным разрывом отношений в той их части, что существуют меж мужчиной и женщиной. Таковые были обруганы Ниной принародно, он претерпел, спасибо, больше не надо. Общение же обыкновенное и даже приятельское с удовольствием согласен поддерживать.

– Что ты понимаешь в здоровом питании? – обернулся, продолжая крошить яблоко в миску. – Ну, вот, порезался из-за тебя!

– Это как всегда. Консервную банку открыть не можешь, не порезавшись. А теперь капаешь в салат, гляди, прямо льётся. Идём к нам, йодом обработаю и забинтую.

Вздыхнув с сожалением, Магницкий высыпал фруктовый салат в мусорное ведро.

– Благодарю покорно. Сам забинтую, если будет надо. – Подхватил сковороду, отнёс в комнату.

Прижал к пальцу кусочек газетной бумаги, вышел в коридор. Неподалёку Нина встала читать книгу под неоновой лампой. Конечно, она всегда читает в коридоре, говорит, светлее, чем в комнате, но теперь это выглядит демонстрацией.

Когда Пума энергично пролетала мимо, Нина на мгновение оторвала глаза от страницы, коротко в упор взглянула на радостную гостью.

Таким взглядом можно уток сбивать на охоте, если ружьё дома забыл. Есть охотники? Другой раз с собой Нину берите, ладно? Чтобы не засорять водоёмы свинцовой дробью.

Но Пума – не дикая утка, и тем более не домашняя, на такие мелочи внимания не обращает, мимо пронеслась с довольным видом, вроде и не заметила обстрела.

– На вашем этаже везде пахнет глазуньей, настоящий общежитский запах, – сообщила весёлым голосом, уже войдя в комнату. И шепнула на ухо: «Женщина в халате с книжкой, случайно, не твоя гражданская жена?».

– Как догадалась?

– Взгляд чересчур серьёзный. Она не войдёт сейчас сюда?

– Думаю, нет.

– Ты ей рассказал про меня?

– Она очень чуткий человек, всё понимает. И очень тактичный. Работает на кафедре общественных наук.

Магницкий сделал шаг навстречу. Пума упокоилась щёчкой на груди.

– Я так по тебе соскучилась, прямо бегом бежала. Посижу немного и уйду. А завтра снова приду, можно?

– Ещё спрашиваешь.

– Конечно, если удастся выкроить время. Но глазунью можешь не жарить. Ах, пора топать, не то жена ещё чего-нибудь не то решит про нас. И устроит скандал, несмотря на всю свою тактичность. Чур не провожать!

Виктор всё же вышел следом. Пума быстро удалялась по коридору. Нины на обычном месте не было. Да рано ещё ей читать, чего встала? Людей только насмешила.

В воскресенье он купил бутылку сухого белого вина. Это как долгоиграющая пластинка, можно сидеть за столом долго, греть в руке бокал и пить маленькими редкими глоточками, глядя друг на друга, созерцать и ничего не говорить. Салат готовить не стал по причине не очень зажившего пальца, две порции винегрета принёс из буфета. Сегодня он был уверен на все сто, что Пума обязательно придёт, потому приложил немало усилий, дабы спровадить Борцова на свидание к его детям.

– Гена, ты отец, или... кто?

– Отец, который никому не нужен.

– Да нужен, нужен, они только вид делают, а небось с утра на часы смотрят: когда появится этот папашка?

– Думаешь?

– И думать нечего, очевидный факт. Вот вырастут, тогда точно нужен не будешь, а сейчас, с тортом – да за милую душу.

Тихо матерясь у зеркала, Гена завязал галстук и ушёл на свидание с детьми при полном параде. Смешной Борцов. Вечером опять будет проклинать самый чёрный день в его жизни, когда он, как дурак, расписался в загсе, ни о чём ужасном даже не подозревая. Ладно, пусть покричит, но желательно не ранее семи часов.

На этот раз Пума припозднилась, явившись в половине шестого, доведя тем самым Виктора до белого каления. Точнее, она ворвалась в комнату, дверь в которую была оставлена полуоткрытой, сделала удивлёнными огромные глаза:

– Магницкий! Ты почему до сих пор не в постели?

– Что? – Виктор глянул на бутылку сухого и две сиротливые жестяные тарелочки из фольги с винегретом, которые непринуждённо ожидали своего часа в компании со сверкающими на солнце солидными дяденьками-бокалами.

Такого начала он не предполагал, и, хоть был довольно взрослым человеком, слегка растерялся, но успел одним движением сдёрнуть с тахты покрывало.

Взирая расширенными зрачками, Пума так же стремительно сбросила через голову, отшвырнула в сторону платье. Выжидательно смотрела, покачиваясь на высоких каблуках босоножек.

Блиц-партия молниеносных поочерёдных ходов была разыграна в полминуты, следом наступил получасовой провал памяти, сопровождаемый лишь странным шипением и мельканием сумасшедших красных пятен перед глазами.

Взалкав жаждой полуденной пустыни, Магницкий вскочил, схватил со стола приготовленную бутылку сухого вина, которое, казалось бы, можно было пить бесконечно долго, весь вечер и всю ночь, смакуя маленькими глоточками, подолгу глядя друг на друга, закинул голову и вылил в себя половину освежающе холодной жидкости, не чувствуя никакого вкуса, а лишь одну прохладу, которая заструилась по шее и груди.

Слева что-то зашипело, с удивлением увидел собственную руку, порезанную вчера, из которой теперь с тем самым странным шипением, в такт ударам сердца, пузырилась кровь. Подушка и плечо Ларисы были усыпаны красными лепестками размером с двухкопеечную монету, будто их специально долго и аккуратно вырисовывали акварельной кисточкой.

В дверь грозно застучали. Кому-кому, а Магницкому хорошо известен этот стук Гены Борцова, вернувшегося не в настроении после посещения своей семьи, неумолимый, словно приговор ревтрибунала.

– К сожалению, сосед пришёл, – замороженно глядя на красные пятнышки, произнёс он.

– Не открывай, пока не оденусь!

Как всегда в таких случаях, с одеванием не слишком получалось, прошло две минуты, и Борцов педантично доложил ещё раз чётким оловянным солдатиком.

– Минуточку ждём, – предупредил Виктор.

– Магницкий, это я, – подал голос Борцов, – отворяй давай.

– Не ори, Гена, успеешь.

– Магницкий, ты обнаглел вконец, – воскликнул сосед, уже врываясь в жилое помещение, и сразу бегом-бегом к своей драгоценной тахте – проверять. – Бордель тут развёл!

Пума выскочила в коридор, Виктор за ней. Заметив, что он не отстаёт, Лариса бросила откровенно сердитый взгляд и ускорила ещё более.

Даже сзади на открытом плече виднелись красные революционные лепестки.

– Да погоди ты, куда вчистила?

– У тебя ужасно довольный вид, – отрывисто произнесла она сквозь зубы с обидой, – из которого всем вокруг делается ясно, что только что переспал со мной и очень гордишься этим.

– Заблуждаешься, у меня нормальный вид. А у тебя – вон, посмотри...

– И наставил вдобавок автографов, чтобы никто не сомневался.

Расстались молча. Вытерев автографы платочком, Пума пошла к остановке, он зачем-то тянулся следом, старательно не глядя в её сторону. Долго стояли в разных местах. Автобуса не было. Магницкий начал медленно приближаться, но когда оказался почти рядом, как бы случайно, а не специально, Лариса остановила такси, прыгнула на переднее сиденье и быстро уехала, даже не взглянув на прощание из-за стекла.

В это последнее мгновение он заметил на мочке её уха, рядом с серёжкой, свою кровную метку, махнул рукой огорчённо, после чего вернулся к Борцову очень сердитым.

10.

На следующее утро получилось так, что, не сговариваясь, они одновременно открыли двери своих комнат и вышли по делам с бумагами в коридор, который оказался пустынен, свет не горел в связи с кампанией борьбы за экономию электроэнергии на производстве. Две тёмные шеренги дверей говорили об опасности: каждая в любое мгновение могла открыться.

Но это не помешало броситься навстречу друг к другу и прижаться, держа руки отстранёнными, что со стороны казалось несколько смешным.

– Миленький, выдержишь без меня три дня?

– Три дня без тебя? Куда-то едешь?

– Нет. Ложусь на обследование в больницу.

– Что-то серьёзное?

– Да нет, не смертельно.

– А всё-таки?

– Что, насторожился? Не беспокойся, инфекции никакой нет. Даже если бы и была, тебе уж точно никак не передалась: обычная проверка на бесплодие. Семейство разочаровано итогами первого года совместной жизни, вот и решили обследовать да в случае чего наказать.

Лариса прыснула таким жизнерадостным смехом, что Виктор вздохнул с облегчением: на заболевшую миленькая совсем не похожа.

– А можно прийти навестить?

– С ума сошёл?

– Просто помахая и уйду.

– Да? Ну, хорошо, давай адрес напишу, только в регистратуру не вздумай обращаться с передачкой. Утром не приходи, в обед тоже, а главное – после шести ни-ни, в это время приёмный час начнётся. Давай сделаем так. Придёшь к пяти часам, я окно открою и буду сидеть на подоконнике. Помашем друг другу ручками.

– Хорошо, приду.

– Буду ждать тебя, миленький.

Время назначенной встречи предполагало, что надо сорваться с работы пораньше, часа этак в четыре.

Виктор купил букет белых роз и, несколько смущённый их чрезмерным великолепием на фоне собственной заурядной внешности, поспешил на свидание.

Медсанчасть состояла из трёх пятиэтажных зданий, разбросанных по озеленённой кустиками сирени территории, огороженной невысокой оградой, выкрашенной светло-голубой дешёвой краской. «Точно оградка при могилке, только очень длинная», – подумалось Магницкому.

Вход на территорию свободный. По асфальтовым дорожкам, сквозь которые местами пробивалась травка, а кое-где и кустики, мирно бродили больные в мятых пижамах цвета хаки не по размеру, подставляя солнцу блаженные физиономии.

У приёмного покоя толклись посетители, желавшие передать свои сетки с яблочным пюре в неурочное время. Они бросались навстречу каждому больному, возвращавшемуся с прогулки.

Виктор начал обход вокруг главного корпуса, разглядывая окна, в которых мелькали женские головы, обошёл его со всех сторон, затем два других, сходил даже к двухэтажному пищеблоку (чем чёрт не шутит, вдруг и здесь какое отделение расположено?), но Пумы нигде не обнаружил.

Она не сидела ни на одном из подоконников. Не высывалась ни из одного окна и даже не мелькала за стеклом. Магницкий сделал второй круг, за время которого пришёл к выводу, что число открытых окон резко увеличилось и количество женских голов в них тоже. Что тому виной – приближение приёмного часа или белый букет роз – неизвестно.

– Мужчина, вам кого позвать? – спросили со второго этажа.

– Молодой человек, какую палату надо? – крикнули с третьего.

Но Виктор молчал, оберегая инкогнито, и сделал дополнительно третий круг почёта.

В шесть часов почти все окна распахнулись. Под ними сосредоточились толпы посетителей, кричащих кто во что горазд. Только Пумы нигде так и не видно.

С букетом роз в этой толпе Виктор чувствовал себя человеком не от мира сего, и вдруг мелькнула догадка. Ясно, как белый день: Пума его разыграла. Не лежит она ни в какой больнице, просто взяла отгулы и отдыхает на даче, или в городском саду на каруселях катается.

– Не буду я никому ничего передавать, через приёмное отделение передавайте, – по тропинке пробежала медсестра, отбиваясь на ходу от посетителя, – раз не положены больному ваши котлеты, значит, не положены.

– Девушка! – воскликнул, озаряясь радостью, Магницкий, – наконец-то я вас нашёл, милая вы моя! Уже шестнадцатый день ищу, и наконец-то! Возьмите цветы, пожалуйста. Это вам.

– От кого?

– От меня.

Сестра посмотрела на букет и остановилась.

– Кому-то хотите передать?

– Нет, исключительно для вас.

– Что-то не припоминаю, в каком отделении лежали?

– Вы меня не знаете, да и я вас видел однажды утром, в трамвае, две недели назад. На этой остановке сошли. Представьте себе, уже две недели в свободное от работы время разыскиваю с цветами. Каждый день с новым букетом. Наконец нашёл, слава тебе, господи! Возьмите, пожалуйста, не то разорюсь подчистую.

Медсестра неуверенно улыбнулась, опустила глаза. Посторонний гражданин, до того самым бессовестным образом пытавшийся навесить ей на руку пакет с домашними котлетами, мгновенно устыдившись, направился передавать принесённое через окошечко в установленном порядке.

– Вам, наверное, от меня что-то надо, – предположила она, – хотите узнать о своих знакомых или родственниках? Номер палаты неизвестен? Скажите фамилию, я помогу найти без всяких цветов, а передачи проносить не имею права.

– Ничего не надо, абсолютно. Честно-честно, – в кои-то веки не врал Магницкий. – Кроме вашего имени, честное слово, больше ничегошеньки. Назовитесь, и тотчас исчезну, растаю, как утренний туман, даже помнить забудете.

Медсестра призадумалась, стоит ли называться, но Виктор уже сунул ей в руки букет.

– Или хотите, чтобы остался навсегда?

– Пожалуйста. Любовь.

– Огромное спасибо. До свидания.

Удачно избавившись от роз, со всех ног кинулся по бугристой дорожке к окрашенным в голубой цвет распахнутым воротцам, сваренным из труб.

Вот если бы узнала каким-то образом Нина о его сегодняшнем походе, необыкновенно долго смеялась и в назидание обязательно придумала прозвище пообидней. Но что прикажете делать с колючими розами в общественном транспорте в час пик? Не засовывать же их в куст сирени? Кстати, Нина довольно часто по жизни бывает права. Житейской мудрости у неё не отнять. Если хорошенько сесть да повспоминать, то окажется, что права она бывает практически всегда.

Виктор чертовски разозлился на Пуму, однако при встрече решил вида не показывать и даже не напоминать. Как будто ничего не случилось. Пусть только скорее в укромном уголке примостит свою румяную щёчку у него на груди. Даже словом не помянет, будто и не ходил никуда.

Скорее всего, забыла, или нельзя было открыть окно. Мало ли какие в отделении порядки? Да не могла Пума зять и просто надуть его из чисто спортивного интереса. Или всё-таки надула?

В начале обеденного перерыва Магницкий быстро сбегал занял очередь на бильярд, после чего помчался в кафе-беляшную. Увидел в хвосте очереди Пуму, но даже не вздрогнул, она стояла с комсоргом Милой, просто кивнул, прошёл к Забаве, который уже лазил по карманам в поисках денег.

Возле них очутилась Мила.

– Что как не свои, мальчики? Купите нам четыре беляша и два стакана какао, мы пока столик заберём.

– Только не до смерти, – согласился Забава. – Он нам в стоячем положении ещё не раз пригодится. Не последний день живём, девушки!

Борис расплачивался, Виктор носил тарелки и стаканы к высокому столику с миниатюрной круглой мраморной столешницей, за которым они еле разместились вчетвером – стоя.

Очутившись рядом, почувствовал намеренное касание локтя Пумы и не убрал руку.

«Надула, как шарик, теперь по новой начинает фокусничать».

Забава первый разделался с беляшами, вытерев салфеткой пальцы, скомкал её в тарелку.

– Ну, я готов к труду и обороне. Идём, Витёк, сыграем партийку. Чувствую, сегодня насухо тебя обставлю. На что спорим?

Пума снова коснулась локтем, загадочно улыбаясь.

– Эх, Забава, вот я бы тебе рога враз обломала. От борта в среднюю лузу, – сказала Мила, отставляя стакан в сторону. – Витёк, будь другом, уступи партию девушке.

– Играйте, – легко согласился Магницкий, – из комсомольского возраста я выпал, из молодых специалистов тоже попросили перейти в пожилые. Мне теперь нельзя торопиться, надо тщательно пережёвывать горячую пищу.

Когда комсомольцы убрались на свой бильярд, они с Пумой, не тратя время понапрасну, очутились в армовской комнате, недовольно разглядывая друг друга.

– Что показало медицинское обследование? – чрезмерно вежливо поинтересовался Магницкий, окончательно утверждаясь в мысли, что ни в какой больнице Лариса не лежала. Уж слишком чудесно выглядит.

– О, многое...

– И что конкретно?

– Конкретно мог бы и не обещать, что придёшь, никто за язык не тянул, я бы пережила.

– Я приходил, между прочим, как дурак, с букетом цветов. Бегал искал твоё раскрытое окно, где ты сидишь на подоконнике и ждёшь меня.

– Это я, как дура, три часа жарилась на подоконнике, а ты не пришёл.

– Пришёл, тебя не было!

– Я ждала, ты обманул.

– Неправда, как дебильный, носился с цветочками вокруг всех трёх корпусов, круги давал. Из окошек кричат: «Мужчина с букетом, вам кого нужно?». А мужчина назвать фамилию права не имеет, головы не поворачивает – глухонемым притворяется.

– Зато сейчас можешь говорить, что душеньке угодно. Всё равно никто не поверит.

– Да уж.

Оба замолчали.

Пума с деловитым видом уселась на рабочее место программиста, занялась отладкой. Магницкий ощутил себя посторонним человеком, однако никак не мог уйти. Стоял, засунув руки в карманы с хмурым видом, смотрел в экран, на скачущие зелёные цифры, похожие на танцующих чёртиков.

Вдруг Пума взглянула исподлобья, весело и хитро, вскочила, прыгнула, обвив шею руками.

– Миленький, соскучилась! Давай убежим сейчас?

– Давай.

– Поехали, миленький, ко мне. Хочешь?

– К тебе? Хочу! Куда?

– К маме. Не беспокойся, она на работе. Только чур, в троллейбусе заходи в задние двери, я в передние, и выйдем потом каждый в свои. Договорились? Не обижайся, представь себе, что мы советские разведчики, и нам жизненно необходимо соблюдать правила конспирации, иначе провал.

– Я пойду сзади в четырёх шагах, а если тебя остановит кто-то знакомый, начну читать газету.

– Какую газету?

– Воображаемую.

Согласно правилам конспирации, Пума уселась на высокое переднее сидение троллейбуса и отвернулась к окну, а Магницкий встал на задней площадке, и смотрел неотрывно на неё, что вполне естественно и правилами конспирации не возбранялось.

11.

Пума зашла в подъезд дома, начала подниматься по лестнице. Согласно тем же неписаным правилам, он следовал сзади, не отставая и не догоняя. Открыв дверь ключом, она быстро исчезла внутри квартиры. Выждав пару минут, Виктор вошёл следом, огляделся по сторонам, закрыл за собой дверь.

– Отличная квартирка, хотелось бы иметь такую на старости лет. Трёхкомнатная?

– Трёхкомнатная. Проходи в спальню, – отозвалась она откуда-то.

В центре спальни располагалась семейная кровать размером два на два, было много зеркал и живых цветов в самых разнообразных вазах и вазочках. Несколько кустистых растений произрастали из больших керамических ваз, стоящих прямо на полу. Что-то вроде небольшого зимнего садика.

Из душа выскочила Пума в цветном коротеньком халатике, бросилась к нему навстречу, не дойдя шага, распахнула халат, предлагая восхититься обнажённым телом, танцующим шагом упорхнула к мебельной стенке, из которой достала простыню, взмахнув ею, опустила парашютом на кровать. Парашют лёг неровно, Пума принялась расправлять.

Не выдержав испытания на хладнокровие, агент Магницкий схватил противника за талию, с размаху бросив поверх простыни, и сразу оказался рядом.

Пума быстро перевернулась, встретив бесстрашным взглядом:

– Знаешь, что будем сейчас делать, родненький?

– Даже не догадываюсь.

– Ребёнка.

Через какое-то время возникло неприятное ощущение, что на них смотрят. Будто все члены неведомого семейства, включая мужа и свекровку, выстроились вокруг кровати, на которой в пылу страсти происходило лечение

от бесплодия. «Это из-за зеркал, – подумал он, – хорошо, хоть на потолке нет». «Сладко, сладко, миленький», – закрыв глаза, шептала Пума.

Вот опять она что-то говорит. А ничего не слышно, будто уши заложило.

– Что?

– Знаешь, сколько времени прошло?

– Времени? Сколько?

– Два часа. Кто угодно может прийти в любую минуту, если уже не пришли, а мы тут с тобой...

Где-то посреди лестничной площадки Магницкий ощутил прощальный толчок кулаком в спину – вместо поцелуя.

По субботам и воскресеньям они не встречались.

Её выходные целиком и полностью посвящены семье: мужу, её родителям, его родителям, брату, многочисленным и разнообразным делам и мероприятиям, вроде выездов в сад или на природу, или ещё чему-то важному, о чём Лариса особенно не распространялась, но что делало любое, самое краткое свидание в принципе невозможным.

Безымянный муж пребывал в бесплотном отдалении самой несущественной частью её обширного и разнообразного гардероба, позволявшей этой детали находиться очень близко к телу и в то же время не касаться души, – бретелькой, которая немедленно отлетает в сторону, стоит любовникам оказаться вместе. Просто штамп в паспорте с неясным оттиском, какая тут может быть ревность?

Относительно следующих выходных Пума снова констатировала, что она есть домашняя занятая женщина, встретиться никак не получится, а значит, придётся жить до понедельника врозь.

С утра по радио передали грозу. Было жарко, душно, горячие улицы пахли расплавленным битумом. Возле жёлтых бочек за квасом вытянулись длинные очереди. Небо выгорело рубахой на спине кровельщика. В обед с запада выползли кучевые сине-чёрные тучи, скоро нагромоздив до самого солнца огромные рыцарские замки. Часа два грохотало совсем близко, но всухую. Ливень рухнул на город ближе к вечеру.

Магницкий ехал в троллейбусе, когда по стеклу ударили первые тяжёлые капли, а потом хлынули потоки, сквозь которые было видно, как в момент обезлюдел центральный проспект.

Хлестал дождь славно, от души, крыша троллейбуса гремела барабаном. По тротуарам и дороге разлились широкие лавы, а странная парочка выскочила из ресторана «Чайная», и, взявшись за руки, кружилась под ливнем. Даже сквозь залитое стекло видно, что покатываются со смеху. Только непонятно, с чего так пьяны уже в самом начале ресторанной поры, возможно, даже и от счастья.

Парень, очень высокий, здоровенный, в белом костюме, с копной рыжих волос, несмачиваемых, как шкура бобра, ещё имел на большом красном лице недоумение, вроде бы сомневался, стоит ли прыгать да веселиться под таким дождем, но неумолимая Пума хохотала широко открытым ртом и, крича что-то всему белому свету, тащила его за собой. Увидев троллейбус, бросились вдогонку, запрыгнули вместе в последние двери без всякой конспирации, покатываясь со смеху.

Магницкий сидел уткнувшись в стекло, изо всех сил пытаясь остаться незамеченным. Прочие пассажиры также не оборачивались. Даже кондукторша не пошла проверять проездные билеты. Да нет у них никаких билетов, а всё равно не пошла, усмехнулась и отвернулась к окну.

Как только на следующей остановке троллейбус открыл двери, он быстро вскочил и, горбясь, бросился под ливень, который шумел непроглядной серой стеной.

Даже на пятом этаже, у двери в комнату, с него текло на пол как с бродячей собаки.

– Гена, стопка коньячка, случаем, не завалилась?

– От коньяка одна философия и никакого согрева. У меня перцовка имеется. Эта вещь как раз по теме, от простуды помогает в девяносто девяти случаях из ста. Дерябни грамм пятьдесят и сразу падай спать. Утром не чихнёшь. Старинный рецепт.

Магницкий переоделся в сухое, дерябнули на пару с Борцовым.

– Слушай, у твоей бывшей жены друг есть?

– Есть. Чрезмерно меня ненавидит, значит, есть.

– А может, сильно разозлил?

– Нет, слишком ярится, запасных путей не оставляет, все мосты жжёт напропалую. При двух детях одинокая женщина так себя не ведёт, факт.

– Почему тогда замуж не выходит?

– По-видимому, женатый человек попался, но ей с ним в любви веселей жить, чем со мной по закону.

– А чего не захотела с тобой как с мужем и ещё с ним потихоньку, по любви? Традиционная схема.

– Это ты у неё спроси. Ага, сходи и узнай, – Гена явно вообразил развитие последующих событий, хохотнул. – Полагаю, до поры до времени так дело и шло, потом не захотелось ей потихоньку, размечталась на полную катушку оторваться, она у меня эмоциональная женщина, да к тому же однолюбка. С коллегой по работе схлестнулась, не иначе. Был у неё как-то на службе, представь себе, не узнал собственную жёнушку: очень милая, приятная такая, добрая, прямо лучится вся как раньше, в первый период нашей совместной жизни. А для меня дома каменюка холодная, катит и катит, душит и душит. Пока не выгнала – не успокоилась.

– Да, серьёзная женщина.

– Стерва обыкновенная. И, знаешь, хорошо, что однолюбка. Честнее, во всяком случае. Гораздо хуже вариант, когда твоя собственная жена любит всех подряд, тебя ночью – раз, в обеденный перерыв начальника своего – два, а вечером друга милого – три, есть ведь и такие особы. У них процесс распараллелен во времени. Загадочное природное явление: вот видит она перед собой мужчину – и любит его, прямо в обморок падает от любви, видит другого – и тут же его любит, буквально через секунду, стоит взгляд перевести. Уникальные существа и очень плодовитые. Столько их в последнее время развелось в нашей фауне – страшно делается. Поэтому к данному моменту можно сделать вывод, что крупно мне повезло, Витя, в семейной жизни. Чего-то ты совсем скис, ложись, поспи, утро вечера мудреней.

Он сходил, вымыл стаканы да залёг в постель с закрытыми глазами думать о жизни. От перцовки сделалось горячо, сон не шёл.

Закрытыми глазами смотрел на собственную жизнь, и то, что прежде выглядело чрезвычайно привлекательным, радостным, как в детстве воскресный

горсад с музыкой, пирожками и аттракционами, стало похожим на болотистую кочковатую равнину с чахлыми кривыми деревцами, гнилой тёмной водой, затянутую седым туманом. Путь здесь неверен. То есть будучи счастливым он как бы ни на что не обращал внимания, а ныне, после грозы, глянул на происходящее со стороны и ужаснулся.

При помощи постороннего, случайного блондина не Пуму, но совсем чужую женщину наблюдает он рядом с собой, чужую мужнюю жену, забраться в постель которой счёл высшей жизненной удачей. Но почему раньше не задумывался, ведь муж был и прежде, нет, лишь после танцующего блондина сделалось дурно, а до того всё замечательно, прекрасно, волнующе, романтично!

Чертовски неприятная история. Почти так же ему плохо, как если бы был он тем самым мужем и узнал о наличии Виктора Магницкого, к примеру. И даже хуже. Потому что, в отличие от мужа, и претензии предъявить некому – ведь когда был вторым, то любил, мечтал, бегал-прыгал, скакал со второго этажа, радовался жизни, а стоило узнать про третьего, тут же страшным образом расстроился.

Чувство испортилось? Любовь пропала? Возникли разом негодование и злость по поводу выдуманного абстрактного философского закона, что количество, увеличиваясь, переходит в новое качество? Значит, он, Магницкий, её обнимал на работе, потом дома муж довольный обнимал, и ещё в чайной блондин тоже присоседился обниматься, чтобы всем было хорошо. Во как! Но почему так плохо?

Адский перцовочный огонь охватил со всех сторон на родной постели, не дожидаясь окончания жизни, похорон и девятого дня – и ничего не поделать, пришлось жариться, вращаясь утлым телом туда-сюда на койко-месте, словно на вертеле, пытаясь найти положение, при котором не слышно будет ужасных многочисленных вопросов, вполне, впрочем, обыкновенных, но которые человек почему-то начинает задавать себе, дерябнув грамм двести, после того, как увидит нечто обескураживающее и сильно вымокнет под дождём.

Так хорошо прожарился, что утром действительно не чихнул, не кашлянул, встал да побежал на работу.

На работе – полный завал! Пришла пора сдавать квартальный отчёт, а писать нечего: везде одни хвосты, недоделки, за всё хватался раб божий и ничего до ума не довёл.

Кинулся к Жанне, проситься, чтобы его программы запустила вне очереди, хотя бы в фоновом режиме. Конечно, другие при этом будут считаться медленнее, но ничего, потерпят, ибо не бывает всем хорошо одновременно. И не должно быть.

Жанна развела руками:

– У нас профилактика до двенадцати.

Даже не покраснела. Наглеет народ. Магницкий не вытерпел, рассердился:

– Экие вы разгильдяи! И электронщики, и системщики вкуче: то у вас машина совсем не работает, то профилактика наступает. В день пять минут дадут с барского плеча – и делай работу как знаешь! Нет, тунеядцы вы бессовестные, вот что я вам скажу, дорогие товарищи!

Жанна густо покраснела за электронщиков и системщиков, оглянулась по сторонам, как показалось Магницкому, в поисках защиты, вроде пристал он

к девушке в неосвещённом месте с ножом к горлу, требуя отдать из сумочки ужасно дефицитную помаду и пудреницу.

А нежная Жанна всё-таки натура, не в маму пошла, попробуйте нечто подобное высказать, пусть даже в сердцах, главной системщице Артамоновой. Да она орать будет в бога-душу-мать часа два без перерыва, пока три шкуры не облезет со всего научного коллектива. Пока не разбежится народишко по кабинетикам, на ключ в них не зайдёт. А в пустых коридорах ещё долго будет гулять артамоновская хрипотца: «Клевреты! Пособники! Не знают, как дорожка на цилиндре устроена, а туда же, в кандидаты наук лезут! Только через ваш труп!».

Магницкий тоже оглянулся, ища, к кому начнёт взывать его невинно покрасневшая жертва.

Электронщики обрабатывали спиртом дисководы, и лица у них были, как у жрецов в минуту священнодействия, когда свежей кровью добычи те смазывали каменные губы своим божкам. Их собственные губы при этом довольно причмокивали, а глаза блестели – явно вдарили по маленькой, прохиндеи, не дожидаясь обеда. Виктор понял, что защита будет круче сицилианской, потому срочно принялся давить на женское чувство жалости к братьям меньшим.

– Ну что за жизнь! – воскликнул он, посылая взор небу, состоящему на данный момент из белого негорючего пластика вперемешку с неоновыми лампами, – работа собачья, за сто тридцать рублей в месяц, ещё бесплатно в заочной аспирантуре паришься, как последний идиот, статьи пишешь для кандидатов наук, чтобы они в доктора вышли, а у самого ни квартиры, ни жены, ни ребёнка, ни времени машинного, чёрт бы его подрал! Полный аллес!

Жанна дрогнула на квартиру.

– Ладно, включу на двадцать минут один диск операционный. Все разделы твои, пользуйся.

– На старости лет, дорогая Жанночка, буду в церковь ходить ежедневно и за твоё здравие молитву заказывать.

– Не доживу я до того времени.

– Тогда за упокой. Душа знаешь как возрадуется на том свете? Ой-ёй-ёй!

К главному пульта подошёл весёлый спец по дисководам Котомкин, от которого мягко веяло коктейлем из разведённого спирта с долькой солёного огурца. Он свернул пустой полиэтиленовый пакет от закуски, бросил в мусорную корзину под столом системотехника и важно отёр маленькие усики.

– Э, вы чего? Запускаетесь, что ли, уже? Мы-то ещё того... ни в одном глазу, ещё работать и работать надясь.

– Срочный счёт для Орала принесли, – отрезала Жанна в стиле Вильгельмины Карловны.

Магницкий аж вздрогнул, так схожи были интонации. Впрочем, удивляться нечему, как-никак родственники.

– Ё-ка-лэ-мэ-нэ, – протянул Котомкин, – ладно, перекурим тогда. Товарища Оралу не переорёшь, а плетью обуха тоже не перешибёшь. Мужики, перекур!

Сорок минут единоличного властвования над всей институтской ЭВМ принесли невиданные плоды, собрав которые, Виктор к вечеру успешно разделался и с квартальным отчётом по текущей, но никуда не утекающей работе, и полугодовым по аспирантуре. Если квартальный отчёт пошёл на ура

даже без трёх минут пять последнего денька, то научный шеф, принимая толстую папку, полную вдохновенных дум, отчего-то начал морщиться.

– Чем, Андрей Палыч, не угодил? Ежели размеры не удовлетворяют, то я там кроме результатов ещё и перспективы дальнейшие наметил. Горизонты, так сказать, изобразил. Их можно не читать. И даже не листать.

– Ладно, чего там, – грубовато-отечески выразился руководитель, почесав лысую голову, обзываемую репой, – сойдёт на худой конец.

– Почему на худой? Недавно блестящим достижением называли.

– О перспективах забудь, повторяю по слогам: на нижнем институтском уровне сойдёт. Потому что все знают – наша работа. А в качестве кандидатской диссертации рассматриваться не может, ибо в природе существует монография с аналогичными результатами. Понятно? Надо срочно менять тему. Подумай над этим недельку и доложись. Я тоже буду репу чесать, – он наглядно принялся массажировать толстую кожу на голове, гоняя её толстыми складками ото лба на затылок.

Кожа натужно скрипела под сильными пальцами шефа.

– А что, Андрей Палыч, – задумчиво следя за этими усилиями, произнёс бесстрастно Магницкий, – хорошо бы взять товарища Киселя за грудки и придушить слегка? Чтоб не воровал чужие мысли на халяву?

– Дурак ты, Виктор, и не лечишься. Да он с его-то блатом, а теперь и званиями и лауреатствами впридачу знаешь какой бюджет для нашего института вышибет? Нам и не снилось. Уже парочку новейших американских компьютеров пообещал в отдел, настольных. На один стол помещаются, а памяти – как во всём нашем машинном зале, понял?

– Понял. Только вот знаю точно: коммунизма на воровстве не построить. Мне это один старший товарищ популярно объяснил на живом примере, когда уму-разуму учил.

Андрей Палыч перестал чесать репу.

– Ты что, Виктор, собираешься коммунизм строить, как Хрущёв к 80-му году? Так проехали дату, опоздал. И вот ещё что: пришлось твою работу с конкурса молодых учёных тоже того... отозвать. Сам понимаешь – нехорошо, могут в плагиате обвинить, зачем нам лишний шум на ровном месте поднимать?

– Понятненько.

– Думай, Магницкий, думай. Срочно чеши репу, Виктор, насчёт новой тематики.

– Будем чесать, Андрей Палыч.

– Вот и умница!

В состоянии полной отрешённости скитался Магницкий по коридору. Новая тема на последнем году аспирантуры. Легко сказать. Куда теперь податься? На какую сторону? От дурных мыслей отвлек Забава.

– У тебя с квартальным отчётом как дела?

– Нормально.

– А у меня труба из-за этих девиц, чёрт бы их побрал!

– Да? – иронически вздёрнул бровь Магницкий, – это ещё что за новая болезнь объявилась? Рассказывай, делись опытом с подрастающим поколением.

– Не в том смысле. Девчонки неправильно программируют мои идеи. У них, понимаешь ли, головы не так устроены, как у нас. Говоришь им, говоришь, объясняешь полдня алгоритм до хрипоты, а они на завтра приносят тебе в распечатке такую офиговенную фигню, что хоть бери и вешайся. Эх, надо было мне тоже программирование толком освоить в своё время. Вон у тебя, как я

смотрю, никаких проблем: надо – раз-два и на машину бегом, сунул Жанке конфетку в карман, и без всякой очереди прокрутил идею за десять минут на соответствие объективной реальности. Ни от кого не зависишь, счастливчик!

– Начни программировать хоть сегодня, кто мешает? Не боги горшки обжигают.

– Начни, начни, а где время взять на освоение? Отчёт позавчера надо было сдать. Нет, замучился я с этими девицами, погубят они меня. Вот сегодня сон приснился. Рассказать?

– Благолепный хоть? Или опять?

– Опять. Приснилось, представь себе, что лечу я голеньким ребёнком в колыбели, которая состоит из живых женских рук. Будто они меня держат на весу и несут куда-то вверх, и вокруг руки, руки, даже не колыбель вовсе, а гнездо уютное такое из рук женских сплетённое, а руки те колышутся надо мной, трогают, гладят и ласкают, а сами, знай, поднимаются ближе к солнышку. М-да. Необыкновенно нежные, до плеч оголённые, розовые, невинные, а я их всё равно узнаю – вон Милы ладошка прикоснулась, вон операторши Любочки, у неё такая ямочка у локтя делается при сгибе, чувства при этом самые что ни на есть приятные...

– Вильгельмины Карловны не было?

– Что? А, нет.

– Крупно повезло, иначе бы с дефектом проснулся.

– Да, и вот представь себе, разве можно, находясь в таком приподнятом настроении, сидеть за столом и писать квартальный отчёт? Я теперь хожу по институту дурак дураком, у женщин руки разглядываю и вспоминаю: были они во сне или нет. Ах, как они меня несли, как несли куда-то... Пойдём, хватанём газировки по стакашку?

– Иди, Бориска, мне надо переговорить с одним человеком.

На выходе за вертушкой стояла Пума с сумочкой, вопросительно кося в сторону Магницкого.

– Где пропал весь день, миленький? – спросила, не обращая внимания на Забаву.

– Работал, трудился над отчётностью.

– Смеёшься?

– Какой смех, еле уложился в срок.

– Чего сердитый? – прошептала Пума, беря за руку и метя уложить голову на грудь.

В этот раз чувствовался небольшой, но вполне ощутимый вес ларискиных извилин. Чуть не задохнулся от возмущения, вспомнив её вчерашнее мокрое лицо. Какого чёрта?

– Видимо, придётся тему диссертационную менять на полном скаку. Кстати, твой муж блондин или брюнет?

Пума резко отняла голову.

– А что это вдруг? Ну, брюнет. Ты разве его не видел? Одно время встречал меня здесь чуть не каждый день.

– Видел тебя в воскресенье у «Чайной». Вы с каким-то долговязым блондином танцевали под проливным дождём, выглядя при этом весьма довольными, будто всё съели-выпили, и в довершение смылись через чёрный ход, не заплатив.

– Ошибаешься, – Лариса помедлила, отведя глаза в сторону, будто припоминая, – не танцевала я ни с кем ни у какой чайной.

– А потом вчистили за троллейбусом до остановки, будто из «Чайной» за вами погнались, и бег ваш тоже был сродни танцу. Лично я завидовал.

Магницкий неотрывно смотрел на Пуму. По его логике, она должна сейчас предъявить алиби, где была и что делала в воскресенье, например, ходила с мужем в кино. К мужу он претензий не имел до недавнего времени, только к долговязому блондину, с которым Лариса выглядела намного счастливее, чем с ним, Виктором Магницким.

Однако Пума оправдываться не желала:

– Ошибаешься, ничего такого в помине не было.

– Ладно, проехали, – согласился Магницкий, – извини, мне пора.

И вышел из института. Пума семенила рядом, и это было удивительно, ведь прежде на улице она не любила ходить парочкой, тем более в центре, где пруд пруди всяческих знакомых мужа и свекровки. А тут идёт, смотрит на полном серьёзе и говорит:

– Возьми меня замуж, миленький.

– Ты вроде бы замужем у нас.

– Я разведусь, миленький. Возьмёшь?

Странно. Уж точно не видел её столь умоляющей просительницей. Будто не Пума вовсе. Да и не Лариска, та ничего тоже не просит, а эта просто умоляет подобрать её, иначе вот-вот затопчут.

– А вдруг потом брошу?

– Муж обратно примет, он любит.

– А ты?

– Я тебя люблю, миленький.

Магницкий укоризненно посмотрел мимо. Зачем сейчас-то? Счастливая парочка танцует под дождём, ничем её не остановить. Бесполезно.

– Знаешь, пожалуй, нет, не возьму. Извини, не могу, от природы очень впечатлительный.

Отнял руку и быстрым, ускоряющимся шагом побежал вперёд, куда глаза глядят.

Через две недели Пума неожиданно для всех уволилась из института по собственному желанию.

Только через полгода, когда Магницкий сам ушёл из науки на производство, где пообещали дать квартиру, однажды, пребывая в каком-то безнадежном состоянии, рискнул позвонить с уличного автомата к ней домой. Трубку взял мужчина.

– Позовите, пожалуйста, Ларису.

– Она здесь не живёт, – сказал голос, как показалось Виктору, обиженным тоном, причём на него, Виктора, обиженным, вроде он в том виноват, – и вообще давно уехала из города.

Раздались гудки.

«А где живёт?» – спросил себя Магницкий, прекрасно, впрочем, понимая, что существуют на свете вопросы, на которые не стоит искать ответы. Зачем звонил – сам не знает. Ну, подошла бы, сказала своим удивительным голосом: «Ал-ллё», – о чём говорить? Ауфвидерзейн, либэ фройлейн!

Что в переводе на русский означает, что однажды пришло ни с того ни с сего весёлое счастье, обняло за плечи, прижалось, а он взял да прогнал его прочь, и счастье ушло. А жизнь превратилась в обычное существование.

12.

Шесть лет спустя

Он попробовал раскачаться, чтобы выбраться из старой кровати с провисшей сеткой, но сразу стукнулся об пол и открыл глаза.

Со вчерашнего вечера ничего не изменилось.

Две дамы приветливо смотрели на него, стоя в большой светлой комнате возле тумбочки с фикусом. Та, что повыше, с вуалью на шляпке, была замечательно хороша собой, особенно красивы чистые глубокие глаза, в которые вчера вечером перед сном долго смотрел, отдавая должное качеству фотографии столетней давности на выцветшем полотняном коврикe над кроватью.

Кем являлись прекрасные незнакомки, Виктор до сих пор не знал, несмотря на двухмесячные розыски в пыльных шкафах и сундуках.

Меж тем с большой долей вероятности можно предполагать, что по крайней мере одна из дам имела непосредственное отношение к этой комнате и самой кровати, на которой теперь спит он. Возможно, то была её собственная кровать (дамы с вуалькой), во всяком случае, очень бы хотелось на это надеяться. Тогда старая рухлядь делалась несколько приятнее в пользовании.

Стоит повторить попытку катапультирования из провисшего гамаком лежбища. Он поднял ноги, отвёл назад, за голову, настолько сильно, насколько возможно это сделать, находясь в данном положении, после чего резко распрямился, воспарив над железным краем койки в стиле Фюсбери (вниз глядеть строгойше запрещено), в конце продолжительного полёта сгруппировался и аккуратно брякнулся на корточки посреди комнаты, мысленно себе рукоплеща.

Беда лишь в том, что пол не совсем чист.

Потолок в комнате нештукатуреный, разошедшиеся от старости доски имеют щели шириной в палец, и оттуда напрямую с чердака сыплются иногда сухие кусочки древесины, частицы пыли и шлака, покрывая собой крашенные доски пола и все прочие поверхности спальни мелким едким мусором. Проедет по улице тяжёлый грузовик – стены в такт содрогнутся, а сверху – п-ш-шш – сыпанёт за шиворот горсть сухой гадости.

Коврик возле кровати отсутствует. То есть он лежал здесь ранее – плешивый кусок, криво отрезанный от большого персидского ковра, но ему не повезло: слишком пропах лекарствами и старческой беспомощностью, что заставило расстаться с ним сразу же, преодолевая, во-первых, счастливую лень упитательных майских дней, объявляющую Виктора после того, как он переехал в этот дом, а во-вторых, и ещё одно совсем уж непонятное внутреннее чувство, запрещающее почему-то нарушать сложившийся местный порядок вещей. Новый хозяин вынес его в мусорный бак вместе с ведром пустых пузырьков и ампул из-под лекарств. По сути, коврик стал единственным предметом, который он выбросил после приобретения данной недвижимости в тихом центре города.

Итак, коврика нет, зато есть комнатный рояль, возле которого он только что приземлился. Эта дореволюционная рухлядь задвинута в угол до упора, и тем не менее занимает почти половину площади комнаты.

Стены, как и потолок, не штукатурены, сложены из потемневших во времени, блестящих, как стекло, листовых брёвен. Рояль неисправен, но

если поднатужиться и открыть заклинившую крышку над клавиатурой, с обратной стороны можно разглядеть медную шрёдеревскую табличку. Да-с, вот собственный комнатный рояль, просим любить и жаловать. Опять же нет комнатных тапочек.

После четырнадцати лет детдома, трёх – интерната и почти пятнадцатилетнего обитания по общежитиям всё имущество удалось запихнуть в два не очень больших чемодана, которые нынче сиротливо прячутся под роялем. Тапочки упустил из вида. Когда опомнился и побежал за ними вприпрыжку, оказалось слишком поздно: стоптанная пара обиделась, ушлёпав невесту куда длинными коридорами университетского общежития.

Да бог с ними, с тапочками, просто чудо, что удалось купить этот домик. Виктор радуется и не может нарадоваться тишине и тому, что он здесь совершенно, абсолютно, невообразимо один!

Один! Один!! Наконец-то один!!!

Функцию тапочек исполняют каменные от древности кирзовые сапоги, похожие на ботфорты, с голенищами, сношенными в гармошку, доставшиеся в наследство от прежних хозяев. Он шаркает в них повсюду: по саду, на кухне, а часто проходит даже в комнаты.

Солнце проникло сквозь тёмные двойные рамы с пыльными, много лет не мытыми стёклами, ставшими от этого буро-зелёными, цвета жигулёвского бутылочного стекла. Создаётся неверное впечатление, будто погода на дворе пасмурная, на самом же деле сейчас, в шесть часов утра, уже очень жарко, на поляне перед домом благоухают цветы, а от зарослей черёмух, яблонь и сирени приятно тянет сыроватой ночной свежестью.

Наступившее утро представляет на выбор несколько вариантов деятельности: можно выйти сад и позагорать там часиков до десяти, благо именно в это время практически нет комаров, можно сделать физзарядку, или совместить и то, и другое, а можно просто сесть пить чай.

По тёмным стенам мелькают солнечные зайчики – действует вечный двигатель, стоящий на подоконнике за окаменелым кактусом. Физический прибор на деревянной точёной подставке, покрытой облупившимся лаком, что-то вроде миниатюрной мельницы с крыльями, запаянной в стеклянную колбу. Пропеллер пускает хороводы солнечных зайчиков, освещая ими брёвна стен, кровать, рояль, стол, два стула, шкаф с книгами, на него можно смотреть часами, а он работает и работает. Безостановочно, завораживающе.

Старый радиоприёмник в доме не говорит, телевизор не показывает, рояль не играет, только вечный двигатель действует легко и просто, как ему и положено, отчего кажется странным решение Французской Академии наук трёхсотлетней давности о нерассмотрении изобретений вечного двигателя. Вот же он, под рукой.

Повсюду очень много ветхих книг. Те, что не помещаются в шкафах, все в ужасающем состоянии: лежат на столе, на рояле, под столом, под роялем, в сыром углу за кроватью свалена целая куча старинных учебников, над которыми витает стойкий запах плесени.

Для него по-прежнему весьма странно и непривычно, что и стены, и мебель, и книги – это рассыпавшееся гнездо неизвестного, ушедшего навсегда в небытие мира, стало вдруг его собственным.

Обув сапоги, Виктор вышел на крыльцо. Градусник показывает 25, летнее утро в разгаре.

Зачерпнув лейкой тинную воду из бочки, приступил к поливке. Спёкшаяся земля цвета остывшего пепла не приемлет жидкость, отчего та, дробясь на мелкие грязные шарики, ртутью катается по пыльной поверхности.

По мере того, как наливается большая лужа, почва вспоминает наконец о своём материнском предназначении, начинает всасывать воду с чавканьем, хрюканьем и даже каким-то невыразимым утробным гугоркотаньем, пуская пузыри. Так пьёт сдыхающий от жажды верблюд после многодневного перехода через пустыню.

Магницкий таскает лейку за лейкой. Опьянённые обилием влаги цветы теряют устойчивость – валятся как подкошенные, но всё равно пьют, пьют, уже не корнями, а стеблями, листьями и даже пестиками и тычинками.

День предстоит жаркий.

– Солнце не встало, а в Стране Дураков уже кипела работа, – раздался задорный женский голос. Створки окон на втором этаже соседнего дома открыты, в комнате у подоконника стоит Тамара в голубом купальнике, с ленточкой на лбу, сзади волосы стянуты в тугой узел. По утрам она занимается аэробикой, и для своих сорока лет выглядит весьма свежо.

Магницкий отсалютовал пустой лейкой:

– Нам зарплаты не надо, нам работу давай!

Большая сонная ворона, хлеща крыльями по веткам, тяжело выбралась из бурелома в глубине сада, где провела ночь, раздражённо каркая и низко лавируя между ветками, кое-как преодолев дальний забор, улетела в Марьину рощу.

Воронье карканье и посвящённый ей собачий переполох в роще разбудили обитательницу зооуголка ослицу БERTУ, которую Магницкий слышит каждое утро и каждый вечер. Когда БERTА прерывает на минуту свою арию, чтобы набрать побольше воздуха для следующего куплета, доносится, насколько энергично проделывает па неутомимая Тамара.

Разделавшись с клумбочкой у крыльца, не меняя униформы, Виктор вышел на улицу, где принялся за поливку кустиков сирени, калины, черёмухи, высаженных на узком газоне перед домом. Все они принялись, но без утренней порции свежей водички чувствуют себя днём крайне неуютно меж двумя горячими асфальтовыми лентами тротуара и дороги.

Часы показывают половину седьмого, пора закругляться с садовыми работами да идти пить чай.

Солнце вскарабкалось поверх деревьев над центральной поляной сада. Тени от черёмух быстренько ретировались куда подальше в заросли крапивы и одичавшей малины, где под листьями, в траве скрылись от наступающей дневной жары несметные полчища комаров.

Пассажи Тамары скоро надоели проснувшейся старухе Савраскиной, живущей этажом ниже. Её окна не видны Магницкому за соседским сарайчиком, но голос свеж и потрясающе силён. Должно быть, пенсионерка подошла к форточке и обратилась непосредственно к небесам:

– Всю ночь напролёт пьяницы спать не давали, теперь эта кобылица содомская ни свет ни заря гарцует. Боже мой, боже, ну за что такие муки адские пожилому ветерану труда?

Тамара с треском захлопнула окно.

Окрестности окончательно проснулись. Где-то за черёмухами заплакал ребёнок, не желающий расставаться с мамой ради коммунальной жизни в

детском саду. Магницкий его отлично понимал, сочувствовал, но помочь решительно ничем не мог.

Доска в заборе отошла в сторону, из дыры появилось вопрошающее тамарино лицо:

– Можно у тебя в саду попрыгать? Савраскина такую бучу вечно поднимает... Здесь комаров тучи, поди? – с опаской нахмурилась на заросли крапивы.

Виктор поспешил успокоить:

– У них сонный час до вечера, прыгайте на здоровье.

Оставив Тамару наедине с ритмичной аэробикой, возвратился на кухню, пятьдесят процентов объёма которой занимает русская печь, точь-в-точь на такой путешествовал Емелюшка-дурачок.

Усевшись перед окном в кресло, от сиденья которого осталась грубая мешковина с лохмотьями какого-то мочала, налил чаю и, закинув сапоги на подоконник, окинул взором сад, где сосредоточенно машет конечностями Тамара.

Энергетические волны расходятся во все стороны концентрическими кругами, так что даже на сравнительно большом удалении возникает воодушевление и стремление сотворить нечто полезное для себя и общества в целом, и это несмотря на то, что клумбочка отлично полита, а никакая другая работа не входит в его сегодняшние планы.

Хотя именно о ней, о работе он только что думал, о работе, за которую платили бы хоть какие-то деньги. Нет, никто не спорит, было бы в высшей мере замечательно, если за хорошую работу платили хорошие деньги, но в принципе он согласен и на работу так себе, вот только где её взять? О эти глупые, сладкие мечты о хорошей работе, они так расслабляют, так убаюкивают, что когда-нибудь точно доведут его до депрессии. Конечно, не сегодня.

Тамара просто молодец, как трудится, а? Продавщица овощного магазина, сорок лет, незамужняя мать взрослой дочери, учащейся железнодорожного техникума, обитательница казённого дома с общей кухней на весь этаж, обруганная с утра пораньше соседкой снизу, танцует аэробику. По сравнению с ней Магницкий – богач, приобретший вместе с частным домиком дополнительное наследство.

Чашка, заварник, сам чайник – всё осталось от прежних хозяев. Даже банку со смородиновым вареньем он нашёл в кладовой на полке, к сожалению, варенье катастрофически быстро тает.

По причине полного отсутствия денежной наличности вместо индийского или цейлонского чая Виктор заварил смородиновые листья. Вообще-то, если выкинуть из головы дурацкие мысли о деньгах, жизнь сразу становится прекрасной.

Он пьёт чай, развалившись в собственном кресле, пусть из старой треснутой чашки, но при этом в его саду энергично танцует женщина. Немного не хватает мраморных купален, фонтанов, роз, хоть в более простых цветах недостатка не ощущается, а поляна перед домом заросла всевозможными травами, напоминая нетронутый человечеством первозданный луговой пейзаж.

Вот, кажется, и всё, утренний шейпинг закончен. Тамара подхватила магнитофон, но почему-то снова опустила его в траву, смотрит задумчиво в сторону дома и направляется по дорожке к крыльцу.

Поздняк метаться, карапузики.

Она заходила пару раз в гости, поэтому Магницкий не стал хвататься за веник, лишь кирзовые сапоги спрыгнули с подоконника.

– Я к тебе на минутку, спасибо сказать.

– Пожалуйста... чай будешь?

– На работу пора, магазин открывать. Ещё не выбросил старьё? Хочешь, помогу?

– А... есть-пить не просит, пусть себе стоит.

Тамара заглянула в комнату, которую Магницкий про себя называл столовой, здесь располагаются колченогий стол, обшарпанный столетний буфет, испорченный телевизор, зато стены и потолок не только оштукатурены, но и побелены.

– Много ещё в городе вот таких квартир из прошлого века сохранилось. Я бы на твоём месте деревяшки выбросила к кузькиной матери, купила современную обстановку, мягкую мебель, так-то домик ещё ничего, лет двадцать отстоит, не рухнет. – Смело шагнула в спальню. – Вот здесь бабулька и спала, на этой кровати. Слушай, скажи честно, как по утрам выбираешься? Помаленьку, да? Тебе ведь на работу бежать не надо сломя голову. Работу не нашёл? Я могу переговорить с заведующей. У нас один грузчик запивается, его уволят, пойдёшь?

– На чужом несчастье счастья не построишь.

– Удивительно, как бабуля могла вылезать из этой люльки, да ведь? Ну-ка, попробую.

Хлопнулась спиной в кровать, и, конечно, ударилась об пол:

– Ой, мамоньки мои, копчик отбила, слушай, предупредить же надо!

Магницкий протянул руку помощи.

– Нет, сама. Расскажи, как ты выпрыгиваешь.

– Очень просто. Ноги вверх!

– Нахал!

– Методику объясняю! Поднимаешь ноги не сгибая в коленях, заводишь назад как можно дальше, вот туда, сильнее... хорошо. Далее резким движением надо выстрелить из сжатого положения... стой...

Не успел объяснить до конца, как обладательница тренированного брюшного пресса Тамара уже взлетела почти вертикально к его носу, опасно зависнув спиной над железным краем кровати.

Пришлось по-волейбольному сообщить телу горизонтальное ускорение, благодаря которому оно благополучно пролетело ещё полметра и плюхнулось на не вполне чистый пол, рядом с музыкальным инструментом, сделанным из очень твёрдых пород дерева.

– Извините...

– Учти, – Тамара отряхнула ладони и колени от мусора, – приду к тебе в следующее воскресенье мыть пол, если до этого не приберёшься.

– Постараюсь, – не слишком испугался Виктор, бережно сопроводив соседку к выходу.

С крыльца проследил, как она, убыстряя шаг, зашпешила по дорожке, подхватила магнитофон, и, легко увёртываясь от разлапистых объятий мужеподобной крапивы, элегантно исчезла за доской забора.

Помахав на прощание, возвратился к насиженному креслу, не без удовольствия вновь забросил сапоги на подоконник, продолжив необыкновенно приятное утреннее чаепитие в полнейшем одиночестве.

Солнышко основательно прогрело большую часть сада, цветы на поляне обсохли от росы, над ними закружили десятки бабочек. Крылатые гурманы неторопливо, со знанием дела перелетали с цветка на цветок в поисках нектара. При виде столь умирительной картины его посетила первая за утро идея собственного трудоустройства.

Вообще-то за день в голове мелькает до двух десятков лучших или худших идей, на обдумывание их всех скопом Магницкий тратит минут пятнадцать времени. Всем хорошо известно, что самые плохие идеи являются, когда человек голоден. Тогда просто хочется пойти на ближний гвоздильный завод с паспортом и трудовой книжкой да устроиться каким-нибудь контролёром ОТК, вот только денег на заводе не платят принципиально, отоваривая трудодни в буфете белым хлебом и засахаренным кизилловым джемом. Полгода ударной работы – и диабет обеспечен.

Немного лучшие по качеству идеи рождаются, если испить чая со смородиновым вареньем и прийти в удовлетворённое жизнью состояние, вроде как сейчас.

Ах, с юных лет ему нравилось знать из географии, что где-то на чудесном острове Борнео существуют профессиональные ловцы бабочек, которые продают свой экзотический товар туристам и коллекционерам за весьма приличную цену. В детстве он мечтал оказаться с сачком вне детдома на этом дивном острове, среди пышных джунглей, далеко-далеко в тропиках, посреди голубого океана. Изумительная голубая лагуна, великолепный белый песок, и никого... кроме бабочек, разумеется.

Так вот, почему бы ныне, пусть не на Борнео, а в родном саду не заняться этим самым сачковым бизнесом в мире? Что у нас числится на балансе?

Сотни порхающих бабочек. Пошить из старой марли сачок не составит труда, после чего можно сразу идти на поляну сачковать. Почти Борнео! А словив десяток штук, тут же, свеженькими, с пылу с жару отнести на ближний энтомологический базар да продать удивительно редкие экземпляры коллекционерам. Виктор просто уверен, что таких великолепных крапивниц, как у него, нет на сто вёрст вокруг, потому что нигде нет такой замечательной махрово-жгучей, густой крапивы. Стороннему соседскому наблюдателю кажется, что не крапива это, а целый ельник. Выше человеческого роста вымахала!

Но что-то слишком сильно размечтался, особенно про базар.

Товара много, самого наилучшего, а как обстоит дело с коллекционерами? На местных аборигенов надежды нет, наверняка ловят сами, значит, надо искать заграничных.

К сожалению, западных туристов на местных улицах тоже не густо.

И те, что есть, всё народ сверх меры занятый по своему штатному религиозному профилю. Слабенько тренькают на гитаре, подпевают друг дружке как могут что-то малопонятное, притоптывают на сцене, и таким чудным способом проповедуют слово господне в Доме Пионеров юным атеистам, заманивая их конфетами, кои не слишком-то щедро, по счёту, раздают при завершении такой смешной службы. Нет, не тот иностранный контингент пошёл. Того, который создал бы постоянный, обеспеченный долларами спрос на рынке здесь нет.

Облизав банку со смородиновым вареньем, путём несложных умозаключений пришёл к неутешительному выводу, что если таковой и

существует, то самый что ни на есть минимальный, в противном случае детки, подрабатывающие у водопроводных колонок мытьём автомобилей, давно бы побросали свои пластиковые вёдра и в одночасье избавили его уголья от летающих вредителей. Что ни говори, а дети – самый чуткий индикатор на ниве малого бизнеса. Не то. Не то, Виктор.

Или пойти наняться преподавателем информатики в школу для слаборазвитых, которые не так сильно курочат технику, как развитые? Пожалуй, где-то в глубине души он созрел для подобного героического шага. К сожалению, даже такие смешные вакансии отсутствуют на щите местного бюро трудоустройства, когда в карманах, как назло, закончились не только тысячи рублей, но и сотельные бумажки, эквивалентные прежним копейкам.

Настала пора подыскать себе что-нибудь приличное, какую-нибудь службу, дающую пусть небольшой, зато постоянный доход. Здорово звучит: постоянный доход.

Магницкий повторил вслух, чтобы стены его жилища мистическим образом были в курсе того, о чём в глубине души мечтает их хозяин, и в случае чего содействовали.

Али выстроить в саду временный шалашик? Переселиться в него на летнее время, а свою доисторическую койку сдать абитуриентам, что вот-вот должны приехать поступать в университеты?

От очередной идеи отмахнулся сразу же, припомнив, сколько в саду комаров: гибельный вариант.

А что ещё есть кроме комаров, стен и бабочек?

Если смотреть из окна кухни в сад, то прямо по курсу развалины большой углублённой в грунт бревенчатой теплицы с кирпичным фундаментом. Для выращивания ранних огурцов потребуется немалое количество капиталов, которые неоткуда привлечь, так, это раз, идём дальше: черёмуха ещё не поспела, смородина с малиной тоже. Крапива, кругом одна первосортная крапива.

Ранней весной из неё получился бы неплохой супчик.

Вдруг он подскочил и, громыхая сапогами, бросился в сад, туда, где недавно в густой крапиве обнаружил несколько кустов пионов, грозившихся вот-вот расцвести.

Палкой раздвинул крапиву и обалдел от восхищения: нигде и никогда не видел таких огромных тёмно-красных, почти чёрных, распустившихся цветов. Душа немедленно воспела гимн солнцу при виде чуда, запросила романтических и сумасбродных поступков. Например, выйти на улицу и подарить букет первой встречной девушке. А что? Откроет калитку и вручит. Легко представить, как той будет приятно. Должен хоть кто-то в этом мире делать людям приятно. Наверное, сегодня наступила его очередь.

Сломил семь чудных веток с полураспустившимися бутонами, поболтал их в бочке, смывая нахальных муравьёв, и затаился, поджидая прекрасную незнакомку.

Незнакомка не заставила себя долго ждать.

По асфальту громко застучали её каблучки, приближавшиеся со скоростью курьерского поезда. Не вполне ясный, но очень обаятельный образ забрезжил в сознании. «Во всяком случае, – подумал он, – эта дама не пенсионного возраста», – после чего резко отворил калитку и вместе с букетом смело шагнул вперёд.

На полном скаку в него грудью, по-кавалерийски врезалась Тамара.

– Ой! Напугал до смерти, чуть кондрашка не чокнула. Нет, правда, утром я всегда боюсь... ой, даже сердце поперхнулось... на улице-то никого, а у меня в сумочке ключ от магазина. Это мне? Красотища какая. Ну, спасибо, домой не понесу, возвращаться – удачи не будет, на работе поставлю, скажу нашим бабам: «Вот, мне мужчина сегодня с утра пораньше преподнёс!». Умрут бедолаги напрочь. «За что?» – спросят, а я им: «Догадайтесь с одного раза». Знаешь, нам хороших яблок привезли, китайских, тебе отобрать каких получше? Есть капуста скороспелая, приходи, отпущу по оптовой цене без наших магазинных накруток.

Тамара умчалась дальше, а Виктор вернулся к пионам в крапиве: жажда благодетельствовать после первого, не вполне успешного опыта отнюдь не иссякла.

Что если сходить на предпоследнюю работу, в Информационное Бюро, где у него когда-то было приличное место ведущего программиста, неплохая по тем временам зарплата, да проверить, насколько близки к истине слухи о том, что бюро после многократных сокращений закрыли совсем? Возможно, кто-то остался живой, если верить тому, что в природе ничто не исчезает бесследно?

На этот раз цветы пришлось срезать и белые, и красные, погладить рубашку, надеть приличные белые штаны и даже завязать галстук, от которого напрочь отвык за два года, проведённых у Жаркова на стройке капиталистического завода.

Галстук – несомненное излишество по такой жаре, но душа жаждет праздника, и вот, поглядев на себя в старое зеркало, изъеденное чёрными пятнами, нашёл, что вновь приобрёл черты ведущего специалиста в области программирования, известного в бюро. Хотя бы чисто внешне. Будто бы не работал сварщиком, бетонщиком, землекопом, и не продавал в январские морозы на улице мороженое «Пингвин». Для полного соответствия недурно подстричься, но на текущий момент это чрезмерная роскошь для его пустого кошелька, и, кстати, неплохой эффект даёт элементарное подравнивание висков электробритвой.

Интересно знать, остался ли там кто-нибудь?

13.

На дверях сверкали десятки табличек с названиями страховых обществ, юридических консультаций, оптовых фирм. Жизнь в них бурлила ключом: раздавался смех, шумели ксероксы, факсы лениво сплёвывали бумажные листы, секретарши бегали с пластиковыми чайниками за водой для томимого жаждой начальства, однако Информ-Бюро никому из них не было известно. Никто не мог сказать о нём никакого слова, ни хорошего, ни дурного. Оно кануло в Лету бесследно, не оставив даже расходящихся кругов, оказавшись абсолютно ненужным, как социалистические принципы ведения хозяйства.

Единственным памятником недавнему славному прошлому, который смог отыскать Виктор внутри здания, было стоящее в тёмном углу коридора на третьем этаже разукомплектованное печатающее устройство, ужасно громоздкое и несовершенное по нынешним временам, к тому же чересчур неподъёмное, чтобы кто-то теперь его за здорово живёшь взялся вытащить с третьего-то этажа, да по крутой узенькой деревянной лестнице! А Виктор

прекрасно помнит, как, надрываясь, бережно тащили вверх! Как бы не стукнуть, как бы не сломать!

Жутко печальная картина.

Провёл пальцем по стеклу, оставив след на толстом слое пыли, и, вздохнув, принялся писать скромную эпитафию: «В данном помещении трудился сплочённый коллектив Бюро... В конце, как подобает, начертал: “Группа товарищей”».

Осталось возложить цветы на скромное надгробие. Полюбовавшись так и эдак, остался доволен производимым эффектом.

Рядом с памятником на двери значилась табличка «Директор». Просто, без всяких там сопроводительных дифирамбов в стиле «ООО» или «ЛТД», допотопная советская табличка без глянца – бронзой по чёрному фону, для внутреннего потребления.

Неужели беспримерный Леонид Андреевич до сих пор пребывает здесь, как последний, самый высокорослый тромбонист оркестра на палубе тонущего «Титаника», и знай выводит прощальную мелодию, стоя по горло в ледяной воде?

От таблички за версту несло сюрреалистическим бредом. Казалось, стоит отворить дверь, обрадованный директор схватит за рукав и скажет, немного заикаясь: «А не-не хочешь ли ты сегодня, Виктор, п-ппойти на стройку отработать ещё один денёк? По-по-последний раз?».

Не без мистического трепета посетитель дёрнул ручку на себя, ощутил запах дорогих духов, кофе, и действительно увидел остатки прежней мебели директорского кабинета.

Впрочем, в былые времена директорский кабинет находился в другом месте, а здесь располагалась комната программистов с небольшим машинным залом для мини-ЭВМ вон за той дверью. Судя по внутреннему убранству можно предположить, что тут не только выжили, но как бы даже процветают, хотя, конечно, без великого и могучего Леонида Андреевича, по непроверенным слухам, давно отчалившего в Москву.

Скромная прежде комната сплошь заставлена офисными шкафами, мягкой кожаной мебелью, на столах красуется парочка очень приличных компьютеров.

Для мини-ЭВМ требовалось отдельное помещение с кондиционером, поддерживающим необходимые температуру и влажность, штат инженеров-электронщиков, программистов, снабженцев, бухгалтеров и начальства. Сколько народу крутилось, приятно вспомнить! Магницкий прислушался и почувствовал, как кольнуло сердце – до боли знакомый шум нёсся из-за дверей. Неужели ещё работает?

Забрав с несостоявшегося памятника цветы, сдул с них пыль, и, пряча за спиной, проник в кабинет со скромной грацией интеллигентного человека, входящего в баню с берёзовым веником под мышкой и уже осознавшего, что забыл дома помывочный талон.

В кабинете директора находился один-единственный человек: у окна стояла высокая элегантная шатенка в белом костюме, говорившая по телефону.

Вежливо, и от того не менее непреклонно требовала со своего абонента возврата некой суммы, а тот, судя по всему, вертелся на другом конце провода как уж на сковородке, изо всех сил пытаясь отсрочить расставание с оной.

В огромное раскрытое окно влетал ветерок, было в кабинете необычайно солнечно. Смешно дожидаться от подобной женщины, что она подойдёт к вам и положит голову на грудь, не стоит даже надеяться, и тем не менее Магницкий ощутил давно позабытую радость жизни. Да, это не Пума, конечно, но тоже на удивление хороша!

Немного печально, что элитная женщина выше его как минимум на пару сантиметров, а каблук её босоножек, увы, совсем низкие. Полуобернувшись, она рассеянно кивнула, знаком предлагая садиться. Зачарованный Магницкий остался стоять, нервно крутя за спиной букетом, словно хвостом.

Да встречал он её прежде, и многократно, почти каждое утро, несколько лет назад, приходя на работу в Бюро, но в той прежней жизни почему-то никогда не замечал привлекательности, возможно, её просто не было?

Изумительная женщина, словно сошедшая с обложки рекламного модельного журнала, была тогда инженером Олей, девушкой вполне обыкновенной, да и знаком он с ней не настолько, чтобы сейчас развести руки для объятий и воскликнуть: «Сколько лет, сколько зим!».

– А, здравствуй, здравствуй, – сказала, положив трубку на аппарат, хозяйка кабинета, сама выбирая товарищеский стиль общения, – каждый день кто-нибудь навещает, очень хорошо, проходи, гостем будешь.

Магницкий приободрился, вытащил из-за спины цветы:

– Мне рассказывали, что контора пошла ко дну, но теперь вижу, что это неправда. Поздравляю, товарищ директор.

– Спасибо. Роскошные пионы. Сейчас поставим в вазу.

– Дела идут неплохо?

– Никуда они не идут, эти дела, откровенно говоря: договоров новых нет, прежние ушли или собираются уйти. Собственно, всё предприятие сжалось до размеров одной комнаты и одного человека. Я и директор, и бухгалтер, иногда мою пол, значит, и уборщица на общественных началах. Ну, а ты как? Если не секрет?

С некоторых пор на столь прямые вопросы Виктор Фёдорович отвечал с неизменно широкой улыбкой:

– Преподаю. Немного.

Она оживилась и, кажется, обрадовалась за него:

– Здорово. А где?

– Чаще на дому у клиентов. Репетирую по математике. На хлеб хватает, при желании и рекламе, разумеется. Но хочется большего, кстати, имеются практические идеи.

– Большого хочется всегда. Давай пить кофе? Если есть реальные деловые предложения, выкладывай. Только, чур, торговлю не предлагать. Я уже пробовала торговать с машины мужскими ботинками, очень не понравилось, и возвращаться к этому не хочу.

– Торговал мороженым с лотка прямо на тротуаре, испытываю те же искренние чувства. Может быть, следует слегка изменить курс? Пойти в другие широты?

– Не знаю только, куда, – усмехнулась Ольга. – Даже имея на руках живое предприятие без долгов перед налоговой инспекцией, красивую печать, автомашину «Москвич» на ходу, пару компьютеров и несколько бухгалтерских программ по зарплате и балансу.

– Продажа бухгалтерских программ отпадает. Сегодня каждый второй бывший программист дилерствует, продавая свои и чужие наработки. Если не берут, отдаёт просто так.

– Кое-что кое-кому продать, конечно, можно, сугубо по мелочам, в кредит и за бартер. Я тут думала начать издавать газету с информацией о ценах на товары и услуги. Дело в том, что к нам по телефону многие обращаются с просьбой их рекламировать, и даже из других городов звонят, их обманывает наше название. Как считаешь, может, попробовать?

– Кто будет покупать новую многотиражку, если по субботам толстенную «Рекламу» в тридцать шесть страниц бесплатно во все почтовые ящики расписывают? Да ещё «Барахолку» по четвергам. И тоже бесплатно, с программой телепередач на неделю.

– Рекламодатели должны платить, но ты меня расстраиваешь.

– А давай займёмся недвижимостью? У тебя прекрасные манеры современного менеджера, есть готовая контора в деловом районе. Напишем программы по ведению базы данных с информацией о квартирах, садовых участках, гаражах, и даже погребках, если потребуется. Со своей стороны обеспечу сбор, обновление и выдачу информации. Нужна, к примеру, человеку квартира на Третьей улице Строителей не дороже 70 миллионов, делаем запрос в базу данных – пожалуйста, списочек, не бесплатно, конечно, тысяч за пятнадцать. Я уже чувствую, от клиентов не будет отбоя, они рванут к нам толпами, за пару месяцев весь городской спрос приберём к рукам.

– Смею напомнить, что контор по торговле квартирами куда больше, чем торговцев бухгалтерскими программами. В программировании надо хоть что-то немножко понимать, зато специалистом по жилью считает себя каждый обитатель сарая.

Виктор поперхнулся последним глотком кофе. Не целясь, она угодила прямо в точку. В конце концов, у него на руках одна из утренних голубоватых идей, витающих под разохшимся потолком, а предприятие с гербовой печатью, машиной и компьютерами у неё. Ясно, кто принимает решение.

Ольга – деловая женщина, близкая к банкротству, несмотря на всю свою презентабельность, шарм, ум и эти небесные глаза, а он – вообще безработный с пустыми карманами. Единственным удачным предприятием стало приобретение развалюхи, где можно приклонить непутёвую голову.

Вспомнив о неоспоримой и бесценной своей удаче, Магницкий не мог не порадоваться в очередной раз. Про абстрактную недвижимость решил более не заикаться.

– Кстати, Денис окончил институт?

Её взгляд бесстрастно концентрируется на перламутровых ногтях.

– Да, у него сейчас своё дело. Но вообще-то... мы живём раздельно.

– Ясно, – преувеличенно бодро констатировал Виктор. – Ну, мне пора заниматься с учениками. В нынешней ситуации это самый надёжный вид бизнеса: «Делай, что умеешь, – как говорят на радио БИ-БИ-СИ, – и что нужно кому-то. И успех неминуем».

Они расстались, приветливо кивнув друг другу, почти деловыми партнёрами.

От своего вранья про успех Виктор бежал очень быстро.

К тому же действительно пора было переходить на лёгкий бег: единственный летний ученик Стас жил на конечной остановке троллейбуса. В августе у него переэкзаменовка, Виктор занимается с ним три раза в неделю по два часа. За каждый час получает пять тысяч ровно, итого в месяц набирается сто двадцать. Имей он ещё парочку таких учеников, и хлеб с маслом был бы каждый день, но пока Стас – единственная надежда и отрада.

Тысяча уйдёт на троллейбусные талоны, итого останется девять. Свой проезд туда оплатить нечем, придётся ехать зайцем. За четыре остановки до пункта назначения в салоне появился недовольный жизнью и окружающими гражданами контролёр, пришлось катапультироваться раньше времени и основательно поторопиться, чтобы вовремя взбежать на пятый этаж по грязной замусоренной лестнице и позвонить.

– Кто там? – буркнул микрофон.

– Репетитор пришёл.

– Стаса нет, он уехал и просил передать, что его не будет сегодня, – сказал Стас мужественным басом старшего брата Андрея.

Желанные десять тысяч затрепетали перед взором, после чего стали медленно таять в лазоревой дали. Допустить такое разорение в его и без того аховом состоянии невозможно.

– Открывай, Стас, я тебя узнал, если не откроешь, вечером позвоню матери, тогда уж не взыщи.

– Ну вот, сразу и жаловаться.

Маленький, худенький, конопатый Стас просунул рыжую голову в дверь:

– Здравствуйте, Виктор Фёдорович. А между прочим, мамаша свалила на курорт, сидит там по уши в грязевых ваннах, значит, вечером бы вы до неё никак не дозвонились.

– Ладно, будем считать твоё заявление явкой с повинной, главное – ты дома, идём заниматься.

– Ой, Виктор Фёдорович, я ещё не обедал. У меня малокровие начнётся или, чего доброго, дистрофия.

– Хорошо, даю десять минут на еду, после чего приступаем к занятиям.

– Если при поглощении пищи торопиться, может развиваться гастрит и даже язва желудка. Эти десять минут за мой счёт, или за ваш?

– Конечно, за твой, и учти, время пошло, ты на счётчике.

Мать Стаса работала когда-то врачом, теперь домохозяйка, отец торгует запчастями на автомобильном рынке вместе со старшим сыном. У них довольно запущенная двухкомнатная квартира, которую они мечтают обменять на большую, есть видик, компьютер, машина, но нет ни одного целого стула.

От сидения на инвалиде ноги быстро затекают из-за неудобной позы, которую необходимо сохранять для поддержания равновесия. Когда стало невозможно, Виктор дал Стасу пример на самостоятельное решение и начал прохаживаться по шестиметровой комнате, заставленной двухъярусной кроватью, шифоньером и огромными мешками. Два полшага туда, два полшага обратно по узкому свободному пространству.

Когда Стас решает, он шурится, кривится, многочисленные эмоции тесно соседствуют на усыпанном конопушками маленьком, очень подвижном личике.

– Не подсматривайте! – кричит, загораживая тетрадь ладошкой, – не подсматривайте, когда я решаю!

Магницкий отворачивается, глядит в окно через металлическую решётку.

– Зачем на пятом этаже решётки?

– Ага, зачем! Нас уже дважды с крыши обворовывали. Теперь папаша купил настоящую боевую винтовку, пусть только сунутся! Хотите, покажу?

– Не надо, решай.

Однако если Стас чего захочет, его не остановить: вот исчез в другой комнате, откуда мгновение спустя начинают доноситься пощёлкивания, и тут же вернулся с оружием, снабжённым прикладом из металлических трубочек.

Целится по сторонам, потом старательно наводит ствол на своего репетитора, долго шурится и с удовольствием нажимает спусковой крючок.

Неравенство решил неправильно. Но ещё не знает об этом и страшно горд, что самостоятельно довёл выкладки до конца.

Магницкий проверяет медленно, ставя галочку в каждой строке, где нет ошибки: «Верно, и здесь верно, молодец какой стал, а?».

– Неплохо, неплохо, а вот здесь вовремя поменял знаки, очень даже хорошо, на миллиметр всего прошёл мимо верной тропинки. Посмотри внимательно сюда.

Стас смотрит и краснеет.

– Но кроме этого единственного места остальное было верно.

Ученик оживает.

– Вы знаете, Виктор Фёдорович, я думаю, прошёл здесь рядом не на миллиметр, а на микрон, правда же?

– Согласен, а теперь реши такой же точно пример, уж до конца всё правильно.

– Но вы не подсматривайте! – кричит Стас. – Не глядеть! Отвернитесь! Ничего себе... такой же... совсем другой.

Магницкий бросил взгляд на часы. Ещё заниматься и заниматься. Стас grimасничает, как маленькая обезьянка, корчит рожи, показывает фигурки из-под стола, фыркает: «Фак... фак, Виктор Фёдорович, вы знаете, как перевести ю из а фак?».

Нетрудно себе представить, насколько быстро подобное поведение доводит школьных учителей до белого каления. У Виктора метода простая и надёжная: смотреть на часы, вычисляя, сколько осталось до конца занятий, ласково улыбаясь, что само по себе производит на бережливую душу Стаса отрезвляющее впечатление.

– Всё, решил, – говорит он, – проверяйте. Нет ещё, нет, минуточку, – и обводит каллиграфически буквы и цифры в ответе.

Когда Стас старается, почерк у него просто идеальный, ему бы писарем в прошлый век, в канцелярию, к перьям и чернильницам – до столоначальника дорос непременно.

Вручает Магницкому тетрадку грузом бесценного сокровища. Виктор берёт ручку с красным стержнем, Стас отворачивается, будто это не авторучка, а шприц. И вдруг репетитор видит, что пример решён правильно. Сообщает об этом громогласно, в награду жмёт руку, после чего тоже каллиграфически

вырисовывает большую красную пятёрку, в скобках пишет «отлично» и расписывается.

Счастью Стаса нет предела.

– Давайте, Виктор Фёдорович, передохнём немного, чая попьём, у меня во рту всё пересохло, – в одно мгновение на столе появляется поднос с чашками, пирожными и печеньем. – Пробуйте, пробуйте, печенье сам пёк, нет, без дураков, сам.

– Вкусное печенье. Руки у тебя, Стас, золотые.

– Голова тоже. Мне сейчас главное в девятый класс перейти, там до Нового года простоять, до июня продержаться и свалить в кулинарное училище. Поваром буду высшего разряда. Знаете, сколько шеф-повар в ресторане зарабатывает?

– Понятия не имею.

– Мать говорит, что много.

– Ну, хорошо, если решишь три задачи без ошибок, отпущу на пять минут раньше.

– Не-а, до конца будем заниматься. Время – деньги, Виктор Фёдорович.

В итоге они сидят на пятнадцать минут дольше, пока зловредный ребёнок не решает три примера подряд правильно. За каждый Виктор ставит ему по жирной пятёрке, с «отлично» и росписью. С видом большого удовлетворения Стас складывает в стопочку тетради, учебники по алгебре, геометрии и объявляет очередную выдумку:

– Виктор Фёдорович, вы извините, что сразу забыл сказать. Это, короче говоря, мать не оставила денег на репетитора, позабыла, наверное, сильно торопилась, путёвка была горящая.

Так вот чему мысленно улыбался наш юный друг последние десять минут: конструировал данную фразу, и теперь с хитрым любопытством ждёт ответной реакции.

– Жаль, а у тебя вроде бы начало получаться, но ничего не поделаешь, придётся пока отменить наши встречи вплоть до приезда твоей мамы, надеюсь, ты понимаешь, что простаивать мне не с руки, придётся взять другого ученика, вы с мамой тоже потом подыщете другого репетитора.

– А в кредит нельзя?

– Кредит портит отношения, спроси у папы, он подтвердит.

– Стойте, стойте, уж ладно, я вам из своих денег отдам.

Прощаясь, Стас послал в открытую дверь воздушный поцелуй и быстро её захлопнул. Это насторожило Магницкого, хотя несколько запоздало. Пересчитал деньги – так и есть, одной пятисотки недостаёт. Ну что ты будешь делать, рыночная стихия всех воспитывает на свой лад, и маленький Стасик тоже хочет иметь с урока небольшой гешефт.

15.

Недоимку Виктор переложил на широкие плечи муниципального транспорта, прокатившись бесплатно на троллейбусе.

Завернул на уличный базар, состоящий из нескольких палаток, где цены немного ниже магазинных, купил кусочек костромского сыра размером с ладошку, пачку масла и булку хлеба. На этом репетиторские деньги

кончились, в голову караваном одногорбых верблюдов потянулись было трусливые мыслишки насчёт гвоздильного завода. Впрочем, сейчас они показались ему размером с ослов, которых легко разогнать пинками, приговаривая при этом: «Перезимуем, не сорок первый!».

Тем более, в кабинете его хорошей знакомой Ольги Дальской, очень, кстати говоря, симпатичного умницы-директора простаивают на столах без дела два современных компьютера, вот бы где развернуться! На какую только тему? Надо срочно выдумать лёгкий, необременительный, главное, доходный бизнес!

Оптимистично мурлыча под нос строку из любовной оперетки, Виктор подошёл к своему дому, где его приятные размышления прервал отлично одетый молодой человек с безукоризненным пробором шевелюры и розово-упитанными щеками, но без той ещё мужественности во взоре, по которой можно безошибочно судить, что костюм куплен за собственные деньги.

Виктор готов ставить десять против одного – прекрасную тройку цвета кофе с молоком приобрёл любимцу фортуны папа. Нет, этот молодой человек не торговал ночью палёной водкой в коммерческом киоске, создавая первоначальный капитал.

Когда юноша ринулся навстречу Виктору, тот замедлил шаг и не стал торопиться открывать калитку во двор.

– Вы не знаете, где здесь проживает преподаватель математики? – спросил подбегавший тоном, каким пассажиры обычно вопрошают на тонущем корабле: «Где здесь спасательный круг?».

– Считайте, вам несказанно повезло, молодой человек, и вы его нашли с первой попытки, – успокаивающе произнёс Магницкий, ни секунды не колеблясь. – Выкладывайте свою просьбу.

Но молодой человек не мог сразу поверить своему счастью, карие глазки светились подозрением.

– Дело в том, что нужно решить несколько задач, не очень трудных.

– Нетрудные все решают сами с помощью соседей и родителей. Если я вас правильно понял, вы – студент заочного отделения и вам требуется сделать контрольную по математике.

– Ну да, – с некоторым сомнением согласился юноша.

– Нет проблем. Давайте свои задачи и приходите завтра примерно в это же время, не забудьте прихватить пятьдесят тысяч оплаты. Хотя, вижу, вам надо поскорее, ладно, ладно, можете зайти утром.

– Одна моя знакомая сидит сейчас на экзамене. Нужно срочно решить вот эти примерчики, – он сунул свёрнутый многократно листочек.

Раз так, кое-кому действительно требуется спасательный круг.

– Идёмте, – произнёс Магницкий очень решительно, – спасение друзей – это святое! Знаете что? Раз такое дело, я даже не буду поднимать цену за срочность исполнения.

Оставив молодого человека наслаждаться красотами сада у гнилой скамейки, сесть на которую тот не решился, Виктор вбежал в дом и бросился искать нужные формулы из аналитической геометрии и высшей алгебры среди груды книг, сваленных в углу.

Странное, однако, дело. Книги в доме самостоятельно меняются местами: ещё сегодня утром здесь не было этих трёх аккуратных стопочек, а дверки шкафа были плотно прикрыты, теперь всё наоборот.

Через двадцать семь минут он порадовал немного опухшего от комариных укусов влюблённого молодого человека подробно решёнными и

ясно написанными задачками. Данный бизнес Виктору всегда чрезвычайно нравился.

– А давайте сбавим цену? – мило улыбнулся юноша, обнаружив на милом лице сразу три привлекательных ямочки: две на щеках и одну на подбородке. Очевидно, не зря тратил время в томительном ожидании, тоже кое-что успел сочинить. – Давайте за двадцать пять тысяч всю контрольную, получается целых пять тысяч за задачку, неплохо ведь?

Сделалось ясно: папа прилагает руку не только к гардеробу подрастающего поколения, но не увиливает и от воспитания. Плоды налицо.

– Мой друг, – приступил Виктор к разговору задумчивым тоном человека, которому давно некуда спешить, пряча листочки с решениями за спину, – каждая потраченная минута на, согласитесь, ненужный, по сути, диалог может самым трагическим образом сказаться на судьбе экзаменуемого... или э... экзаменуемой.. Поэтому у меня э... имеется к вам предложение. Предложение самое простое: может быть, не будем торговаться? В начале нашей встречи условия были сформулированы вполне однозначно, и вы по умолчанию цену приняли, устный договор заключён, а стало быть, теперь, по завершении работы, надо просто оплатить результат наличными. Или я пойду ужинать. Извините, с работы.

– Хорошо, старик, сорок тысяч, – молодец безмятежно рассматривал окрестности. – У вас тут здоровски. Мне нравится. Это вся территория ваша? Здесь можно запросто расположить летнее кафе, японский сад камней и зимний ресторан с корейской кухней, ещё место для парковки останется. Вы позволите мне утрясти все вопросы? Я очень быстро провентилирую, поверьте, в накладе не останетесь.

Тут только Магницкий в полной мере обнаружил, как сильно он ошибался. Определённо судьба обещала выделить юноше в недалёком будущем лучшие места на стамбульской толкучке.

– Предпочитаю собственный сад всем японским булыжникам Фудзиямы, Хоккайдо, Кюсю, а главное, Сикоки вместе взятым.

Не прошло и пяти минут занимательного географического разговора, молодой человек стал, нервничая, любопытствовать: каким образом ему будет гарантирована правильность решения задач, на что получил ответ: «Абсолютно никаким», и тут же сдался. Долгожданная купюра хрустнула в ладони Виктора, чтобы через полчаса бесследно испариться в ближайшем магазинчике на углу, с воздушным названием «Баттерфляй», которое обычно переводится «бабочка», но почему-то на красном кирпичном фасаде красовался разноцветный павлин с огромным пышным хвостом.

Как говорится, своя рука владыка.

Здесь он отоварился копчёной колбасой, консервами, бутылкой сухого вина, а также некоторым количеством стратегического провианта в виде двух пакетов лапши и кило пшена.

Роскошный ужин раз в месяц никому не помешает. Любой проживший в общежитии больше недели человек отлично знает, каким волшебным свойством притягивать гостей обладает сковорода жареной картошки, несомая из кухни в комнату по длинному-предлинному коридору. Практика открывала перед Магницким новые горизонты жизненной правды: частная собственность также не есть исключение в данном роде.

Не успели дольки колбасы уютно свернуться на тарелочке рядом с пластиками сыра, а голова в очередной раз насладиться мечтой, на каком

именно компьютере рядом с изысканно-красивой, деловой Ольгой Дальской расположится Виктор работать в будущем, и как бы ему скорее приблизить это прекрасное далёко, желательно прямо на завтра-послезавтра, тут же, вплотную к окну дома, припарковался красный микроавтобус, из которого вышел особенный в жизни Виктора человек. Ныне крупный предприниматель, а старинным слогом выражаясь – заводчик Владимир Жарков, со своим бухгалтером Толиком.

Когда-то они с Жарковым работали на химкомбинате, куда Магницкий убежал от науки в поисках квартиры. К тому времени Жаркова считали там электронщиком милостью божией: он создал заводскую сеть, связав все подразделения, включая столовую, и рабочие, отобедав, могли на выходе ставить оценки по блюдам меню, по итогам которых столовские получали премию. Кроме того, Володя исхитрялся подрабатывать то ли лаборантом на четверть ставки, то ли уборщиком помещений в двух академических институтах сразу, что давало ему право проводить на сверхсекретных установках в ночное время некие эксперименты.

А с окончанием эпохи социализма спец-электронщик надумал создать частную лабораторию для реализации собственного научного потенциала, однако предварительно пришлось построить с нуля заводик по производству пищевых экстрактов, который смог бы кормить будущую лабораторию, его команду и, конечно, семью. Чтобы тот завод на ровном месте возник, наполнился оборудованием, физик-предприниматель наладил импорт японских подержанных иномарок на местный рынок.

Ныне Генератор Идей косит под нового русского предпринимателя: крутые белые штаны, несколько, впрочем, грязноватые, такого же цвета безумно дорогая, в пыли, рубаша, на чёрном поясе расположились трубки сотовых телефонов, пейджеров, в руках папка с документами на новое дело, которое он, по всей видимости, раскручивает.

Щуря сквозь импортные дымчатые очки чуть раскосые глаза, задевая плечами сразу оба дверных косяка, Жарков шумно ввергается в дом:

– Оп-па-на! Вот где приземлился, старый разбойник! Небось, думал, не найдём? Найдём! – сопя оглядывается по сторонам. – Так в эту развалюху и вложил свой пай? Ладно, чёрт с ним, будем обмывать покупки, и твою, и мою, видишь, новая лайба – японка мать, по проходимости вездеход, пришло пять штук. Я нынче шофёра выгнал, сам баранку кручу, даже Толика за руль не пускаю, бухгалтер, что стоишь? Вали продукт на стол.

Приветливо улыбаясь в соломенные усы, Толик выставляет бутылку коньяка, баночки с красной икрой, пару буханок белого хлеба.

Жарков тотчас отламывает полбулки.

– Чёрт, проголодался, весь день мотаемся по городу, пожрать некогда: то банк, то мэрия, то завод, чёрт бы побрал всех этих крючкотворов, ну мы всё-таки взяли их за жабры с Толиком, да, Толик?

– Взяли, конечно, – всегда непроницаемый Толик быстро нарежет хлеб.

– Вытряс из них кредит, на следующей неделе запущу пробную партию продукции.

Бутерброды с красной икрой Жарков делает сам, лицо его при этом являет выражение отеческой нежности.

Обычного во времена стройки деликатеса, который он подвозил к вечернему общему ужину коллектива строителей, Магницкий не видел уже полгода, с того самого времени, как ушёл с завода.

Разгон команды произошёл в стиле жёсткого западного менеджмента, без учёта межличностных отношений. Хотя деньги и идеи принадлежали Жаркову, некоторые участники стройки посчитали себя как бы в доле, возможно, и сам он чересчур щедро раздавал обещания приятелям для поднятия трудового энтузиазма, но однажды на утренней планёрке вручил всем листочки, предложив написать заявления на увольнение, после чего набрал новую команду.

Магницкий заявление написал и ушёл. Кто стал возражать, получили холодную затяжную войну, некоторые по суду урвали какие-то крохи. Прочим Жарков выдал довольно крупные премиальные при расчёте. Полученную иномарку Магницкий обменял на старенький домик, в котором они теперь сидят втроём, пьют молдавский коньяк «Белый аист», закусывая бутербродами с красной икрой.

Жарков от коньяка воздерживается – за рулём. Это новый шаг в развитии уважаемого предпринимателя. Раньше он талантливо изображал автократического хозяина-азиата, у которого полно слуг: слуга-шофёр, слуга-бухгалтер, и даже слуга-главный инженер. Это ему надоело, и теперь он играет роль предпринимателя-европейца, который всё что можно делает сам и делает с удовольствием.

Толику досталась рюмка с надписью «Христос воскрес!», которую Виктор откопал в глубинах буфета, и, грея её в ладони, бухгалтер сомневается:

– Может, всё-таки мне не пить?

– Хочешь порулить? Расслабься, отдыхай. Завтра состоится важная стратегическая финансовая операция, где тебе придётся сыграть первую скрипку.

– Что за операция? – мигом насторожился Толик.

– Завтра наступит завтра. Хотя можешь и не пить, у человека должна быть свобода выбора.

Сев против Магницкого, Жарков перестал щуриться снисходительно на весь прочий мир, снял дымчатые очки:

– Завод запускаю и продаю.

– Лабораторию создавать не будешь?

– Буду, но в другом месте. Здесь, во-первых, цены на топливо скоро поднимут до мирового уровня, а отапливать цех надо будет девять месяцев в году, а главное – серьёзного сбыта не предвидится. То, что мы в тридцатикилометровой зоне от атомного реактора, – ещё бы ничего, когда бы он работал нормально. После выброса на серьёзных договорах можно смело ставить крест. Так что, дружище Виктор, будем уходить в иные пределы. Поедешь со мной?

– Следующий завод строить?

– Нет, теперь уже непосредственно лабораторию создавать. Мне нужен будет в команде программист-математик, никуда не деться.

– В Москву за песнями?

– Отягощать столицу собственными идеями не след, она и без того перегружена сверх всякой меры. Через это Россия болеет. Вот представьте себе

страну как некий очень большой и живой организм, тогда Москва – некая часть организма, верно? Как ты определишь болезнь со следующими симптомами: на протяжении продолжительного времени все питательные вещества в виде финансов и самых лучших, самых энергичных людских ресурсов уходят в Москву, все кровотоки концентрируются на обеспечении одной этой части организма, которая пухнет, растёт, процветает, увеличивается в размерах, в качестве жизни, в то время как остальной организм деградирует, дряхлеет, истощается на 700 тысяч человек в год? Ясно название болезни? И единственный способ кардинального лечения – вынесение федерального центра из Москвы, отсоединение её от федеральных финансовых потоков, на которых она безобразно жирует.

– В Питер?

– Лучше вообще на новом месте построить городок районного масштаба – в не слишком благодатном месте, с казёнными квартирами исключительно для чиновного люда. Отработал договорной срок – уехал, дабы не гнездиться и не создавать семейных кремлёвских кланов. Но нынешнее руководство на это не способно, здесь нужен если не Пётр, то хотя бы Назарбаев, вот только где же его взять? А мне некогда ждать у моря погоды, расширять собой и своими деньгами и проектами Москву. Есть идея реализоваться в Новой Зеландии. Зелено, чисто, тепло круглый год, выращивают себе овец и коров, и никакой ядерщины. Как, Виктор, дёргаем в Новую Зеландию?

– Ага... сейчас ещё по одной и вперёд...

– Сомневаешься? Может, дом свой жалко? Сарай этот? Брось.

– У тебя самого не краше.

– Миллиард-полтора возьму за заводик, с долгами рассчитаюсь полностью, кое-что останется для старта на новом месте. У Толика всё посчитано. Так что рвём когти вместе, уж так и быть, беру на себя организационные заморочки.

Однажды Жарков сделал Виктору предложение поработать в его команде на строительство «капиталистического» завода. В принципе, Виктор ничего не проиграл, даже приобрёл долгожданное место под солнцем.

– Надо обдумать.

– Думай. В настоящий момент над парочкой идей очень плотно работаю. Массу времени забирает завод, вот развяжусь с ним, рванём вперёд так, что гарвардам тошно станет. Мои идеи дорогого стоят. А практический выход из них во сто крат дороже. Но т-с-с-с! Едем, братцы, на речку купаться! Сейчас солнце уже более или менее подходящее, сильно не обгорим. А, Толик?

Бухгалтер посмотрел за окно, будто там не чудный солнечный вечер, а как минимум февральская пурга.

– Сегодня я за рулём, никого близко не подпущу к управлению, надо же когда-нибудь научиться обкатывать свои машины. Права вчера только получил, теперь сам вожу бухгалтера, шофёра уволил беспощадно, как раньше говорили: освоение смежных специальностей с последующим сокращением кадров. Как это называлось? А? Интенсификация производства! Жить надо не по Марксу и не по Форду, мужики, а как того душа желает. К примеру, если хочется искупаться, едем немедленно и никого не спрашиваем. Обрати, Виктор, внимание на машину, я её сузучкой зову: на вид вроде бы ерунда, игрушка лакированная, а на самом деле – вездеход как раз для наших

дорог. Прёт, как чёрт. Всё, залазим. Я за рулём. Представляете, в этом году ещё ни разу не тонул. А водичка-то сейчас, должно быть, парная!

16.

Через пару дней, не изобретя никакого нового и оригинального бизнеса, он вновь очутился в директорском кабинете Ольги Дальской, имея целью доказать на его взгляд совершенно очевидные вещи.

– Все хотят что-нибудь продать или наоборот купить. Кто мичуринский участок, кто гараж, погреб под картошку, или, на худой конец, однокомнатную квартиру для любовницы. В крови человеческой заложено стремление к улучшению условий жизни, это то немногое, чего не выжечь никаким калёным железом социалистических идей.

Ольга рассматривала очередной букет пионов в вазе с выражением, которое трудно было объяснить без английской шифровальной машины.

– Мне кажется, мы уже дискутировали на данную тему, – вспомнила она.

– Серьёзно? А кстати, видел тебя на улице с седовласым, импозантным господином. Смотрелись очень интересно.

Директор поморщилась.

– Должник. Давным-давно отдала свои сбережения приличному вроде человеку на развитие его дела. Просто так, без расписки даже. Теперь ходили к нотариусу, оформили условия возврата, денег нет, говорит. А у самого два магазина.

Ольга отошла от цветов, разочарованно вздохнув.

– Возможно, в прошлый раз я говорил недостаточно убедительно.

– Твои ризлтерские идеи весьма абстрактны. Но если есть громадное желание, давай попробуем, вдруг что выйдет?

– Давай, – обрадовался Виктор настолько, что, коли можно было, обнял бы дорогого директора, а раз нельзя, просто стал шире размахивать руками, – понимаешь, когда покупал дом, столкнулся с удивительным феноменом: повсюду, куда ни ткнись, глубочайший упадок и общее разорение: заводы стоят, пашни не возделываются, бюджетники зарплату не получают, а на рынке недвижимости страшный бум. Потом понял – это из-за приватизации. В один прекрасный момент людям позволили продавать квартиры, и они их начали продавать и покупать новые. Мы с тобой напишем отличную программу по оценке квартир и создадим базу данных вторичного рынка жилья.

– Всё это будешь делать сам, по крайней мере, на первом этапе. У меня без того неоплачиваемой работы выше крыши.

– Напишем программу, создадим базу данных, и будем иметь отличную работу на всю оставшуюся жизнь.

Дальская посмотрела на Виктора чуть склонив голову набок, тем самым непонятным взором, которым только что рассматривала принесённые им цветы.

– Таких программ пруд пруди.

– Но все они чужие. Ты же знаешь, с собственным программным обеспечением легко жить и работать, написание окупится сторицей. Кто пожалеет пятнадцать тысяч, чтобы не перечитывать каждый день десятки газет?

– Не пятнадцать, а десять тысяч, я тебе говорила. Только так можно победить конкурентов. Но знай, таких информаторов, каким ты мечтаешь заделаться, сейчас дюжина на квартал.

– Всегда рад участвовать в честной конкурентной борьбе и безмерно счастлив, что ты доверила мне попробовать это дело.

Денёк выдался превосходный: наконец-то Виктор нашёл себе рабочий стол с компьютером да ещё в таком приятном соседстве.

– Получится – хорошо, не получится – что же, где наша не пропадала? Наша везде пропадала, не в первый и не в последний раз.

– У тебя много подобных начинаний?

– Посмотришь на досуге трудовую книжку, но учти, туда ещё не всё попало.

– Ну-ка, ну-ка, – она зашуршала листочками. – Знаешь, мне будет трудно сделать запись «ведущий программист» после разнорабочего да изготовителя макаронных изделий в придачу. Как это тебя угораздило?

– Напиши просто «программист», какая теперь разница? Не корысти ведь ради, а исключительно в целях пропитания. Разнорабочим строил завод у Жаркова, помнишь Володю Жаркова?

– Незабываемая личность.

– Да. По итогам нашей совместной деятельности этот уважаемый человек выплатил мне зарплату автомобилем, который я во мгновение ока обменял на домик с садом. Выходит, разнорабочий – не самая плохая специальность, особенно если учесть, что за десять предыдущих лет работы на разных интеллектуальных должностях так и не удалось решить квартирный вопрос, сколько ни бился и ни пыжился. Изготовителем макарон действительно работать не понравилось, всего полтора месяца задержался, у хозяев была гнусная политика: набрать людей, и пусть себе работают, сколько смогут, без зарплаты в три смены, а после того, как народ, пропахав пару месяцев, отчаявшись, увольняется, они тут же набирают новых безработных, и всё повторяется. У них я воровал макароны, которые изготавливали в ночные смены, тем и питался.

– С вами всё ясно, молодой человек. Можете приступать, – Ольга спрятала трудовую книжку в сейф. – Обедаю в половине двенадцатого. Прихожу сюда в девять, раньше этого времени и тебе не стоит появляться, ключ один.

– Не будешь возражать, если приступлю к работе немедленно?

– Похвальное рвение. Кофе будешь?

– В следующий раз можешь даже не спрашивать, согласен также на чай, минеральную воду, по своему образу жизни я очень непритязателен.

– Тут есть пирожки с картошкой.

– Вот это да! Слушай, да я согласен за половину оклада ударно питаться, пардон, трудиться, если к обеду у нас будут подобные пирожки.

– Оклада нет, не забывай – живём с реальной выработки. Как потопаем, так и полопаем.

– И обратно: если так полопаем, знаешь, как затопаем?

Дальская опять вздохнула.

– Странно. Раньше ты выглядел серьезнее.

– Ой, и не говори, сам чувствую, что прямо на глазах становлюсь глупым, ленивым болтуном. Так бывает. История богата на подобные превращения. Зато одна весёлая девушка сделалась директором, и это

нормально, и здесь нет аномалии. Вот теперь, после вкуснейшего обеда, возникло чертовски приятное ощущение, что мы обязательно добьёмся успеха, а потом у нас будет интересное дело, деньги, независимость, и, что самое главное, – мы создадим всё это сами, если, конечно, захотим по-настоящему.

Размечтавшись на всю катушку, Виктор начал ходить по комнате кругами, чего очень не любила в своё время Зоя Степановна, вот, кстати, и Ольга явно не приветствует.

– На пять часов у меня назначена встреча, приходи завтра с утра. Я буду в девять, – она выразительно посмотрела на часы.

17.

К сожалению, у него никакой важной встречи ни с кем не намечалось.

Поэтому, возвратясь домой, взялся мастерить книжные полки из досок, припасённых прежними хозяевами и простоявших в сенцах у стены много лет, поэтому слегка обгнивших на концах.

Пиля их лучковой пилой, Виктор дал себе торжественное обещание: как только получит более-менее приличную зарплату, первым делом купит телевизор. Потом выберет в магазине подходящего размера диван, и только затем подпишетя на «Местный вестник». Совершив все эти важные подготовительные мероприятия, как всякий уважающий себя добропорядочный гражданин, приходя с работы, будет валиться тюфяком на диван, неторопливо прочитывать газетку с первой до последней страницы, краем глаза посматривая телевизионный сериал типа «Санта-Барбары» или «Тропиканки» до тех пор, пока не уснёт.

Вот это будет жизнь!

Не успел толком помечтать о сладкой будущности, с улицы громко забарабанили в окно.

У калитки группировалась стайка граждан очень солидного вида со строгими физиономиями. Своим торжественным и суровым видом они напомнили Виктору учителей на последнем в его жизни педсовете в седьмом классе, памятуя о итогах которого, он поспешил сбегать открыть калитку. Граждане по одному зашли в сад, старательно не замечая хозяина, даже не здороваясь, проследовали, как мимо швейцара.

Только бородатый двухметровый учёный муж буркнул: «Зелёная комиссия».

Возглавляла комиссию измождённого вида дама со старомодной шишкой из волос на затылке, хранительница соседней Марьиной рощи. Она шла первой и была вроде завуча, прочие как бы школьными учителями, а сам Магницкий невесть с чего завзятым двоечником, вызванным в учительскую.

«Страшно измучена женщина, – сокрушённо вздохнул Магницкий, – довели человека до ручки работой и комиссиями, вон какая худющая, кожа да кости. Траву гуляющие топчут, кусты ломают, скамейки переворачивают, бутылки пустые бьют. Эх, люди, люди, куда только милиция смотрит?»

Кроме учёного мужа хранительницу сопровождала сутулая гражданочка в тёмном, почти монашеском одеянии, с потаённым взглядом, который она стремительно метала в разные стороны и тут же прятала. По левую руку от главы комиссии шествовал представительный гражданин районного

уровня в сером кабинетном костюме. Ещё двое помельче калибром толклись сзади него, держа в руках блокнотики.

В саду Магницкого хранительница быстро пронеслась туда-сюда около развалин теплицы с обрушенными рамами и тоже разбитым стеклом, лицо из раздражённого сделалось грозным.

– Пишите, – ткнула пальцем бородатому учёному мужу в блокнот. – Сад находится в запущенном состоянии! Требуется срочное вмешательство муниципальных органов.

– Мне ничего не требуется, – удивился Виктор.

– А вы здесь, собственно, кто такой? – воскликнула гражданка в монашеском одеянии, вроде бы искренне удивляясь появлению неизвестного лица в неполюженном месте. Возможно, даже под её собственной кроватью.

– Владелец.

– Вы владелец дома, но не земли, – пренебрежительно глянула на его ботфорты из каменного века хранительница Марьиной рощи.

Ей поддакнул мужчина в сером, с юридическим складом губ:

– По российскому законодательству к дому относится лишь две сотки земли, остальное пребывает во временном пользовании. Если мы установим над садом муниципальный патронаж, на это будут выделяться деньги, ограду между ним и Марьиной рощей уберут, «Зелентрест» начнёт ухаживать за растениями, производить своевременный полив, агротехнические мероприятия.

– Да разве это сад? – поразила звонким голосом гражданка в чёрном. – Плохо, плохо, никуда не годно! Срочно отрезать!

Вот народ! Им бы только чужую ограду прищучить за здорово живёшь!

– Забор – моя частная собственность, попрошу оставить его в покое. И сад вполне густой и зелёный, ни одной проплешины не найдёте. К тому же, насколько я наслышан, в бюджете нет денег на поддержание Марьиной рощи в надлежащем виде, часть её территории отдана под застройку элитных домов.

Бородач колупнул траву ботинком:

– Мы с вами не собираемся дискутировать. Необходимо вынести решение о сносе забора и проведении агротехнических мероприятий в целях поддержания ландшафтной ситуации.

– Совершенно верное замечание. А слева от дома нетрудно выделить место на дорогу к объектам, – вынес своё постановление мужчина в сером, глядя на часы и переживательно морща щёки. – Она не займёт здесь много места, зато стройтранспорт не будет ездить по Марьиной роще.

– Вы наследник владельцев сада? – быстро спросила хранительница, мельком глянув в лицо Виктору.

По тому, как вдруг стихли разом члены Зелёной комиссии, Виктору открылась стратегическая важность вопроса. Решалось главное: ответит правильно – сад останется за ним, промахнётся – и заборломают, уберут, и землю по самый порог отрежут, и даже его собственный нос сейчас же сопрёт сутулая гражданочка в чёрном платье своим острым, как бритва, взглядом.

– Естественно, – Магницкий нашёл в себе силы весело заглянуть в лица всех членов комиссии по очереди принципиальным взглядом, который, судя по фотографиям, был присущ покойному владельцу Генрику Войцеховскому.

Хранительница вдруг потрогала какой-то убогий листочек на ветке и сказала, оттаявши:

– Амурская сирень. Это мы с Генриком садили.

От неожиданной радости Виктор чуть было не поддакнул: «Да, как же-с, помню, помню!» – но лишь кивнул головой и погладил соседнюю корягу, что произвело самое благоприятное впечатление.

– Ну вот, товарищи, вопрос, как видите, спорный, юридически не урегулированный, мы, как всегда, теряем время.

Широким размашистым шагом она ринулась к выходу, спеша на свой нескончаемый фронт работ, схожий с непрерывным подвигом длиной в жизнь, за ней устремились расстроенные члены комиссии, елейным хором бубня в спину нечто, каждый по своей тематике, пытались убедить остаться и разделить садик между ними всеми по-хорошему и по-братски.

Неистово мечтала, оказывается, от имени и по поручению городских мичуринцев о магазинчике «Семеновод» потаённая гражданочка в чёрном. Из её сбивчивой речи следовало, что поголовно вся городская общественность с молодых ногтей мечтала о торговой точке, построенной на территории данного земельного участка, и в доказательство потрясала заблаговременно подписанными той общественностью листами.

Похожий на кубинского революционера бородач громко басил про расширенную заповедную зону, которая случится сразу же, стоит опрокинуть забор, но, понимая, что через других юрких соискателей ему до локтя хранильницы не добраться, остановился и принялся объяснять оказавшемуся под рукой Магницкому, как хорошо тому станет жить непосредственно в Марьиной роще, на просторе. Понимания и здесь не нашёл.

Отбив атаку зелёных, Виктор с утроенной энергией накинулся на полки, сгоряча быстренько доделал их, расставил книги, после чего некоторое время бродил по кухне в поисках чего-нибудь съедобного, обшарил кладовку, слазил на чердак, увы, безрезультатно.

Смутное подозрение не давало покоя.

Комиссия оставила его сад в покое сразу после того, как он при всех объявил себя родственником прежнего хозяина Войцеховского. Значит ли это, что теперь для поддержки легенды ему необходимо будет и впредь сказываться поляком?

Фамилия вроде бы позволяет. Если в метриках на месте родителей стоит прочерк, чего так пещься о неведомой национальности? Поляком так поляком. Да хоть индусом зовите, только жить не мешайте.

Виктор завалился на детский диванчик, скрючившись с карандашом и листом бумаги, в глубине души сознавая всю торжественность минуты: наконец-то начинается его новая интеллектуальная, почти что творческая деятельность, о которой долго и безнадежно мечтал, таская в носилках раствор на стройке Жаркова.

Структура базы данных по квартирам была практически полностью готова, когда до него дошло, что кто-то тихо копошится у него на кухне. Входную дверь Виктор оставлял распахнутой, чтобы помещение проветривалось, только поздним вечером закрывался от комаров.

– Это хтой-та там мнётся? – придуриваясь под Маврикиевну, проскрипел Магницкий.

– Казимировна... – раздалось с кухни, – Казимировна, не займёшь чуток?

На кухне возле русской печи обнаружилась ритмично качающаяся фигура седовласой особы пенсионного возраста, с короткой стрижкой под

полубок, строгим ахматовским профилем и сухим малиновым румянцем, пылающим на морщинистых, как мочёные яблоки, щеках.

Не распознав в нём никого из прежних благодетелей, незнакомка отвела бессмысленный взгляд в сторону, после чего по всем правилам представилась:

– Чертёжница Савраскина. Маргарита Сергеевна. Прошу любить и жаловать, – при этом слегка уронила голову на грудь, что заставило предположить, что среди её предков затесалась пара-тройка подпоручиков, а может, и какой-нибудь повеса штабс-капитан.

– Мне бы Казимировну. По случаю большой нужды, ой, что это я сморозила, миль пардон, по случаю большой надобности, по очень важному делу, – в сильно выцветших, опухших глазах мелькнула некая осмысленность, – да, да, иных уж нет, а те далече, как говорится. Стало быть, вы здесь теперь проживаете, молодой человек? И не смейте мне отпираться, я знаю.

– Не проживаю, сударыня, а живу на правах собственника, могущего данный дом заложить, продать и даже подарить, если взбрёт в голову такая мысль.

– Ох, не продавай, не надо, – вздохнула чертёжница, – мы тут по соседству маемся в казённом бараке, как в содоме и гоморрах. Не нальёшь, мил человек, старухе за помин души Казимировны, царствие ей небесное, день ведь и ночь молюсь, в церкви свечи ставлю каждый раз за упокой. Казимировна мне завсегда наливала.

Магницкий слегка удивился, что старухе известно про его бутылку и тем более жарковский коньяк.

– Всё, бабушка, выпили, подчистую.

– И в подполье четверть тоже? – помрачнела чертёжница. – В подполье Казимировна четверть держала для нужных людей, – по тону старухи Савраскиной нетрудно было догадаться, что она принадлежит к избранному кругу.

– Давайте поищем вместе, где здесь у меня подполье.

Савраскина пнула в сторону резиновый коврик у входа, дёрнула за железное кольцо. Не успел Виктор опомниться, солдатиком прыгнула в открывшийся лаз, а через мгновение выпрямилась в обнимку с бутылкой, в киношном обиходе называемой четвертью, какую он до сих пор видел исключительно в советских кинофильмах про гражданскую войну.

Именно из подобных сосудов пили самогон разные там мосфильмовские кулаки, мироеды и прочая поповская сволочь. Вот уж не думал, что буржуазная стеклотара, как древнегреческая амфора, дожила кое-где до наших дней и в реальном быту.

Возгорев любопытством, Магницкий тут же наплескал в два стакана из четверти, которую держал в крепких объятиях, Савраскиной и себе. Самогон оказался не только мутным, но ещё и горько-кислым, противным до чрезвычайности. Судя по всему, его гнали из отборных мухоморов. Однако соседка отважно влила в себя содержимое одним махом, выразительно шлёпнув пустой стакан на стол перед бутылкой.

– Знаете что, – предложил с лёгким сердцем новый хозяин, – забирайте-ка вы этот напиток богов на добрую память о Регине Казимировне.

– Между прочим, – страшно вежливо выговорила в ответ Савраскина, – как-то так получается, что в этом доме живут исключительно добрые, отзывчивые люди. Душа-человек Казимировна жила столько лет, теперь вы

вот поселились. Вам ничего не нужно начертить? Для меня это не составит ни малейшего труда. Без ложной скромности говоря, я от... личная черт... ёж... ница. Если возникнет необходимость, прямо завтра же приходите, моя квартира третья, на первом этаже, я там потомственно всю жизнь терзаюсь.

Он закрыл дверь на крючок. Тёплая летняя ночь, населённая толпами комаров, сгустилась за окнами, в доме запели сверчки.

Первое время поющие насекомые настолько мешали ему спать, что среди ночи он вскакивал с постели и открывал на них нелегальную охоту. Музыкантов было много, а палач один, в конце концов пришлось смириться и привыкнуть спать под музыку. В такую хорошую погоду, как сегодня, сверчки пели даже на улице: вылезали из отдушин подполья на асфальт тротуара и самозабвенно стрекотали на вечную тему любви.

В довершение ко всем этим оркестрам, квартетам, дуэтам и трио, под кроватью жил некий особенный сверчок, обладающий выдающимся противным голосом, близким к ультразвуку. Магницкий полагал, это их новоявленный Карузо.

Солист включался в общий хор не часто, обычно вечером, всегда из-под кровати, сразу же заглушая трелями многочисленных собратьев. Бесстрашный певчий абсолютно не реагировал на нервные удары пяткой по спинке кровати, по-видимому, воспринимая их в качестве «брависсимо», и за прошедшие полтора месяца перепортил новому хозяину своим неувядаемым искусством много крови. Однако следует отдать ему должное – ночами препротивный Карузо молчал.

Решение ещё раз попробовать изловить его проникло в голову сразу же после стакана самогона из мухоморов. Не зря викинги так любили воодушевляться перед битвой подобными коктейлями.

Магницкий опустился на четвереньки в головах постели, откуда доносились неугомонные трели, осторожно извлёк плетёный рундучок, ржавый уют, перевязанный пенькой пыльный комплект журнала «Юность». Сверчок трещал, хоть бы хны, делая редкие многозначительные перерывы. Виктор полез дальше в пыль, мрак и неизвестность, увидел допотопный чёрный телефон с длинным шнуром, потянул к себе за шнур, и тут вдруг телефон застрекотал голосом сверчка у него под носом, почти на уровне ультразвука.

Он снял трубку.

– Алло, пани Режина? Наконец-то, звоню, звоню каждый день и с утра, и вечером, уж подумала – не случилось ли чего?

– Это не пани Режина.

– А где Регина Казимировна?

– Умерла.

– Ах, matka боска, какая жалость. Когда? Видите ли, я её давняя знакомая, и мы...

– В ноябре прошлого года.

– В ноябре... вот ведь беда какая. Какая ужасная трагедия. Уму непостижимо. Вы, стало быть, родственник?

– Дальний...

– И как вас зовут?

– Виктор.

– Меня пани Марина.

– Очень приятно, пани Марина, – Магницкий поднялся с колен, выпрямился и выразительно шаркнул по голой половице.

- Вы родственник со стороны мамы пани Режины?
- Нет со стороны папы, – возразил Виктор убеждённо с грустью в голосе, дабы покончить со скользкой темой раз и навсегда.
- Значит вы родственник Казимира Пеньковского? – обрадовалась старушка. – Пан Виктор, я очень надеюсь, что вы посетите нашу польскую общину, будет хорошо, если в это воскресенье придёте в костёл.
- Я убеждённый атеист, пани Марина.
- Не всё сразу, молодой человек, и тем более не сразу всё. У нас здесь множество молодёжи, юных прелестных панночек, вас ждут до чрезвычайности интересные знакомства и приятное общение.
- Увы, бесповоротно женат.
- Это ещё лучше, приходите с женой. Кстати, для детей у нас открылась католическая гимназия. Дети у вас, пан Виктор, есть?
- Нет пани Марина, а с женой я не живу, хотя и не разведён.
- Ах, проказник! Но это свойственно современному поколению, а молодым людям было присуще всегда, не стоит винить себя одного. Ничего страшного, если брак заключён не пред богом, его легко расторгнуть при желании, даже если вы сочетались перед Всевышним и несчастливы, мы напишем просьбу папе, вы же знаете, он наш человек, поляк, неужели откажет?
- Нет, нет, брак обычный, в загсе.
- Так вот, пан Виктор, у нас есть очаровательные молодые девушки, ах, увидев их, ваше сердце встрепенётся для новой жизни.
- Хорошо, как-нибудь забегу, встрепенусь. Спасибо за приглашение, пани Марина, извиняюсь, ко мне, кажется, пришли.

При этих словах опустил трубку и поставил телефон на стол. Теперь ему ясно, отчего в почтовом ящике валялась квитанция за телефон. А он-то думал, ошиблись. Где же она? Вот, на буфете. Ага, здесь и телефонный номер указан. Надо срочно оплатить, пока не отрезали, сумма долга не очень большая, но где взять денег? Извечный вопрос.

Настроение резко пошло вверх: теперь он обладатель не просто дома в центре города, но к тому же и с телефоном! Если бы продавцы знали про этот прибор под кроватью, несомненно, подняли бы стоимость миллиона на два-на три, и он не смог бы купить своё нынешнее жилище. Ай да пан Виктор, ай да сукин сын!

18.

Утро как утро.

Вылил по ведру воды под уличные кусты черёмухи, калины, рябины и сирени. Все они прекрасно принялись, сирень даже пробно выпустила игрушечные соцветия.

Дождавшись, когда Тамара отмахает пёстрыми гетрами среди крапивы пируэты аэробики, стащил с чердака шезлонг, выбил несколькими меткими ударами пару килограммов пыли, после чего разлёгся на затхлою парусине, принимая солнечные ванны одну за другой.

Мечты о свободном творчестве не только сбылись, но превзошли самые смелые ожидания. Рядом чашка горячего чая, заваренного из листьев смородины, по фарфоровой тарелочке разложены в правильной геометрической форме сухарики из остатков жарковского хлеба.

Соседский дом бубнил что-то невнятное. Похоже, ночью там недурно повеселились, опустошив подпольную четверть, и в этот утренний час силы граждан были на исходе, но, как видно, не у всех.

Шум поднялся вдруг и сразу:

– Открой, мегера проклятая! – выкрикнул сын старухи Савраскиной Пётр, которого соседи звали просто Пьером, тоном человека сильно выпившего, но ещё могущего многое свершить. – Открой дверь сейчас же, не то хуже будет... Ну, смотри, довела ты меня, стерва!

Было слышно, как Пьер бьётся тщедушным испитым телом в дверь квартиры.

Разжевав сухарь, Магницкий поднялся, чтобы отыскать себе другое пристанище, где не были бы слышны эти щемящие душу звуки, сходные с мявканьем кошки, попавшей под тяжёлую хозяйскую ногу.

– Кончай шубутиться, Петро, – сказал кто-то спросонья, – опять ключицу ломаешь.

С дорожки, ведущей к малиннику, открывался вид на жену Савраскина Наталью, стоящую перед распахнутым окном второго этажа в позе воительницы со скрещёнными на груди руками. Весь её вид говорил о глубоком презрении к супругу и неверии в его физические способности.

Сама она была весьма невысокого роста, хрупкой женщиной лет тридцати пяти, с блёклым, одутловатым от пьянки лицом, растрёпанными волосами и цвета, и вида гнилого сена.

Пьер так сильно ударился телом в привыкшую к подобным штурмам дверь, что застонал уже совсем трезво.

– Ну, всё, – сказал вдруг он голосом человека, решившегося на страшное преступление, – я тебя предупреждал, теперь пеняй на себя!

С этими словами перенёс лестницу от сарая к дому и полез вверх, вызвав своим поступком шумное одобрение соседей, которые открыли окна и с удовольствием наблюдали за ходом семейного единоборства.

– Не лезь, поганец, убью, – предупредила супруга хмуро. В её руке неожиданно возник топор.

В окне-двери слева от квартиры Савраскиных стоял бравый мужчина лет сорока, с холёным, чисто выбритым лицом, в малиновом атласном халате, из-под которого виднелась десантная тельняшка.

Он расчёсывал выющиеся короткие кудри массажкой, одним глазом глядя в зеркальце, другим наблюдая за развитием событий. Согласно Тамариной аттестации звали его Василием, был он отставным армейским капитаном, сдававшим московскую наследственную квартиру в аренду. Столичный доход позволял ему жить в свое удовольствие нигде не работая, но меняя дам каждую неделю.

– Женщины, как власти, – недовольно высказался Василий, – обещают и не делают, – после чего сошел на пристроенный к окну-двери балкончик, к которому с земли карабкалась крутая лесенка из свежеструганых досок.

Наталья выглянула из окна в его сторону, погрозив орудием домашнего производства.

– Ну, ты, лицо московской национальности, погавкай мне ещё здесь!

Пьер бодро влез на первую перекладину и остановился передохнуть.

– Не посмеет, – быстро выкрикнула старуха Савраскина из форточки в лицо засомневавшемуся было Пьеру, – лезь, сынок, там твоя законная жилплощадь. Если что случится, не бойся, я её упеку, куда Макар телят не

гонял! Нахлебается тюремной баланды, – старуха Савраскина причмокнула, – всласть! Лезь, не трусь!

Пьер отчаянно рванулся вверх, и когда его рыжая чёлка достигла подоконника, жена нанесла решительный удар топором в лоб. При полном онемении окружающих сын своей матери и муж жены мешком свалился наземь.

– Вот бы власти так, что обещали народу, то и делали, – резюмировал малиновый халат, прослеживая траекторию падения, однако при этом не слишком выходя наружу из своего «окна».

– Врача!

– Милицию!

Но всё перекрыло громкое: «Убила!» – вопль старухи Савраскиной, стремительно вылетевшей из дома. Она даже влезла по стопам сына на одну ступеньку лестницы, где только что сомневался Пьер, и Виктор увидел над забором её седую голову и малиновое лицо.

– Не лезьте, мамаша, и вас порешу, – бесстрастно произнесла сноха, медленно выговаривая каждое слово и не выпуская из рук топора, – с превеликим удовольствием!

Она думала, что видит сон, где можно делать всё что угодно с надоевшими родственниками.

Вой сирен раздался не скоро.

Милиционер пришёл сам, пешком, скорая приехала минут через двадцать. Пьера Савраскина в это время уже привели в чувство соседи, они же перевязали голову несчастного, от которой супружница смогла отрубить лишь небольшой кусочек скальпа.

Врачи забрали Пьера с собой на исследование в качестве феномена, не сменив геройской повязки. На виске проступило красное пятно, вид был залихватский, будто у красного командира. Время от времени он пытался запеть «Ты не вейся, чёрный ворон, над мою головой». Соседи громкими выкриками из разных окон начали давать показания милиционеру, который монотонно твердил: «Спокойнее, граждане, спокойнее, всех опрошу в порядке следствия...».

Доска забора качнулась в сторону, пропуская в сад тамарину дочь Ирину, учащуюся железнодорожного техникума. Обычно Магницкий видел её загорающей на подоконнике второго этажа в откровенном купальнике, с книгой в руках. Сине-фиолетовые большие глаза на треугольном лице с маленьким подбородком выглядели не слишком взволнованными.

– Не дают отдохнуть, дурдом какой-то, ей-богу, я тут у вас часик позагораю на солнышке, ладно?

– Как там Пьер?

– Чего пьяному делается? Он же лёгкий, как пушинка. Повисел на топоре, да вниз упал. Вот соседи, вот где дурак на дураке едет, дураком погоняет. Надоели до чёртиков, кончу техникум, ноги моей здесь не будет. О, кстати, у вас же две комнаты?

– Две комнаты и кухня, – расхвастался Магницкий.

– Пустите, дяденька, на квартиру. Не пью, не курю, деньги платить буду исправно, со стипендии.

– Не пушу.

– Почему? Мне уже девятнадцать лет, совершеннолетняя.

– Хочу один жить. Коллектив надоел.

– У вас, наверное, есть женщина, – обиделась Иринка, – она приходит к вам в темноте и уходит перед рассветом. Я знаю, это любовница. А кстати, она, случаем, не замужем?

– Нет, она приходит с утра пораньше, а уходит ровно через двадцать минут, напрыгавшись вволю, вот здесь, на полянке, и это, кстати говоря, твоя родная мамаша.

– Мамашка не считается.

– Мне пора на работу. Ты загорай, если хочешь, потом шезлонг спрячешь за тем углом дома, в крапиве.

– Ладно. Уберу, не сомневайтесь, – Иринка уселась. – Конечно, старуха, поди, какая-нибудь ходит, лет тридцати пяти, – и высунула язык.

19 .

За тем самым компьютером, который Виктор мысленно уже выбрал себе для работы, сидел Саня Деревянкин, напряжённо моргая в экран.

Совсем как в старые времена, когда работал на ВЦ дни и ночи напролёт системным программистом.

– Саня, какими судьбами?

– Ой, и не говори.

Саня мог не говорить, про него Магницкому и без того известно многое. Встречаясь со знакомыми, люди первым делом обменивались информацией, чего новенького выкинул Саня, его знала добрая половина города, и если бы он был политическим деятелем, то не сходил бы с первых полос газет, легко выигрывая любые выборы.

Днями и ночами ему звонили за бесплатными консультациями, иногда воровали, как невесту, и увозили куда-нибудь в Академгородок, где учёные системщики не могли преодолеть очередной затык в UNIXe.

Потом на смену старым добрым машинам пришли настольные компьютеры, где системщику уже негде было развернуться. Ах, как Саня ругался на этот срам, на котором мог работать любой человек с улицы. Он так и остался знатоком RSXa и UNIXa. Когда Союз отменили, Саня ещё некоторое время работал то в одной конторе, то в другой, трудился даже на московскую фирму, обеспечивающую нефтепровод на Каспии, потом вдруг забрал семью и уехал в деревню, где, по слухам, стал простым кочегаром и скотником. А вот теперь снова здесь.

– Рад видеть тебя. Чем занимаемся?

– Так это... Ольга озадачила перевести базы данных для задач с СМ-ки на персоналку. Осталось часика полтора работы.

Под чёрными цыганскими глазами Сани чёрные круги, портрет довершает чёрная густая борода, многократно закрученная на палец и торчащая в разные стороны.

Часы показывают пятнадцать минут десятого, начальство задерживается.

– Сейчас всё получится, – произнёс Саня голосом заклинателя змей, – спорим на булочку с маслом?

– У тебя есть булочка?

– У меня нет. Но Ольга придёт и притащит пирожков или булочек. Могу поспорить на что угодно, что сейчас файлы наконец-то реформировались, –

он выскочил из двери машинного зальчика с дискетой в руке и плюхнулся в кресло за компьютер. – Ну как, спорим?

– Спорим, – без особого энтузиазма согласился Магницкий.

Булочкой больше, булочкой меньше... и надо же хоть чем-то поддержать трудоголика.

– Блин-компот! Что за белиберда? Ни черта не понимаю, – дрожащими руками Деревянкин достал сигарету, сунул в рот.

– Шёл бы домой, пообедал, выспался. После ночи ничего не придумашь. Ты заиклился.

– Наоборот, сейчас нельзя прерывать процесс.

Откинувшись в кресле, Саня с интересом наблюдал люстру, где, по всей видимости, с ночи застряла парочка любопытных идей по поводу того, как от формата СМ-ки перейти на формат персоналок и перекачать с магнитных лент на дискетки злосчастную базу.

– Ах вот оно что, вот где собака зарыта! – дёрнул кассету и одним прыжком исчез в тёмном провале машинного зала, как рвущийся в бой десантник в самолётном люке, начихав на парашют.

– Где тут собака зарыта? – в комнату вошла Ольга, таща большой пакет.

– Там, – указал Виктор на дверь, за которой только что пропал системщик, – вторые сутки не можем откопать. Гвардия погибает, но не сдаётся.

– Все здесь, работники, а я забежала по пути в сберкассу. Что-нибудь удалось сделать за ночь?

– Сейчас будет видно, – Деревянкин уже сурово зрил в экран, – пока под большим вопросом, понимаешь, тут такая штука... ну, в общем, долго рассказывать...

– Давайте поставим чай? Виктор Фёдорович, принесите водички. Кстати, как у вас дела?

– Как всегда отлично.

В коридоре свет не горел, то ли решили сэкономить на электроэнергии, то ли на электрике, скорее, последнее. Приземистая фигура переходила от дверей к дверям, вглядываясь в таблички с названиями фирм.

Кого здесь выискивает жук Котомкин, могильщик малых ЭВМ?

– Не подскажете, где найти фирму «Информ-Бюро»?

– А зачем тебе, старый алкоголик, данная фирма?

– А... это ты. Как здесь?

– Не видишь? – Магницкий потряс чайником у приятеля перед носом. – Работаю.

– Это кстати. Мне нужна Ольга Дальская.

– Она всем нужна. Такие женщины всегда всем нужны, но не всем достаются.

– Кто-то ещё спрашивал?

– Просто валом прут с утра, и всем срочно директора подавай, день побешеному начинается.

Котомкин пришёл в нетерпеливое движение, пытаясь почесать левое ухо правым плечом, лицо его отразило невыразимое страдание от невозможности таких в сущности простых вещей.

– Вот чёрт, как бы не перехватили, – буркнул он и заспешил в кабинет.

Ольга тотчас отвела Котомкина в маленький зальчик, где в темноте и прохладе под шум кондиционеров весело подмигивала лампочками морально устаревшая СМ-ка, не подозревающая о своей скорой печальной кончине.

Для Виктора прояснилась причина явления Котомкина и того, зачем здесь днюет и ночует Саня, всё связано в один узелок. Оставшиеся задачи перебрасываются на персональные компьютеры, морально устаревшую машину списывают, золотоносные платы продаются Котомкину, который сбывает их по своим каналам братьям-армянам. Это небольшое Эльдорадо перестроечных времён, армянское Эльдорадо вкупе с котомкинским. Маленький бизнес маленькой страны. Но у Котомкина с Ольгой что-то не получилось, или, как говорил орденосец «Дружбы народов» штандартенфюрер Штирлиц, что-то не срослось. Они вышли из машинного зала взаимно недовольные друг другом.

– Если надумаете, звоните, это реальная цена, – Котомкин потоптался на пороге, снова попытался достать левым плечом правое ухо, однако Ольга уже находилась возле Сани и смотрела только на экран.

– До свидания, – с нескрываемой горечью произнёс Котомкин, подозревая, что его обскакали конкуренты.

Возможно, и не без основания. Ольга не только красивая, но умная дама, к тому же с характером, на мякине её не проведёшь.

– До свидания, дружище, – произнёс сочувственно Виктор, – заходи как-нибудь, не забывай. А то оставайся чай пить.

Но тому надо было спешить в другое золотоносное место, не то и там обскачат конкуренты.

Саня даже не заметил гостя, бегал от СМ-ки к персоналке заполошенной курицей. Незажжённая сигарета по-прежнему торчала во рту. Виктор потихоньку формировал структуру базы данных. Написать простенький интерефейс, наполнить её информацией да начать настоящую работу, приносящую деньги. Идеальная жизнь близка, как никогда.

Ольга высказывала свои соображения Деревянкину, Саня мало внимал её советам, отмахивался. Вот затих на стуле, опять возведя глаза к потолку, как святая дева, которой только что обещано непорочное зачатие:

– Всё, братцы, если сейчас не пройдёт, пойду домой к детям, а то меня жена убьёт... Ура! Сформировалось, наконец. Ольга, проверь.

Ольга под села на стул рядом, они начали разбираться – сколько и каких записей очутилось в файлах.

Итак, чудо свершилось.

– Сегодня как знала, что у нас будет праздник по поводу счастливого переноса информации, принесла домашней наливки.

– Ух ты, здорово!

– Ещё пирожки, помидоры, масло и шпроты. Крендель с изюмом.

– Крендель? Это хорошо, – сказал Саня, – а с маслом ещё лучше. В деревне я к салу привык. Лук, сало, чёрный ржаной хлеб, ну, картошка варёная, больше ничего не надо, самогонка ещё, конечно. Правда, от самогонки мозги плаваются. Спирт в этом отношении много лучше, нет сивушных масел, сами понимаете.

Ольга накрыла стол бумагой, налила чай и сделала бутерброды.

– Мне покрепче, в кочегарке привык чифирить. Виктор, у тебя нет случайно пары миллионов, чтобы изобретение запатентовать?

– Совершенно случайно при себе нет. Инновации вообще не мой бизнес.

– Понятно. Есть идея программы-свёртки любой информации по геометрической прогрессии. Сначала очень быстро, в два раза, потом помедленнее, ещё в два раза, и так до нужного пользователю размера. Конвертация пространства во время. Идея простая, как... – Саня взглядом обследовал обеденный стол, – как варёное яйцо.

Магницкий следом за Ольгой тоже внимательно осмотрел стол. Никаких яиц, к сожалению, не было и в помине.

– Идея лежит на поверхности, народ ходит вокруг, об неё запинается, поэтому хочу сначала запатентовать, а для этого требуется два миллиона.

– Понятно, но у меня, к сожалению, нет

– Да, сумма приличная. Тогда пойдём покурим.

– Не забудь, Саша, что тебе к семье пора, – напомнила Ольга.

– Помню, помню. Ещё чуть-чуть поговорим, и пойду. Куда же я от них денусь?

В мужской курилке они долго обсуждали свёртку информации.

– Слушай, – замялся под конец Деревянкин, – не в службу, а в дружбу, проводи до трамвайной остановки. Ночью крыша слегка поехала, чего-то ужасно боюсь переходить через дорогу. Уверен, что собьют.

– Хорошо, что сказал, идём.

Дорогу перешли на зелёный свет, но при этом их чуть не сбила поворачивающая машина. Саня многозначительно глянул на Магницкого, намекая, что предчувствием пренебрегать нельзя, сел в трамвай и уехал, Магницкий благополучно вернулся на рабочее место.

Разложив на столе бумажки с архитектурой базы данных, он шаг за шагом создавал её, чувствуя себя немножечко господом богом в день первый.

– Котомкин за платами от СМ-ки приходил?

Ольга кивнула и нахмурилась.

– Пусть мы в лежачем положении, но ещё не падаешь. Предложил тридцать тысяч за грамм, да не он один занимается скупкой, сейчас надо позвонить ещё в два места, пусть придут, посмотрят и забирают. У тебя что-то получается?

– Продвигаемся понемногу.

Весь день у них гости, по делу и без оного. То люди в солидных пиджаках и галстуках, то чиновники-проверяющие, то бывшие сотрудники и сотрудницы забегают по старой памяти, но больше всего разносчиков всяческих товаров от расчёсок и заколок, мыла и колготок до гербалайфа, пищевых добавок и лотерей с многомиллионными выигрышами, чаще всего это тоже старые знакомые.

После обеда бывший электрик Андрей притащил огромную клетчатую сумку, набитую доверху, и на правах бывшего сослуживца развернул рекламную акцию для одежды пошива Ивановской фабрики, где работает его тётка.

Пиджаки, костюмы, платья – чего только не напихано в эту передвижную лавку. Выпив чайку, он с воодушевлением приступил к делу, начав со странного вида пиджака, уверяя, что вещь создана исключительно на чудесную фигуру директора, необыкновенно ей гармонирует, в общем, будет сидеть как влитая, радуя глаз окружающих. Ольга стесненно посмеивалась и примерять согласилась не сразу:

– Да мне не подойдёт ничего, Андрюша, – оттолкнула свёрток, который, пыхтя и охая старой бабкой, тот вытащил из самой глубины сумки-склада.

– А кто тебя просит покупать? Разве мне нужны чьи-то деньги? Господи боже мой, да ты примерь только, примерь к лицу, а вдруг красиво? Это же чисто эстетическое удовольствие – примерять красивую одежду.

Ольга натянула косматый пиджак, похоже, сшитый из красного верблюжьего одеяла.

Виктор тактично отвернулся к экрану.

Андрюша пришёл в неимоверный восторг, чуть по полу не пополз, предлагая ей руку и сердце, чем здорово испортил настроение Магницкому, затем, получив отказ, принялся уверять, что любой нормальный мужчина на его месте сделал бы то же самое, потому что устоять нет никакой возможности, как только видишь даму в этом шикарном клубном пиджаке. Он призывал Виктора подтвердить его правоту, однако тот продолжил сосредоточенно трудиться. Вкус его, по мнению коробейника, окончательно и бесповоротно испорчен социалистическим реализмом.

Кончился импровизированный базар тем, что, прилично закусив, напившись чая и даже пропустив рюмочку из остатков наливки, но ничего никому не всучив, Андрюша собрал свои манатки, разбросанные по столам, ещё раз на прощание подбрасывая каждую в воздух, помяв, пошуршав, подсунув Ольге под нос, и только после этой процедуры прятал товар в бездонном чреве сумы.

– Да, – продолжил неунывающим тоном, – дела идут, контора пишет, рубль отдадут – два запишут. Вот не знаю, где бы сегодня, братцы, переночевать. У меня срок аренды кончился за комнату, – вопрошающе глянул на Ольгу, потом на Виктора, – ...придётся в пригород катить, к двоюродной сестре, далеко... мм... неудобно. А придётся. Ладно, пошёл я! Чао!

Магницкий посмотрел на часы. Пожалуй, и ему пора. Занятие со Стасиком начиналось в пять часов, доехать можно и за пятнадцать минут, а можно и за сорок, как повезёт с троллейбусом, поэтому собрал бумажки в стопку, выключил компьютер.

– Уже? – насмешливо поинтересовалась Ольга.

– Начальникам всегда кажется, что подчинённые рано уходят со службы. Надо подзаработать немного на ужин.

– Будешь пилить дрова старушкам?

– Шутить изволите? Такой лёгкой работы нынче днём с огнём не сыщешь.

20.

Дверь на этот раз открыла Анна Георгиевна.

– Стасика нет, но он скоро придёт, пройдёмте на кухню, Виктор Фёдорович, будем пить чай.

Анна Георгиевна с восторгом рассказала о своём недельном отдыхе, о потрясающей грязелечебнице, буквально поставившей её на ноги.

Кухня выглядит симпатично, на стенах повсюду цветы, искусственные и настоящие, гарнитур светлых тонов, тоже миленький. Сразу подумалось, что у него такого ещё долго не будет, может быть, и никогда. За приятной беседой

скоротали полчаса, когда Анна Георгиевна проявила первые признаки беспокойства.

– Где же это он, а? Обещался прийти вовремя, вот ведь негодник.

Она вопрошающе смотрит на Магницкого, как на знатока детских душ, коему известно о подрастающем поколении много больше, чем ей, и ждёт ответа.

Магницкий берёт с огромного блюда домашнее печенье, откусывает, говорит, что давно не ел ничего более замечательного.

– Может быть, подождёте немного?

– Разумеется, – репетитор просто жаждал позаниматься со Стасиком, дабы впихнуть в светлую, хотя и несколько шальную голову очередную толику знаний.

Анна Георгиевна нашла в нём заинтересованного и внимательного собеседника. Они долго обсуждали возможность обмена двухкомнатной, с проходной комнатой квартиры на окраине на трёхкомнатную в центре. Хозяйку интересовала сумма. Анна Георгиевна мечтала о доплате в тридцать миллионов, но боялась, что меньше, чем за сорок пять, никто и разговаривать не будет.

– Но ведь у нас отлично отделанная квартира? – спрашивала она себя и Магницкого, приводя аргументы «за». – Потолок не течёт, несмотря на пятый этаж, конечно, комната проходная, зато решётки безопасности есть на всех окнах, дверь металлическая, и телефонизирована.

Репетитор легко соглашался практически по всем пунктам, его действительно очень интересовала эта тема как начинающего риэлтера, он с удовольствием поддерживал разговор. Минут через сорок хозяйка спохватилась всерьёз:

– Вот ведь гад какой! Нарочно, нарочно не идёт, знает, что урок! Вы представить себе не можете, как я с ним измучилась, негодяй несовершеннолетний, изверг!

Магницкий и тут понимающе кивнул, однако общим выражением лица показал, что Стас не так уж плох, а со временем из него получится превосходный повар высшей категории в самом роскошном столичном ресторане. Любая мать время от времени срывается и орёт на собственное чадо, обзывая его полным идиотом, но ни одна не поймёт, когда посторонние чересчур легко соглашаются с ней в этом.

Меж тем часы показывали, что до конца занятий осталось совсем ничего времени.

– Теперь мне ясно, – зловещим тоном произнесла Анна Георгиевна, – что он не придёт, просто ужас какой-то, а не ребёнок. Вы нас извините, но надеяться не на что, бесполезно ждать и тратить время, – она сощурилась на круглые настенные часы.

Магницкому ничего не осталось, как открыто глянуть на свои ручные:

– Да, время летит, не замечаешь как. Жаль, что Стасик не пришёл. Мы бы с ним хоть немного позанимались, хоть с полчасика.

Встал, поблагодарил за чай и с вежливой улыбкой интеллигентного человека, не в первый раз попадавшего в подобные ситуации, направился в прихожую обуваться. На лице Анны Георгиевны читался трудно решаемый вопрос: оплатить занятие или поблагодарить от всей души в устной форме, тем более, что чаем репетитор напоен основательно..

– Вы же не виноваты, что он не пришёл, – задумчиво продолжила размышлять Тамара Георгиевна, и вдруг стеснительно-неуловимым движением сунула ему денежки, мимолётно отвернувшись и вытащив их из-под полы своего китайского халата из набивного шёлка с вышитыми золотыми лилиями.

Она боялась, бедняжка, что репетитор начнёт протестовать и откажется от незаработанных денег.

– Мне очень жаль, поверьте, – взял купюры, даже для вида не отказавшись, из-за чего, по всей видимости, сильно упал в её глазах.

Бумажки, как и вся Анна Георгиевна, благоухали неизвестными заграничными духами, обещая блаженство души и органов пищеварения. Однако пришлось оплатить ими телефонный долг.

21.

Над сходящим от жары с ума городом собиралась гроза. Со всех сторон на горизонте распухли тёмно-синие тучи, меж которыми дымилось раскалённое солнце. Ниоткуда ни ветерка. По городу ездили спецмашины, поливая размягчённый асфальт горячим гудроном, от которого разил сизый чад. Колёса автомобилей прилипали к дороге, издавая страшный треск. Несчастные пешеходы, испуганно перебегая улицы, страдали гораздо серьёзнее, подчас теряя обувь на проезжей части.

Тополинный пух летал по городу, вызывая аллергию у граждан, нос Магницкого также покраснелся от постоянного почёсывания. Белыми сугробами пух скапливался в тихих местечках, повсеместно создавая пожароопасные объекты. Пожарные машины не успевали выезжать на возгорания, над всем годом висел их тревожный вой.

Уже свернув к своей калитке, Виктор увидел вдруг стоящую у забора между калиткой и домом маленькую девочку лет трёх. Беленькая, кудрявая, в очень грязном платье, в общем, ангелочек со сбитыми коленками и босиком.

Никогда не знавший, что такое обморок, Магницкий вдруг испытал полную парализацию организма при необыкновенной ясности сознания. Сейчас, в сию секунду здесь произойдёт нечто ужасное, в результате чего с прежней жизнью всё будет покончено раз и навсегда. Он не мог двинуть ни рукой, ни ногой, не мог вымолвить слова.

Девочка стояла в пуховом озерце, неумело держа в руках спичечный коробок. Не замечая обмершего Виктора, она чиркнула по коробку спичкой, после чего, старательно хмурясь, засунула горящую спичку в отверстие для писем и газет, где с внутренней стороны забора прибит почтовый ящик.

Парализация окончилась.

– Ты чего делаешь? – отбирая спички, воскликнул он. – Сама же первая сгоришь!

Девочка надулась хорошеньким, тоже испачканным, неухоженным личиком и произнесла, старательно выговаривая слова:

– Здесь живут плохие богатые.

– Это кто же тебе сказал?

Она вдруг заревела и убежала прочь.

Распахнув калитку в ограду, Магницкий быстро открыл деревянный почтовый ящик: запутавшись в паутине, в нём висело несколько обгорелых спичек.

Шезлонг находился возле крыльца, в тени. На нём царицей Савской возлежала Иринка, читая свою любимую «Анжелику».

– Весь день провела здесь?

– Нет, ходила немного поучилась в библиотеку, у нас завтра последний экзамен. А здесь живу потому, что тихо, и идиотов почти нет.

В доме скопилась духота, раскрыл окна в сад – проветрить.

Взял газеты, телефон, и прилёг на кровать.

Начал с однокомнатных. Расчертил в блокноте таблицу на несколько колонок, где по каждой квартире, продающейся в городе, будет собрана самая подробная информация, сколько на это уйдёт времени, неизвестно, может, три дня, а возможно, и целая неделя. Нашёл в газете заголовок «Продаю квартиру» и набрал первый указанный телефон.

Кто-то тихо вошёл в дом. Скрипучая кухонная половица возле печи выдала присутствие человека. Он долго обследовал кухню. Затем всё стихло. Но вот некто явился опять. Из кухни неизвестный перешёл в столовую, где пребывал по своим делам ещё минут десять. Магницкий обзвонил десяток номеров с переменным успехом, когда Иринка возникла на пороге.

Она рассматривала комнату, будто не замечая его. В руках держала тарелку.

Когда их глаза, поубегав друг от друга, встретились, девушка спросила:

– Хочешь щавеля?

В это время Магницкий опрашивал продавца недорогой квартиры, поэтому поднёс палец к губам и продолжил аккуратное заполнение строки в таблице.

Иринка сделала два шажка, постояла у рояля, облокотившись на него одной рукой, потом, не расставаясь с тарелкой, прошла, слегка покачивая бёдрами и заводя ногу за ногу, как модель на подиуме, после чего остановилась совсем рядом и осторожно присела на край кровати.

Действительно, в тарелке высилась горка зелёных листьев. Ещё он зафиксировал перед собой на тонкой нежной шее цепочку с серебряной монеткой. В старые добрые времена за такой изгиб шеи девушку называли лебёдушкой.

Виктор медленно потянулся к тарелке, что располагалась на голых загорелых коленках, взял из вежливости один листик.

Пока его рука с карандашом странствовала по воздуху до тарелки, Иринка за ней напряжённо следила, затаив дыхание, лишь после того, как лежащий мужчина ограничился листом щавеля, тихонько выдохнула и шевельнулась.

– Где нарвала?

– Места надо знать.

– Что за монетка?

– Это не монетка, иконка Варвары великомученицы.

– Варвары великомученицы?

– Да.

– Ничего себе.

Конечно, никто не будет протестовать, если осторожно взять монетку, рассмотреть, коснувшись слегка пальцами нежной кожи груди, как-то он уже попался на точно такую шутку, поэтому, не наступая на старые грабли отделался краткими словами благодарности, продолжив накручивать телефонный диск.

– Хочешь купить благоустроенную квартиру, а дом вообще продашь?

– Товарищ попросил разузнать про квартиры, выяснить, что и где почём, он живёт в общежитии без телефона.

– Почему сам не пришёл звонить?

– У него нет времени. Попросил меня. Мне для хорошего человека не трудно.

– Приготовить ужин?

– Не думаю, что есть что-нибудь кроме картошки и лука.

– Хочешь, пожарю картошку?

Виктор с как можно большей укоризной глянул в нескромные фиолетовые глазки.

– Жарь. Только учти, большая конфорка не работает. А маленькая греет плохо, пользуйся средней. Картошка в углу, за столом, в ящике. Лук в холодильнике, который тоже не работает, там на кухне стоит, «Кузбасс», в нём ещё какие-то стеклянные банки.

– Не беспокойся, уж как-нибудь найду, – она вскочила с кровати с видимым облегчением.

Да, прежнее решение самой кажется странным, наваждение исчезло, и девушка вдруг страшно перепугалась напоследок, что её схватят сейчас за голые коленки и сделают великомученицей Ириной.

Умчалась из спальни с грацией перепуганной феи, попавшей в заколдованный замок людоеда.

Магницкий остался лежать на кровати, соображая, что могло заставить Иринку прийти, и остановился на вполне очевидном варианте, что учащейся железнодорожного техникума до чёртиков надоел коммунальный ад и она готова выскочить замуж даже за такого пожилого человека, как он. Разница в возрасте тринадцать лет.

Что там Витька подельывал в тринадцать лет? Эх, лучше и не вспоминать. Хорошо, что квартир в городе продаётся много, во всяком случае, на первый взгляд.

На кухне раздался визг, будто с Иринки заживо содрали кожу вместе с купальником и нагрудным медальоном-иконкой страдальицы Варвары. Значит, она всё-таки не убежала домой, а готовит ужин!

Виктор забыл стиль Фюсбери – вылетел из кровати каким-то новым комбинированным способом, нервно дёргая членами, чтобы, с одной стороны, не расколотить обкаканную мухами люстру, а с другой – не упасть раньше времени на рояль, над которым уже зависла правая нога.

Назовём данный стиль прыжком кузнечика, укушенного осой; и приземлился почти на пороге. Антикварному роялю пришлось немного посторониться, чтобы не быть разбитому в щепки. Идиотка!

– Чего орём? – заорал сходу, увидев, что кожа и зелёный лягушачий купальник на месте. – Что подумают люди? Одно из двух: или я взялся резать в своём доме свиней, или женщин, но в любом случае некультурно, правда?

– Крыса! – каркнула Иринка, указывая пальцем в угол.

– Ну и что, крыса? Она тебя съела, обыкновенная домашняя крыса?

– Ага, она картошку обгрызла. Я наклонилась в угол, беру картофелину из ящика, а она с другой стороны её не отдаёт!

– Где крыса, где картошка?

– Крыса убежала, потому что я в неё картошкой кинула.

– Отлично, вещдок утерян.

– Вот она, вот она! – Иринка подобрала с пола картофелину.

– Слушай, прошу тебя, не кричи так.

– Видишь, обгрызена!

– Действительно. А ну, открой рот.

– Зачем?

– Вдруг ты мне сценку разыгрываешь, артистка? Погрызла картошку, между прочим, очень дорогую – у частника брал, швырнула её и давай орать. Открывай рот без разговоров! Кому говорю?

Сузив от злости зрачки, Иринка разинула пасть.

– Нет, резцы другого размера, – сличив картошку с зубами учащейся железнодорожного техникума, произнёс Магницкий задумчиво. – Ладно, можешь закрыть.

Иринка рта не закрывала, молча вращая глазами в направлении тёмного угла кухни.

На ящике с картошкой сидела мокрая рыжая крыса, глядела на них и ухмылялась в высшей степени нагло. Виктор тотчас бросил в неё обгрызенный корнеплод, крыса запрыгнула на стол, пошла по клеёнке, волоча длинный хвост со спокойной неторопливостью важной дамы на прогулке. Иринка опять заверещала, благо рот был уже открыт, Магницкий схватил сапог, замахнулся, Иринка стихла, крыса прыгнула в холодильник «Кузбасс», всегда стоявший с распахнутой дверцей, служа сушилкой для стеклянных банок. Осталось легонько пнуть по дверце, и та мягко защёлкнулась.

Иринка хлопнула в ладоши:

– Так! Отличная мышеловка. Как мы её оттуда вытащим?

– Пока не придумаем, пусть сидит.

Из холодильника доносилось звяканье стеклянных банок: крыса обследовала свою тюрьму.

– А она не прогрызёт его где-нибудь?

– «Кузбасс» испокон века цельнометаллический, не прогрызёшь.

– Если откроем, она как выскочит, как выпрыгнет на нас, – Иринка нервически передёрнулась. – Выскочит и убежит!

– Это точно.

– А съестного там ничего нет?

– Лук только, – с грустью промолвил Виктор, – придётся жарить картошку без лука.

– Это даже проще.

За окном резко потемнело, пришлось включить свет.

– Слушай, сейчас начнётся гроза, которая может затянуться на всю ночь, зачем, спрашивается, тебе потом бегать под ливнем, когда можно сейчас прекрасно дойти посуху?

– Картошки стало жалко, да? Не беспокойтесь, я ем очень мало.

– Нет, тебя.

– Бросьте, дяденька. Уйду, конечно, и знаете почему? Скучный вы до безобразия. Сидите здесь с... крысой в холодильнике! Можете даже её заморозить себе на завтрак.

Она убежала через сад, воспользовавшись тем самым путём, что и мать её Тамара. На бегу отбивалась от мошки, расплывшейся в воздухе перед дождём.

Ливень хлынул сразу, как только она исчезла из поля зрения. Магницкий очень обрадовался, надеясь, что теперь прибьётся наконец тополиный пух, из-за которого можно по такой погоде очень просто, вернувшись с работы, оказаться на родном пепелище.

Дождь хлестал внаклон, со стороны улицы по стёклам окон струились потоки воды, размывая всякое изображение, Виктор открыл окна в сад, стоял, наслаждался запахом и видом чудесных картин, вспыхивающих то и дело при ударах молний. Внезапно уши уловили звук падающих струй за собственной спиной, обернувшись, он увидел, что с потолка действительно льются струи дождевой воды.

Дом раскрывал свои новые, доселе неизвестные стороны. Как-то во время посещения чердака он обратил внимание на множество плошек, мисок и ржавых тазиков, расставленных повсюду, но как-то не придавал этому значения. Похоже, наступил момент, когда посуда переполнилась.

Пришлось срочно лезть на чердак, растворить там небольшое чердачное оконце и бегать в кромешной тьме, стучаясь головой о балки, выплёскивая воду из мисок и тазиков на улицу через то окошко.

Кровельное железо всюду проржавело, сверху капало, лило и подтекало. Дождь ещё более усилился. Противоположная сторона улицы исчезла в непроницаемой пелене.

В доме так же пришлось расставить всю имеющуюся посуду из буфета, апрельская капель наполнила весенней музыкой комнаты. Но главные неприятности подстерегали впереди.

Среди ночи вдруг раздался удар такой силы, что благоприобретенная недвижимость Магницкого вначале вздрогнула и присела, потом подскочила, как большая лягушка. Бамс!

В чём был, он выскочил из жилища, подозревая начало землетрясения. Ливень ревел устрашающе. Всполохи молний следовали один за другим, освещая сад непрерывной жуткой синевой. В их адском свете он различил лежащую на крыше огромную ветвь, которая обрушилась с рядом стоящего тополя. Где-то в невидимой глубине сада трещали под напором воды и ветра старые черёмухи. Крыша пока не рухнула, и Виктор возвратился в дом, предпочитая погибнуть прибитым балкой, чем быть заживо размытым на составляющие организм молекулы.

Крыса громко пищала в холодильнике, билась о стенки, требуя свободы. Пришлось открыть дверцу. Животное кубарем вынеслось оттуда, визжа и стелая, скрылось в углу за ящиком с картошкой, гулко свалившись в подполье.

22.

А утром погода снова как на заказ.

Но общее состояние хозяйства могло обескуражить кого угодно. Битый час провозился на крыше со стволом упавшей части тополя, пока не разрезал на части и не спихнул наземь, стараясь не зацепить мокрые провода. Ювелирная работа!

В саду, не выдержав веса собственных разбухших стволов, повалились три огромные черёмухи.

Одно из деревьев крайне неудачно придавило будочку туалета, отчего последняя напоминала картонную модель косоугольного параллелепипеда, который не изучается в школьном курсе геометрии. С этим деревом что-то надобно было делать в первую очередь. Рубить снизу рискованно: отрубленный ствол может окончательно раздавить важную составляющую его неживучести, поэтому Магницкий приставил к туалету гниловатую лесенку, как можно осторожнее влез на крышу, прихватив с собой пилу и топор.

Ножовка моментально увязла в сырой древесине, тогда в дело пошёл тупой ржавый топор, от бодрого стука окрестные деревья вздрогнули и сбросили с себя многочисленные бриллиантовые кольца.

Створки тамариного окна распахнулись, соседка помахала ему рукой, критически осмотрела мокрый сад и решила заняться аэробикой дома. На подоконник уселась загорать Иринка. Эта дулась: не здоровалась, всячески изображала, что не замечает вовсе, в конце концов разлеглась на подоконнике, нацепив чёрные очки, делая вид, будто загорает.

Соседнее окно также раскрыто, однако Савраскины в нём покуда не обозначились, отделившись от прочего мира вымокшей за ночь марлевой занавеской.

Зато у красавца Василия как раз конец ночной смены. На маленьком самодельном балкончике он прощался с чрезвычайно симпатичной девушкой, которая намеревалась спуститься по персональной лестнице вниз, но излишне содрогалась в коленях, ноги явно её не слушались.

Магницкий проникся к ней сочувствием, из своего короткого альпинистского опыта он прекрасно помнил, как трудно спускаться утром с вершины, куда вечером заскочил в романтическом угаре первопроходца.

Никоим образом не препятствуя бегству, Василий, лишь слегка приобняв красотку сзади за умопомрачительную талию, с чувством произвёл контрольный поцелуй в затылок и подтолкнул к лесенке.

Звуки топора разбудили округу раньше положенного срока. Белые, пахнущие черёмуховым соком щепки полетели в разные стороны.

– Эй, товарищ на сортире, берегись, – послышался звонкий Иринкин голос, – Джина пришла.

Магницкий повернулся, и в трёх шагах от своей будочки увидел огромную кавказскую овчарку с потрясающей гривой и пушистым хвостом.

Собака угрожающе обнажила клыки немислимого размера. Косой параллелепипед жалобно скрипнул, скособочившись ещё ниже.

Отмахав ручкой положенное время вслед юркнувшей на улицу ночной гостье, капитан в отставке мгновенно оценил ситуацию на чужом фронте, статно повёл крутыми плечами и остался на занятых позициях:

– Да-а-а, – процедил он, – на живца и зверь бежит! Любопытная трагедия намечается...

В окне Савраскиных показалась голова в бигудях Савраскиной-жены, без топора. Топор на этот раз был в руках Магницкого, он решил не дрейфить, во всяком случае, не показывать этого перед всей честной компанией. Зрители неторопливо заняли свои места и ждали начала спектакля.

– Это Джина вернулась, – пояснила Ирина, – она у хозяйки жила раньше, а после её смерти куда-то делась. Вы только не вздумайте от неё бегать, догонит – хуже будет.

Виктор продолжил рубку ствола черёмухи.

– А возьми ружьё на чердаке, – взлетел голос чертёжницы Савраскиной из форточки.

– Старая ты дура, – тотчас откликнулась невестка Наталья, – пока он до крыльца добежит, собака успеет его три раза сожрать и три раза выплюнуть. Топором пусть отбивается, вернее будет.

– Может, милицию вызвать? – спросила Иринка.

– Не надо милиции, – Магницкий продолжал делать своё дело, краем глаза поглядывая на домашнее животное и тщаь надеждой, что собачка сама куда-нибудь уйдёт.

– Он с ней и так справится, – Василий почесал грудь в десантной тельняшке. – С топором-то, чего там... запросто. Один каратист с голыми руками против тигра дрался и победил, а тут с топором. Люди вон с одной деревянной рогатиной на медведя ходили, а тут топор железный. Вот. Нормально. Без милиции справится.

Собаке надоело ждать Магницкого, она перестала рычать, села и высунула огромный розовый язык. В такой шубе бедняге действительно жарковато.

Большая часть мокрого пряно пахнущего ствола переломилась, повиснув на сочной коре, осталось пару раз ударить снизу. Виктор спихнул ствол с туалета, чувствуя, как вся будка вдруг разом выпрямилась, его подняло вверх на четверть метра.

– Вот, теперь совсем другое дело, сортир в порядке, – подсказал, как всегда, вовремя Василий, – есть где нужду справлять.

Наверху делать было нечего, это понимали все, и Магницкий в том числе. Надо было спускаться вниз.

Соседи заинтересованно ждали от него мужского поступка, он постарался их не подвести. Собака встала, неторопливо двинулась в его направлении. С детства сообразительный Магницкий быстренько начал обрубать ветви павшего дерева, расчищая дорожку к дому, густо заваленную черёмухой.

Когда человек весь в работе, даже кавказская овчарка его уважает: подошла, обнюхала, после чего вдруг махнула хвостом – видимо, он уже в достаточной мере пропитался запахом дома, чтобы сойти за своего.

Расчистив от веток тропинку, Магницкий осторожно двинулся к крыльцу, Джина побежала впереди с видом проводника. Встала у двери в кладовку, давая понять, что её жилище там, Виктор открыл щеколду, собака степенно зашла к себе, укоризненно окинув взором пустые миски.

По требованию новой жилички в одну посудину налил воды, в другую пришлось сложить остатки вчерашней картошки с кусками хлеба, собака набросилась на еду со зверским аппетитом, еле успел отдернуть руки. Быстренько закрыл кладовку на защёлку и вздохнул с облегчением, так ему всё же спокойнее.

Хорошо, что не надо поливать клумбочку, и, кажется, тополиный пух прибит до следующего сезона. Это радует.

Грядущий день решил посвятить работе по наполнению базы данных. Вот скоро станет настоящим специалистом в области недвижимости, будет зарабатывать кучу денег, сможет купить шифер на дырявую крышу...

А пока вскипятил чай, сел в кресло, бросил взгляд за окно: Тамара отказалась от аэробики на свежем воздухе в промокшем саду. Зато дочь её Иринка не забыла навестить с утра пораньше.

– Накормил собаку? – спросила, деловито входя на кухню, будто к себе домой.

– Покормил.

– Хлебом?

– А вам, девушка, собственно, какое дело?

– Собаке нужно мясо давать, кости и кашу, лучше всего овсяную.

Можно суп сварить.

– В ближайшее время ухожу на работу.

– Нашёл работу?

– Представь себе.

– Молодец. Тогда кашу могу я приготовить. В доме есть какая-нибудь крупа?

Он тут же бросил пакет с пшёнкой на стол:

– Вари.

– С собакой нужно гулять утром и вечером, она не может всё время сидеть взаперти в кладовке.

– Крыса же сидит в холодильнике, и ничего.

Иринка опять выпучила глаза:

– Она ещё там?

– А где ей быть? Или хочешь, чтобы я её тоже хлебом и кашей кормил?

Али выпустить прямо сейчас? Она сразу как выскочит, как выпрыгнет...

– Ой, не надо сейчас. Потом, когда уйду.

– Нет, это я уйду, а ты вари кашу, как обещала. Потом можешь загорать на шезлонге сколько влезет, хоть весь день.

– Ещё чего, у меня сегодня экзамен, а с завтрашнего дня практика, между прочим, в депо. Прошу не указывать, чего мне здесь делать. Кашу Джине сварю и уйду. Вот так. Понял?

23.

Битое утро Магницкий просидел в офисе, занимаясь делом: вводил информацию по квартирам в базу данных, звонил хозяевам квартир, натываясь в основном на фирмы, дававшие рекламу под видом частных лиц.

Фирмы не называли точного адреса, это его раздражало. Коллеги по бизнесу вежливо предлагали бесплатно покатать на своём транспорте и показать любую квартиру из «обширного каталога», если, конечно, имеют дело с «серьёзным клиентом». Он задавал наводящие вопросы. Это напоминало соревнование по вежливости, и чаще всего победителем схватки выходил Виктор.

Ольга разбиралась с приходящим бухгалтером по налоговой отчётности. Бухгалтерша все время оглядывалась на стол, где стояла ваза с цветком.

На этот раз Магницкий принёс декоративный красный мак на толстом мохнатом стебле, такой огромный и красный, что не верилось, что перед глазами настоящее живое растение, а не первомайский транспарант, изготовленный выпившими ради праздничка цветочницами.

Даже на его детдомовский вкус, не испорченный никаким экспрессионизмом, декоративный мак был немножечко вульгарен, но ничего другого просто не попало под руку. На свой страх и риск водрузил гиганта в вазу, где днём раньше благополучно загнулся от жары букет мелкоцветных, недоразвитых пионов и терпеливо ждал реакции, однако директор никак не отозвалась о новом цветке, возможно, ей было не до того. Зато бухгалтерша, помогавшая составлять отчёт в налоговую, вдруг пришла в неопишуемый восторг, поняв, что в воду поставили не искусственный шёлк с хрустящей бумагой, а самый настоящий живой цветок.

– Никогда не видела такого чуда, – сказала она, встала, подошла и понюхала.

Ага, купилась. Цветок ничем не пах.

Однако женщина продолжала восхищаться его тропической яркостью, и восхищалась бы, наверно, до вечера, если Ольга вовремя не подарила ей Голиафа цветочного мира, почти ехидно улыбаясь.

– Она вообразила, что ты мой любовник, теперь растрезвонит всем знакомым.

– С чего вдруг?

– Каждый день таскаешь новые цветы, и смотришь этак...

– Я смотрю?

Магницкий хотел страшно возмутиться, плюнуть на всё, громко встать и уйти, хлопнув дверью на прощанье, чтобы никогда больше... но почему-то остался сидеть на месте, да ещё немного сгорбился, тем самым наглядно демонстрируя, сколь низок уровень его притязаний. Проямлил жалостно, по-сиротски:

– Хорошо. Извини. Больше не буду носить цветы, раз такое дело.

– Ну и отлично. Мы ведь товарищи?

– Коллеги по бизнесу.

– Приятно слышать. Не прими меня за неврастеничку, но это так всё надоело.

– Само собой. Нет проблем.

– Рада слышать, что хотя бы здесь их нет. А вообще на сегодняшний день надо пристроить куда-то автомашину, срок аренды гаража кончился вчера, ставить некуда, к тому же нет шофёра, потому что нет денег.

– Можно разместить у меня во дворе. Если рискнёшь, попробую водить, права-то есть, но практики, честно говоря, маловато.

– Тогда давай прямо сегодня и поставим к тебе, а там видно будет, может, ещё что-нибудь подвернётся, заодно покажешь своё бунгало.

Последний рейс Магницкий совершал на импортной машине с правым рулём в апреле месяце, доехав от гаража до своего, тогда ещё чужого, дома, забрал продавцов, отвёз к нотариусу, где произошёл обмен дома на машину. Обрато добирался пешком.

Теперь старался изо всех сил соблюдать правила дорожного движения на ярко-красном «Москвиче» не первой молодости. Подкатил к самым воротам и остановился.

– Место хорошее, – похвалила Ольга, – и домик вроде ничего. Это твои насаждения перед фасадом, или зелентрест действует?

– Зелентрест, – застеснялся Виктор, – подожди немного, открою ворота, заодно и проверю, открываются ли они.

Юркнув в калитку, быстренько обежал дом: шезлонг перед крыльцом пуст, дверь закрыта на замок, а ключ на месте.

В одну секунду убрал доску, запиравшую створки ворот, те распахнулись, и у директора, стоявшего на тротуаре возле машины, вырвалось:

– Как чудесно!

Она даже сняла солнцезащитные очки с глаз, чтобы получше рассмотреть заросли черёмухи на дальнем плане, поваленные бурей деревья и альпийский луг, благоухающий запахом трав и всевозможных лютиков с порхающими бабочками, не имеющими никакого спроса на местном рынке. От всего этого природного буйства тянуло сочной прохладой старого парка.

– Так и чудится, что там скрывается родник, – указал он на заросли сирени вперемежку с ранеткой.

– Правда, родник?

– Искал, но ничего кроме пустых кошельков не обнаружил.

– Кошельков?

– Ну да. У меня есть единственное объяснение их обилия. Тут по вечерам довольно пустынно, несмотря на центр. У одиноких прохожих вырывают кошельки и сумочки, деньги забирают, а пустые улики бросают через забор. Хоть кожгалантерейную лавку открывай, ей-богу.

Ольга подозрительно огляделась.

– А машину нашу не своруют?

– Что ты, её кавказская овчарка будет охранять. Вот послушай.

Виктор открыл входную дверь и приложил палец к губам. За дверью кладовки по полу застучали хвостом, как большой деревянной палкой.

– Она не вырвется?

Услышав чужого, Джина истошно заревела и бросилась грудью на дверь, которая специально для таких случаев сделана из очень толстых досок.

– Конечно, не вырвется. Пройдём лучше в дом.

Демонстрируя свою жилплощадь с русской печью и шрёдеровским комнатным роялем, Магницкий надеялся, что гостье здесь понравится. Похоже было на то, что так и вышло. Дальская согласилась ждать, пока вскипит чайник, заинтересовалась русской печью, но тут посмотрела в окно и удивилась. Удивление было написано на её лице большими каллиграфическими буквами. Да, его сад – это что-то. Он тоже посмотрел, и увидел, что шезлонг не пуст, на нём раскинулась Иринка без лифчика.

– Это соседская девочка, – счёл нужным пояснить с рассеянным видом, – разрешаю им загорать, когда меня нет дома. Не знает, видимо, что мы уже приехали. – Кинул быстрый взгляд на Дальскую. Лицо директора продолжало оставаться задумчивым. – Обычно они лазят сквозь дырку в заборе.

– Кто они?

– Мать её Тамара по утрам делает вон на той полянке, что подальше, утреннюю гимнастику, а Иринка днём загорает.

– Очень симпатичная девушка.

– Учится в железнодорожном техникуме. Любит животных. Хорошо учится, молодец. Кстати, сегодня у неё был последний экзамен.

– Замечательно.

– Пообедаем? Есть каша, – Виктор открыл кастрюлю. – Пшённая, будешь?

– Сам варил?

– Но вполне съедобная.

– Ладно, машину будем ставить здесь. Я согласна. Пора возвращаться на работу.

Она шла впереди, Магницкий сзади по дорожке мимо Иринки, стараясь её не замечать, однако учащаяся техникума сняла очки-консервы и произнесла с приветливым радушием хозяйки:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, – ответила Ольга, – сейчас вы можете обгореть, лучшее время до десяти утра, или вечером после шести.

– В нашей северной местности лето бывает один день в году, и то мы его проводим на работе, – развеселилась Иринка.

– Гляди, как бы волдыри не пошли... – предупредил Виктор и показал из-за спины кулак.

На улице громко вспомнив, что забыл закрыть дом, вернулся на нудистский пляж. Заметив его приближение, в отличие от первого раза Ирка прикрылась книжкой.

Магницкий молча прошёл мимо, закрыл дверь на ключ, опустил его в карман, взял стоявшее за бочкой ведро с водой и вылил ей на голову: «Охолонись».

Иринка завизжала, вскочила, тряся книгой:

– Дурак, книга чужая, замочил, придурок! Больше не буду тебе кашу варить, болван такой!

Храня вежливое молчание, вернулся к бочке, зачерпнул следующую порцию. С необыкновенной скоростью полураздетая девушка кинулась бежать к забору, и, естественно, добралась до него вся исхлёстанная разлапистой крапивой. Поставив неизрасходованное ведро на скамейку, Виктор вернулся к машине.

– Что-нибудь случилось? – иронически глядя в сторону, спросила Ольга, когда выехали на дорогу, – я слышала истошные девичьи вопли.

– Ира решила искупаться.

– Да, сегодня жарковато. Кстати, в этом году ни разу не была на речке. Если в субботу погода будет хорошая, давай съездим?

– Давай.

– Отвезёшь?

– Конечно.

– А потом заберёшь?

– Я тоже могу позагорать где-нибудь неподалёку, если, конечно, не возражаете.

– Хорошо.

– Нужно будет только предварительно заправиться. Чтобы потом не тратить время.

– Денег дам. Ты едешь медленно и неуверенно, у тебя такой стиль?

– Желаете, чтобы я ехал быстро и неуверенно?

– Нет, если неуверенность – основная составляющая твоего стиля вождения, лучше пусть будет медленно. Ирина меня развеселила. Радует то, что сделала она это не для тебя, а ради меня. Почему-то приятно. И как часто приходит в гости?

– Я бы не сказал, что слишком часто...

– Когда была в последний раз, и чем вы тогда занимались?

– Мы?.. Не помню. Ничем не занимались. Раза два дома была. Один раз щавелем угощала, в другой раз поймали крысу в холодильник, после чего разразилась гроза и у меня свалило три черёмухи. Видела?

– В холодильник, говоришь? Любопытный случай.

Потихоньку-полегоньку кроссворд городского рынка недвижимости заполнялся по горизонталям и вертикалям.

Ольга прохаживалась с чашкой кофе по кабинету, останавливаясь то у распахнутого окна, из которого открывался довольно мрачный двор с кучей угля возле бункера кочегарки, а разнообразие вносили разве что новенькие, блестящие на все лады вывески магазинчиков, аптеки и кафе, не страдавших от обилия посетителей, то заходила в каморку с уснувшей навсегда СМ-кой. Пару раз останавливалась возле него, глядела в экран, ничего не говорила. Магницкий работал не отрываясь.

– Послушай, – сказала наконец немного сердито, – это всё не срочно, что ты сейчас делаешь, легко может подождать и день, и два, и три, без всяких осложнений.

– Может, – согласился Виктор... А чем предлагаешь заняться?

– Прекрасно знаешь, чем, – Ольга встала рядом, оперевшись рукой на спинку стула, – надо освободиться от СМ-ки, это самый срочный вопрос. Те мужики оказались хуже Котомкина. Ясно?

– То есть за грамм они дают меньше?

– Надо попытаться убедить Котомкина поднять цену хотя бы до пятидесяти тысяч рублей за грамм. Я это не могу сделать. Попробуй ты. Вот его телефон.

– Хорошо, попробую, хотя ручаться не могу.

– Никто не просит ручаться. Надо только попробовать что-то реальное предпринять. Совершить над собою усилие и сделать. Только и всего.

– Хорошо.

В кабинет по-свойски зашёл директор соседней страховой компании, с порога разулыбавшись Дальской.

Дверь его офиса всегда широко распахнута, за огромным столом напротив входа восседает довольный жизнью начальник с глянцево-прилизанными волосами на манер юристов нью-йоркского Сити, погружённый без остатка в чтение толстых гражданских кодексов по предпринимательству. А вот клиентов Магницкий что-то ни разу не замечал – слишком дороги нынче правоведческие услуги даже для предпринимателей.

– Оленька, серденько мое, что тебя не слышно, не видно? Опять вся в заботах. Ну разве это жизнь для обворожительной дамы? Бросай богадельню компьютерную, бис с ней, нечистой, пошли ко мне замом...

– Замком по морде?

– Щего?

– Была такая революционная должность: заместитель комиссара по морским делам.

– Ну щего ты, как можно. Я бы с удовольствием предложил пост заместителя по финансам, фирма растёт, – он завёл глазки от удовольствия, – можно сказать, процветает. Главный бухгалтер пусть пыхтит над отчётностью, есть потребность в аналитике с большой буквы... подумай, а вот презент от нашей комнаты вашей комнате, от чистого, благородного сердца, коробочка конфеток к чаю, – споткнулся о Магницкого взглядом, будто тот

здоровенное упавшее дерево, перегородившее дорогу его БМВ. – У меня к тебе маленький разговорчик на пять минут, пойдём ко мне, всего пять минуток...

Интересно, есть ли ещё какие-нибудь сборщики драгоценных металлов, кроме котомкинских армян? Можно поискать. Он потянулся к трубке, но телефон сам зазвонил, напряжённый голос спросил Виктора, это был жук Котомкин собственной персоной.

– Слушай, не знаешь, вы продали свои платы от СМ-ки?

– Не знаю, но вроде бы да, если хочешь, узнаю точнее.

– Да, и узнай, почём. Это прибалты были?

– Вечный конфликт Запада и Востока?

– Развелось конкурентов, ногу поставить некуда, чёрт бы их побрал.

– Я слышал, речь шла о пятидесяти.

– Пятьдесят тысяч рублей за грамм? Обалдеть. Наверное, у них другая технология переработки. Козлы, всю Россию ободрали эти прибалты, всё подряд тащат: медь, алюминий, нержавейку. Скоро провода со столбов снимут и увезут. Слышал? Они вышли на второе место в Европе по продаже цветмета, а у самих никаких месторождений в помине нет. Давай звонить больше не буду, а прямо домой к тебе заеду сегодня, и поговорим. Я у тебя на новом месте ещё ни разу не был. Спиртику вмажем... идёт? Часиков в шесть?

– Нет, давай к семи.

– Замётано. Буду как штык.

Вошла Ольга, он положил трубку.

– Звонил Котомкину?

– Только что. Договорились встретиться вечером для проведения консультаций у меня дома.

– Если о чём-нибудь договоришься, сразу звони мне, буду ждать, – она записала на листке номер своего домашнего телефона. – Провернуть бы это дело прямо сегодня, крайний срок завтра, – упала в кресло. – О боже, завтра ещё в суд на развод. Не понимаю только одного: как я могла выйти за него замуж?

24.

Он въезжал во двор, когда по тротуару медленно и плавно прошли парой, взявшись за руки, Пьер Савраскин с супругой. Пьер наряжен в клетчатый костюм, светлую рубашку с огромным расстёгнутым воротником, жена в рискованно коротком платье, оба вспотевшие, красные от жары и напитков, оба с горячими, воспламенёнными взглядами, влюблённо ворковали друг с другом, не замечая ничего вокруг.

Повязка на голове Пьера отсутствовала, от залысины до брови остался запекшийся шрам. Наталья Савраскина дотрагивалась до лба супруга пальцем, помечая траекторию движения лезвия топора, а он следил за пальцем с умильным выражением сытого щенка, улыбался, икал.

Иринки поблизости не оказалось. На крыльце стоял перевернутый вверх тормашками шезлонг. В запертом доме скопилась духота. Раскрыл все

окна в сад, покормил собаку, и, выйдя в сад на травку, опрокинул на себя ведро воды, после чего почувствовал некоторое облегчение.

Если Котомкин принесёт спирт, пусть тащит обратно – пить не будем. Сейчас бы пивка холодненького. Может, догадается?

Возможно, электронщик и догадался, но пиво надо покупать, а спирт на профилактику ЭВМ по-прежнему выделялся совершенно бесплатно. Экономный, как вся социалистическая экономика, Котомкин принёс спирт.

– Да, – сказал он, оглядев местные достопримечательности, – живёшь неплохо. За это и выпьем.

Они разбавили спирт холодной водой в пропорции один к одному, налили в стаканы и выпили. Из закуски оставалась банка шпрот. Были сорваны несколько листиков перезревшего щавеля, в изобилии росшего перед малинником. Хлеб имелся в неограниченном количестве.

– Отличная закуска, – порадовался Котомкин, кладя на кусочек хлеба листок щавеля, а сверху рыбку. – Ты чертовски здорово устроился по жизни. Поздравляю.

– Благодарю, – выпили по второй.

После этого глаза Котомкина вздрогнули под густыми бровями и застыли, фокусируясь в красном углу столовой, где висела поцарапанная картина в самодельной рамке, изображавшая букет малиновых пионов, каждый размером с блюдце.

– Хорошо у тебя: баб нет, – он расстегнул воротник рубашки, потом ещё одну пуговицу, затем ещё, пока не расстегнул все. – Пойми: самое замечательное в твоём сарае – что здесь их нет. У меня в детстве было две старших сестры и одна младшая. В наказание за проступки старшие заставляли нянчиться с младшей! Теперь у меня снова жена, теща и две дочери. Представляешь полымя?

Выпили за отсутствие чужеродного присутствия.

– Отличный разгон, – сказал Котомкин, – как на «мерседесе»: за пять секунд до ста километров. Давай передохнём. Поговорим. Вот, я знаю, ты числишься на хорошем счету в вашей фирме...

– Какой фирме?

– В вашей с Ольгой. Ты же с ней работаешь?

– А, ну да. Я и забыл уже.

– Так вот, что я хотел сказать: тебя уважают, ты программист, программы пишешь, другое разное, сейчас СМ-ки выбрасываете, на «писишки» переходите. Одно название, блин, чего стоит. Нет, братцы-кролики, я не против научно-технического прогресса, даже если он всех электронщиков безработными оставляет, но платы с СМ-ки почему не своим продаёте, а варягам приезжим? Вот лично для тебя это совершенно невыгодно. Почему невыгодно? А очень просто – почему. Прибалты, чтоб им ни дна ни покрышки, купят у вас платы, вытащат их из машины, и ауфвидерзейн – уедут, всё – нет их.

– Ну и пусть чешут к кузькиной матери.

– Здравствуйте, а кто гроб с музыкой, саму СМ-ку, печаталки, дисководы вытаскивать будет? Ты один с Ольгой? А я вот он, здесь. Помогу вытащить гроб, так и быть.

– Слушай, я узнал точно, там по пятьдесят рублей за грамм пойдёт, тебе это невыгодно, сам говорил.

– Да чёрт с ним, выгодно – невыгодно. Мне теперь объёмы нужны, понимаешь, курьеры приехали вовремя, по плану, а у меня ни фи́га, сорвалось одно мероприятие. Деньги есть наличкой – пожалуйста, надо хоть без дохода для себя достать им что-нибудь, иначе за серьёзного поставщика считать не будут. Какая Ольге разница, кому продать по пятьдесят? Давай договоримся, по большому счёту друзья мы или кто?

– А что, давай. И вытаскивать к тому же сможешь.

– Без проблем.

– Замётано. Наличка при тебе?

– С ума спятил? Завтра доставлю непосредственно в офис. Товар – деньги, и накладных не надо. На одном чессс-ном слове работаем.

– Ладно, пойду звякну Дальской, а ты наливай.

Радостный Магницкий прошёл в спальню, взял аппарат и прыгнул с ним в кровать – немного расслабиться. Однако с умом прыгнул: сначала ногами стукнулся, потом плечами, и затем аккуратно положил родной тазобедренный сустав на пол. Аппарат водрузил на живот и снял трубку.

Бабушка Тереза несколько сокрушённо разглядывала такой подход к делу со своей фотографии.

– Ну, не расстраивайтесь вы так, моя дорогая, ну, остограммился пан Магницкий, с кем не бывает, всё под контролем, задание Бормана выполнено.

– Чьё задание? – спросила трубка.

– Ваше, монсеньёра. В какое время завтра нужна наличность?

– По пятьдесят?

– Да.

– Молодец. Мне кажется, Виктор, что мы с тобой сработаемся. Передай, пожалуйста, Котомкину, чтобы к половине первого дня подходил, надеюсь, к этому времени нас с мужем разведут, и я буду на работе.

Ему показалось, что в столовой рухнул штабель пустых ящичков. Откуда в столовой пустые ящички? Там и полных-то нет. Погоди, в столовой стоит стол, буфет, неисправный телевизор... галлюцинации?

– До побачення, – сказал в трубку, – дзенькую, панове, – и положил на аппарат.

Такое ощущение, что ящички падают непрерывно, но куда девался Котомкин? Почему не подаёт голоса? Его что, придавило штабелем пустых ящичков?

В пьяном виде, да ещё с телефоном в руках Магницкий не умел взлетать с кровати. Это обнаружилось сразу. Но не в этом дело. Когда он доплёлся-таки до заветной двери и заглянул в столовую, то увидел поистине потрясающую картину. Разумеется, никакими падшими ящичками здесь не пахло. Зато Котомкин воевал с Джиной. Молча, сжав зубы, отбивался стулом, заняв очень хорошую позицию между столом и печью-голландкой, выступающей из стены.

Они сражались на выпадах, как два искусных фехтовальщика, и оба, словно в рот воды набрали, бились в безмолвии, стул трахался то в печку, то об стол.

– Джина!!! – заорал Виктор с перепугу очень громко, ни на секунду не сомневаясь, что его послушаются. – Сидеть, лежать, поди прочь!

Джина ужасно застеснялась, пользуясь моментом, он бросился мимо Котомкина и, схватив за львиную гриву, потащил на выход, в кладовку, мимо растерянной Иринки.

Вообще после третьего стакана спирто-водяного коктейля мир теряет эластичность, непрерывность, начинаются скачки во времени и пространстве: не было Джини – пожалуйста, Джина, не было Иринки, более того, ничто не предвещало её катастрофического явления в их мирном уголке, – а вот она, стоит посереде кухни с открытым ртом и округлившимися глазами.

Запахнув собаку в кладовку, вернулся к Котомкину, который с олимпийским спокойствием разливал спиртовую водку по стаканам, на глаз проверяя уровень.

– Давай, вмажем по сто пятьдесят фронтальных, – сказал трезвым голосом, – ты говорил, у тебя баб нет, есть, оказывается, бабы, и во множестве.

– Я же не знала, что здесь гости, – обрела дар речи Иринка. – Джина весь день в кладовке, я решила её в сад выпустить побегать, а эта дура как рванёт в дом!

– Почему-то именно с особами женского полу мне всегда не везёт, – докончил Котомкин мысль. – Как там Ольга, не против продать?

– Если по пятьдесят, ей всё равно. Завтра приходи к половине первого дня в наш офис, и если нас не будет, жди до последнего, всё равно приедем.

– Если бы я лично Дальской звонил, получил бы от ворот поворот, не везёт мне с женщинами. Пьём за удачу.

Они решительно выпили. Котомкин развеселился.

– Слышь, к тебе приехали, кажись. О, на двух мерсах. Вон, смотри, кавказцы какие-то, один к окошку подошёл. Эх, Иринка, Иринка, вот когда надо овчарку кавказскую пускать, а то на меня натравила, на безоружного, во время разлития спиртного, в минуту, когда вся природа застывает в священном трепете. А ты «фас»! И здрастье-пожалте, крокодил на руке висит.

– Пойду выйду.

– Калашникова не забудь, – разбалделся Котомкин, – я отсюда прикрою: трах-тибутах-тибутах-тах-тах. Тише, мыши – кот на крыше, где наш гранатомёт? Взвод, приготовиться! Огонь!!!

– Иринка, ты не видела, где мои джинсы?

– Очень надо.

– Ладно, подумаешь, и так сойдёт.

Магницкий направился к калитке в своей обычной летней садовой форме: в кирзовых сапогах, шортах и рваной на затылке, зато похожей на ковбойскую, соломенной шляпе.

Тропинка под ногами подло извивалась синусоидой, к тому же закруглялась за угол дома вокруг клумбы с чудовищным эксцентриситетом, от которого любого зашатает. Исключительно по этой причине, открыв калитку, он слегка навалился на столб, выровнялся по нему, сложил руки на груди, напряг бицепсы и трицепсы, сказав: «Эй» южному человеку, барабанившему в окно.

Кавказец подбежал, сунул какую-то тетрадку:

– Слышишь, друг, это, тут контрольные работы надо решить.

Виктор перестал выпучивать свою мускулатуру – зачем преподавателю математики избыточная мышечная масса? Выдохнул воздух через нос, умерив ширь грудной клетки, а с кирзачами и шляпой делать было нечего, пусть остаются на своих местах, можно немного отклеиться от столба, опуститься вниз:

– Заочник?

- Заочник, заочник, этого... строительного института.
- К какому сроку?
- К какому сроку... к сентябрю. Вот четыре контрольные.
- Пятьдесят тысяч за контрольную. Итого двести устраивает?
- Конечно.

Человек достал кошелек, тут же отсчитал двести тысяч. Сразу, даже не спрашивая, надо – не надо предоплату. Стараясь не дышать спиртовой смесью на мусульманина и не вводить его тем самым в грех, Магницкий принял деньги, задания, номер телефона, по которому можно позвонить, когда всё будет готово.

Котомкин торчал у окна:

– Это чечены были, вон у машины стоит Беслан, я его знаю, что они наезжали?

– Да нет, один вопрос урегулировали.

– Ну, вообще говоря, лучше не иметь с ними никаких дел. Давай допьем, да я поеду.

Они допили остатки спирта, не разбавляя водой. Котомкин восхищённо содрогнулся, а потом вдруг спросил:

– Слушай, твоя собака ничем не болеет?

– В смысле?

– Ну, бешенством, к примеру.

– Это кавказская овчарка, – первой обиделась Иринка, которая зачем-то прибиралась на кухне, хотя её никто не просил этого делать, – а не какая-нибудь там московская сторожевая, она по натуре крутая.

– Тогда ладно, – он закатал рукав, – цапнула немного.

По кровотокающей ране и дураку станет ясно, что немного кусать Джина не умеет. Иринка сбегала домой за бинтами, йодом и, не жалея перевязочного материала, забинтовала раненого.

– Честно сказать, с этой собакой я знаком недавно, – признался Магницкий. – Поэтому лучше тебе зайти к врачу и на всякий случай поставить укол.

– Ерунда, я вспомнил, как она лакала воду, ты ведь давал ей воды, значит, бешенства нет. А эту сколько суток знаешь? – приглушив голос, спросил он, указывая глазами на Иринку.

– Эту лично второй день как... – так же шёпотом ответил Виктор, – или третий, не соображу. Раньше за забором часто лежала на подоконнике, загорать любит, а теперь чего-то здесь оказалась.

– Орёл, однако.

Проводив Котомкина до троллейбусной остановки, Виктор вернулся в дом. Иринка сидела на крыльце в теньке, плетя венок из разных цветочков, она, как всегда, была в купальнике, другой одежды на ней он не видел. Подошёл удостовериться, на месте ли лифчик? Лифчик был на месте. Иринка недоуменно взглянула и снова уткнулась в своё занятие.

– Порядок в танковых частях, – громко объявил Виктор, после чего двинулся в сторону спальни, искать свою кровать. Джина долбила хвостом в кладовке, выражая чистосердечное раскаяние.

– Завтра поведу тебя гулять. И чтоб ни-ни мне тут, – в ответ раздалась такая долбёжка, что, казалось, включили отбойный молоток на средних оборотах.

В пять часов утра, пока солнце не встало, ещё довольно прохладно.

Перекрестившись, зашёл в кладовую к Джинке, закрыл за собой дверцу и снял с гвоздя поводок.

Джина от радости упёрлась широченным лбищем в его ступни и перекувыркнулась, здоровенные когтищи задних лап рассекли воздух в сантиметре перед лицом, потом припёрла хозяина лобастой башкой к стене, упёршись в живот, подставляя шею для ошейника.

Магницкий предполагал, что прогулка выйдет нелёгкая, но никак не ожидал, что первые пять минут его будут таскать на брезентовом поводке от дерева к дереву невесомым фантиком, а единственным его оправданием будет тот факт, что при этом не выпустил поводка из рук. Ещё десять минут бегали очень быстро, иногда на пределе возможного, к тому времени последние следы похмелья выветрились из головы.

«Хорошо, что в столь раннюю пору народу на улице нет», – подумал он. Стоило этой мысли мелькнуть в голове, срочно из-за поворота прямо на них выбежал целый взвод курсантов командного училища в галифе, сапогах, по пояс голых. Командиры выпускали их на утреннюю пробежку тоже пораньше, как Магницкий Джинку, наверное, чтобы не нервировать прохожих. Дружно топающая сапогами колонна бежала по широкому тротуару прямо на них.

Виктор решил уступить дорогу будущим офицерам и дёрнул поводок, оттягивая Джину на пустынную проезжую часть. Но она уже и так шла по бордюру, да ещё засмотрелась, любопытная мартышка, на странный народ, и прямо с бордюра брякнулась на проезжую часть, растянувшись во весь свой богатырский рост на асфальте.

Как дружно курсанты умеют громыхать сапогами по асфальту, так же дружно они расхохотались.

Лёжа на боку, Джина закрутила мохнатой башкой, пытаясь сообразить, откуда гром в безоблачное утро. Потом до её примитивных мозгов дошло, что это люди смеются, потом – что они смеются над ней, и в одну секунду превратилась в ревущее клыкастое чудовище, которое разъярённо кинулось в самую гущу будущих командиров, разметав в одну секунду весь бравый молодецкий отряд. Один замыкающий остался стоять на тротуаре с красным флажком в руке, пытаясь отмахнуться от летающего косматого крокодила, словно от обыкновенного комара.

Наказав обидчиков, Джина так же мгновенно успокоилась, и, как ни в чём не бывало, скучно затрусилась по дороге, а Виктор проследовал следом быстренько и не оглядываясь, не зная, что ему делать: смеяться или плакать.

В половине девятого, как и договаривались, Магницкий вырулил на «Москвиче» к месту, указанному на схеме словом «здесь». Ольга стояла у дверей подъезда, раскачивая в руке сумочку маятником Фуко.

– Если опоздаем немного, это будет не страшно, просто заседание перенесут на другой день, – сказала она, сев рядом.

– Успеем, – произнёс шофёр тоном бывалого таксиста, с одного разворота выехав от подъезда на дорогу, и покатыл, уверенно давя на газ.

На крыльце суда стоял муж Ольги, тревожно озирающийся по сторонам. Заметил, подбежал и спросил быстро: «Ну, как, не передумала?».

Магницкий вышел из машины, стал прогуливаться у входа.

Развод оказался не слишком быстрой процедурой, потому что он успел и нагуляться, и насидеться в салоне, разгадывая кроссворды, купленные в соседнем киоске, а супруги никак не могли разойтись. И, снова выйдя вдвоём, направились к машине. Причём Ольга летела на всех парусах, а Денис был догоняющим.

– Может быть, пойдём где-нибудь посидим, поговорим без свидетелей? – спросил он спину бывшей жены, когда та открыла дверцу машины.

– Ещё чего не хватало. Едем, Виктор.

– Привет, – помахал, как старому знакомому, Магницкий.

– А, ну всё теперь ясно, так бы сразу и сказала, зачем тебе нужен развод.

– Что тут непонятного? Чтобы снова выйти замуж, – улыбнулся шофёр бывшему супругу начальства, – зачем ещё разводятся люди? Желаю счастья, дружище. Впредь будь осмотрительней, не попадайся на женские удочки.

«Москвич» лихо рванул с места.

– В половине первого Котомкин жаждет оплатить покупку наличными, кроме того, обещал помочь вытащить наши гробы из машинного зала.

– Смотри-ка, просто благородный человек этот Котомкин.

Котомкин и впрямь проявил чудеса физической силы, помогая эвакуировать ЭВМ на улицу, но принять участие в торжественном обеде отказался, сказав, что его ждут армянские братья по вере с золотоносными платами.

– Что, и чай пить не будешь? – спросил Виктор на прощание, выражая лицом сильнейшее удивление.

– Не могу, пора.

– Учти, первый признак бешенства – отказ от приёма жидкости. Рука не болит?

– Ещё как болит. Привет передавай своим тёткам, Джине с Ирккой, скажи им, что перед смертью я их простил.

– Надеюсь, сегодня тебя армяне сильно бить не будут. А если и с ними пить откажешься, иди прямо к врачу, с этим делом нельзя затягивать.

Усатый, себе на уме мужичонка по фамилии Котомкин удалился для дальнейшей борьбы за выживание.

– Мы сдвинули с места очень важное дело, – поделилась с Магницким заговорщическим тоном, сев рядышком, Ольга, – ты очень мне помог.

Витёк отхлебнул кофе, зажмурился от удовольствия, ощущая себя неблаговоспитанным котом, которого хозяйка гладит по шёрстке.

– Всегда рад помогать во всём.

Немного помолчав, Ольга сказала, как бы размышляя сама с собой на отдельную тему:

– Это очень хорошо.

«Ещё бы», – думал он, совершенно развежившись, глядя на куст лимона, выросший в пластмассовой мусорной корзине.

Лимон стоял в углу комнаты, в вечной тени, но набрался смелости, взял и выбросил на всеобщее обозрение нежные бутоны меж тёмно-зелёными листьями. И хотя ни одного цветка ещё не раскрылось, в воздухе уже носился аромат цитрусовых субтропиков и слышался шелест черноморских волн по

гальке где-то на забытом сухумском побережье. Теперь там стреляют. Так пишут газеты, но, глядя на лимонный куст, в это не верилось.

Зазвонил телефон, Виктор взял трубку.

– Это Информ-Бюро?

– Да.

– Я звоню по объявлению. Мне нужно узнать, какие в городе продаются двухкомнатные квартиры не дороже пятидесяти миллионов в районе Клуба железнодорожников. Вы можете это сказать?

– Мы можем выдать вам распечатку из компьютера. Приезжайте, работаем до пяти часов.

– Ладно, если успею, – старушка положила трубку.

– Что, клиент?

– Клиентка, сейчас приедет. Ей нужен список двухкомнатных квартир не дороже пятидесяти миллионов. Реклама заработала.

– Говори проще: деревяшки и хрущёвки, крайние этажи. У тебя есть выборка по районам?

– Разумеется.

– Проверь, а я наведу порядок, как-никак первый клиент, – Ольга убрала со стола, и даже протёрла пол влажной тряпкой, запустила вентилятор:

– Не очень верилось, что из этой затеи что-то дельное выйдёт, а смотрика, спрос и на такие услуги имеется. Вопрос лишь в том, насколько он велик.

– Фирма веников не вяжет, – Магницкий потряс распечаткой квартир с адресами и телефонами, а также их краткими характеристиками.

– Семнадцать адресов. Больше нет? Что-то маловато. Ты всё ввёл?

– Обзвонил все газеты и журналы, которые продаются в периодической печати. В базе больше ничего, за это я ручаюсь. Для пятнадцати тысяч вполне достаточно.

– Может, за десять отдадим? А? Для первого раза?

– Чтобы морду не набили? Не бойся, считай, что уговорила, только ради тебя. Там старушка звонила – божий одуванчик, могу вообще за бесплатно обслужить, пообещаем пенсионерам скидку сто процентов, вот народ повалит, как в трамвае, толкотня начнётся.

К их удивлению, клиентку трудно было назвать бабушкой. Она прошла по кабинету лихо треща высокими каблучками, опустилась на предложенный стул со словами: «Это я вам звонила по поводу двухкомнатной за пятьдесят миллионов, нет ли у вас минеральной, боже, какая жара». После чего закинула одну очень длинную ногу на другую, не менее длинную и тоже в колготках от Левантэ.

«Ну, фиг тебе бесплатно».

Пока Ольга сходила к соседям за минеральной водой, Магницкий, трепеща от волнения, объяснил псевдостарушке, какая великолепная самая полная-преполная база данных в их фирме, какая она достоверная, с подробнейшими реквизитами.

– Знаю, знаю, – отмахнулась девица в расцвете лет со старушечьим голоском, – мне таких баз показывали с десятков. Вы мне список, пожалуйста, распечатайте.

– Список двухкомнатных квартир не дороже пятидесяти миллионов у Железнодорожников?

– Да.

– Прекрасно. Сейчас сформируем запрос, и выдадим распечатку с адресами и телефонами, а вы пока оплатите у бухгалтера, – и подбородком нагло кивнул в сторону директора.

– А если у меня уже есть те варианты, которые вы мне распечатаете?

Какая хитрая девушка. Пожал плечами. Действительно, если у неё уже всё есть, зачем человеку зря платить, и вообще ходить по конторам? Мешать людям работать? Не оплатить ли ей и билет в оба конца?

– Вообще, сколько у вас стоит один адрес?

Магницкий оглянулся на Ольгу. Та с непроницаемым лицом заполняла приходный ордер, играя роль простого счётного работника, которую ей определили. Даже глаз не поднимала, всем своим видом показывая, что кто кашу заварил, тот и должен её расхлёбывать. Сколько же у нас будет стоить один адрес? Как в том анекдоте: «Сколько стоит капля водки? Нисколько. Тогда накапайте мне стаканчик».

– Видите ли, мы формируем запрос по требованию клиента. Если нужных квартир не оказывается, это ничего и не стоит, если же что-то есть, мы сообщаем, сколько по запросу распечаталось квартир, и вы вправе сделать выбор: платить за информацию десять тысяч или уйти с гордо поднятой головой.

– А если там всего одна квартира?

– Хоть одна, хоть двадцать одна. Это зависит от формы запроса.

– И сколько же для меня распечатали?

– Семнадцать. Будете брать?

– А у меня есть десять адресов, наверное, и у вас то же самое, что везде. Да ещё старые, проданные давно квартиры. Стоит ли платить за них десять тысяч рублей?

– Покупать вам или не покупать наши услуги – вы сами должны решать.

– Прямо и не знаю, что мне делать.

– Ещё минеральной подлить?

– Будьте добры. Хорошо, покупаю ваши адреса.

– Пожалуйста, – изящным жестом вручил распечатку.

– Вот, действительно, всего один адрес новый, хотя нет, ещё два. Это уже что-то. До свидания.

Когда она вышла из офиса, Ольга констатировала упавшим голосом:

– Это даже хуже, чем торговать ботинками с автомашины.

– Но лучше, чем мороженым «Пингвин» на морозе. Поверь, я говорю правду.

– Интервал не слишком велик. Продолжим обед, или у тебя ещё клиентки на подходе?

– Было бы здорово. Я их теперь всё время буду ждать. С бьющимся сердцем.

На ворота его дома наклеена избирательная листовка: «Голосуйте за Наталью Савраскину – защитницу женских интересов».

Изображённая на листовке Наталья протягивала руку к выборщикам, совсем как Родина-мать на известном плакате. Кто-то уже успел карандашом

подрисовать в руке кровоточащий топор. Магницкий очистил ворота от издания, официальный тираж которого, если верить самой прокламации, составлял пятьсот штук, но тут же был пристыжён Савраскиной, проводившей через дорогу собрание со своим электоратом.

– Не смей портить наглядную агитацию, – воскликнула она, приближаясь, – наглядная агитация оплачена государством, я не позволю уничтожать государственное имущество.

– Частная собственность охраняется законом, попрошу впредь без разрешения не пачкать чужие окна, двери и прочее имущество.

– Частники несчастные, – воспрянула духом Савраскина, – буржуи недорезанные, мало вас в революцию расстреливали, снова размножились? Граждане, эти дерьмократы имеют в своём распоряжении коттеджи, машины, дворцы на Канарах, когда мы, простые люди, ютимся в коммуналках, в этих рассадниках тараканов, клопов и прочей нечисти. У них тишина и покой, украденное у простых людей благоденствие, а у нас сплошь пьяные драки и расстройство нервов. Частнособственники жируют в ворованных апартаментах, а мы страдаем в своих углах! Женщины-сёстры, голосуйте за меня, и я мигом национализирую этот частный сад в общественный, клянусь вам! Скоро здесь смогут гулять наши дети, и вы сами будете культурно отдыхать по выходным дням и после тяжёлой, изнурительной работы.

– ...И тоже начнутся пьяные драки и сплошное расстройство желудков, – попытожил Магницкий, закрыв перед носом кандидатки в депутаты Савраскиной калитку на запор.

– Отдайте народу народное! – прокричала в почтовый ящик Наталья Савраскина.

С такой декламацией и напористостью ей просто суждено стать народным депутатом.

На крылечке сидели двое: Иринка и Джина. Джина застучала хвостом по доскам, Иринка сказала ей: «А вот и хозяин с работы пришёл». Она была в голубом купальнике, которого Виктор прежде не видел. На немой вопрос ответила сразу, без подготовки:

– Я тебе сварила на ужин суп.

– Вкусный?

– Джине понравилось. Правда, Джина? Нам очень понравился супчик, полкастрюли как не бывало, мы же большие девочки, нам надо много кушать, лапонькам...

– Спасибо.

– Ещё мы помыли пол и немного прибрались.

– Разве объявили субботник?

– Нет, сегодня пятница.

– Сильно ругаться не буду, хотя впредь, уважаемая соседка, вам желательно твёрдо уяснить две вещи: готовлю я себе всегда сам, убираюсь в своём личном хозяйстве по обстоятельствам, если бывает время и желание.

– Это хорошо, люблю самостоятельных мужчин.

В квартире действительно чисто, прохладно и свежо. Мысленно Виктор констатировал, что так хорошо здесь на его памяти не было никогда.

– И пыль протёрла?

– Конечно.

– Делать тебе нечего?

– Да. Наливать суп?

Он добрался до кровати, начал медленно расстёгивать пуговицы на рубашке. Слишком плотное Иринкино обслуживание нежелательно, поэтому сказал твёрдо:

– Сам налью.

– Как хочешь, – студентка продолжала стоять рядом, поглядывая кругом – наверное, ожидает похвалы.

Магницкий молча снял рубашку, принялся за брюки.

Звук расстёгнутой молнии заставил девушку убраться из комнаты, хотя оставалось уже совсем недолго до того момента, как он окажется в своей обычной домашней униформе.

– Я наливаю суп! – прокричала Иринка издалека, с кухни.

– Наливай, наливай, – Виктор открыл створку окна, прыгнул с подоконника прямо в сад.

Вода в бочке за день прогрелась, стоит тёплая, прозрачная, играет солнечными бликами, ждёт его. Можно нырнуть с головой. Какое наслаждение!

Даже в тени Джина загнанно дышит, свесив длинный розовый язык. Движимый лучшими чувствами, хозяин брызнул на неё для охлаждения, собака кубарем убралась под крыльцо. Видимо, Котомкин не совсем ошибался, у его собаки определённо наличествуют признаки водобоязни. И тут в голове родилась смелая идея проверить на водобоязнь Иринку, настойчиво зовущую его к столу: «Кушать подано!» так громко, что слышно даже под водой, на самом деле она только ещё стоит у кастрюли с черпаком, это видно через кухонное окно.

Он прокрался по тёплым доскам крыльца на цыпочках, неся пригоршню прозрачайшей воды, к нему радостно бросилась из-под крыльца весёлая Джина, думая, что с ней играют, получила в нос водичкой, и кувыркнулась обратно под крыльцо.

– Джина, не ломай дом! – возмутилась Иринка, не оборачиваясь, а напрасно: там уже застыл Виктор, хотя и без водного боезапаса, но мокрый с головы до ног. Сделать два маленьких тихих шажка, после чего приложить к её голой спине мокрые ладони, или не мелочиться, сразу обнять за пузо?

Нет, за пузо слишком будет. Кондрашка может девушку хватить, и помрёт студентка железнодорожного техникума на голодный желудок.

– Идиот! Суп горячий! – Иринка аккуратно выливает половник в тарелку и только после этого, не оборачиваясь, но тоже с очень большим удовольствием, изо всех сил лягается маленькой, чертовски твёрдой пяткой по его ступне.

А суп действительно вкусный, из свежей капусты, с чудесным ароматом и оранжевыми блёстками на поверхности. Ужасно серьёзная Иринка разыгрывает из себя мать семейства: нарезая большими ломтями хлеб, говорит:

– На второе сегодня жареная картошка.

Быстро расставляет тарелки, салфетки, древние ножи с треснутыми костяными ручками рядом, хотя бифштексом и не пахнет, за ними следуют подобные же вилки. Сразу видно – старается девушка, берёт мужчину на абордаж.

Магницкому достаётся пассивная роль пришедшего с работы статиста, что с аппетитом хлебает борщ и знает себе помалкивает.

Автомобильная сигнализация мякнула под самым окном. Как всегда в таких случаях, Жарков паркуется на тротуаре, вплотную к дому. Магницкий

едва успел затащить в кладовку Джину, как на кухню ввалился крупный отечественный предприниматель собственной персоной.

– Борщев? Молодцы! Девушка, плесни тарелочку, как зовут, милая?

– Ирина.

– Лей до краёв, Иринка, не смущайся, все свои. Да не женился ли ты, братец Виктор?

– Завидки берут?

– Ну, как тебе сказать. Молодец, конечно: обзавёлся всем необходимым: дом, сад, такая девушка. Эх, не был бы я женат...

– И не было бы парочки деток...

– Да, таких деток ещё поискать надо. Всё, линию запустил, сегодня первая продукция пошла. Понял, чем пахнет?

– Сливочным маслом на бартер?

– Правильно. Тебе не нужна коробка-другая?

– Зимой возьму.

– Нет, до зимы здесь не задержимся, слушай, иди ко мне бухгалтером.

– Я? А Толик куда девался?

– Ушёл по собственному желанию. Две иномарки на него были зарегистрированы, а стояли у меня в гараже дома. Так что он сделал? Объявил, что их угнали, заявил в милицию, и по его же наводке милиция пришла ко мне и конфисковала машины. Хорошо ещё, дела не завели, у меня тоже связи в органах есть, но машины тютю. Так что, сам понимаешь, сейчас, на последнем этапе, мне нужен свой человек, который не продаст. Пойдёшь главным бухгалтером?

– Извини, не пойду. В риэлтерской фирме тружусь на пару с Ольгой Дальской.

– Нет так нет. На нет и суда нет. Найду кого-нибудь, а может, и сам сведу бухучёт, тут, собственно, недолго осталось. Заводик заработал, пора продавать – и айда в Новую Зеландию. Уже мне кажется, я по ней соскучился так, что сил не осталось. Будто моя родина Новая Зеландия, а не Советский Союз. Ты как, решил остаться в тридцатикилометровой зоне возле ядерного объекта? Чтобы за электроэнергию полцены платить?

– Не решил ещё.

– Что думать? Не понимаю. Климат – каторжный, плюс свалка радиоактивных отходов, плюс реактор пыхтит, недавно взорвался немножко, а всё никак не закроют, ждут, когда посильнее бабахнет. Дети болеют, пожилые чахнут раньше времени на двадцать лет, чего думать-то? Ладно, спасибо, хозяйка, за ужин, давай чайку, у меня коробка конфет завалялась с ликёром. Пить за рулём нельзя, но чай с конфетками – это ничего.

Иринка налила в треснутые чашки чай со смородиновым листом.

Жарков понюхал, не вдохновился:

– Что-то в последнее время неприятное ощущение возникает, будто со всех сторон обложили. Дела неплохо идут, а компаньоны в разные стороны разбежались, как зайцы в кусты, и не пойму, кто ко мне на хвост уселся? Анатолий с корабля прямо одетым сиганул, это последний звонок. Завод кое-как запустил, извернулся, исхитрился, и даже раньше, чем планировали, а радости нет на душе. Ира, ты открывай, открывай коробку.

Хитро взглянул на Магницкого:

– Слушай, Ир, вот собираюсь я организовать в Новой Зеландии частную научно-исследовательскую лабораторию, кое-какие деньги есть, да и

инвестиции будут под проекты, но там мне нужны свои люди. Вот зову вашего друга, а он никак не может насмелиться.

Виктор сунул в рот конфетку, усмехнулся, посмотрев на Иринку, лицо которой выражало восторг и восхищение. Всё это огромная лажа – и Новая Зеландия, и лаборатория – вроде ликёра в шоколадной конфете, что делает обыкновенный ужин несколько более привлекательным и интересным.

Во время строительства завод охранял писатель романов бывший филолог Саша, существо странное, с неопрятными длинными прядями на лысеющей голове. Охранял практически бесплатно, ещё днём помогал таскать бетон носилками, выполнял другую тяжёлую грязную работу за кормёжку и выпивку. Иногда Жарков брал его под руку и, прохаживаясь под сводами цеха, рассказывал о планах приобретения типографии, сочетающихся с идеей фикс создания крупного издательства, во главе которого он видел, конечно же, Сашу, с его замечательным университетским образованием.

– Надо подумать серьёзно, когда решение созреет, сообщу обязательно.

– Думать осталось неделю, процесс вошёл в заключительную фазу. Я предложил партнёру выкупить мою долю, а у него по уставу фирмы неделя на размышление, в противном случае продаю кому-нибудь другому. И он знает, что эти другие уже выстроились в очередь. Ира, едешь с Виктором в Новую Зеландию?

– Я? Конечно, поеду, если пригласят.

– Виктор пригласит?

– Да, Виктор Фёдорович.

– Но ведь он может и не позвать, бессердечный мужчина. А если я лично приглашу тебя референтом в нашу лабораторию?

– Если вы – нет.

– В Новую Зеландию, референтом, нет?

– Не-а. Если с Виктором только Фёдоровичем.

– Смотри-ка, предана без лести, как граф Аракчеев государю. Хотя, конечно, не в Сибирь ехать, а наоборот, но всё же похвально. Возьмёте, Виктор Фёдорович, девушку с собой за границу?

– Таити, Таити... нас и здесь неплохо кормют, правда, Ирина?

Та недоверчиво покосилась:

– А то. Суп вот, картошка жареная, ещё умею компот вкусный варить из сухофруктов. Но это можно и в Новой Зеландии приготовить без проблем. Там овцеводство развито, я умею такой суп из баранины варить – пальчики оближете.

– Всё, берём, – радостно хлопнул Жарков по столу, – будешь у нас в лаборатории референт-шашлычницей.

– А вот этого не надо. Между прочим, я в железнодорожном техникуме учусь. В Новой Зеландии имеются железные дороги?

– Какой вопрос, душа моя, там почти Греция – всё есть, и дороги имеются железные, столь дорогие твоему сердцу, через весь остров: Веллингтон – Окленд. Будешь водить сверхскоростные экспрессы.

– Скажете тоже. О! – Иринка подняла палец вверх, как индеец, определяя возраст идущего за три мили по дуновению ветра, – Джинка залаяла, кто-то в калитку вошёл.

– Не собака – золотой петушок.

Хозяин золотого кавказского петушка побежал встречать очередных гостей, и у самой калитки действительно увидел даму пенсионного возраста в

светлом летнем сарафане, в шляпке, из-под которой вились седые кудряшки. Судя по едва знакомому лицу, гостье много ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти.

Она разглядывала заросли черёмухи и сирени с тем особенным выражением, с каким завзятые любители классической музыки слушают бетховенские сонаты, если, конечно, у них нет на данный момент никаких других, более полезных дел по хозяйству.

«Снова зелёная комиссия? – припоминая членов, задумался Магницкий. – Пожалуй, нет, слишком лицо восторженное, члены комиссии, насколько помнится, кидали более меркантильные взгляды на его растительность. А меж тем, без сомнения, видел её буквально на днях. Да что такое? Склероз прогрессирует?»

– Пан Магницкий? – мило улыбнулась дама. – Вы здесь вроде Робинзона Крузо на необитаемом острове.

Если Робинзон Крузо ходил на своём острове в кирзовых сапогах и соломенном сомбреро, то почему нет? Проверка? Как быстро взялись за дело! И тут Виктор вспомнил голос из телефона.

– Он самый, дзенькую, пани Марина, дзенькую (как там по-ихнему?)... проше, проше... до хаты.

– Шла мимо, дай, думаю, навещу пана Виктора, – о, скамеечка ещё стоит, вы не поверите, когда-то мы здесь в беседке чай пили.

Вот тут-то Магницкий и вспомнил, кто есть такая пани Марина, – в одно мгновение, и где он её видел собственными глазами совсем недавно. Вот тебе и матка боска!

– Верю, пани Марина, очень даже верю и понимаю.

– О, приятно слышать.

Без сомнения, имел место умопомрачительный роман пани Марины с неизвестным фотографом, жившим в доме. Да, именно пани Марина и есть та самая амазонка с обнажённой грудью среди кипени цветущих яблонь на фотографии, которую нашёл среди страниц сборника задач по обыкновенным дифференциальным уравнениям.

Виктор не удержался от искушения, кинул взор на бюст гостьи, ныне весьма надёжно задрапированный, печально вздохнул: ничего не поделаешь, время неумолимо ко всем без исключения. Только как поступить с фотографией? Вернуть, или не стоит будить уснувшие грёзы?

– Я только на минуточку: сад посмотреть и с вами познакомиться, о, у меня большие воспоминания здесь остались, очень большие.

«Вернуть».

Прошли заросшей тропинкой в глубь сада.

– Ах, что за чудесный аромат, – восхитилась пани Марина дрогнувшим голосом, остановилась и прикрыла глаза. – Бесподобный, божественный аромат утраченной юности, не находите, пан Виктор?

– Согласен с вами.

В носу хуже всякого перца свербила противная пыльца крапивы, он изо всех сил сдерживался, чтобы не расчихаться.

Остановились, разглядывая неведомые Виктору растения.

– О, барбарис! – восклицала спутница.

– Вы уверены?

– Конечно, что другое ещё может расти на этом месте?

– Логично.

До сих пор начинающий риэлтер знал барбарис исключительно по фантикам конфет с одноимённым названием: ягоды и листочки на карамели были одинаково красные. Здесь листья зелёные, ягода отсутствует.

– Это уже не сад, а снова лес, каким он был вначале. Так печально и столь приятно видеть его снова. Её выпуклые, немного вылинявшие голубые глаза беспомощно увлажнились.

Сзади слышались тяжёлые шаги, по дорожке двигался Жарков. Он срывал верхушки трав, тёр их в ладони, нюхал и бросал в рот, мерно пережёвывая на ходу. С таким железным здоровьем никакая аллергия не страшна.

Пани Марина воздела глаза к небу, пытаясь их осушить.

– Надо было тебе весной загнать сюда пару камазов, всё это гнильё – Жарков указал на остатки теплиц и сарая – вывезти, пожечь, бензопилой черёмуховый дикорос вместе с сиренью вырезать, выкорчевать, потом пять-семь камазов перегной – и насадить новые саженцы, новый сад, а между ними первые годы можно картошку выращивать. Смотри, какая земля истощённая, одна зола и мох. Без рекультивации ничего не будет.

Несогласно вздохнувшая пани Марина принялась смотреть куда-то в сторону, весьма возможно – на прожитые годы. Магницкий проводил её до ворот.

– Вас подвезти? – Жарков глянул на часы.

– Ничего, я просто гуляю по городу, это доставляет мне огромное удовольствие.

– Завидую. – Жарков подмигнул Магницкому, и шепнул, садясь в машину: «Готовь баксы на билет, экскурсовод».

– Минуточку, пани Марина, – остановил Виктор свою новую знакомую, – задержитесь, пожалуйста, у меня для вас маленький презент.

Обернув книгу вместе с фотографией в газету под удивлённым Иринкиным взглядом, он поспешил к воротам, где вручил гостю со словами: «Посмотрите дома».

Пани Марина, будто ждала чего-то подобного, взяла свёрток:

– Благодарю. Приходите в наш костёл, приходите с женой, или сам, один. Мне кажется, жизнь станет от этого полнее, приобретёт новое содержание. Можно учить польский язык, у нас очень хорошая преподавательница из Польши. Придётся?

Магницкий пожал плечами.

– Вы в тридцать лет ходили молиться?

Она улыбнулась:

– К сожалению, нет. Но тогда было другое время, в костёле располагался планетарий.

– Вот в планетарий я бы ходил.

– Так, конечно, только перед разверстой могилой не остаётся атеистов.

Пани Марина медленно удалялась в вечерний сумрак улицы. Навсегда. Он глядел ей вслед, думая, что больше она не позвонит. После таких подарков не звонят. Вернулся в дом, где снова полез в шкаф, разбирать альбомные фотографии.

Иринка гремела в мойке посудой.

– Что вы ей отдали?

– Одну книжку.

– Насовсем?

- Думаю, что да.
- Нечего разбазаривать библиотеку. Поди-ка, интересная книга, так можно всё раздать и остаться без штанов.
- Твоё какое дело?
- Конечно, как собаку кормить – Иринка, вари кашу, а как книжками раскидываться, то и слова молвить нельзя. Сегодня в моей комнате дома пол выкрасили. Вот.
- И что?
- Можно я здесь на диванчике переночую?
- Ночуй с матерью в её комнате.
- Она замуж вышла.
- Тамара?
- Да, за студента, он живёт у нас теперь.
- Ничем помочь не могу. Я холостяк, живу в доме один, а ты придёшь ко мне ночевать, это как называется? И зачем мне это надо?

Иринка выпустила из рук тарелку, та с грохотом упала в раковину. Вытерла руки полотенцем, молча ушла.

Виктор сел за стол, включил настольную лампу без абажура, за окнами уже совсем темно. Пора отрабатывать чеченские деньги. Контрольная номер один, страница номер один, задача номер один, поехали...

На восьмой странице раздаётся телефонный звонок. Позвонил человек, которого уже мысленно вычеркнул из своей последующей жизни. Пани Марина.

- Аллёу... Пан Виктор?
- Я.
- Вы настоящий поляк, пан Виктор, у вас в жилах течёт романтическая поэзия. Вы сделали мне блистательный подарок из моей молодости.
- Да? – жалко переспросил Магницкий.
- Никогда прежде не видела этой фотографии, представляете, встреча с собой через сорок лет: я открыла книгу, увидела себя глаза в глаза, это было как удар молнии...
- С вами всё в порядке?
- О, более чем, со мной всё превосходно, я даже достала по этому случаю бутылку шампанского и выпила бокал.
- Мысленно к вам присоединяюсь.

Во втором часу ночи форточка стукнула, открылась, в неё пролезла мужская рука с деньгами:

- Пол-литра спирта.
- Не торгую.
- А чего лампа горит?
- Читаю.
- Ну, ты офонарел, мужик. Где тут у вас цыгане живут?
- А, цыгане, – в соседнем доме.
- Ладно, они отоварят под завязку. А ты, слышь, выключил бы лампочку, не смущал народ. А то нехорошо, путаница выходит: у меня, допустим, душа горит, а ты лампочку зажёг и книжку читаешь. Ну форменное издевательство, я считаю. А?

27.

Субботним утром он решил поискать клубнику на грядках, чтобы иметь гостинец для поездки на речку. Период цветения пионов завершился, но, гуляя вечером с пани Мариной по саду, заметил, что в зарослях ромашки, где прячется клубничная грядка, белеют колпачки от сорванных ягод, значит, что-то там поспело и кто-то этим потихоньку пользуется.

Утро обещало погожий денёк.

Плеснул в лицо водой, босиком побрёл по мокрой от росы траве собирать клубнику. Как вдруг заметил постороннее белое пятно среди зелени: кто-то, пригнувшись, шарил на грядке. Ага, вот он, утренний воришка. Нет, так дело не пойдёт!

В три прыжка настиг неприятеля, тот распрямылся, обернулся... и оказался Иринкой, правда, не в обычном своём купальном наряде, а в ночной рубашке с замоченным о траву подолом. Виктор налетел на неё, схватил, а та и не думала убежать: подставила губы для поцелуя, прикрыв глаза. По их вкусу он догадался, что девушка только что лопала клубнику, не слишком спелую, с терпким привкусом зелени.

После непродолжительного висения на твёрдой мужской шее, осознав, что её куда не собираются нести на ручках, ни в постель, ни даже в дом, Иринка плюхнулась вниз. Подобрала с травы голубенькую пластмассовую миску, в которой катались несколько чуть розоватых ягод.

– Не густо, – сказал Магницкий, пряча трёхлитровую банку за спину.

– В прошлом году всё сплошь было красно, да крупная такая, а в этом – неурожай.

Виктор полил клумбочку, обежал с сумасшедшей Джинкой вокруг квартала, скормил ей вчерашний Иринкин суп, а сам уселся в дырявое кресло пить чай да смотреть Тамарину аэробику. Несмотря на медовый месяц, а быть может, и благодаря ему, соседка ещё энергичнее, чем прежде, махала ногами, прыгая с непосредственностью третьеклассницы на большой переменке.

Студент не показывался в раскрытом окне. Магницкий пил чай без сахара, но почему-то продолжал ощущать на губах аромат неспелой клубники, мысли текли ленивей, чем обычно в это время суток, норовя свернуть на утреннюю сырую дорожку, где свершилось задержание нарушителя. При этом бурчалось нечто вроде: «Чёрт побери, ну это уж... чёрт побери», – с формулировками сегодня туговато, по лицу плавала не фотогеничная улыбочка, которую многие женщины, зная причину, её вызвавшую, назвали бы сальной, а в доску эмансипированные гражданочки определили как сытый оскал зажавшегося самца.

– Виктор, где моё ведро с водой? – крикнула Тамара, стоя уже непосредственно перед окном.

– В трубах вода.

– Мог бы и налить, как джентльмен, помочь даме совершить процедуру обливания.

– Слышал, у вас помощник имеется, так что сами как-нибудь справитесь. А ведро – вон, на месте стоит. Водопроводный кран тоже.

– Помощник давно уже на занятия убежал, у них практика в университетской клинике.

– Тем более не могу рушить народившуюся ячейку общества, моральный кодекс строителя коммунизма не позволяет поливать из ведра

чужих молодых жён, сглазить можно. Короче говоря, в нашей фирме царит полное самообслуживание.

– Да уж, от вашей фирмы радости женской не дождёшься.

– В номенклатуре такого товара нет-с. Одна мужская-с, оптом и в розницу три рубля тонна.

– Не тонна, а сто грамм в разлив.

Допив чай, Виктор посмотрел по сторонам, вздохнул, встал с кресла:

– Ладно, уговорила, пройдёмте, мадам, так и быть, оболью артезианской водицей, но чур не визжать.

Они встали под сень крон.

Тамара заняла позицию девушки с веслом, Виктор занёс над нею ведро и принялся методично, равномерно поливать, будто это не продавщица овощного магазина, а по меньшей мере помидорный куст в период созревания рекордного урожая.

– Давай тебя полью? – предложила Тамара после окончания водной процедуры. – Такая энергия вливается прямо из космоса, ощущение гармонии и слияния со всем мирозданием: давай, попробуем разок.

– Благодарю, как-нибудь в другой раз, когда будет большая засуха, я же из семейства особо колючих бразильских кактусов происхожу, согласно родословной, им полив вреден, корень гниёт. А что без корня делать, как жить? Бомжом заделаюсь тогда, перекасти-полем натуральным.

– Пошёл ты весь! Он дурью мается, а я тут уши развесила. Ладно, живи в обнимку с сухим корнем, а мне пора завтрак семейке готовить.

– Артезианский привет мужу! – крикнул довольно громко Виктор, так что, если студент-медик ещё продолжал спать сладким сном где-то на втором этаже бревенчатого соседнего дома, в тёплой тамариной постели, от этого должен был обязательно проснуться. – Большой соседский привет!

Хлопнула форточка старухи Савраскиной:

– Чёрт... – крикнула она совершенно отчётливо непосредственно ясному утреннему небу, запутавшись в иерархии высших миров, но голос сорвался, раздалось сипенье, шипенье, шкворчание, пенсионерка громогласно откашлялась и закончила фразу: ...бы вас всех побрал!

Дунул резкий порыв ветра, сад встрепенулся разом, угрожающе зароптал, на солнце наехало облачко, погрузив мир в сумерки. Нельзя так ругаться с утра в выходной день!

В половине одиннадцатого он выехал на хорошо разогретой машине, и ровно в одиннадцать взбежал по лестнице: «Карета подана».

– Заходи, я сейчас, – Ольга открыла сразу, будто ждала у дверей.

Глаза излучали тепло, приветливость и самое дружеское расположение, которое запросто можно счесть подарком... если бы не предательский вкус клубники на губах.

– Нет, ты собирайся, я внизу подожду, – почему-то отказался Виктор.

– Хорошо.

Он успел послушать по «Маяку» последние новости, поправить зеркало обзора, и даже немного вздремнул, восполняя время, потраченное на борьбу с комарами и на решение задач, пока ему не постучали в стекло. На природу Ольга надела яркую пышную юбку, чуть выше колен, и полупрозрачную блузку из японского шёлка. Она сделала себя роскошным цветком с тончайшим редким ароматом утренней свежести.

– Куда едем? – поинтересовался на всякий случай.

– Купаться, загорать и отдыхать. Есть такое место, где можно было бы делать всё это сразу?

– Пляжа в городе по-прежнему нет, может, на Катапульту рискнём? Машину оставим наверху, а сами спустимся к реке.

– Там довольно круто.

– Это правда. Однажды спускался на велосипеде, вёз мороженное и боялся, что растает.

– Девушке?

– Конечно, кому же ещё?

– Ну и как?

– Такую глупость можно совершить только раз в жизни. Единственным неоспоримым плюсом во всём этом мероприятии оказалось то, что мороженное растаять не успело, но и велик впоследствии ремонту не подлежал.

– Девушка оценила подвиг?

– Восприняла как должное.

Они вышли из машины. С верхней обзорной площадки открывалась перспектива беспредельного воздушного пространства, уходящего вниз, река, и противоположный низкий берег, теряющийся в дымке десятка километров.

– Была здесь давным-давно с мужем.

– Что же, пойдём тогда по проторённому пути, говорят, он всегда легче.

Тропинка ускользала из-под ног круто вниз на сто метров, исчезая внизу среди крон берёз и сосен. Ольга сняла босоножки и, раскинув руки в стороны, понеслась вниз по склону, легко отталкиваясь от земли и паря в воздухе, будто пребывая в затяжном прыжке.

Виктора тормозила сумка с пляжным снаряжением и продуктами. Стараясь держаться подальше от своего груза и в то же время не расстаться с ним окончательно, он прыгал следом.

В падении сумка обрела собственную переменную скорость, то дёргалась вверх, как парашют, то наоборот резко проваливалась, доказывая свою самостоятельность и даже в некотором роде анархо-синдикализм. Поднимая столбы сухой глиняной пыли, прошли крутой откос, и лишь на зелёной альпийской, хорошо утоптанной травке несколько замедлили падение.

– Какая у пирожков сегодня начинка? – спросил Ольгу, еле-еле догнав её.

– А что?

– Пару раз сумка попала под ноги. Так что сама понимаешь...

– Мама испекла пироги с луком и яйцами.

– Тогда всё в порядке. Если мама их хорошенько пропекла, а я в этом нисколько не сомневаюсь, то рис с яйцами будет отдельно, тесто отдельно. Некоторые диетологи даже пропагандируют раздельное питание.

– Ладно, куда двигаемся дальше?

– Видишь, народ переходит вброд на остров? Давай здесь разденемся и тоже перейдём протоку.

– Помню, да-да, мы были на этом острове.

– Даже не спрашиваю, с кем.

Кое-кто из отдыхающих, не утерпев, купался в протоке. Мальчик лет шести выговаривал оторопевшим родителям:

– Я только что чуть не утонул в яме, а вы стояли рядом, рты разинули! И не подумали спасти! Вот баба Вера узнает, она вам задаст!

– Мы думали, вот наконец-то ты поплыл, да так здорово! – оправдывались папаша с мамашей хором.

– Ага, поплывёшь тут с вами, небось, когда под ногами земля кончилась, выбрали местечко с ямами. Я мог сейчас утонуть, а вы бы так и стояли, расставив свои руки! Разини!

– Я думал, ты поплыл! – повторил папаша смущённо.

– Нет, я тонул! – заныл парнишка. – Тонул! А вы даже не заметили!

На острове, имевшем удобную лагуну без сильного течения, оказалось не слишком много загорающих.

Они легко нашли себе место, где в радиусе тридцати метров никого нет, расстелили на гальке покрывало, побросали одежду и направились к воде.

– По всей видимости, река ещё не прогрелась как следует, обрати внимание: купаются только дети и собаки.

– Имею я право в июле месяце искупаться с детьми и собаками?

– Разумеется, это же как ни крути юг Сибири, – он опустил пятку в мутно-коричневую, будто компот из сухофруктов, водичку и задумчиво поглядел вдаль. По горизонту проплывала баржа, под завязку гружёная гравием. – А всё-таки в протоке, где тонул мальчик, вода теплее градуса на два.

– Тогда буду загорать на матрасе. Вывезешь меня вон туда, где течения нет.

Возить так возить. Это потихоньку начинает входить в привычку. Накачав матрас, пловец энергично отбуксировал директора фирмы на середину залива, где солнца было ровно столько же, сколько на берегу, а небольшая волна мягко покачивала в усыпляющем ритме.

Ольга смотрела вдоль серебрищейся поверхности воды и улыбалась.

– А интересно, рыба здесь есть?

– Насчёт рыбы не скажу – не знаю, но крокодилов точно можно не опасаться – при такой температуре они мгновенно впадают в летаргию, после чего их, как обычные брёвна, уносит в Северный Ледовитый океан.

– Смотри, рыболовы стоят с удочками.

Явно отвлекающий манёвр. К чему серьёзному мужчине какие-то посторонние рыболовы с их жалкими пескарями, когда рядом на плотике возлежит сама Венера?

Резво перебирая пятками в колодезной глубине, он гарцевал вокруг плотика лихим морским коньком. Внимание привлекла опущенная в воду рука, которой Ольга иногда подгребала, дабы находиться в нужном направлении по отношению к солнцу.

Виктор нырнул, тихонько прикоснулся к пальцам щекой, неожиданно получив щелчок по носу, приведший к открытию рта и экстренному всплытию.

Пока выплёвывал коричневый компот, Ольга, мило улыбаясь, смотрела сверху, и казалось, вот-вот предложит собственный носовой платок, но ожидание в этом смысле было напрасным, она предложила нечто другое.

– Знаешь, что я думаю?

– Что?

– Распечатка квартирных вариантов себя не оправдает. Мы проигрываем тут не в частностях, а стратегически – по деньгам. Максимум, который едва ли достигим, – десять клиентов в день. Это сто тысяч рублей на двоих, а чтобы только нормально питаться, надо как минимум пятьдесят тысяч в день, как тебе, так и мне. Что за жалкая перспектива – работать на еду?

Когда просто надо после «А» сказать «Б» – и стать реальными посредниками по продаже и покупке квартир. Комиссионные в два-три процента от стоимости квартиры – это куш, который нам никогда не заработать продажей их адресов.

– Не уверен, – буркнул Виктор, ощущая, что замерзает. – К тому же где взять деньги на лицензию?

– Пока лицензия не нужна. У меня есть свободных двенадцать миллионов, и если должник отдал бы те десять, которые ему заняла, с этими деньгами можно начать. Предлагаю на них купить однокомнатную квартирку в деревяшке, или малосемейку, или деревянный домик, подлатать, придать товарный вид и продать. Разница составит наш заработок и светлое риэлтерское будущее, проигрыша быть не должно.

Очень хорошо, однако после того, как Магницкий замёрз в воде окончательно, он ни с того ни с сего пошёл ко дну с резвостью, которой от себя никак не ждал. И то – не каждый день и не каждый плавательный сезон сводит обе ноги сразу, но тут произошёл именно такой редкий, можно сказать, исключительный случай.

Отчаянная попытка всплыть и уцепиться за единственную соломинку в виде надувного матраца удалась с первого раза.

Если подумать и кое-что вспомнить, приходишь к однозначному выводу, что ему многое удаётся в жизни с первой попытки, но впоследствии приходится жалеть именно о таких скороспелых удачах.

Вцепился Магницкий в матрац и во всё, что на нём находилось, охватив это всё заочневшими руками, не успел толком обрадоваться, как тут же ушёл под воду, получив оглушительную затрещину. Снова, как новое грузило, летит ко дну, а сверху слышится раздражённое:

– Я с ним серьёзно разговариваю, а он играть вздумал! Девочку нашёл!

Во второй раз всплывал много дольше, с интуитивной осторожностью вражеского водолаза в чужом порту и со скоростью недельного трупа. Задние конечности поняли, что дело – дрянь, срочно пытались замять дело: перестали гнуться в баранку и царапаться, а даже немного взбрыкивали где-то внизу, пытаясь заглядить персональную вину перед организмом. Надеялись, черти, на посмертную реабилитацию.

– Я думала, ты навсегда уплыл на Азорские острова.

– ...на Мальдивские, шоб землю мальдивску мальдивчанкам отдать.

– И что, вернулся?

– Так всё уже роздал, нехай себе пользуются.

Виктор целиком всплыл в верхний слой воды, пытаясь согреться на солнышке, только иногда чиркая взглядом по идеальным формам компаньонки, в свою очередь пристально его разглядывавшей с очевидным подозрением.

– Больше не будешь нападать?

– Не мой день сегодня, звёзды выстроились супротивно, но, поверь, глядя в вашу сторону, любой приличный мужчина согласится, что, несмотря на все утраты и поражения, жить всё-таки стоит.

– И что натолкнуло на такую мысль?

– Линии. Вот, к примеру, линия бедра. Думаешь, что я так просто пляюсь, от нечего делать? Нет, я пляюсь не просто так, а вполне профессионально, подбирая мысленно формулу кривой, которая ей, линии, лучшим образом соответствует. Боюсь только – всё напрасно. Такой животрепещущей и животворящей кривой в анналах геометрии не содержится,

может быть, близка ей конхоида Никомеда, а вот та, на груди, напоминает локон Аньези. Надо как-нибудь на досуге подумать, раскинуть мозгами, подобрать параметры, это непростая работа, скажу я вам, сударыня, но, если честно, куда локону Аньези до... эвольвенты Дальской.

– Сейчас отправлю обратно на Мальдивы.

– Не стоит. Благодарные мальдивчане более не выпустят меня из своих любвеобильных объятий. И первый-то раз еле-еле вырвался, эти кофейные мулатки безумно энергичны в своей природной дикой несдержанности, они напоминают лианы из мальдивских джунглей, которые, достигая половозрелого возраста, срстаются с баобабами, и далее живут без собственных корней, питаюсь соками этих огромных деревьев.

– Что с дикцией?

– Зуб на зуб не попадает, замёрз на подводных Мальдивах, у них по календарю сегодня самые заморозки.

Ольга погрузила красивые пальцы в воду, несущую многие тысячелетия подряд миллиарды пудов глины:

– Хорошо, едем к берегу.

После корпоративного обеда служащие мирно загорали. Виктор восстанавливал пошатнувшееся здоровье, лёжа рядом с первой красавицей пляжа, наблюдая за процессом испарения капельки воды на её плече.

– Этот гад не отдаёт деньги, – вдруг на ровном месте рассердилась Ольга, заметив его взгляд, – предприниматель знакомый. Когда просил занять – умолял выручить из беды. А теперь говорит: что я тебе, продавать магазин, что ли, буду, чтобы долг отдать? Я ему: ну и продайте, мне какое дело? – «Доходов нет, а цены за магазин дают маленькие, не буду продавать». Просто не ожидала от приличного человека такой наглости. Нанять бандитов, что ли?

– Каких бандитов?

– Есть тут одна организация, деньги выколачивает с должников. За тридцать процентов долга.

Глаза начальства метали молнии.

– Надо поискать, может, кто-то меньше берёт, процентов пятнадцать я бы не пожалела, только уж чтобы и толстую морду ему набили.

– Попробуем бескровный метод? Ты пригласишь предпринимателя к определённом часу отобедать вместе с нами...

– Ни за что.

– ...а я позвоню чеченцам, чтобы они приехали и забрали свои контрольные работы... из нашей конторы. Допустим, работы невпроворот, запарился, домой недосуг выбраться, так, мол, и так, контрольные забирайте отсюда. Им какая разница, куда толпой ехать?

– Толпой?

– Конечно, толпой. Они по одному не ходят, кавказская взаимовыручка.

– Что же, давай попробуем, вдруг получится? На среду назначим эту стрелку, на час дня. Сведём нос к носу.

В шесть вечера они покинули остров. Дорога наверх пролегла через сосновый бор, где воздух заметно прохладнее и комаров не много. Сумка стала лёгкой, он шёл рядом с Ольгой, разглядывая красоты окружающей природы, слегка приотстав, чтобы в горизонт этих красот попадала и компаньонка. Нет

ничего приятней для мужчины созерцания женской красоты на фоне природы в естественных условиях.

Они неумоимо взбирались вверх по рыжей глинистой дороге. Пару раз, словно невзначай, он касался её руки, и каждый раз она хмурилась, делала неодобрительное выражение лица, отступала вправо, объявляя тем самым негласный выговор без занесения в личное дело. «Было бы гораздо лучше, если сделала вид, что ничего не замечает», – сожалел Магницкий.

Когда подошли к машине, настроение Ольги улучшилось, она сказала, что иметь свой транспорт всё-таки здорово, не надо три километра шлёпать до троллейбусной остановки.

Выбирая обратный маршрут, Виктор предложил заехать к нему домой, чтобы обсудить их производственные дела конкретно и наметить план действия.

Они стояли под светофором. Пока горел красный, Ольга думала, потом сказала:

– Ладно, давай заедем.

28.

В окне Савраскиных-младших вывешен красный стяг – на носу выборы районных депутатов, Наталья готовилась к штурму бастионов власти. Она вела уличную агитацию двух пожилых тёток с авоськами, которые пребывали в позах, говорящих, что им давно пора идти по своим неотложным делам, но худенькая рыженькая Савраскина заслоняла дорогу и что-то декламировала, рубя наотмашь воздух правой рукой. Пьера поблизости не наблюдалось. Зато их наследник сидел верхом на заборе, грязная коленка торчала из рваной штанины.

Магницкий не удержался, проезжая мимо, двинул первомайскую речёвку:

– Верной дорогой идёте, товарищи!

Савраскина погрозила кулаком. Лицо её исказила судорога классовой ненависти.

– Кто это?

– Соседка, кандидат в депутаты от КПРФ. Защитница бастионов социализма.

Возле ворот стоял малознакомый соседский парень и пристально разглядывал подъехавших. Едва ли человеку с таким выражением лица требуется решать контрольные работы, но на всякий случай, помогая Ольге выйти из машины, Виктор спросил:

– Вы ко мне?

Тот отступил на шаг, не двинув губ, не повернув шеи, и не отводя круглых жёлтых глаз, в которых светилось столько ненависти, что поневоле можно растеряться и начать припоминать: не убил ли ненароком на прошлой неделе чью-нибудь мамашу. Никаких невинно убиенных на совести Магницкого не числилось, оставалось причислить паренька к славной когорте защитников пролетарских интересов.

– Ну-ну, – произнёс Магницкий доверительно, – сильно-то, брат, не того, не переживай, как-нибудь обойдётся, будет и на вашей улице праздник. Так, кажется, Карл Маркс с другом Фридрихом писали в «Манифесте»?

– Что они здесь такие озверелые? – спросила Ольга шёпотом, ступив за калитку – с раскалённого асфальта в садовую прохладу.

– Не обращай внимания. Это политические бойцы красного фронта, нынче у них самая что ни на есть собачья свадьба намечается: выборы в местные органы. Поэтому лучше их не трогать. Чудесно в саду, правда?

– Главное, прохладно.

Он бросил взгляд на крыльцо, сердце разом упало: дверь нараспашку, значит, опять в доме хозяйничает Иринка. Надо, надо было гнать и не пускать!

Быстро первым вбежал в комнату, нашёл её сидящей на полу возле книжного шкафа среди стопок книг. Учащаяся техникума занималась тем, что трясла почтенных размеров и возраста томик за распахнутые корочки. Из дореволюционного фолианта, как во время осеннего листопада, сыпались жёлтенькие странички. Ах ты...

– Что за богохульство? – отнимая книгу, поинтересовался Магницкий.
– Ты чем здесь занимаешься?

От внезапности хозяйского набега Иринка жутко покраснела.

– Ничего такого. Навожу порядок, знаешь, сколько на них пыли?

– Не нужно трясти чужие книги. Не надо их перебирать, и тем более протирать влажной тряпкой. Ничего не надо, понимаешь? Мыть пол здесь также не следует. Иди домой. К маме.

– Ах, так? А утром...

– К маме, домой, быстро!

– Ну, ладно, – Иринка вскочила и понеслась к выходу, где столкнулась лицом к лицу с Ольгой. Обернувшись к Виктору, прошипела:

– Изменщик!

– Коварный, – уточнил он, – брысь отсюда.

Осыпая вошедших искрами, Иринка выбежала вон, Дальская усмехнулась понимающе:

– Домашняя сцена, так знакомо. Можно я сяду? Дай чего-нибудь холодненького попить.

– Минералки нет. Есть очень холодная водопроводная сырая вода и сухое вино комнатной температуры, что будем?

– Выбор широкий, давай сырой хлорированной воды. Кстати, ты действительно коварный изменщик, как только что утверждала девушка, или это грубое преувеличение?

– Естественно, при прочих равных качествах предпочтение отдаётся большей новизне.

– То есть в данный момент мне? Я признательна.

Виктор налил в бокалы терпкое молдавское вино. На губах оно имело привкус пробки. За окнами темнело. Ольга говорила о преимуществах ризлтерской деятельности, для которой то, чем они сейчас занимаются, станет хорошей базой. На первом этапе. Рассуждала она очень даже эмоционально, с огоньком, обстоятельно рассматривая все аспекты будущей деятельности. Чувствуя приятную усталость, Магницкий неотрывно созерцал потемневшие глаза, горящие энтузиазмом, заражаясь их энергией.

Он допил остатки в бокале и нашёл на столе её пальцы.

Ольга посмотрела недоуменно, отняла руку, спрятала под стол.

– Ночной табак уже расцвёл? – догадалась она. – Сладкий запах струился из окна, и к не очень сладкому вину потребовалась сладкая женщина?

– Ещё не очень темно для ночного табака, но на грядке у крыльца действительно есть пара кустиков. В наблюдательности вам не откажешь.

– У тебя там наверху водятся привидения?

Виктор прислушался к происходящему на чердаке. Неужели опять Иринка?

– Слышишь, какие-то щелчки раздаются?

– На чердаке чего только нет, в основном старьё всякое ненужное: калоши рваные, сломанные зонтики, тазы, банки и бутылки, привидений до сего дня не наблюдалось. Я вот о чём хочу спросить: ты не хотела бы поехать в Новую Зеландию?

– В Новую Зеландию? На отдых? Погоди, ты меня приглашаешь, что ли?

– Ну как тебе сказать... Так, к слову пришлось, хочется знать твоё мнение в принципе.

Теперь и Виктор услышал щелчки по крыше и стенам тоже. Высохшие от жары брёвна позванивали. Звякнуло одно разбитое стекло, за ним другое, на пол упали камни и осколки.

Выскочив из калитки, он бросился к компании молодёжи, расположившейся на противоположной стороне улицы в темноте между казёнными домами. Часть компании бросилась врассыпную, а те, что повыше ростом и пошире в плечах, остались, продолжая брэнчать на гитаре, деланно не замечая ничего вокруг, в том числе и его быстрого приближения.

– Эй, ребята, кто тут у вас главный стекольщик? – задал Виктор вопрос молодым людям заметно выше его ростом. – Или здесь никто ничего никогда не видит и не знает, как в песне?

– Точно, дядя, прямо пальцем в небо тычешь, иди себе мимо, не мешай людям музыку слушать. – Прежний молчаливо-злой паренёк начал говорить. – А ну, вали отсюда.

Чего Магницкий с детства не выносил, так это грубости.

Рука автоматически сработала снизу в челюсть. Перед лицом вдруг возникла большая попа в белых штанах, свободно летающая по воздуху. Взбрыкнув ногами и медленно вращаясь, она унеслась через спинку скамейки прямо в кусты. Там он и догнал летающего стекольщика, попридержал за шею и стал молотить глупой башкой оземь, придиричиво расспрашивая, почём будет килограмм стеклотары в их торговой точке.

Собравшаяся вокруг молодёжь тихо наблюдала свершающийся скорый суд безо всяких там стрелок, грелок, базаров и прочей новомодной галиматши.

– Он же убьёт его! – взвизгнул одинокий девичий голосок. – Ну что вы стоите, сделайте что-нибудь!

«Нет, так не убивают, – хотел объяснить Магницкий, – так учат не гадить соседям», – но неожиданно увидел капли крови на лице своего великовозрастного ученика, который в это мгновение по-прежнему располагался под ним, как большая подушка для взбивания.

«С чего это кровь?» – в лёгком недоумении повернул голову к позади стоящим, однако второй удар дубины выключил сознание окончательно, хотя и ненадолго. Не любит детдомовский организм бессознательных состояний, и метров через пять снова включился.

Как раз в этот момент Магницкого перетаскивали через дорогу два не очень сильных человека. И им, и ему было тяжело, неудобно, поэтому

пришедший в себя организм сделал попытку перебирать ногами, симулируя ходьбу задом наперёд.

– Очнулся, – сказала Иринка, – давайте положим его, может, сам дальше пойдёт?

– Перетащим через проезжую часть, там видно будет, – решила Ольга.

Затылок оказался рассечён не слишком сильно, кровь уже запеклась, зато шишка получилась знаменитая, даже немного изменив форму головы, придав ей большую интеллектуальность, поэтому от повязки Виктор решительно отказался, хотя Иринка быстро примчалась с пачкой бинтов:

– Я сама вас вылечу, мы в этом году проходили санминимум, и подежурю ночью, если надо.

– Давайте скорую помощь вызовем? – предложила Ольга. – Да и в милицию не мешало бы заявить.

– Не надо, – отказался Магницкий, – голова не кружится, значит, сотрясения нет.

– Милиции не надо, а то Виктора Фёдоровича заберут и посадят в КПЗ.

– С чего это?

– Он же напал на детей и чуть кого-то не прибил до смерти.

– Ничего себе дети. Выше меня. Три окна разбили.

– Это неважно. Они же вас лично не трогали? Пальцем не задели, а вы драться налетели. А ещё пожилой человек. Им семнадцать лет всего, несовершеннолетние, между прочим. Мы в этом году основы права проходили, там такой пример был, само собой, много вам не дадут, но года три условно схлопочете как пить дать. К тому же пьяный, это отягощающее обстоятельство. Вино пили? Пили. Вредно, между прочим. Больничный не дают, если человек выпимши в драку попал.

– Пожалуй, я поеду домой, а ты отдыхай, сегодня у тебя день выдался тяжёлый, – констатировала Ольга не без ехидства.

– День выдался на славу.

– Ага, с детьми драться небось каждый сможет.

– Шла бы ты, Ирина... к маме, что ли.

Но ушла одна Ольга. Иринка села у шкафа и наглейшим образом продолжила разбирать книги. Магницкий чертыхнулся, разделся и залез в свою уютную кровать. Коснувшись подушки, голова наполнилась гудом шмелиного роя.

29.

В среду чеченцы прибыли к двенадцати часам на двух машинах, человек восемь, не меньше. Вся операция по передаче контрольных продолжалась секунд семь и походила на захват заложников,

Сначала один «мерседес» вкатился во внутренний двор фирмы, из него как горошинки высыпались несколько человек и рассредоточились по двору. Другой чёрный мерс ворвался через запасной выход, в нём оказался учащийся строительного института Беслан с ближней свитой.

– Послушай, друг, – сказал Виктору, разглядывая верхушку трубы местной кочегарки, – у тебя очень большой участок вокруг дома, давай мы организуем там автостоянку, это очень хорошее предложение, согласен? Асфальтируем за свой счёт.

– Нет, – отказался Магницкий тотчас и без размышлений, – предпочитаю вишневый сад прибыльным дачам.

– Подумай. Мне кажется, что ты, когда всё хорошенько обдумаешь, обязательно согласишься. Я не тороплю, – и усмехнулся, демонстрируя отличные, на зависть белоснежные зубы. – До свидания, друг.

«Мерседесы» исчезли как по команде, подняв в воздух угольную пыль парочкой гигантских океанских кальмаров.

Должник Всеволод Ильич объявился часом позже, чем ему было назначено, когда Дальская уже накрыла стол к обеду.

Невысокий плотный человек с маленькими ножками, большим животом, на котором еле сходил пиджак, и круглой лоснящейся головой, обременённой упитанными щёчками, а снизу двойным подбородком. В нём чувствовался функционер-аккуратист прежних партийных времён. Он всем пожал руки. Сказал пару ничего не значащих фраз и подсел к обеденному столу.

– Дорогая Оленька, я всегда прихожу, когда зовут друзья. Таково моё жизненное правило, и всегда помогаю всеми возможными доступными путями, – сделал плаксивое выражение. – Поверь мне, детка, давным-давно бы расплатился с тобой, но что делать, скажи, что? Нет выручки, нет доходов. Понимаешь? Нет. Хоть разрежь сейчас пополам своим тупым ножиком, денег от этого больше не появится.

– Продайте магазин, – равнодушно сказала Дальская, нарезая хлеб, – и отдайте долг.

– Боже мой, да кто его возьмёт? Кому он нынче нужен? Кругом страшный застой. Людям годами не платят зарплату. Оборонка рухнула, колхозы развалились. Это же надо понимать, это же объективные трудности, никто не купит у меня магазин сегодня... а если и купит, то за гроши.

– Продайте за гроши и отдайте долг.

– Думаю, даже долг отдать на такие деньги не получится.

– А вы будьте человеком чести, продайте другой магазин. Расплатитесь, раз вышел срок. Чай, кофе?

– Это несерьёзный разговор. Так деловые люди не поступают, – Всеволод Ильич кашлянул. – Мне кофе, пожалуйста.

– Напротив, очень серьёзный, все сроки оплаты давно прошли. Я предупреждаю вас, что предприняла дополнительные меры.

– Неужто обратилась в суд? Оленька, деточка, слушать смешно, когда председатель областного суда...

– Знаю, ваш суд заволокутит любое дело. Я обратилась к другим людям. Лично я с вами переговоры больше не веду, их будут вести от моего имени.

– И к кому же, позвольте знать, мы обратились? – игриво улыбнулся Всеволод Ильич, принимая чашку кофе.

– Думаю, эти люди вам сами представятся, когда сочтут нужным.

– Ой, ой, а можно я колбаски с блюдечка подцеплю, если не возражаете, вот, значит, как вы заговорили, уважаемая, просто ужас какой-то, ей-богу. А что делать, все под острым мечом ходим, и я, и вы, большой разницы нет.

– Виктор, сполосни, пожалуйста, бокалы.

Магницкий недовольно мыл целых пять минут, надеясь, что за это время директор выскажет дебитору всё, что о нём думает, потом медленно

отправился по коридору в обратную сторону, и здесь его окликнул Деревянкин:

– Обедать собрались? Я, как всегда, вовремя.

– Стоп, Саня, дай-ка я на тебя посмотрю.

– Давно не виделись?

– Точно. Слушай, с этой бородой, да ещё в тёмном коридоре, ты вылитый Шамиль Басаев.

– Знаю. Могу рассказать на этот счёт жуткую историю, как меня чуть не арестовали. Значит, дело было так...

– Потом расскажешь, ладно? Сейчас надо минут пятнадцать побыть лицом кавказской национальности, помочь Ольге вытрясти долг с одного бывшего партайгеноссе, а нынче счастливого обладателя нескольких магазинов.

– Большой долг?

– Да ну, всего-то десять миллионов.

– Запросто. Готов к труду и обороне, то есть по-нашему «Аллах акбар»!

С этими замечательными словами на устах они вошли в офис, и Магницкий представил Саню, не мудрствуя лукаво:

– Это Тимур, – а затем экс-партбосса: – а это наш Ильич.

Ольга удивлённо распахнула прекрасные глаза, но тут же гостеприимно улыбнулась.

Скрестив руки на груди, Деревянкин привалился к косяку и задумчиво разглядывал посетителя в упор.

– Это и есть должник? – спросил он, выдержав трёхминутную паузу.

– Это и есть.

– Срок возврата давно истёк, а наш друг Ильич уверяет, что у него нет денег, и с магазинами своими расставаться не хочет, говорит, накрепко прикипел к ним душой.

– Как к партии родной раньше? Да, Ильич? – пошутил Саня, еле заметно по-кавказски растягивая слова.

– Минутку, минутку, друзья мои, вы прекрасно знаете, что нынче конъюнктура никуда не годная. Кому сейчас нужные паршивенькие магазины? У народа нет денег на самое необходимое, – голос Владислава Ильича изменился в тревожную сторону.

Куда девались вальяжность и самоуверенность?

– Нам нужны магазины. Нам. Мы делаем так. Берём эти твои паршивенькие сараюшки в оплату за долг. Есть русская пословица. Ты знаешь, Ильич, я люблю русские пословицы. В них соль жизни. Долг платежом красен. Понимаешь? Красен! Как кровь.

– Что? Оба магазина? Ольга, мы так не договаривались.

– При чём здесь Ольга, Ильич? Я вижу, ты так ничего и не понял. Эта женщина передала твой долг нам, мужчинам, а договаривались – не договаривались, это ерунда, никто с тобой теперь не договаривается. Теперь тебе, падаль, говорят, а ты слушай. Два раза повторять не будем. Жена есть? Дети есть? Внуки есть? Значит, сиди тихо, слушай. Или к двум часам завтрашнего дня будешь здесь с деньгами, или поедем переоформлять магазины, понял?

– Третьего не дано, – рискнул вмешаться Виктор.

– Почему не дано? Ещё он может попасть в горы, сам или жена. Или все вместе. На общественные работы. На долгий-долгий субботник. Но я тебе

сильно не советую, Ильич, идти третьим путём, даже если ты очень любишь субботники, это обойдётся много дороже, чем два магазина. Что поделаться? Кавказ – курортное место, а за курорт надо платить дорого. Придётся продать квартиру и не только. В общем, несмотря на любовь всех Ильичей, которых я знаю из истории КПСС, к субботникам, третий путь выбирать не рекомендую.

– Ольга, зря ты так со старыми друзьями.

– Хоть старый друг стоит новых двух, но слишком уж вы затянули сроки.

– Всё. Завтра в два. Предупреждаю, начнёшь финтить – сразу дело пойдёт по третьему пути. Кофе поставил. Дома попьёшь, пока он у тебя ещё есть. Встал – ушёл.

– До свидания, – Всеволод Ильич тихонько притворил за собой дверь.

– Шакал, – сказал Саня, сохраняя кровожадно-холодное выражение лица, вслед бывшему партайгеноссе, – я брошу его в самую глубокую, самую вонючую яму, если он не знает, что такое мужская честь.

– Да, орлы рождаются только в горах! – Магницкий помахал у Деревянкина перед остекленевшими глазами ладонью. – Аллё, гараж! Наш подследственный давно чешет в направлении монумента Владимира Ильича, не думай, что он подслушивает под дверью.

Санино лицо вдруг обмякло русским благодушием:

– Ну и чёрт с ним.

Все уселись за стол.

– Кстати, я обещал историю рассказать Виктору ещё в коридоре, – сказал Саня, беря кусочек пиццы... – так вот, ваш должник не первый, кто перепутал меня с гражданином Ичкерии. Я туда часто в командировки мотался в связи с налаживанием программного обеспечения на нефтепроводе, ну, сами понимаете: охрана, едем на «газике», на блокпосту затормозили нас, и по какой-то ориентировке опознали во мне жутко кровожадного полевого командира. Представляете? Вот где тоска началась смертная. Моё начальство тут же, в «газике», сидит, и уверяет, что, мол, наш человек, с нашими документами, на документе тоже, кстати, я с бородой был. А они своё гнут: в фильтрационном лагере разберутся. Ладно, хорошо, что сразу не пристрелили. Ну, потом поговорил я с ними по-русски, разулыбался через силу, ничего, признали Саню Деревянкина, отпустили. Сказали постричь бороду клинышком под Мао. Маоистов в Чечне пока не водится. Постриг. Теперь на Кавказ не езжу, так снова окладистая отросла.

– Молодец. Очень пригодилась в мирных условиях твоя борода.

Под конец рабочего дня приплёлся клиент: старик с палкой. Он ужасно долго шаркал по коридору, разыскивая дверь. Звук этой палки Виктор слышал давным-давно, посчитав, что кто-то взялся наконец отремонтировать лестницу на третий этаж. Видно, старик каждую деревянную давно не крашеную ступеньку проверял на прочность, постукивая по ней несколько раз палкой с металлическим набалдашником.

Отбиваясь от очередных страхагентов, Магницкий заметил его в коридоре, но надеялся, что хоть старик ищет не их. Однако ошибся: бесплатная реклама делала своё чёрное дело медленно и верно.

История была самая обыкновенная: пожилой переселенец из Казахстана, вытесненный аборигенами, практически за бесценок отдал там квартиру и теперь ищет здесь что-нибудь за двенадцать миллионов – полная безнадёга.

В базе данных таких цен просто не оказалось. За однокомнатные хрущёвки на первом этаже требовали от тридцати пяти миллионов.

Магницкий распечатал адреса нескольких частных домишек на окраине, стоимость которых по городским меркам была минимальной, и посоветовал обратиться к ним – может быть, уступят. Старикан долго водил по бумаге глазами, тяжело вздохнул, встал, осторожно прислушиваясь к внутреннему треску, разогнулся в пояснице и начал движение на выход. Телефонов в указанных окраинных трущобах не было, в ближайшие дни ему предстояло немало странствий при такой скорости движения.

– Что же ты не потребовал оплату?

– А ты почему не выписала квитанцию?

– Такой бизнес прибыльным не назовёшь. Голова, небось, болит?

– Пусть не лезут. Ещё неизвестно, чем окончится будущее риэлтерство. Тут, может быть, ничего не заработаешь, но уж точно не пролетишь. Чего не скажешь про торговлю недвижимостью.

– Какая поразительная ограниченность. В тебе снова проснулся продавец мороженого.

Прежде в его доме жили очень запасливые люди: за кладовкой, где обитала Джина, одной краски стояло банок двадцать, но, к сожалению, вся она засохла в камень.

А вот со стёклами всех размеров, нарезанных впрок для окон, ничего не случилось. Три из них он приспособил вместо разбитых не в меру политизированной молодёжью.

Молодёжь, кстати, по-прежнему сидела-посиживала на спинке скамейки через дорогу, поставив ноги на сидение, следила за его трудовой деятельностью, иногда чрезвычайно громко хохоча. Заметив среди них блондина с заплывшей синей челюстью, Виктор приветливо помахал ему молотком. Блондин сделал вид, что смотрит в другую сторону.

Пока хозяин занимался ремонтом, к дому подошла девочка трёх лет в грязненьком полинявшем сарафане, любившая поджигать почтовые ящики.

– Привет, ребёнок, спички есть?

Она отрицательно помотала головой.

– Прекрасно. За хорошее поведение причитается награда. Ягоду любишь? Клубнику?

Девочка снова мотнула головой, уже в утвердительном направлении, не меняя бесстрастного выражения бледного, грязновато-серого личика.

– Сейчас заколочу пару гвоздиков, и пойдём кушать ягоду. – Как тебя, кстати, зовут-то?

Девочка молчала партизанкой.

– Хорошо, буду звать Таней. Или ты Зоя на самом деле?

Ребёнок вздохнул тяжело, поглядел в даль дальнюю, давая понять, что его заколебали дурацкими расспросами.

– Ой, догадался, ты – Анжелика. Значит, так, идём на грядку кушать ягоду. Искать, собирать и есть будешь самостоятельно, договорились?

Виктор открыл перед ней калитку, запустил во двор.

Новоявленная маркиза, ничуть не робея, с энтузиазмом принялась искать клубнику в высокой некошенной траве.

Предоставив ребёнка самому себе, Виктор решил заняться хозяйством. Конечно, на ремонт дырявой крыши с пустым карманом не замахнёшься, но кто мешает сделать то, что возможно?

Взять хотя бы кровать. Убрать постель, наложить поверх растянутой до пола сетки несколько досок, выбранных из кучи у развалин сарая, предварительно обрезав их по размеру и вытащив ржавые гвозди. Готово. Лежать твердовато, зато ровно.

Тут же прилёг, развернул старую газету, намереваясь почитать, а потом и вздремнуть, но чего-то всё же очень не хватало до минимального счастья. Встал, походил по дому. Остановился перед молчащим телевизором, почесал затылок – и решил, что абсолютно ничего не потеряет, если попробует его отремонтировать.

Великий теоретик и практик электрических полей Жарков обычно начинал ремонт ЭВМ с хорошего пинка технике под зад, считая данный акт проверкой на плохой контакт. Посему, включив телевизор в сеть, на что тот никак не отреагировал, Магницкий бесстрашно стукнул кулаком по деревянной полировке.

Техника проигнорировала его выходку гробовым молчанием.

Кроме стучания по корпусу в его силах была лишь замена перегоревших сопротивлений на входе. Покопавшись в тыльной части ламповой древности, обнаружил это сопротивление, конечно, сгоревшее, и вместо него вставил тоненькую медную проволочку – волосок из огрызка витого провода.

Принёс ведро воды для тушения возможного пожара, из которого обливал по утрам чужую молодую жену, танцевавшую у него в саду. Снова включил телевизор, держа наизготовку ведро. Внутри аппарата зажглись красные огоньки, раздалось жуткое гудение. Приготовился к выдёргиванию вилки из розетки и поднял повыше ведро. Главное – не перепутать последовательность выполнения этих простых операций.

– Чего это вы тут? – раздался Иринкин голосок, который уже ассоциировался у него с опасностью, и он чуть было не плескнул воду. – Опять дурью маетесь? А Джина некормленная? А телевизор зачем поливаешь, что он, фикус, что ли? Во, дурдом! Во, дурдом!

– Сегодня в городе бастует персонал «Скорой помощи», – сказал обеспокоенным голосом диктор местного телевидения, выплывая на экран. Он тоже с опаской поглядывал на ведро.

– А ты здесь на что? Свари что-нибудь и покорми животное.

Виктор перетащил телевизор в спальню, установил на рояле, включил и завалился на твёрдую, зато ровную постель.

О этот манящий путеводной звездой образ советского мещанина с газетой, подрёмывающий на диване под монотонное журчание последних новостей, образ застоя и счастливой, спокойной, отдельной от коллектива жизни, наконец-то претворился в его бытие. Остаётся приобрести диван вместо койки. А в принципе и так недурно.

– Посмотрите на него, – резюмировала Иринка, – среди бела дня завалился спать, как малахольный. Все мужики – сволочи и лентяи, все до единого.

Блаженство покинуло его в тот момент, когда отчётливо хлопнула калитка и во дворе объявилась неизвестная горластая компания. Джина грозно завывала в кладовке, призывая хозяина вставать.

Несколько пожилых тёток маршировали по дорожке к крыльцу с самым воинственным видом.

– Куда дел ребёнка? – крикнула одна из них. – Убийца!

– Он маньяк, – высказалась осторожно маленькая в сером платочке старушонка, – девочек ворует, я видела, – погрозила скрюченным, как сама, пальцем, – видела, как он её заманивал в калитку, прокурору всё на суде так и скажу!

– Что ты с ней сделал?

– Ничего не сделал, ягоду ест.

– Я так и знала, чем он их заманивает, – ягодой!

Магницкий поглядел на то место, где оставлял Анжелику, там её не оказалось, и слегка растерялся: уж слишком серьёзными были выдвинутые обвинения. Тётки поднялись в психическую атаку:

– Показывай, куда дел, душегуб!

– Маньяк!

– Гад подколодный!

– Да не орите вы, дуры, вон она, чумазая, в малиннике за сараем лазит, я вижу, – заорала на них очень кстати появившаяся из дома Иринка.

Через секунду тётки извлекли из заросших малиной развалин ещё более перемазанную девчонку и поволокли её с гордым видом, как добычу, на выход.

– А ты что здесь делаешь, Иринка? – спросила по пути крайняя старушонка. – Смотри, находишься по гостям, сделает над тобой маньяк... эта, тогда наплачешься, да поздно будет!

– До свидания, я вас больше не задерживаю, – барыней отпустила старух, как ходоков, – с миром. И тут же раскричалась на Виктора: – А ты чего всякую сволочь во двор запускаешь? Что, много ягоды поспело? Мало, самим не хватает. И не пускай, не фиг делать!

Виктор поднял с пола рекламную газету по недвижимости, возлёт на прежнее место. По телевизору начиналась очередная серия мексиканского сериала про большую и чистую любовь, отягощённую трагическим обстоятельством потери памяти главной героиней. Иринка пару раз заглянула в спальню между делом, затем притащилась со стулом, села смотреть. Закрывшись от всего мира газеткой, Магницкий блаженно заснул.

Вот так, совершенно невзначай, практически на ровном месте сбываются иногда давние и самые что ни на есть заветные человеческие мечты.

30.

С утра в зооуголке Марьиной рощи битый час ревела ослица Берта.

Возможно, от бескормицы, а скорее всего, к деньгам: владелец двух магазинов отдал долг, и обед, благодаря чудесной бороде Сани, из которой ему не пришлось выдёргивать ни единого волоска, получился праздничным. По такому случаю Ольга разорилась на бутылку армянского коньяка.

Только наполнили рюмки, в дверь немедленно постучали, в комнату заглянул высоченный худой молодой человек, известный в городе не по фамилии, а по прозвищу Солнышко, в связи с тем, что своим разумом

компетентно просветляет любые проблемы в мире программного обеспечения, делая их доступными для понимания на уровне самых простых мозгов.

– А здесь всё пьют, – укоризненно покачал головой, – и ни кризис в правительстве их не смущает, ни то, что народное хозяйство в развале.

– Заходи, Солнышко, присоединяйся, сто лет тебя не видели, – вскричала Ольга, вскакивая с места, чтобы достать ещё один прибор.

– Да не могу я сейчас, ребята, проездом здесь оказался, решил заглянуть на секунду.

– За одну секунду можно как раз опрокинуть стопарик, – Саня уже наливал ему порцию коньяка, – а то и два, если постараться.

Троекратно сложившись, Солнышко присел за стол. Это был интеллектuala высшей пробы, страшно умный и удивительно спокойный. Ольга вспыхнула так радостно при его появлении, что Магницкому пришлось стряхнуть с пиджака Сани сначала одну невидимую пылинку, затем другую, третью... Саня рассеянно благодарил.

Вот так живёшь, бегаешь, строишь планы, как маленький мальчик свои замки в песочнице, а по сути ничего не знаешь, и только случайно открывается печальная истина. Деревянкин со скоростью автоматической разливной линии налил всем ещё раз. Солнышко задумчиво постукивал тонкими пальцами по столу.

– Хорошо, что хотя бы внешне здесь сохраняется прежний уют. Раньше я больше хотел перемен, – повращал коньячную жидкость и выпил. Потом встал и ушёл.

Дальская сорвалась следом, почти бегом выбежала из кабинета в коридор, подобно жёлтому осеннему листику на асфальте, что летит вслед пролетевшему по дороге автомобилю, но догнать и остановить летучий голландец невозможно. Она застыла в тёмном коридоре, держась за ручку двери:

– Надо здесь лампочку в плафоне заменить, – постояла ещё, подыскивая причины своего поступка, не нашла и вернулась на место. – Это очень нужный нам человек. У меня на него большущие надежды.

– Да, пара десятков фирм хотели бы заарканить Солнышко. Профи – высший класс, – согласился Саня, закуривая и открывая окно.

Он продолжил рассказ о последних новинках современной компьютерной науки, но его не слушали: Ольга смотрела в тарелку с салатом, не мигая, со странной полуулыбкой, Магницкий в свете нового понимания действительности размышлял: следует ли ему теперь связываться с риэлтерской деятельностью, может, и начинать не стоит?

Сев за компьютер, он с грустным видом распечатал напоследок список квартир стоимостью от 20 до 30 миллионов, передал Ольге.

– Неплохо. Поедем сегодня же посмотрим что-нибудь. Молодец.

Ладно, риэлтер так риэлтер. Куда деваться?

К трём часам дня они приехали в переулок Краснознамённый, прямо рядом с площадью Жореса, где находилась первая по списку квартира.

Жилплощадь располагалась на втором этаже деревянного дома, их встретил господин поджарого телосложения, похожий на борзую, риэлтер, с которым созванивались перед поездкой.

Вместе поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, в пустую большую комнату с маленькими оконцами, какие прорубали в дореволюционную эпоху в домах с печным отоплением в морозном

сибирском климате, чтобы не терять тепло зимой, но самый большой интерес у покупателей вызывали не оконца, а пол – наклон его составлял тридцать градусов, не менее, о чём Виктор сразу не постеснялся заявить во всеулышанье.

– Не более десяти градусов, – ушёл в глухую оборону посредник со стороны продавца.

– Вы пользуетесь школьным транспортом? – полюбопытствовала на всякий случай Ольга.

– Полагаюсь исключительно на опыт пожилого геодезиста, – не углубляясь в подробности своей жизни, скромно пояснил тот, – зато потолок капитально отремонтирован.

Все подняли глаза к потолку и увидели, что действительно к нему пришиты листы ДВП. Новые, блестящие, хотя никто в мире не мог гарантировать прочности данного сооружения. «Надо бы и мне дома таким же образом прикрыть щели, чтобы не сыпалась с чердака земля».

– Кстати, на чердак подняться не опасно? («Как там насчёт тазиков?»).

Риэлтер пожал худенькими плечами. Как много в этом жесте для глаза русского открывается: с одной стороны дают понять, что самоубийцей никто быть не желает, а с другой намекают: не слишком ли вы дотошные ребята для несчастных двадцати пяти миллионов?

– Квартирка не очень, скажу откровенно, но это как раз то место, куда можно отселить пьющего супруга при разводе, – риэлтер-геодезист попытался выказать себя ещё и психологом.

– Хорошая идея! – обрадовался Виктор, обращаясь к Ольге. Он сразу решил, что делать им здесь особо нечего и пора сматывать удочки. – Вот твоего сюда и поселим, пусть катится дальше по наклонной плоскости.

– Пьющий человек здесь ходить не сможет, – подхватила Ольга, – сразу упадёт и закатится под батарею.

– Зато не замёрзнет, – подключился риэлтер, – а у нас в Сибири это главное, так ведь?

– Учтём. Только двадцать пять миллионов за эту косую комнату чересчур много будет, лично бы я не дала и пятнадцати. С таким полом жить невозможно, хоть пьяному, хоть трезвому, в любом состоянии, значит, перестилать придётся.

– К сожалению, ничем не могу помочь, цену назначает продавец, мы лишь продаём. Если у вас серьёзные намерения, можно созвониться с хозяевами, думаю, они уступят в пределах разумного. А так – самый центр.

– До свидания.

Вместе с ничуть не унывающим риэлтером вышли на улицу.

Ольга достала список и вычеркнула адрес.

– Лиха беда начало. Поедем сейчас в фирму, договоримся посмотреть квартиру на улице Гвинейской. Интересно: однокомнатная, в кирпичном доме, правда, пятый этаж, но всего двадцать пять миллионов.

– Уже не центр. Давай завтра съездим? Сегодня во второй половине дня ещё могут прийти клиенты...

– Ну конечно, ринулись толпами, с чего вдруг? Я же сказала, твой смешной бизнес закрылся, база данных – это хорошо в качестве ядра риэлтерской деятельности, чем мы сейчас уже собственно и занимаемся. Вперёд. Фирма напротив кинотеатра «Банан». Едем туда.

Но в фирме никто не пожелал сопроводить их до места:

– Посмотрите сами, – и под паспорт выдали ключ от квартиры. – Только не говорите потом хозяевам, так вообще-то не положено делать, но у нас запарка. А вы, видно, люди самостоятельные и приличные.

Поехали на улицу Гвинейскую, нашли дом с коридорной системой расположения квартир, как бывает в малосемейках, однако за металлической дверью оказалась вполне нормальная, малогабаритная хрущёвка с кухней, ванной и туалетом, пустая, без вещей и мебели, одним словом, чистая продажа.

– Удивительно, что так дёшево. По нынешним ценам эта жилплощадь должна идти миллионов за тридцать минимум.

– Да, не очень понятно. Или выпал счастливый шанс? – Ольга прошла к окну, посмотрела во двор, развернулась, села на подоконник, подняла глаза к потолку и закрыла их, задумавшись, – ведь говорят, что новичкам в игре везёт? Возможно, торопятся, как те твои продавцы?

– В рулетку не играл, не знаю, но в картах, если попал на шулера, вначале тоже необыкновенно везёт. Лафа так и прёт.

– Да?

– Всем известный факт.

Отличная поза для первого поцелуя. Не отрывая взгляда от изящно очерченных губ, Виктор сделал первый шаг навстречу счастливому будущему.

– Знаешь, – по-прежнему оставаясь с закрытыми глазами, опередила она его, – зайди, проверь сантехнику, воду горячую-холодную. Что-то здесь не так.

Воды не было никакой: ни горячей, ни холодной. С неотступной мыслью, как бы обнять и поцеловать, Магницкий вскарабкался на унитаз в попытке проинспектировать сливной бачок верхнего расположения. Тот оказался сухим настолько, что поневоле возникло серьёзное подозрение, что в нём вообще никогда не было воды. Конечно, надолго покидая квартиру, предусмотрительные хозяева заворачивают все вентили, дабы не испытывать судьбу. Но здесь краны на трубах открыты. Вертятся только вправо.

– Воды нет никакой. Нигде и очень давно.

– Ясно, – Ольга находилась в прежней позе, но с открытыми глазами. – Проверь, работает ли электроплита, и пойдём беседовать с соседями. Это всегда самые лучшие из независимых консультантов.

Они позвонили в соседнюю дверь, никто не открыл, тогда в дверь напротив. Вышла женщина в косынке, с бигуди.

Быстро, внимательно оглядела их, составила какое-то своё мнение, и на вопрос о воде сделала большие глаза: ой, да что вы, воды холодной нет уж скоро как два года, отрезали. Дом наш ничейный, ни к какой жилконторе не относится, потому что никому он не нужен. Если всё по новой переделывать, бешеные деньги требуются. Зимой из системы отопления ещё берём самовольно горячую воду, а летом вообще никакой. На первом этаже один хозяин протянул в свою квартиру трубу незаконную от водопроводной колонки, но напор плохой, остальные с ведрами бегают в соседние дома или на колонку. В подвале вода стоит, комаров – как на болоте, а в трубах пусто. Что, покупать квартиру собираетесь? Может, если вы деловые, добьётесь от администрации, может, проведут нам воду? А?

– Может быть.

Покупатели быстро попрощались с разговорчивой соседкой и поехали возвращать ключи. Проводить водопровод в дешёвую квартиру им не хотелось.

– Ты посмотри, хитрецы какие, ничего не сказали, провожатого не дали, езжайте сами, смотрите... а вдруг не разберутся простофили, авось фокус-

покус проскочит с продажей. На сегодня хватит с нас осмотров, бросим им ключи, да по домам.

«Зачем она сидела так, подняв лицо, будто для поцелуя с закрытыми глазами?» – мучился от непонимания Виктор.

– Приглашаю в гости на вечеринку.

– Опять с мордобоем?

– Надеюсь, без.

– А кто будет, кроме Иринки?

– Насчёт Иринки не ручаюсь. Жарков обещал приехать, собственно говоря, это мероприятие – его затея. Привёз какого-то иностранца смотреть сибирскую жизнь в натуральных городских условиях с удобствами во дворе. Хочешь на Жаркова посмотреть?

– Можно, давно его не видела.

Положив ключи на стол перед человеком с глазами камбалы, Ольга высказалась:

– Предупреждать надо, что в квартире нет даже холодной воды, мы бы и смотреть не стали.

– Квартир много, все не упомнишь. А вообще, какие квартиры нам предлагают, такие и продаём, ваше дело смотреть да выбирать по карману.

– Знаете, кто вы? Вы горе-купчишки, которые не могут продать, не обвесив покупателя и не подсунув ему товар с гнильцой. Наследники худших традиций прошлого! – И пошла на выход с гордо поднятой головой.

Камбала покрутил палец у виска, махнул рукой, пробурчал «идиотка», не обращая на Виктора никакого внимания.

А зря, такие вещи непозволительны в присутствии уважающих себя граждан, Виктор тоже махнул рукой, ткнув в нетренированный мягкий животик, как всегда с безукоризненной точностью попадая в солнечное сплетение, после чего заботливо помог опуститься в роскошное кожаное кресло, где тот согнулся пополам и принялся рассматривать узор на ковре.

Оказав помощь ближнему своему, и почти столь же гордо, как директор, Магницкий проследовал мимо охранника, который с радостным выражением лица читал книгу, на суперобложке которой значилось: «Последний герой».

31.

По случаю приёма иностранцев пришлось сменить домашнюю униформу на парадные светлые брюки, белую рубашку с короткими рукавами. Соломенному сомбреро изменить не смог. Слишком жарко пекли солнце и электрическая печь на кухне, где варил пшённую кашу для собаки и себя. Каша жутко плевалась на все стороны, одновременно подгорая, Магницкий тихо матерился.

Жарков прибыл не один, не вдвоём, а с размахом, на трёх машинах сразу. Когда Магницкий выбежал на крыльцо встречать дорогих гостей, тот уже браво вышагивал в шикарном белом костюме и тёмных узких очках по травянистой дорожке во главе процессии, с видом актёра Бельмондо, играющего роль супермена, неся перед собой огромную коробку, на боках которой крупными латинскими буквами было написано: BEER, а гораздо

более мелкими, но тоже вполне различимыми постороннему глазу, – «Наше пиво».

Следом, тоже с коробкой наперевес, еле поспевал улыбчивый парень, имевший излишне доверчивое выражение лица. За такими простофилями на местных рынках беспощадно охотятся игроки в колпачки.

Далее печатали шаг люди в одинаковой голубой униформе и такого же цвета кепи, нёсшие ящики различных форм, длин, размеров. Это напоминало восточную процессию приношения даров современными волхвами.

Спрятанная в кладовке Джина моментально сорвалась на истерический вой.

– Замолчи, не все же коробки с пивом, и тебе что-нибудь перепадёт вместо каши.

Но соловья баснями не кормят, хранительница семейного очага продолжала басисто реветь. Магницкий встретил процессию по-восточному вскинув руки в разные стороны, и, обняв коробку Жаркова, заглянул на всякий случай за угол дома: не топают ли там слоны, гружёные пряностями и персидскими коврами?

Всё ещё обнимая, тихонько спросил, есть ли что дать пожрать немедленно Джине, а то она своим поросычьим визгом всю обедню испортит.

Жарков сказал, что согласно меню к пиву прилагаются копчёные куриные окорочка и несколько сортов колбаски. Оставив его в покое, Виктор шагнул к иностранцу, дружески протянув широкую, рабочую, мозолистую ладонь, отчего тот смутился, опустил свою коробку на траву и тоже протянул руку:

– Стефан. Стефан Зелински.

Вот тебе и здрастье. С изумлением взглянув на Жаркова, который врал про новозеландского гостя, хозяин тоже с чувством собственного достоинства произнёс:

– Виктор. Виктоур Маг-Нисски. Пью виски.

– Можешь выражаться без акцента, – развеселился Бельмондо-Жарков, – у нас есть и виски, и коньяк, а Стефан по-русски свободно выражается, хоть сам американец, а работает в Новой Зеландии. Хочет посмотреть, как живёт наш простой отечественный мещанин.

– Кто это?

– Ты.

– Пусть смотрит, не жалко. Главное, давай открывай коробку-то с колбасой, пока дверь не разнесли.

Жарков вытащил перочинный нож типа финки, щелчком выкинул лезвие, объясняя по ходу дела Стефану, что у хозяина в кладовке под замком сидит страшно злой кавказец и его пора срочно утихомирить.

– Кто сидит? – поднял брови американский поляк, – лицо кавказской национальности?

– Не лицо, а морда кавказская.

Стремительно-неуловимым движением взрезал коробку по шву, будто распорол кому-то живот.

Стефан переминался с ноги на ногу:

– Ты слишком агрессивно настроен, Володя, так нельзя.

– Сам ты не понимаешь ничего, не человек там, а собака. Понимаешь? Собака кавказская.

– В смысле у... шакал, волчара, террорист пленный?

– Мы террористов в клетках не держим, как вы на Кубе. Это пёс, собака, э дог. Слышишь, психует как, тварина.

– А, дог, так бы сразу и сказали...

– Нет, не дог, – вмешался Виктор с кинологическим уточнением, – кавказа, сука натуральная с паспортом, если на волю вырвется, не сносить вам головы.

Стефан поднял глаза к небу, что-то прошептал своё католическое, наверное, помолился богу за них, грешников, а может, даже прямо самой матке боске.

Прочие гости с дарами в ящиках оказались рабочими фирмы, которую нанял Жарков с целью уставить в саду беседку в китайском стиле из натурального бамбука и пластика.

– Противомоскитная, между прочим, по высшему классу, потом разберут и увезут. Если, конечно, мы её сегодня под настроение в щепки не разнесём. За дело, ребята!

Магницкий выделил лучшее, центральное место за ромашково-клубничным лугом, перед зарослями черёмухи. Достал из коробки круг краковской колбасы, пару копчёных окорочков, и бросил Джинке в кладовку.

Вой оборвался. Его родная собака, живущая на овсянке вперемешку с пшёнкой и добавками рубленой крапивы, на долю секунды просто обалдела, не решаясь верить собственному нюху, но тут же раздалось зверское чавканье, сопровождаемое тихим непрерывным стоном, которое она в иное время издаёт, валяясь на спине и растянувшись во всю комнату, со сложенными на груди лапищами, разыгрывая из себя маленького щеночка, которого следует гладить по пузику. При этом весело крутит медвежьей башкой из стороны в сторону так, что табуретки и колченогие стулья с грохотом разлетаются кто куда, а если ей всё же почесать брюхо кончиком кирзового сапога, начинает тоненько свистеть большим чёрным носом от удовольствия.

– Сильно не торопись, такое не скоро ещё получишь, может быть, и никогда, – сказал он Джине, проводя гостей в дом.

– Если надо, до отвала накормим, машина забита, как продуктовая база, – раздобрился Жарков, вываливая продукты из коробки горой на клеёнку в форме пирамиды Хеопса. – У меня предложение – пусть сегодняшней стол будет шведским. Кто что хочет, тот то ест и пьёт. Я лично налягу на пиво. Жарко.

– Прекрасно, – сказал Стефан, выставляя бутылки на стол и разглядывая столовую, – а я буду джин с тоником.

– Это у себя в Виллингтоне будешь джин с тоником, виски и прочее. А у нас здесь народ пьёт пиво и водку с коньяком, чтобы деньги не на ветер, на худой конец, некоторые негодяи, вроде меня, исключительно пиво.

– О! У вас польский шкаф, – Стефан подошёл к старому буфету и погладил его пыльный бок, – у моего дедушки был такой же.

Он смотрел на буфет так, будто готовился сказать речь, начинавшуюся словами: «Глубокоуважаемый шкаф!».

– Возможно, и польский, в Сибири народов намешано не меньше, чем в Америке.

– А где Ирина? Кто будет оформлять праздничный шведский стол?

– У неё сегодня выходной. Колбасу нарежем сами, консервы откроем, чай, не безрукие. Красная икра? Это я люблю.

– Продукт входит в сухой паёк.

– Стефан, у вас американцы часто едят красную икру?

– Не очень. Иногда немного заказывают в ресторане. Домой банками никто не покупает.

– Ну, сравнил святое с грешным, у них климат намного легче, круглый год теплынь, реактора под боком нет, нам, по-хорошему, каждый день нужно съедать грамм по сто, для сохранения иммунитета.

Доставай для начала по банке на брата, колбасы побольше настругаем, а там видно будет, как дело пойдёт, если хорошо, у меня в машине ещё найдётся, да не бойся, не испортится, видишь, как внутри холодно, охлаждается сухим льдом, вот здесь несколько кусочков льда потихоньку испаряются. и коробка превращается в холодильную камеру.

На пороге возникла Иринка. Губы её сверкали рубиновым соком, в волосах застрял листик.

– Малина поспела?

– Сзади от сарая есть кое-где красные ягодки. Что это вы тут делаете?

– А, учащаяся кулинарного техникума, поди сюда, показывай своё искусство.

– Не кулинарного, а железнодорожного, сколько можно повторять?

– Вот, Стефан, такие на нашей сибирской магистрали кадры куются. Давай, товарищ проводник, указывай верную дорогу в сытое будущее. Подмечай, подмечай, Стефан, небось, статью накатаешь в Геральд трибьюн: «Как я чуть не сжарился в Сибири». Или очерк о местных не испорченных цивилизацией нравах, этнографический опус, в том числе опишешь Виктора Магницкого, его маленький дедовский домик с запущенным полудиким садиком в центре города, где выращивает Виктор ягоды разные, черёмуху, ранетку да хрен с луком, – Жарков посмотрел на Иринку, гмыкнул, проглотив по меньшей мере две-три фразы. – Ладно, вот пивка попьём и пройдемся по садику, я тебе покажу великолепные хреновые заросли. Что там ещё произрастает?

– Щавель, – подсказала Иринка, примазавшись тоненько резать колбасу и красиво укладывать рядами по тарелкам.

– Правильно, щавель. Стефан, кушал ли ты ранней весной пирожки с молодым щавелем?

– Конечно.

– Так и быть, тогда Ирина нажарит тебе пирожков. Иринка, чего продукт переводишь? В ресторане, что ли? Колбасу режь толстыми кусками, нечего манерничать. Вот так, и на тарелку побольше накладывай, побольше, здесь люди выпить любят и закусить, упрасивать никого не придётся, уж чтобы кусочек взять – так кусочек.

– Давайте я вам палки колбасные очищу и на столе разложу?

– Это был бы самый лучший вариант. Но... не принято. Норм общечеловеческой морали нарушать не будем. Режь элегантные толстые куски. Чтобы на них голодному человеку весело глядеть было, понятно?

– Да уж.

– Не суди, да не судим будешь. Садимся, ребята. Ириша, потрудись из батоннов, масла и икры наделать как можно больше бутербродов. Для красоты можно сверху ещё положить по листику щавеля. Так что, не в службу, а в дружбу, сходи, лебедь белая, нарви побольше щавеля, вымой хорошенько – и за дело, душа моя.

Когда Иринка вышла, Жарков произнёс торжественно:

– Сегодня у меня прощальный, отходной ужин. Стефан – наш новозеландский компаньон, прошу любить и жаловать. Да, Стёпа?

– Совершенно верно. У нас инвестиционный проект научно-исследовательской лаборатории.

– Ладно, сели, кто опоздал, тот не успел. Начнём помаленьку, выпьем за дальнюю дорожку кто чего желает, полная свобода вероисповедания. Кстати, Виктор, коньяк и пиво тоже холодные, как ты любишь!

– Не за дорожку пока, – опротестовал Стефан, – мы так хорошо сидим, а это пьют в конце.

– В конце пьют на посошок, а сегодня пьем за расставание и дальнюю дорогу. Прощание с друзьями настоящими и бывшими, все сюда придут, всех позвал. Кстати, товарищ Магницкий летит с нами, Стёпа.

– Да, ты говорил.

– Не торопись, я ещё не дал согласия.

– Куда денешься? Продадим, брат Виктор, немудрёные пожитки – я заводик, ты своё ранчо, закинем котомочки за плечо, и айда в Новую Зеландию, – баранов пасти. Приглашение на работу и контракт Стёпа нам оформит по самому короткому варианту.

– Надо заполнить анкеты и соответствующие документы в посольстве. Вы въедете в Новую Зеландию по рабочей визе. Для работы в нашей фирме. Без проблем. С нашей стороны запрос уже подан.

– Вот вам щавель, – Иринка положила на стол зелёную горку. – А чего они там строят?

– Беседку, радость моя. Устанем здесь сидеть, пойдём отдыхать на природе. Ты сама-то садись, кушай. Специально для тебя привёз пепси. Детям пиво не даю. Икры больше ешь, она от всех болезней.

– Спасибо, я здоровая. В Новую Зеландию уезжаете?

– Пришла пора прощаться, мил человек. А ты с нами надумала?

– Меня не берут. У них другие тётеньки имеются.

– Ясно, почему Виктор колеблется. Значит, не твоя, Ирина, судьба, но ничего, какие твои годы? Встретишь ещё своего человека.

– Я не переживаю. Я свои права знаю.

– Какие права?

– Определённые законом.

Жарков посмотрел на Магницкого, хмыкнул.

– Сложные взаимоотношения. Ну что, Стефан, идём в сад на свежем воздухе гулять? Таких диких местечек с лопухами и крапивой в центре вашего американского города, поди, днём с огнём не сыщешь?

– Есть, наверное. Люди разные. Земля частная. Кто что хочет, тот то и имеет. Пойдёмте здесь?

– Здесь не пройдем.

– Жарков везде пройдёт.

Они пошли через самый-самый бурелом близ забора по грудь в грязной крапиве, покрытой грязновато-серым тополиным пухом.

Конечно, Жарков шагал впереди, разгребая руками низко спустившиеся ветви черёмух, сирени, ранеток, кустов, которые Виктор называл бузиной, хотя, возможно, это было нечто другое. Он походил на плывущего стилем баттерфляй, потому что сопел, отфыркивался от пережившего своё время тополиного пуха, жёлтой едкой пыльцы, которую густо рассеивала крапива, стоило качнуть стебель со своего пути. Под ногами

трещали много лет не собираемые сухие ветки. Жарков старался трещать сильнее, он оборачивался к Магницкому и подмигивал.

– Это что такое валяется? А? Бутылка водки, пустая. Откуда?

– С улицы швыряют. В основном нахожу предметы нижнего женского туалета и пустые бутылки.

– Что ты с ними делаешь?

– С бутылками?

– Нет, с предметами туалета.

– Развешиваю на ветках, склоняющихся из сада на улицу. Там их забирают. А бутылки сдаю. К примеру, наутро после выпускного школьного бала подобрал в саду семьдесят семь целых бутылок.

– Слушай, да у тебя здесь Клондайк, золотое дно, на кой чёрт тебе, действительно, Новая Зеландия сдалась?

– И я вот тоже думаю.

Опять залаяла Джина.

– Ещё кушать хочет?

– Нет, кто-то вошёл в калитку. Пойду встречу.

– Посылай всех к беседке, мы идём туда инспектировать работу строителей.

У ворот стояла Ольга. Она смотрелась превосходно в маленьком белом платье и белых босоножках.

– Здравствуй, комариное царство.

– Специально для обладателей нежной чувствительной кожи строители возводят антимоскитную беседку в китайском стиле.

– Неужели?

– Жарков не даст соврать. Он руководит процессом.

– Во даёт.

Когда строители через десять минут закончили и уехали, отдыхающие перетащили снаряжение для праздника в беседку, где вопреки всем законам физики среди жары и духоты оказалось довольно-таки прохладно.

Магницкий предположил, что Жарков спрятал под сиденьями кусочки сухого льда из коробок. Натолкал их повсюду, натолкал, и они тихо, незаметно испаряются, охлаждая воздух маленького бамбукового рая, обтянутого изнутри белым прозрачным шёлком с красными дракончиками.

Подшли ещё гости: бывший главный инженер завода по фамилии Горкин – небольшого роста, сухой, подвижный, кучерявый черноволосый человек, большой спец по всем механическим изобретениям, которые напридумывало человечество за свою долгую историю. Прибыл кандидат технических наук Петя Краузе, работавший, как и Виктор, разнорабочим по всему спектру строительных специальностей от помощника сварщика до плотника-бетонщика, истопника и землекопа, а также дипломник Жаркова физик-теоретик Зотов, помешанный на мексиканском мистике Кастанеде.

– А, ну вот я вас и собрал-таки, дуралеев, ладно, ладно, плохое забыли, выкинули из головы, выпьем за хорошее, что было, ребята.

Внутри беседки находился круглый стол с очень ровной полированной поверхностью, похожей на особо твёрдое дерево, но, проведя по нему ногтем, Виктор определил пластик. Впрочем, стойки были из настоящего бамбука.

Ольгу усадили между Жарковым и Стефаном, и, надо отдать ему должное, Стёпа недолго хлопал глазами, сразу принялся угощать редкой красоты бизнес-леди тем, что более всего ценят иностранцы в русской еде и

чего сами русские, не живущие на Дальнем Востоке, почти не едят, – красной икрой. К сожалению, китайские архитекторы не предусмотрели стеклянных ширм между обедающими. Пользуясь этим, чёртов американец нашёптывал очень длинные фразы на ушко Дальской, та улыбалась, иногда отвечая быстрым взглядом.

Это было не особенно приятно Виктору, но как хозяин он не имел права проявлять негативное отношение к поведению дорогих гостей, поэтому в основном занимался тем, чтобы рюмки не оставались пустыми, а в тарелках было во что ткнуть вилкой. Тостами ведал Жарков, выдававший их со скоростью три штуки в две минуты.

А тут вдобавок Джина вновь разгавкалась, пришлось идти встречать очередных гостей.

У ворот стоял весьма способный в рыночном маркетинге и искусстве торга молодой человек в ладно скроенном и умело пошитом костюмчике, который притаскивал решать контрольную для своей тонущей подруги. Лицо ныне вновь имел просительное.

– Сожалею, дружище, но сейчас нет времени. Если что-то не очень срочное, ради бога, готов напрямь извилины за сотню-другую. Деньги, разумеется, вперёд.

– Я слышал, вы продаёте дом, – не моргнув глазом, соврал молодой человек, – хочу узнать, сколько за него просите.

– От кого слышали?

– Да, так, знаете, через третьи руки узнал.

– Тогда у них, у рук, и спрашивайте дальше, они знают эти вопросы лучше меня.

– Серьёзно? Не продаёте? Значит, меня надули. А за сколько бы продали?

– Ни за сколько.

– А вот если бы вам заплатили хорошую цену?

– Какую такую хорошую цену?

– Во всяком случае, не подержанную иномарку, – ухмыльнулся молодой человек.

– Конкретнее, пожалуйста.

– Отличная цена, честное слово, не пожалеете, – молодец явно выдерживал паузу, как тот самый хороший артист, и при этом весело смотрел прямо в зрачки, не мигая, умиряя Магницкого, как собаку Качалова.

Смотрит и молчит. Молчит и смотрит. Тянет свою гениальную паузу и тянет. А у Виктора, как на грех, настроение портится что-то.

Медленно, не отрывая загнипнотизированного взгляда, хозяин взял палку, на которую запирались ворота в дополнение к крючку, и, балансируя этой палкой, сделал шаг на сближение.

– Чего это вы? – обеспокоенно испортил свою замечательную паузу молодой человек.

– Ничего. Ты сейчас исчезнешь отсюда, я закрою ворота, чтобы лишние посторонние без дела не шлялись. Понял?

– Конечно, без проблем. За дом двухкомнатная квартира. Баш на баш.

– Фи, – уничтожил его взглядом Магницкий, хотя месяц назад обнял бы сего проходимца и расцеловал, и уронил даже, может быть, слезу, хотя насчёт последнего не вполне уверен, – тридцать соток лучшего местного серозёма в центре города за одну паршивую двухкомнатную квартирёнку?

Молодой человек опустил глаза, как не выучивший урок пятиклассник перед классным руководителем.

– Одну секунду, сейчас позову босса, вы не уходите, пожалуйста, я приглашу его из машины.

– И побыстрее, некогда мне тут с вами паузы выслушивать.

Но ему не пришлось далеко бегать, в калитку вошёл... Котомкин.

– Это ты? – Виктор удивлённо воззрился на неторопливо протягивающего руку сборщика драгметаллов.

– Нет, это не он, – торопливый молодой человек выпрыгнул на улицу.

– Как это не я? Совсем уже заучились. Я это, я. Вот он. Джину убрал?

– Только ради тебя. Иди к китайской беседке. Народ там окопался.

– Чего, Жарков сваливает окончательно и бесповоротно?

– Это у него сам спросишь.

– Он там же?

– Да здесь я, рядом, – из кустов сирени вышел организатор торжества.

– Ну что, электронный мухлёвщик, прочёл рассказ Паустовского про золотую розу, что я задавал тебе прошлый раз по внеклассному чтению?

– Да некогда всё.

– Жаль. Там тоже один умник золотой сор подбирает, прямо как ты. Прочти для порядка. Случай классический, если не клинический. Ладно, иди в китайскую избушку, нет, дай я тебя обниму на прощание. Иди и выпей штрафную кружку. А ты, Виктор, чего у ворот с палкой, как солдат на карауле? Пойдём, Котомкина поить будем.

– Да мне тут предлагают сменить дом на двухкомнатную квартиру.

– Ни черта себе, коттедж, можно сказать, с тридцатью сотками в центре – на паршивую двухкомнатную. А, я понял. Ты отбивался от них палкой. Молодец, хвалю!

В очередной раз появившийся в ограде молодой человек блистал вышколенным видом МИДовского статс-референта в третьем поколении. Он придержал калитку, как дверь чёрного «кадиллака», пока во двор не влез тучный коротыш с отёчным лицом и тяжёлым астматическим дыханием. Этот, слава богу, заговорил без пауз:

– В придачу к двухкомнатной квартире могу дать новенький жигуль, шестёрка, без пробега. Насколько мне известно, три месяца назад вы заплатили много меньше.

– Времена быстро меняются. И я просто не уверен, что хочу продать этот дом и этот сад.

– Молодой человек, да будет вам известно, по нашим законам земля не является вашей собственностью, и, стало быть, вы не имеете никакого права продавать её. К дому относятся две сотки, всё остальное в любой момент могут отрезать, тогда останетесь вообще ни с чем, как говорится, при своём голом интересе. А я люблю деревянные строения, в этом саду поставлю пару-другую ульев, появится приют для моей души.

– Квартиры уже приватизируют, может, со временем и землю, относящуюся к дому, можно будет приватизировать.

Отмякшее было лицо пришельца вновь затвердело:

– Земля – мать родная! Всегда на Руси так говорили. Разве можно продавать мать?

– Позвольте, – не выдержал Жарков, – а как насчёт аренды?

– Аренда – другое дело...

– Да когда это на святой Руси сдавали родную мать в аренду? – расвирепел Жарков. – Во временное, то бишь, пользование? Это как называется? Это хуже сутенёрства, у меня просто слов нет охарактеризовать, гражданин, ваше аномальное поведение!

Медежи слились в общий багровый фон, рот разверзся, однако Магницкий успел опередить:

– Если земля – ваша родная матушка, не стыдно ли вам в данный момент топтать её каблуками импортных туфель? Как смее вы итальянским каблуком попирать распростёртое тело своей горячо любимой матери? Или нелюбимой?

Жарков хмыкнул:

– И после таких отвратительных штучек, которые с родной мамашей проделывает, человек имеет наглость взывать к чужой совести. Короче, пятьдесят тысяч баксов – это минимум, собственно, это и есть двухкомнатная квартира, правда, московская. Не очень дорого для такого серьёзного человека. Как, идёт?

– Смешно.

– Не смеем более задерживать. С пасекой придётся повременить, у нас гости. До свидания.

Молодой человек быстренько открыл калитку, и любитель пчеловодства, бросая угрожающие взоры, освободил территорию от своего присутствия, галантно подпираемый статс-секретарём.

– Отлично, вот тебе и стартовый капитал для отъезда в Новую Зеландию, подытожил Жарков.

– Он удавится за пятьдесят тысяч, если они у него даже и есть.

– У этого гуся лапчатого гораздо больше припрятано в кубышке. В эпоху развала и перехода на новые рельсы товарищ создавал первые нефтяные компании, естественно, дутые. Между делом удачно продал братцам-вьетнамцам нефти на триста тысяч долларов, по дешёвке, на что те и купились. Деньги по предоплате перечислили, а нефти так и не дождались, далее тютю, компания благополучно лопнула гораздо раньше, чем вьетнамцы прискакали сюда искать концы. А чего найдёшь? Мороз сорок градусов, никто по-вьетнамски толком не понимает, они очень быстренько уехали. Ещё он торговал лесом. А потом снял сливки, гоня самолёты с ношенными тряпками из Европы. Теперь ажиотаж прошёл, барахла везде полно, магазинчики его прозябают, но деньжонки от старых афер у старого скупердя ещё остались. Неравнодушен старик к деревянным постройкам. Кстати, у тебя где-то барометр в доме я видел.

– Есть такая штука.

– Зайдём, посмотрим.

Войдя в столовую, Жарков постучал пальцем по стеклу, стрелка упала на дождь.

– Вот как раз то, что надо. Покажу вам сегодня интересный фокус на грани научного открытия.

– Замораживания дождя в град? Диаметром десять сантиметров?

– Увидишь.

В беседке застолье шумело, как море, а свободных мест почти не осталось. Котомкин благополучно принял штрафную дозу коньяка и теперь быстро её переваривал, тарачил на всех по очереди круглые, медленно и редко мигающие глаза. Усы его воинственно топорщились.

– А не написать ли нам письмо турецкому султану? – время от времени спрашивал громко, но никто его не слушал уже, все были заняты собственными делами, он громко в одиночку засмеялся.

Засучив рукава, Горкин с Краузе соревновались в силе рук; беседа содрогалась. Стефан шептал Ольге о чём-то совсем постороннем, даже инопланетном. Глаза её устремлены вдаль, будто она видит там некий лучезарно сияющий объект. Как быстро всё получается у Стёпы, однако пора разрушить колдовские чары и вернуть нашего человека к суровой реальности дня, благо жарковское место пустоует. Магницкий вознамерился приземлиться рядом с директором, поговорить о работе, выдвинуть новые идеи, досконально обсудить их, никуда не торопясь, но в полёте его перехватил любознательный Котомкин.

– Джина в кладовке? – спросил глуховатым, ровным голосом сосредоточенного на внутренней духовной жизни человека.

– Да.

– Иринка в доме?

– Да.

– Замечательно. Пусть они будут там. А мы будем здесь. Каждому – своё.

Жарков успел занять свободное элитное место, в результате чего Виктору снова пришлось коротать время у выхода, рядом с Котомкиным.

– Давайте выпьем за мир и дружбу отныне и на все времена, – объявил Горкин, выигравший соревнование.

– За «отныне» давай выпьем, а за «навсегда» вряд ли получится, – философски подкорректировал Котомкин.

– За научный эксперимент, – провозгласил Жарков, – который я проведу прямо сейчас, у всех на глазах.

– Что-нибудь связанное с изменением поля Земли? – обеспокоился Стефан. – Погоди, не надо, Володя, давайте выпьем, посидим, поговорим.

Не обращая на него внимания, Жарков поднялся из-за стола, поклонился публике, вытащил из пакета ракетницу.

– Что, салют устроим?

– Нет, сейчас выстрелю из этой ракетницы, а через несколько минут скажу вам время, когда начнётся дождь, с точностью плюс-минус три минуты.

– Вот это напрасно, – воспротивился Котомкин, – на черта нам нынче дождь? Нормальные люди из пушек палят по облакам, чтобы дождя не было. А тут наоборот.

– Никто не собирается вызывать дождь, – с суровой решимостью, блеснув стёклышками очков, – возразил Жарков, – барометр всё равно упал. Я прогнозирую время начала отсчёта. Оно будет вот на этом табло, – он показал всем небольшой предмет, похожий на обыкновенный калькулятор. – Идём стрелять.

Шумною толпою компания вывалила из бамбукового рая под палящие солнечные лучи. Жарков выстрелил. Из-за забора раздался голос старухи Савраскиной:

– Ишь, палят среди белого дня, стариков со старухами пугают. Чтоб быстрее умирали, чтоб им пенсий меньше платить, вот какие нынче государственные программы!

Краешком глаза Магницкий с неудовольствием отметил, что иностранец самым наглым образом принялся рвать ромашки по тайным грядкам с

клубникой, быстренько набрал жиденский букетик и вручил Ольге. Сердце скрипнуло от возмущения. Обидно непонятно за что: то ли за безвременно раздавленную американским каблуком ягоду, то ли за собственную нерасторопность.

Не терпящим противоречий тоном научного ретрограда Жарков изрёк:

– Дождь будет в половине девятого, через сорок минут.

Давно разочарованный в науке и научной деятельности кандидат технических наук Краузе снисходительно зевнул.

– Так это... а вдруг, правда, гроза? После такой жары всю эту китайскую церемонию ливень смоеет к чёртовой матери. Надо её того... убирать.

– Пусть стоит, – отмахнулся Жарков, – проверим фирму на прочность.

В ожидании климатических перемен Петя Краузе разгулялся по каменному фундаменту разрушенной теплицы, обо что-то запнулся и упал в яму, где догнивали в крапиве ящики из-под рассады, бывшие столы и даже чугунные батареи центрального отопления. Послышался звон стекла. Впрочем, теплица была не слишком глубока, совместными усилиями его скоро вытащили, но это событие так потрясло Петра, что он принялся громко говорить, что ему, дескать, есть чем гордиться: во-первых, он кандидат технических наук в неполные тридцать лет, а во-вторых, у него папа – немец, и хотя, сволочь такая, бросил мать и его, Петю-Питера, на произвол судьбы, но зато наградил отличной фамилией. Когда в их НИИ присылали приглашения на научные конференции, его фамилия всегда стояла первой в списке, впереди всяких там Ивановых и Сидоровых, и даже впереди начальствующего состава, что очень раздражает последних, но страшно веселило и веселит Петю Краузе.

32.

Со стороны соседнего дома раздался треск, заглушивший речь о пользе немецких фамилий на ниве научно-технического прогресса. Обитатели китайской фазенды, приведённые в мнительное состояние калькулятором, предсказавшим скорую непогоду, стали задирать головы вверх:

– Неужто действительно гром?

– Это ниже стреляют. Ложись, братцы.

Вздыхнув, Магницкий направился в сторону соседей. Так и есть: несколько человек во главе с гражданкой Савраскиной-младшей взобрались на шиферную крышу сарая, стоявшего рядом с забором, и маршировали по ней, держа перед собой развёрнутый лист ватмана, на котором крупными буквами была начертана первомайская речёвка:

«Водку квась!

Рябчиков жуй!

Век твой уходит,

Последний буржуй!».

Демонстрация, топавшая строем по крыше, хором скандировала эти строки, не обращая внимания на крики несчастной старухи Савраскиной, ко всем бедам которой добавилась ещё одна: «Крышу, крышу изуродуете, нехристи чёртовы, сарай опять протечёт на кролей!».

– Умолкни, мамаша, наконец, не мешай проведению зарегистрированной акции, – отозвалась Наталья, дирижировавшая хором.

Пьер был при ней, держался за край ватмана и вовремя открывал рот в такт резким взмахам руки дирижёра, а глаза его при этом испуганно щурились.

Речёвка с топанием закончилась.

К самому краю крыши подвели низенькую седенькую старушонку с четырёхугольным плоским лицом, состоящим из доброй сотни морщин. Правая рука висела на марлевой повязке, как у храброго полковника. Она немного поупиралась, когда её небрежно толкали к краю крыши.

Грешным делом, Магницкий решил, что сегодня предстоит увидеть новый вид гражданской казни: бросание про штрафившегося коммунара с сарая о капиталистический глинозём. Но ошибся.

Отмахнувшись от своих чересчур рьяных друзей здоровой рукой, старушка вдруг открыла рот и заговорила. И как! То был оратор, которому и на площади не требовался мегафон.

– Граждане!!! – воскликнула она с необыкновенной страстью своим зычным, пролетарским голосом. – Посмотрите на эту назревающую буржуазию, – указала на Виктора перстом, – на теле нашего ослабленного демократической анархией государства. Они пьют и жируют во время чумы, когда народ не получает пенсии и голодает. Посмотрите на меня, не бойтесь. Всю свою долгую жизнь работала я простым бухгалтером и смогла дать высшее образование двум детям. А кто была? Да никто! Нуль без палочки!! Но хлеб стоил шестнадцать копеек, кефир восемнадцать копеек пол-литра! И у нас всегда всё было по талонам – и колбаса, и масло. А сейчас? Нужны тысячи, чтобы выжить! Я старая, мне много не надо, я много и не прошу. Но отдайте мне мой кефир! Отдайте людям талоны! У нас ничего же нет!

Группа с ватманом дружно захлопала в ладоши.

– Граждане! – заорал Жарков. – Всем! Всем! Всем! Кто желает прямо сейчас, абсолютно безо всяких талонов, получить фронтные сто пятьдесят грамм коньяка и кружку холодного пива, прыгайте сюда! Смело, товарищи, в ногу!

– Нет, вы отдайте мне мой кефир! – перекрыла его по децибелам старушеница-мегафон.

Кроме неё кефира никто не жаждал. Пролетарские массы крупными кусками повалили с пролетарского сарая в частнособственнический сад и первым, отбросив революционный плакат, сиганул вниз Пьер Савраскин.

– Предатель! – воскликнула вдогонку жена Наталья. – Помощники кандидата в депутаты так не поступают! Отныне лишаю тебя, изверг, этой высокой должности! Только приди, гад, домой, только приди, уже больше не промахнусь, Иуда проклятый!

Бросив на произвол судьбы женщину-организатора с ватманом на крыше, кучка демонстрантов бодро маршировала строем за Жарковым, который, завлекаясь крутя над головой бутылкой, уводил их ревизионистской тропой к красной китайской фазенде.

– Нет, вы отдайте мне обезжиренный кефир! – продолжала отстаивать свои права старушонка, рискованно колеблясь на кромке сарая, – я заслужила, я вырастила двух дочерей и дала им высшее образование!

Через тамарин лаз в сад начали проникать более уважаемые соседи вроде капитана в отставке Василия, который на этот раз предпочёл обычному малиновому халату кремовый просторный костюм чеховского дяди Вани в комплекте со шляпой из соломки с ленточкой. В отличие от демонстрантов-

пролетариев, военный пенсионер вёл себя в высшей степени пристойно – прежде, чем бежать за пивом, крепко потрянул руку Виктора.

– Приятный сегодня денёк, отличный устроили праздничек! Вот что значит приватная жизнь, не то что наша коммуналка – сплошное махр-ррро-овое...ство. У меня, между прочим, тоже имеется некоторая недвижимость... в столице родины. Квартира, некоторым образом... Наследственная. Представь себе, никак не могу прописаться. Частная собственность – это фундамент общества, необходимое условие для формирования среднего класса! Вот. Если уж на то пошло, имеется деловое партнёрское предложение, инвестиционный проект на паях: сделать в саду отдельные укромные летние беседки для встреч, прямо на свежем воздухе, но со всеми удобствами, диванчики внутри, то-сё, бар, полнейшая уединённость, музыка, естественно, плюс гарантированная скрытность. Охрану беру на себя. Слово офицера, найдётся большая куча пузанов, желающих отобедать в рабочий перерыв со своими сотрудницами, контор кругом пруд пруди, а служебные романы, между прочим, требуют своего естественного развития, с переходом к упражнениям для стрельбы лёжа. За лето можно настрелять такие бабки, что потом спокойно проводить три протих сезона на Гавайях. Не слабо? Обдумай моё предложение на досуге.

Виктор подтвердил, что предложение интересное, и Василий отправился к пиву.

Оставив ораторшу на её высоте, Магницкий тоже проследовал за вновь приглашёнными, среди которых был и молодой муж Тамары, и сама она, и несколько других незнакомых ему граждан. Количество гуляющих в саду резко возросло, даже две цыганки объявились. Но как Виктор ни старался, не смог отыскать беспокойным взглядом ни Стефана, ни Ольги.

Кусты за пионами подозрительно шевелились, при ближайшем рассмотрении там отыскался Котомкин, сидевший на траве и рвавший щавель пучками.

– Отличный закусон!

Пробираясь между соседями с миской в руке, Иринка неодобрительно смотрела вокруг, убирая со стола остатки копчёных куриц.

Увидев Магницкого, приялась тут же выговаривать:

– Ну и шалман вы здесь устроили! Чем пиво пить без меры, отнеси-ка вот лучше кости Джинке, я боюсь открывать, она меня с ног собьёт и перекусает всю вашу компанию. А вообще интересно посмотреть на аттракцион, – и мечтательница из железнодорожного техникума залилась грудным булькающим смехом.

Виктор отнёс куриные кости Джинке. Кавказка набросилась на них столь же яростно, как Пьер Савраскин на пиво с коньяком.

Из-за черёмух на небо вылезла тяжёлая туча, грозно оглядела сад, где праздновался первый совместный праздник молдавского коньяка и «нашего» пива, не внесённый в анналы городской истории. Уже тут и там возникали спонтанные хороводы. Краузе с Горкиным штурмовали развалины сарая, на самом верху которого кто-то установил призовую бутылку шампанского.

Первым успел Петюня. Стоя на верху стены с бутылкой шампанского, он оглушительно вскрыл её, пенисто облив финиширующего на четвереньках Горкина. Затем они вливали в себя по очереди шампанское и, обнявшись за плечи, танцевали на верхнем бревне греческий танец сиртаки. На другом конце бревна медитировал с постным лицом абсолютно непьющий физик-теоретик Зотов.

Внизу их всех поджидало ущелье теплицы, полное битого стекла, ржавых гвоздей в гнилых досках, но кандидат с главным инженером храбро танцевали свой танец, а на кирпичном фундаменте теплицы сидели две весёлые, но не очень молодые и к тому же совсем дальние соседки, глядели на танцоров и, смущённо теребя платья, пели протяжно: «Вот кто-то с горочки спустился...».

Траве и прочей растительности был нанесён известный урон, который в лучшей мере хозяин смог оценить только на следующее утро. А теперь просто стоял на крыльце с тазиком в руке, и вдруг увидел, как в глубине зарослей взмахнула крыльями большая белая бабочка.

Так в нетрезвом мозгу отразилась прыгающая в белом платье Ольга, а за ней, держась за вытянутую руку, еле поспевал в клетчатой рубаше Стефан. Сладкая парочка пронеслась в воображении на всех парусах и вновь исчезла за тёмно-зелеными непроходимыми зарослями. Убийственное зрелище!

Виктор бросился к китайскому ларьку, возле которого Жарков исправно разливал из автомобильных пластиковых канистр пиво всем желающим в большие одноразовые стаканы по самый край. Отхлебнув «Крюгера» и старательно не глядя в сторону дальней части сада, Магницкий вместе со всеми стал громко восхищаться геройством дерзких греческих танцоров, которым снизу пелись хвалебные народные песни.

– Неплохой пикничок получается, да? – оказавшийся рядом обладатель московской квартиры обнял его как родного. – Да здравствует частная собственность, выпьем за недвижимую и новый закон о земле!

Выпили на брудершафт.

– Когда-нибудь, – предположил мечтательно Василий, – добьюсь прописки и стану московским пенсионером. Заметь – своим, московским, Лужок нормально приплачивает. Заколебала меня эта долбаная Сибирь. Кто там всё время орёт? Убить мало!

Действительно, со стороны соседнего дома, где ранее проводилась демонстрация, продолжали исторгаться недовольные возгласы. Как хозяину Виктору пришлось пройти для принятия мер, но ситуация оказалась нетривиальной: старушке-мегафону удалось – таки спуститься с крыши в сторону сада, в результате чего очутилась между сараем и забором из сетки-рабицы. С обеих сторон сарая выходы из данного пространства были завалены старыми досками, и таким образом оказалась в клетке размером полметра на четыре.

Увидев Магницкого, старушка, до того вопящая: «Помогите! Спасите, кто может!», воспрянула духом, крики о помощи сменились прежней речёвкой:

– Нет, вы отдайте мои пол-литра кефира!

– Может быть, лучше помочь вам отсюда выбраться?

– Обойдусь! Мне много не надо, я пенсионерка, всю свою сознательную жизнь проработала простым бухгалтером, думала, пойду на пенсию, уж кефир с хлебом у меня будет всегда. Где он? Мне задаром не надо ни яхт, ни «ролс-ройсов», ни вилл ваших, видала я вас всех в гробу в белых тапочках! Вы, пожалуйста, отдайте мне мой кефир! И пенсию выплачивайте вовремя!

– Нет у меня кефира, ей-богу, пивка холоденького хлебните малость, а?

– Подавись своим пивом!

– Что за зверинец? – спросил Жарков, из-за спины которого выглядывала Иринка. – Кто посадил бабушку в клетку?

– Не знаю, как она там очутилась, но вылезать не хочет, требует кефира.

– Нет проблем. Иринка, держи деньги, бегом в магазин.

– Ага, чтобы я под дождь попала, который вы настреляли?

– Сдачу оставишь себе.

Иринка резко взяла старт:

– Я сейчас, у нас в холодильнике есть.

Через пару минут притащила пакет с кефиром:

– Вот, двухпроцентный, обезжиренный, как она любит.

Кефир налили в пластиковый стакан, но бабушка с возмущением его оттолкнула.

– Мне не нужны подачки от новых русских. Отдайте мне исконную возможность покупать кефир на свои деньги каждый день и по восемнадцать копеек литр, а не за десять тысяч. И пенсию платите вовремя, а то за три месяца задержали, и больше в два раза назначьте, разве я не заработала?

– Э, бабуля, мы же не волшебники.

– Тогда не мешайте народу бороться с антинародным режимом преступной клики Ельцина.

– Ладно, – устал Магницкий, – идём отсюда, не будем сковывать выражения гражданского протеста.

– Эй! Пойдите-ка! Сначала вытащите меня.

С трудом извлекли революционерку из клетки, выдворив на сопредельную территорию, где её встретила руководительница митинга, тут же раздались троекратные громкие поцелуи с причмокиванием, как в былые застойные времена на самом высшем уровне.

По возвращении к островку мира и процветания на основе общего братания ещё выпили с Жарковым чуть-чуть коньяка, затем с Горкиным сто грамм «Белого аиста», который для верности запили пивом, вдруг рядом обнаружилась старуха Савраскина, бледная, как смерть, со стаканом пива, и Виктор с ней чокнулся за мир и дружбу.

Тут же Савраскина больно ущипнула его за плечо и, указывая куда-то на вершины деревьев, заверещала голосом нечеловеческим:

– Вон, вон, вон, воры, стреляй по гадам!

Возникла неторопливая мысль, что это у бабки от большой дозы голову клинит, но разглядел сидящих на деревьях мальчишек.

– Значит, черёмуха поспела.

– Стрелять надо сволочей сольцой, сольцой. У тебя ружьё есть на чердаке, вкати им по первое число, чтобы знали, как воровать по чужим огородам, а то распустились – страсть, и никто их не учит, знай себе орут, визжат, пенсионеров пугают. Бомбочек накупят в магазинах и под окнами взрывают, а у пожилых сердце слабое, раз – и на тот свет копылками вперёд!

Вместо агрессии сердце наполнила большая печаль.

– Да пусть хоть такой ягоды поедят, где им ещё витаминов взять по нынешним временам?

– И-и-ех! – в сердцах рубанула Савраскина ладонью воздух, после чего судорожно глотнула пива, – я бы, будь моя воля, раздолбала паразитов по первое число!

Сачок бы найти вместо ружья, поймать белую бабочку. Большую и красивую. Виктор направился в тот уголок сада, где, как ему показалось, видел весело порхающую Ольгу.

Здесь, в густой тени гигантских черёмух, их серые шершавые стволы напоминали слоновьи ноги, и было настолько темно, что трава от недостатка света росла реденькими островками. До земли приспущенные тонкие густые ветви охраняли местечко от шумного гуляния, но где-то прямо над ухом отчётливо раздавалось чьё-то натужное сопение.

Что за глупости, здесь и прятаться негде. Он ещё раз хорошенько огляделся в поисках источника сопения. Край его участка, за металлической сеткой начиналась легендарная земля Марьиной рощи.

Ослица Берта не подавала ни звука, а сопение тем временем продолжалось.

Вдруг через забор, прямо ему под ноги, кулём свалился мужчина весьма плотного телосложения в растянутом трико и потной футболке. Лицо падшего ангела разукрашено свежими синяками и кровоподтёками: здарсьте вам, ещё один гость пожаловал на пикник. Очевидно, весть о празднестве с бесплатным спиртным приобрела чересчур широкую огласку, если столь подержанные мужики слетались с заборов на свежее пиво, как скворцы на свежевспаханную землю.

Магницкий подождал, пока человек самостоятельно поднимется с колен, чтобы пригласить нового ценителя на китайскую раздачу, но не успел ничего вымолвить, потому что, поднявшись, тот первым делом вцепился в викторову белоснежную рубашку своими коротенькими толстыми лапами и, рванув её в разные стороны, в одну секунду разорвал пополам.

Звуки приветствия застряли в глотке, мешая звукам возмущения вырваться наружу. Оба молча разглядывали белые лоскуты, разлетевшиеся по сторонам, с некоторым недопониманием сути события. Даже на воинских сборах Виктор не раздевался столь быстро.

– А, это ты меня бил, – прорычал боровок, уставясь мутным взором в открытую всем ветрам грудь.

Соперники по-братски обняли друг друга и сразу повалились на землю, ибо незваный гость плохо держался на задних конечностях, зато здорово орудовал передними, выказывая навыки борца классического стиля, о чём Виктор тотчас горько пожалел, ощутив мощь наработанных захватов и пухлой мускулатуры, и то, в какой узел его, совершенно автоматически, завязали.

Оставалось только кусаться, однако перед зубами всё время мелькали собственные ноги.

Он мигом протрезвел, вспотел и выскользнул из рук Геракла, который, на счастье, оказался пьян гораздо в большей степени, чем мог бы себе позволить человек, напавший среди бела дня на воспитанника детского дома имени жены Ильича.

Отскочив на три шага от упавшего с небес, Виктор мгновенно оценил ситуацию, взвесил свои шансы, и понял, что звать на помощь рановато, всё может устроиться благополучно без привлечения дополнительных сил.

Главное, чтобы на заборе больше не пыхтело никаких летающих амбалов.

Партнёр уже сподобился встать и, вполуприсядь, по-борцовски расставив ручки, задвигался в сторону Магницкого, хотя никакого ковра поблизости не наблюдалось и никто не обещал ему схватки в греко-римском стиле. Нет, может, ты и герой, пусть даже чемпион в какой-то весовой категории среди амбалов соседнего района, но зачем рубаху на груди рвать,

тем более чужую? При виде валявшихся белых лоскутов Виктора охватил праведный гнев.

Для начала въехал борцу справа, прицельно, с дальней дистанции. Потом слева по свинцово-твёрдой челюсти. Движение танка приостановилось.

– Что это? – любопытствовал классик, явно пытаясь обратить внимание судьбы на неспортивное поведение противника, и даже бессмысленные глаза немного прояснились.

Вот только добиваться справедливости от данной аудитории было несколько поздно: не беспокоясь за появление новых синяков и ссадин на отчуждённо-угрюмом лице, Виктор влупил от души третий и последний раз, после чего тот слёг серьёзно. Скоротечный бой без секундантов и рефери был окончен так же молниеносно, как начался.

Магницкий успел не торопясь сходить за пивком, вернуться, а классик всё лежал в устойчивой позе, обнимая землю крепкими руками.

Пришлось полить разбитые губы пивком. Борец зачмокал, задвигался, сел.

– Пива хочешь?

– Ага.

Получив стакан, он с жадностью втянул в себя содержимое. После чего поднял оловянные глаза и спросил отчётливо:

– Это ты меня бил?

– Нет, – отринул подозрение хозяин участка, не желая повторять пройденный материал, – что ты, как можно?

– Их было много, – вспомнил борец, почёсывая окровавленный лоб.

– Пойдём, умоешься.

Классик самостоятельно доплёлся до ближней бочки, поплескал на физиономию воды. И снова подозрительно вылупился на Виктора. Праздник тем временем пел и танцевал, хотя воздух наполнился приближающейся грозой, никто не удивился, что хозяин обнажился по пояс. Подошёл Котомкин с двумя порциями коньяка.

– Давай, брат, выпьем. А это кто?

Вместо ответа Магницкий спросил борца:

– Коньяк будешь?

Подозрительность мигом исчезла с расквашенной физиономии. Классик выпил залпом и покачнулся.

– Один близкий знакомый, – пояснил Котомкину, – подхватил борца под руку, повёл к выходу, улыбаясь многочисленным гостям.

Калитка была нараспашку.

Лапа борца, лежавшая на оголённом плече, оживилась, почувствовав знакомую фактуру, схватила за шею, и Виктор вновь увидел перед собой мутные догадливые глаза:

– Это ты меня бил!

– Конечно, – согласился без всякого энтузиазма, краснея не от стыда, а от удушья, – знаешь, надоел ты мне сегодня хуже горькой редьки, – и врезал коленом в пах.

Со свистом всосав воздух, тот мигом оставил в покое чужую шею и принялся бойко нянчить промежность.

Магницкий с разбега выпихнул греко-римлянина за шиворот на городской тротуар, и последний свой путь по чужой территории амбалу пришлось пройти, перебирая ногами, словно циркулем.

Закрыл калитку. Ну, народ! Ни секунды покоя.
Где же белая бабочка?

Туча закрыла три четверти неба. Солнце продолжало калиться с запада.

Он посмотрел на часы – сорок минут, отведённых Жарковым небесной канцелярии, уже истекли. Дождя не было. Первая капля озорно щёлкнула его по носу, когда жестами показывал экспериментатору, как позорно тот прокололся.

Опорожнив канистры с пивом и ящик коньяка, демонстранты потянулись сквозь лаз в заборе на сопредельную территорию. Каждый хотел обняться с хозяином лично, желая долгой и праведной, как сегодня, жизни.

Виктор с Тамарой зашли в дом, где Иринка в одиночестве управлялась по хозяйству, перемывая одноразовую посуду.

– Брось ерундой заниматься. Вынеси в контейнер.

– Ещё чего не хватало. Пригодится, небось, чего деньги тратить?

Тамара согласилась:

– И то, сгодится, мало что одноразовая, где один, там и два стерпит. Чего разбрасываться?

Джинка обьяелась, но рычала из кладовки на каждого проходившего мимо. Молчание было противно её природе.

Магницкий налил себе и Тамаре по рюмке коньяка.

– Ух, хорошо, – сказала соседка, – и дождичек в самый раз для урожая, и коньяк. Сто лет не пила, у тебя что, день рождения?

– Да нет, пришли старые друзья просто так.

Опрокинув рюмку, Тамара направилась напрямиком в спальню.

– Где здесь гимнастическая постель? О, новый матрац прикупил, ровненький какой, эх, люблю я грешным делом... – Не успел Виктор рта открыть, подскочила и рухнула спиной на доски.

– Ай!!! Мамочки мои! Предупреждать же надо.

– Не успел, извини.

– Ни черта себе – извини! Позвоночник, кажется, сломала. Боже, шевелиться не могу.

На крик заглянула Иринка.

– Ну, опять разлеглась. Иди давай домой, там тебя благоверный заждался.

– Вот дочь, а? Никакого сочувствия от такой не дождёшься, ни граммuleчки. Не дочь, а чурбан бесчувственный, ей-богу. Не видишь, что ли, занемогла я, упала?

– Слышала, как ты распрыгалась, коза старая.

– Нет, ну ты посмотри на неё, никакого уважения к матери! – возмутилась Тамара.

– Где тут, кто мне не верил? – раздался голос Жаркова на кухне. – Беседка протекла насквозь. Обычный китайский ширпотреб. Народ разъехался, Виктор, ты где?

Тамара быстро соскочила на пол с кровати, принялась внимательно рассматривать фотографию, висящую на коврике.

Жарков вызвал такси по телефону и уехал. Тамара ушла ещё раньше. Только дождь, вызванный Жарковым, не думал прекращаться: лил и лил, как из ведра. Виктор открыл слуховое окно на чердаке, и принялся выплёскивать

через него воду из переполненных тазиков и плошек в сад, бегал-бегал, пока не выдохся окончательно, тогда плюнул на всё, пошёл спать.

Иринка уже прикорнула на диванчике в столовой. Он не стал её выгонять.

Под утро хмельному разуму приснился сон с одной-единственной белой бабочкой, которую ловил огромным, как парашют, сачком. Ловил долго, заинтересованно, однако поймать так и не сумел.

33.

– Пусти, замёрз! Я здесь прописан!

С лестницей наперевес в половине седьмого утра Пьер Савраскин пошёл на штурм собственных окон.

Магницкий только что выплеснул дождевую воду из тазиков на чердаке и спустился в сад, который с трудом приходил в себя после вчерашнего пикника и последовавшего за ним ливня. Воздух был пропитан ароматом зелени и благоухал райскими кущами, несмотря на разбросанные повсюду пластиковые стаканы.

– Смерть предателям! – Савраскина шваброй оттолкнула лестницу, вцепившийся в перекладину Пьер поехал в сторону сарая.

Раздался грохот, сменившийся тишиной. Предатель не издал ни звука, что было на него не похоже. Судя по воинственному виду кандидата в депутаты, торжественно сложившей худые руки на плоской груди, слабо прикрытой розовой комбинацией, враг был поражён и низвергнут окончательно и бесповоротно.

Даже старуха Савраскина не подала голоса в защиту собственного дитя. То ли отравившись с непривычки молдавским коньяком, слишком крепко спала, то ли осознала бесперспективность борьбы с будущим представителем государственной власти в лице невестки. Зато протяжно и с чувством затрубила ослица Берта в зооуголке Марьиной рощи. День начался вполне обыкновенно.

На работе его встретила весёлая и оптимистически настроенная Дальская.

– Рада тебя видеть в добром здравии. Голова не болит? У меня есть адрес однокомнатной квартиры, в которой проживают два весьма пожилых человека: ей девяносто пять лет, профессор мединститута Голубкина, ему восемьдесят девять, тоже врач, доцент. Общих детей нет, у Голубкиной имеется сын от прежнего брака. Сыну сейчас семьдесят с хвостиком, живёт в Академгородке, и вынужден каждую неделю мотаться сюда. Но теперь уговорил их продать квартиру и переехать жить к нему. Однокомнатная хрущёвка на первом этаже в очень плохом состоянии, ужасно запущенная, просят всего тридцать пять миллионов.

– Погоди, погоди, что за ересь: она профессор, он доцент, и живут в однокомнатной квартире на первом этаже?

– Имеет место быть старая как мир история. У неё по молодости лет был муж, у него жена. Эта история длилась достаточно долго, несколько лет, пока они не разорвали прежние браки и не соединились в этой квартирке, не такой уж, впрочем, и маленькой: с милым рай в шалаше. В то время квартиру просто

так нельзя было купить, даже кооперативную, надо было, чтобы тебя сначала поставили на очередь, и необходимо было при этом иметь соответствующий моральный облик семьянина.

– Не рассказывай, знаю, – Виктор зевнул, прикрыв рот ладонью, – бедные любовники.

Ольга подправляла пилкой ногти:

– Вот именно. А теперь просто дети, милые забавные дети в пожилом возрасте.

– Первый этаж – неликвидное предприятие. А самое главное – где возьмёшь недостающие десять миллионов?

– Не твои проблемы, займу. Едем срочно к ним, у нас назначен осмотр квартиры через двадцать минут.

– Едем так едем.

Квартира действительно оказалась запущенной, под высоким потолком причудливо извивались длинные нити паутины, стоял запах помойки гораздо более насыщенный, чем даже в его домике поначалу.

Но сами старички выглядели весьма опрятно, очевидно, благодаря еженедельным наездам сына, оба белы как луны и ласковы как дети в самом милом возрасте.

Их пожилой сын-джентльмен с благородной осанкой, напротив, смотрелся озабоченным, если не сказать печальным. На предложение Ольги отдать квартиру за тридцать миллионов он даже не стал спорить, лишь покачал отрицательно головой, не поднимая глаз от закипающей кастрюльки, в которой варился суп из пакетика. Печь была газовая, бачок унитаза верхнего расположения, санузел совмещён с ванной. Балкона, естественно, нет.

Ольга быстро познакомилась с профессоршей, которая носила огромные очки с толстыми линзами, делавшими глаза очень большими и удивлёнными, казалось, она постоянно до чрезвычайности удивляется всему тому, что нынче её окружает. Но голос звучал громко, с ярко выраженными академическими интонациями лектора старой закалки. Она была чертовски уверена в себе и вертела своей небольшой семейкой, как младенец розовой погремушкой.

– Пить чай, будем пить чай с нашими гостями, – захлопала в ладоши профессор Голубкина.

– Мама, – поморщился старичок из Академгородка, у которого суп периодически убегал из маленькой синей кастрюльки и шипел, сгорая в газовом пламени, – скажите, пожалуйста, с чего вдруг такая спешка? Скоро будем обедать супчиком, тогда и чай попьём за одним.

– Да что ты понимаешь, Алёша, мама права, – подхватил задорным тенорком доцент Голубкин, – настало время пить чай с земляничным печеньем. Поверь, братец, твоё харчо от нас никуда не денется, а вот про печенье я так не скажу. У... – он погрозил насмешливо пальчиком в сторону жены. – Я голосую за чай, итак, считаем: два за, один против, всё, братцы-кролики, пьём чай с печеньем. Немедленно!

– За тридцать в Новосибирске даже гостинку не купишь, – мысля вслух, проговорился сын, зажигая вторую конфорку и ставя чайник.

– Я понимаю. Но здесь первый этаж, без балкона, к тому же потребуется очень большой ремонт, – Ольга задумалась. Старички смотрели на неё, как дети на воспитательницу, и ждали. – Ну, хорошо, ещё два миллиона под проценты смогу занять, итого получается тридцать два миллиона, и это

предел, больше – только душу закладывать, а кому она нужна по нынешним временам?

– Мы будем иметь вас в виду, дорогая, – сказала профессор Голубкина. – Лёша, прояви, пожалуйста, дружок, активность, накрой стол на пять персон. Кстати, у нас здесь в квартире есть ход в погреб – ещё целая комната в подвале. Дополнительные двадцать квадратных метров.

– Милая, я тебя поправлю, это раньше был погреб, а теперь мы пользуем его под помоечку, – перебил весёлый доцент Голубкин, ухватив из вазочки сразу два печенья, – до бака мне трудновато добираться, и вот, пожалуйста, получите рацпредложение: выбрасывать мусор в подвал через люк, очень, очень удобно. И лет несколько уже пользуем, из квартиры можно не выходить. Нет, конечно, тараканы – это факт, они бич современной цивилизации.

– Кеша, не надо перед чаем.

– Умолкаю, но весьма большое удобство, согласитесь.

Через десять минут все пили индийский чай с земляничным печеньем, которое старички таскали наперегонки, макали в чашки, уплетая за милую душу. Ольга достала из сумочки шоколадку, за что доцент Голубкин проществовал вокруг стола и торжественно поцеловал её в темя.

– Вы супруги? – спросила Голубкина, довольно равнодушно реагируя на действия мужа.

Не успел Виктор отрицательно помахать головой, как произошло удивительное действие.левой рукой Ольга сжала его запястье так, что он прикусил язык от невероятности происходящего волшебства, а правой отправилась путешествовать. Просунула ладонь ему подмышку, за ней, тесно прилегая к его руке и боку, заскользила вся её теплая, гладкая, голая рука, возбуждающе извиваясь, и она сама вся приблизилась, будто собираясь последовать следом за своей рукой, ладонь проплыла до бедра, подняв в нём температуру градусов на пять, а в конце пути более чем уютно и согревающе замерла на колене, как на своём исконно-законном месте, полностью парализуя левую конечность и одновременно открыв в мужской кровеносной системе скоротечную горячку, родственную малярийной.

– Э, нет... видите ли, дело в том, что... мы вместе работаем, и давно... если говорить откровенно... любим друг друга. Но у меня муж и сын, одним словом, семья, а у него ...

– ... жена и дочь, – подсказал Магницкий, – такая озорница, годика четыре, то есть, хочу сказать, моей дочери четыре с половиной года.

– Дети ни в коем случае не должны страдать, – грозно произнесла профессор Голубкина. – Алексей, ты знаешь что, дружок, иди-ка, голубчик мой, в ванную да постирай там пока, а мы тут ещё поговорим немного.

Джентльмен встал из-за стола и беспрекословно проследовал в ванную комнату, затворив за собой дверь.

– Конечно, – взволнованно продолжила Ольга, – само собой разумеется, мы не имеем права травмировать детей вплоть до... определённого возраста, когда они смогут уже понять... но и с собой ничего не в состоянии сделать. Понимаете, Галина Михайловна, это так горько, так унижительно – скитаться по чужим дачам...

Она посмотрела на Виктора укоризненно. Тот виновато заморгал ресничками, высвободил свою руку, приобнял её за спину, даже немного

ладошкой достал то место, где начинала вздыматься грудь, и погладил очень нежно.

Пришла пора щёлкать челюстью Ольге. Под действием приступа, схожего с малярийным, компаньон впал в полное блаженство и погладил ещё раз, как бы успокаивая бедняжку.

– Я вас отлично понимаю, – сказал ему лично доцент Голубкин.

– Приходится прятаться по разным углам, – продолжала нашёптывать профессорше Ольга, вытянув к ней шею.

Малярийный человек не смог отказать своему чувству и ласково поцеловал эту протянувшуюся мимо его носа шейку.

Ольга гневно взглянула.

– А он просто негодник, – директор фирмы с ненавистью ущипнула сотрудника за ногу, вдобавок изо всех сил стукнула по ней кулаком, – он всегда всё путает, в мае было так холодно, а этот человек повёз меня на дачу одного своего знакомого, мы зашли уже на территорию, потом в дом, дверь оказалась открытой, и он стал срывать с меня платье, и тут появились люди. Представляете, оказалось, этот идиот перепутал номер дачи.

– О! – воскликнул доцент Голубкин. – Это ещё что, вот я однажды перепутал этажи...

– Помолчи, Иннокентий, дай человеку высказать наболевшее, – с ужасным любопытством разглядывая гостей, произнесла профессорша. Её будто посыпанные белой мукой щёки приобрели розовый оттенок. Очки увеличили размер глаз до размера линз.

– Вы понимаете, – ещё более вытянув шею к ней, ещё приглушённой заговорила Ольга, – главное, окружающим известно, кроме, конечно, моего мужа и его вот жены, поэтому мы и хотели приобрести маленький уютный уголок, где могли бы любить друг друга, не опасаясь, что кто-то войдёт, кто-то увидит, где было бы уютно, тепло в конце концов, нам очень нужно это сейчас уже, ведь мы не слишком молодые люди.

– Знают, люди всё знают, – захихикал старичок, – а на партсобраниях вас не пропесочивали?

– Окстись, Иннокентий, какие нынче партсобrania, вечно ты всё путаешь. Не мешай. Рассказывайте, милочка, рассказывайте. Со мною вы можете быть абсолютно откровенны, мы с Иннокентием двадцать лет были в вашем положении, никто не поймёт вас лучше, чем я, поверьте старухе.

– Рассказывать можно до бесконечности. Вы думаете, что произошло после того, как нас застали люди в чужой даче?

– Да, да, очень интересно знать, как вывернулись? – залился мелким хохотком доцент Иннокентий.

– Никак не вывернулись, этот болван вытащил меня полуголую из дома за руку, мимо ошавевшей публики, только за оградой на дорожке смогла вырваться и натянуть платье, которое болталось на шее. И это ещё не всё! Когда вышли из садоводства в лес через калитку, потребовал немедленной сатисфакции, видите ли, если он не сделает этого сейчас же, в сию секунду, то у него потом неделю будет болеть, и припечатал к сосне, стоя, представляете? В конце концов свалил прямо на землю.

– Допустим, не на землю, а на плащ.

– Нет, вы на него посмотрите, плащ, – тоненькая тряпочка, снег только сошёл, подо мхом матёрый лёд. Из-за тебя простудилась, паразит, – и она

неожиданно ловко заехала Виктору кулаком в ухо. – А стоя у тебя не получается, знаешь, почему?

– Почему?

– Так-так, очень интересно...

– Потому что ниже ростом. Прыгает, прыгает, выбьется из силёнок, и начинает валить куда попало, в снег ли, в грязь ли, чтобы ему самому комфортнее было.

Магницкий окоченел на стуле, будто сам оказался сидящим на матёром льду. Значит, она держит у себя в голове, что он ниже её! И для неё это столь же существенно, как и для него. Вздыхнул, отодвинулся в сторону вместе со стулом. В сущности, рост не важен, не такой уж и пигмей, если на то пошло, за этим другое скрывается, и он теперь знает, что именно. Где-то внутри элитной женщины давным-давно сформировано определение Магницкого как чего-то неподходящего, несоответствующего. Весьма горько, очень-очень неприятно делать такие открытия после небольшого малярийного волшебства.

– Совершенно невоздержанный тип. Может, за это и люблю, – Дальская погладила коллегу по голове, – ишь, как взъерошился, значит, что-то опять не по нём. – На днях ездили на речку, я загорала, плавая на надувном матрасе, так он, представляете, напал на самом глубоком месте, где ямы и воронки, стащил с матраса...

Профессорша засопела в нос сифоном:

– И чем кончилось дело?

– А чем такие дела могут вообще кончаться: овладел, конечно, уже на мелководье, только успела дна ногами коснуться, тут как тут, на глазах, можно сказать, у всего пляжа, пока своего не добился – не успокоился. При многочисленных недостатках – очень настойчивый мужчина. А вода в реке ужас какая холодная, до сих пор поясницу колет.

– Молодец, – похвалил доцент Голубкин, – я сам такой был. А здоровье, братцы, надо беречь, чтобы надолго хватило.

– Мы двадцать чудных лет были любовниками, – проникновенным голосом поделилась Голубкина, – это самые прекрасные годы моей и его жизни, это я могу сказать даже сейчас, в возрасте девяноста пяти лет. Они дали мне такой заряд жизненной энергии, что я теперь живу, живу и не могу остановиться. Иннокентий, надеюсь, ты понимаешь, как им необходима наша, именно наша квартира? Алексей, поди сюда, я объявлю своё решение, слава богу, в нашей семье есть кому взять на себя бремя ответственности.

В комнату, вытирая пенные руки полотенцем, зашёл джентльмен в фартуке.

– Я продаю квартиру этим людям и только им за тридцать два миллиона рублей. Решение окончательное, обжалованию не подлежит. Документы оформляем немедленно. Зимой будем жить у вас дома, хватит нам одной маленькой комнаты, а сейчас до сентября на твоей даче на Обском море. Деньги переводим в доллары, они будут храниться у меня, после смерти разделишь меж внучками пополам.

– Мама, нам предлагали сорок миллионов!

– Что? Продать чучмекам с рынка? Чтобы они таскались здесь каждый день со своими гнилыми ящиками и грязными мешками, а соседи, с которыми я прожила бок о бок сорок лет, проклинали меня каждый раз, а мне потом там на твоём взморье икалось? Ни в коем случае. Здесь будут жить эти милые люди. Сначала появляться изредка, а потом, даст бог, съедутся

навсегда. Бог велит нам любить друг друга, любовь – это главное в жизни, но, к сожалению, не для всех.

Ольга бросилась ковать железо, пока горячо, тут же вручила задаток пять миллионов, профессор Голубкина написала расписку в получении и, напоследок поцеловав его спутницу, сказала, что давно не видывала таких приятных и милых людей, как они.

– Что такой задумчивый? – спросила Ольга после продолжительного молчания, когда уже ехали на машине в паспортный стол с домовой книгой выписывать клиентов. (Хлопоты по оформлению они препоручили им.)

– Ничего. Просто думаю, отдали бы они квартиру за двадцать пять миллионов, если бы мы совершили половой акт прямо перед ними на столе, или не отдали?

– Глупости. Мы делали своё дело, ты мне неплохо подыграл. Если всё пройдёт нормально, срочно переводим хрущёвку в нежилое помещение и продаём под магазин за пятьдесят – пятьдесят пять миллионов рублей. Никакого евроремонта делать не будем, просто наймём божжей вычистить подвал, помоем, сами наклеим обои, покрасим и продадим. Сами, с тобой, вдвоём. Продадим за пятьдесят – получишь миллион, за пятьдесят пять – два миллиона. Вот и все дела. Поэтому придётся играть пока театр двух актёров, это не самое неприятное в жизни занятие, но если тебе совсем не по душе, уходи, я найду кого-нибудь другого. Мне отступать некуда, бороться за существование надо. И вот ещё что, всё-таки интересуется один вопрос: тогда на речке ты с какой целью напал? Хотя нет, скажи другое: ты планировал нападение, или действовал под сиюминутным порывом?

– Какое там, так, шутка, не плановая, но и не сиюминутная.

– Ясно. Надеешься на случай: повезёт – отлично, не повезет – ничего страшного? Так дело не пойдёт. В нашем положении нужно изначально планировать, на что будем ставить. Ладно, сейчас едем проверять чистоту квартиры по прописке в паспортном столе, не дай бог, там какой-нибудь внучатый племянник числится несовершеннолетний, затем мчимся в БТИ, заказываем справку на продажу. Пусть оформляют за три часа, я достаю недостающую сумму, курирую старичков, боюсь, у обоих старческий склероз и к завтрашнему утру всё позабудут про нас с тобой, придётся рассказывать им новые истории про Витю и Олю.

– Очень не увлекайся, а то переволнуются да помрут, прости господи.

– Не беспокойся, хочешь хорошую новость? Клиенты-покупатели на квартиру у меня уже есть, даже двое, сведу их вместе, устрою как бы случайный аукцион, пусть состязаются между собой, но это всё впереди.

34.

Через два дня квартира опустела. Через неделю, когда в саду Магницкого по-настоящему созрела черёмуха, чёрные кисти которой призывно смотрелись по утрам на солнечном зелёном фоне, Ольга перевела купленную квартиру в нежилое помещение, и продала под магазин за пятьдесят пять миллионов. «Хорошо, но мало», – сказала она, выдавая из сейфа обещанную зарплату. Лично ему мало не показалось.

– Есть заказ на большую трёхкомнатную квартиру на первом этаже в бойком месте, лучше в шумном центре, на каком-нибудь проспекте, – поставила директор очередную задачу.

– Это минимум восемьдесят миллионов, скорее даже, восемьдесят пять, причём самая простенькая «хрущёвка».

– Покупать будем сразу на деньги клиента, по доверенности. Поэтому ищи, ищи и ещё раз ищи, на работе можешь не показываться, пока не найдёшь. Естественно, окна должны выходить на улицу, потому что это будет мини-супермаркет.

Воодушевлённый размером полученной заработной платы, Магницкий энергично устремился на поиски. Дела его не просто поправились, они резко пошли в гору. Главное, удалось достать шифера, нанять двух рабочих, перекрывших крышу под бдительным надзором Иринки. Кроме того, он купил бежевый летний костюм, вроде того, что имел приятный молодой человек с ямочками, пару рубашек, а также модные светлые туфли на толстой подошве, в которых рост увеличивается сразу на два сантиметра.

Тем самым окончательно приобрёл вид respectable сотрудника солидной риэлтерской фирмы «Информ-Бюро»: коммуникабельного, доброжелательного человека, в доме которого не протекает крыша, и потому не надо в каждый паршивый дождик нервничать, бросать все дела да мчаться сломя голову на чердак к своим ржавым тазикам.

Однако против Стефана, взявшего за правило являться к ним на работу почти ежедневно, будто тоже устроился сотрудником, эти очевидные достоинства оказались не аргументом. Новозеландец приходил в потёртых джинсах, прежней своей клетчатой рубашке, несмотря на жару, с маленьким рюкзачком на спине.

Зато уверенность в себе имеет феноменальную: мог часами без перерыва рассказывать о Новой Зеландии, не давая никому рта раскрыть, при этом про работу свою не слишком распространялся, утверждая, что, как и Альберт Эйнштейн, мелкий клерк в патентном бюро.

Как-то Ольга попросила его помочь оформить Сане Деревянкину изобретение, но Стефан отказался, сказав, что в информационных науках не профессионал, если бы дело касалось физики, как в случае с Жарковым, тогда бы конечно помог, без проблем.

Виктор с грустью заметил, что с приходом Стефана у Ольги изменилась походка. Как и в случае с Солнышком. Но Солнышко – можно сказать, гений, светлый человек, к тому же очень высокого роста. К нему и ревновать неловко, потому что сам он ни с кем не заигрывает, реверансов не делает. Просто, когда рассекает пространство, смотрит вперёд с таким воодушевлением, будто видит со своей двухметровой высоты вдали некую потрясающе интересную картину. Тут любая женщина инстинктивно начинает перебирать ногами в том же направлении. Обаяние большой личности, ничего не попишешь.

Про Стефана не скажешь, что перед вами большая личность. Наоборот: неприметен, обыкновенен до заурядности, улыбчив, как деревенский дурачок. И, тем не менее, каждый раз при его появлении Ольга делается такая оживлённая за столом, такая оживлённая, что поневоле, даже при всём викторовом к ней расположении, всё-таки становится противно видеть её и слышать.

Жаль, очень жаль. Более того, горько и обидно.

Виктор перестал являться на работу даже в обеденный перерыв. Во-первых, у него есть круглосуточное спецзадание поиска квартиры, во-вторых, не пора ли отойти в тень: всё, что мог сделать воспитанный и приличный

мужчина его лет, он уже совершил. Тем более, что воспитан мужчина не где-нибудь, а в детском доме имени Н. К. Крупской. Очень мало выдержки, так и хочется заехать в глаз будущему коллеге Стефану, хотя ничего плохого тот вроде бы не делает, улыбается да шутит, веселя Ольгу Дальскую. Вместе с тем, Новая Зеландия в качестве территории для будущей жизни становится день ото дня всё менее привлекательной, если населена она такими вот весёлыми, разговорчивыми парнями вроде Стефана.

35.

Что за жёлтое пятно нависло над его маленьким домиком?

Здоровенный экскаватор встал на отдых прямо на газоне, подмяв под себя кусты калины, сирень, черёмухи, которые Виктор высадил по весне перед домом. Бегал поливать их по утрам, как идиот, лелеял, чтобы они принялись, не засохли. Зелёные веточки жалобно-прощально выглядывали из-под огромных гусеничных траков.

Кулаки Магницкого непроизвольно сжались: кругом детдом! Каждый божий день кто-нибудь да наезжает, каждый день давят, каждый день надо драться, чтобы выжить. Думал, тут-то, в собственном уголке, заживёт жизнью спокойной, размеренной, мещанской, с газетой и телевизором. Как бы не так! И здесь продолжается бой, и сердце забилося в груди, и Ленин такой молодой... Всё. Убью гада подколодного. Решено. Заколебали, сволочи!

Чуть не въехав от ярости в столб собственных ворот, схватил монтировку и в самом решительном настроении кинулся к экскаватору.

В ближайшем рассмотрении картина предстала на редкость идилическая. В огромной жёлтой кабине дремал махонький мужичонка. Развесив грязные порты на раскалённых скобах своей громыхалки, он преспокойно отдыхал.

Магницкий сходу впрыгнул на гусеницу, чтобы разглядеть поближе красное щетинистое лицо, белую незагорелую шею с грязными потными морщинами, и подумал вдруг: «Отоварить гада прямо сейчас? Улица пустынная, никто даже не заметит...». Оглянулся и увидел Анжелику, ходившую у тополей, застенчиво поглядывавшую в его сторону.

Свидетельница. Чего смотрит?

«Ах да, я же ей обещал купить конфет и забыл, бессовестный».

Но порыв надо было куда-то расхोждать. Изо всех сил трахнул по кабине монтировкой, заорал что есть мочи прямо в ухо:

– За рулём спишь, зараза? Аварию устроил!

Мужичонка уставился снизу вверх, протирая испуганные глаза: «Чего? Какая авария?».

– Детей задавил, подлец! Под суд пойдёшь. Сидеть! Вызываю милицию.

– Не надо милиции. Постой... я же того... на месте стою.

– Не на месте, на клумбе ты стоишь, подонок, на кустах, мною посаженных.

– А, ты про это? – сразу как-то успокоился и даже зевнул экскаваторщик. – Не расстраивайся, плановый ремонт теплотрассы начался. И тротуар снесём, и старую теплотрассу с трубой и лотками заодно, и газон. Посмотри, какая ширина ковша. Всё равно этих кустов сегодня уже не будет.

– За каким чёртом такого бронтозавра посылать на ремонт, если можно «Беларусем» обойтись?

– Какая техника есть в наличии, такую и ставят. «Беларусем» долго ковыряться, а мой змей как начнёт долбить – никому мало не покажется. Зря ты меня разбудил. Я сон не досмотрел.

– Нет, зачем надо всё рушить? Газон уничтожить? Под ним нет теплотрассы. Что за идиотизм?

– Слушай, мне сказали начинать с этого места, здесь сгрузили, я здесь и начну, а ты, если интересуешься, звони в мэрию. – Мужичонка снял порты, начал их наматывать под сапоги. – Чего народ расстраивается? Не понимаю. Сначала письма пишут – теплотрасса прохудилась, бежит. Ладно, деньги нашли, ремонт начали – опять плохо. Заелись людишки вконец, не знают, что им надо.

– Да уж чего хорошего, когда таким танком рядом с домом теплотрассу рушить начнёшь. Пойдём, Анжелика, отсюда, у меня для тебя что-то есть.

– Вкусное?

– Интересное.

– А что?

– Секретик. Подожди, машину заведу во двор.

Он открыл ворота, сел в машину.

– Слышишь, мужик, – крикнул из кабины экскаваторщик, – ты учти, я сегодня здесь пророю траншею, уже больше не сможешь выехать.

– Надолго?

– Что?

– Надолго твоя траншея?

– К зиме зароят.

Напрасно не прибил гада. Теперь придётся на стоянку ехать, платить немалые деньги. Отогнал на другую сторону дороги, напротив дома, переоделся и достал с чердака игрушечную мебель: диванчики, столы, шкаф, трюмо с настоящим зеркалом, стульчики и прочие изумительные вещи, которые давно привлекали взгляд, но по-настоящему смог восхититься ими только теперь, глазами Анжелики.

– Ах! – воскликнула она, увидев содержимое корзины. – Ну ни фига себе!

– Возьми тряпку, пыль вытрешь. Не вздумай мочить, мебель из фанеры делают, от воды она портится, поняла?

– Поняла.

– Если хочешь, можешь забрать домой.

Анжелика отрицательно качнула головой:

– Стыбзят.

– Ладно, играй здесь, или в саду, когда захочешь.

При виде счастливого ребёнка Виктор замурлыкал себе под нос песенку из школьного детства, которую два года подряд разучивали на уроках пения: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля».

– Анжелика, знаешь, как будет по-немецки «спасибо»?

– Нет.

– Данке шён.

– Данке шён.

– Зачем привёл сюда грязнулю? Вечно насобирает каких-нибудь... всяких и приводит, – Иринка вышла на крыльцо.

– Помолчи. Сейчас занимаюсь с Анжеликой, потом оформлю отношения с тобой.

– Что? – глаза Иринки округлились. – Мы оформим отношения? Сегодня?

– Сегодня, сегодня. Никуда не уходи.

– Да уж не уйду, само собой.

– И запомни: её зовут Анжелика.

– Её? Машка её зовут. Маша-замараша, – высунула Машке язык. Та ответила.

– Это в миру она Машка. А здесь Анжелика – маркиза ангелов.

– О, господи исусе, да пусть хоть графиня, мне-то какая разница?

Анжелика вытирала пыль с игрушечных стульчиков, аккуратно расставляла на крыльце. Не поднимая глаз и сидя к нему спиной, вдруг сказала:

– Иринка – шалашовка, ты на ней не женись.

...просыпается с рассветом вся красавица-Москва, – спел от неожиданности вслух. – Будешь пшённую кашу?

– Нет, Иринкину не буду.

– Других нет. Данке шён?

– Данке шён. Ты мне сюда вынеси, на крылечко.

– На крыльце каша для Джинки всегда стынет. Она выть начнёт от горя, подумает, что ты её кашу трескаешь. Пойдём за стол кушать. Людям надо за столом есть. Правило такое.

Иринка молча поставила на стол третью тарелку, и благородное семейство в полном составе приступило к ужину.

Как раз в это время, приставив ладонь ко лбу, некая физиономия с улицы пыталась разглядеть сквозь древнее стекло, кто есть в доме. Эскаваторщик. Завидев семейку за ужином, вежливо, ногтем постучал по стеклу.

Отражения в зеркале буфета и в его зрачках были одинаково почтенны, Виктор благодарно взглянул на Анжелику. Если бы не девочка, зрачки мужичонки были сейчас покрыты тусклой плёнкой, а ему пришлось искать пятый угол в собственном доме. Отражение показывало меж тем вполне достойного отца семейства с образцово-показательной молоденькой женой и славным белокурым ангелочком в грязноватом стареньком платице.

Отображение сентиментальное и торжественное одновременно, какое всегда нравилось Виктору. Магницкий неторопливо встал, сделал несколько шагов к окну, раскрыл створки.

– В чём дело?

– Сейчас начинаю долбиться. Мне только что позвонили, – в доказательство достал из замасленной робы сотовый телефон.

– Начинай, если у тебя приказ мэрии работать после окончания рабочего дня, нам-то что.

– Так это... Желательно вам того... покинуть помещение, дом старый, как бы чего не вышло, как бы крыша не поехала. Хотя бы в начале работы...

– Никуда мы не уйдём, это первое, а второе – если хоть что-нибудь случится, я тебя уничтожу вот этими руками, можешь даже не пробовать убежать, – и закрыл окно.

Возможно, эскаваторщик пытался быть осторожным в меру своей квалификации, но от первого удара ковша по асфальту дом подскочил, как игрушечный.

Виктор мигом понял, что был не прав.

– Девушки, перенесём ужин в сад.

– Даже не подумаю, – сказала Иринка, – была бы граната, я бы этого фашиста подорвала.

– Не болтай при детях ерунды, мэрия проводит плановый ремонт теплотрассы.

– А у меня завтра день рождения, – поделилась Анжелика.

– Сколько лет тебе будет?

Она показала четыре пальца.

– Совсем взрослая девушка. Дай-ка мы тебя померяем, какая ты большая. – Виктор взял портновский метр, смерил рост, ширину плеч. Дом сотрясаясь от рёва техники, но все продолжали делать вид, что ничего не слышат.

Подав чай с булочками, Иринка поинтересовалась:

– Когда будем оформлять наши отношения?

– Можно прямо сейчас, – он переложил в левую руку ложку, в правую взял авторучку и написал сверху листка: «Договор», под этим заголовком другой, в скобках: «Трудовое соглашение».

– С сегодняшнего дня беру тебя в... экономки. За проживание в доме должна будешь оказывать следующие услуги, как-то: варить Джинке еду и кормить её, кроме того, покупать ей кости на рынке, а нам мяса. Мне варить не обязана, но можешь, если захочешь, а также, если захочешь, будешь выполнять разовые поручения, которые назовём общественными. Заметь, я всё это записываю. Разовые поручения, например, вызов мастера для починки холодильника. Я вызову на завтра, ты сможешь подождать?

– Смогу.

– Вот и отлично. Деньги оставлю, пусть выпишет квитанцию.

– Тоже мне отношения, – процедила Иринка презрительно.

– Вполне нормальные, на взаимно выгодных условиях. Они уже существуют, а теперь мы их упорядочили. Да, совсем забыл, можешь со мной вместе питаться, но если приходят гости – попрошу в компанию не лезть, и особенно – не обнажаться. Это я тоже записываю. Так, и называть меня отныне будешь Виктор Фёдорович. Вот, пожалуй, и всё. Подпиши.

– Не подпишу.

– Ладно, оставим договорённость на устном уровне.

– Согласна?

– Согласна.

– А с Анжеликой вашей тоже будете договор оформлять? Может, вы её, Виктор Фёдорович, удочерить собрались? Так у неё бабка имеется. И мамаша где-то блукает.

– На этот счёт не твоя печаль.

– Так вы здесь детский дом откроете имени Патриса Лумумбы.

– Детского дома здесь не будет, можешь быть уверена. Это моя частная собственность.

– А чего испугались так? Вот женитесь, народите побольше ребятишек и будете их воспитывать: «Данке шён». Жена вам нужна, Виктор Фёдорович, чего вы меня в экономки записали? Возьмите лучше в жёны!

– Так, ещё один пункт дополнительный записываю: экономка не должна препираться с хозяином в делах, не касающихся её служебных обязанностей.

– Посуду мыть сами будете. Я лично не собираюсь тут за всякими мыть их грязные тарелки и чашки, мыла, как дура, после пикника, хватит!

– Отлично, но уборка квартиры, как-то: вытирание пыли и мытьё полов остаётся на тебе.

– Ни черта себе, а сам что делать будешь?

– Что все уважающие себя мужчины делают по вечерам? Включу телевизор, лягу с газетой и буду культурно отдыхать.

– Хоть бы на вас бревно какое рухнуло, что ли.... не зря Савраскина зовёт эксплуататором трудового народа.

Зазвонил телефон, и сквозь рёв землечерпательной техники расслышал знакомый голос:

– Что, не надумал продавать домишко? Уже разрыли кругом? Ай-яй-яй, какая жалость. Значит, цена упала. Почему? Потому, что отопление теперь не скоро сделают, вот почему. Не раньше декабря, там трубы очень ветхие оказались, а с трубами нынче в городе большая заминка, труб такого диаметра нет, вот в чём дело. С финансированием закавыка случилась: не платит народ коммунальные платежи, хоть тресни, разболтались окончательно. Раскопают сегодня, и до самого ноября никто ничего делать больше не будет. У нас ведь так. Кто же купит домик без отопления? Остаётся заготавливать дрова прямо на огороде. Кстати, отопление в дом проведено незаконно, без согласования со всеми инстанциями, теперь, чтобы подключили, надо всё снова согласовывать. Упал в цене домик неимоверно, но я человек жалостливый, миллионов за двадцать, пожалуй, куплю, если поспешишь. Такая хорошая цена исключительно из-за новой крыши. Но и крыша может испортиться в один прекрасный день. Думай быстрее, пока я добрый.

– Ж-жж-ж-жжжж!!!

– Что это?

– Пчела летит, слышите? Цапнет в язык, и взятки гладки – смерть от удушья. Кому тогда достанутся ваши деревянные магазины, думали на эту тему? Нет? Пишите срочно завещание.

– Заколебали, – сказала Иринка, – копают и копают, роют и роют, весь город разрыли, пройти человеку негде.

36.

Никакого полнолуния за окном не наблюдалось, не было вообще никакой луны на небе, и, стало быть, голубого сияния, известным образом действующего на гиперэмоциональных людей.

Шёл холодный проливной дождь.

Но тело само, лунатически выскользнуло из постели и заходило в кромешной тьме комнаты быстрым нервным шагом. Вполне крепкие половицы прогибались, будто он стал весить килограммов на пятьдесят больше обычного. Казалось, вместо крови по венам носится кипящая ртуть. Сил ощущается под стать весу: впору раскорчевать сад от старых черёмух или, смеха ради, разнести собственный дом по брёвнышкам.

Простейший способ побороть вождление – поддаться ему, но пока мозги ещё хоть чуть-чуть соображают, предпочтительней обойтись тяжёлым сизифовым трудом.

В одну секунду слетел пушинкой с рояля телевизор. Поднят, поставлен на бок и прислонён к бревенчатой стене сам инструмент. Задрал рояль кверху три ноги, поблёскивают в черноте медными колёсиками. Раскатать, что ли, дом по брёвнышкам?

Тихонько, чтобы не разбудить Иринку, спавшую в столовой на маленьком диванчике, на цыпочках двинулся к выходу, как вдруг прямо в мозг ударила молния.

Вот же она, рядом, не надо никуда ходить, мокнуть под дождём, разыскивать того, не знаю кого!

Рванул одеяло, и не столько увидел, сколько догадался о контурах свернувшегося калачиком тела – колени поджаты к самому подбородку.

Диванчик мал даже Иринке.

Желание существовало само по себе, отдельно, Иринка отдельно, Магницкий ждал, когда они сольются воедино, однако этого не произошло: еле уловимый запах пелёночного детства, запах скисшего и сгоревшего молока щекотали ноздри, запах детского... детского дома оттолкнул, отрезвил. Там всегда пахло то скисшим, то подгоревшим молоком, всё до основания им пропитано: столовая, спальни, зал, классы, подушка. Запах детства. Противнейший из всех известных запахов. Он с ненавистью бросил одеяло обратно и выбежал из дома.

Сила животного позволяет скакать длинными затяжными прыжками. Открыв калитку, совершил один такой, целясь угодить на середину толстенной доски, переброшенной через траншею. Доска не выдержала, кратко треснув под весом самца гориллы, с вечера бывшего Виктором Магницким, разломилась пополам, он рухнул вниз, на дно ямы с водой, взревев на прощание профессором Лебемянским:

– Я убью тебя, лодочник!!!

Выбраться на уличную сторону оказалось невозможно из-за гор раскисшей под дождём глины, насыпанных вплотную к канаве. Пришлось вернуться. Продрался через сад, перескочил соседский забор, ринулся напролом сквозь темноту и дождь по улицам. Вопрос: «куда?» не существовал, – конечно, в общежитие.

Входная дверь, естественно, в это время закрыта. Через окно первого этажа видно, что вахта пустует, колотиться бесполезно, можно получить с верхних этажей бутылкой по голове.

Обежал здание, в темноте легко заскочил на хрупкий бетонный козырёк над запасным входом, собрал все силы и, выбросив руки вверх, прыгнул туда, где еле виднелась пожарная лестница, уцепился за последнюю ступеньку и подтянулся.

В такие минуты сам себе напоминал рыбу, с неукротимой энергией идущую на нерест. Ничто не сможет остановить или сбить с пути, ни высокие перекаты, ни сети, куда попадают десятки и тысячи, ни толпы людей с острогами, которые тоже хотят кушать, ни медвежьи лапы. Главное – добраться до верховий ручьёв, туда, где сам родился, чтобы исполнить главную свою жизненную миссию.

После чего, не откладывая в долгий ящик, скромненько, по-быстрому скончаться на родной отмели в расцвете лет, с сознанием честно исполненного долга, не требуя ни наград, ни пенсии по старости, ни благодарности потомков.

Дальше совсем легко. По краю крыши балансируем до слухового окна, стёклышко в нём отсутствует, не он один такой умный, отвёл щеколду, створки распахнулись. Скользнул в пыльную теплоту чердака, с удовольствием ощущая, что неплохо видит в кромешной тьме. Открыл люк на площадку верхнего этажа, лесенка здесь не предусмотрена, спланировал мягко, как на крыльях.

Дымится забытая кем-то сигарета.

Выждав пару минут в напряжённой тишине, ощущая, как стекает на пол вода, тихо пробрался на пятый этаж.

Она стояла у двери с книгой, читая в свете неоновой лампы, моргающей прямо над головой.

Размокшие от воды и грязи кроссовки предательски чавкают. Последние метры двигался на носочках мелкими па, словно худосочная балерина из кордебалета, скользя по стеночке, чтобы не выдать себя ни тенью, ни шорохом.

Нина вздохнула, перевернув страницу. Магницкий замер в полутора метрах за её спиной. Настал решительный момент. Уже целую минуту приходится жить не дыша. Воздух распирает рёбра.

Прыжок, взметнул, легко бросил на плечо. Книжка ударяется о стену, летит на пол хорошо пасованным мячом, кроссовка бьёт затрёпанный библиотечный роман, закручивает, и страницы рассыпаются веером с тихим шелестом, устилая пол. На каждой нежный шёпот, лобзания, трели соловья.

Нинка колотит по спине кулаками, взбрыкивает, визжит так, что местные жители натягивают одеяла на уши, переворачиваются на другой бок, незлобиво чертыхаясь.

Поздно. Похититель уже мчится вниз по лестнице, прижимая напрягшиеся коленки к груди, как дар небес, единственное в мире средство от ночного помутнения разума. В его мощных лапах находится живое, самое действенное и бесценное лекарство, какое только существует в стенах общежитской аптеки.

На середине пути Нинка утихла: то ли не хочет, чтобы кто-то вычислил траекторию их грехопадения в подвальные тартарары, то ли просто боится прищемить язык, потому что каждый лестничный пролёт преодолевается одним затычным обезьяньим прыжком, и каждый раз её голова с размаху крепко стучается о его позвоночник.

Лестница заканчивается небольшой подвальной комнаткой перед дверью в камеру хранения. Сюда сносят со всего общежития поломанные стулья, спинки от кроватей, ножки столов, прочую негодную рухлядь.

Здесь нет свободного места и нечем дышать. Он бесцеремонно бросил ношу с плеча куда-то вниз, всё равно куда. В маленькой кубической комнатке с низким потолком поднялась бешеная кутерьма, изломанные вещи взмыли в воздух, начали летать вокруг них, носиться, ударяясь в стены, с треском разламываясь при столкновении друг с другом. Глаза видят в фиолетово-синем мраке фосфоресцирующие траектории их движения. Визг, стенания, вопли о помощи и рычание – всё смешалось в звуках авангардистской какофонии.

Нина царапается и кусается дикой кошкой, пока он не овладел её шеей. Горло твердеет, вытягивается, изгибаясь во все стороны, будто она хочет выскочить из собственного тела, и только вскрикивает удивлённо, когда он обрушивается сверху всей своей гигантской ртутной массой.

Где-то далеко, возможно, даже за подвальной металлической дверью, или на улице под дождём, со скоростью сто двадцать ударов в минуту механический пресс обрабатывает раскалённую металлическую болванку, зажатую в клещи, не обращая внимания на плевки раскалёнными искрами.

Виктор почти совсем его не слышит, лишь догадывается о существовании по сотрясению бетонного пола, ему не до того, главное – удержать страшно извивающуюся шею. Фиолетовая темнота расцветает багровыми пятнами.

Шея ещё более удлиняется, растёт из-под пальцев, плотно её обжимающих, тестовым жгутом, становясь невероятной, нечеловеческой длины. При этом жутко пульсирует, делается мокрой, пальцы скользят по ней, срыгаются, стекает на пол горячий пот.

Внезапно она перестаёт царапаться, замирает, становясь каменной перед завершающей агонией. Пальцы инстинктивно усиливают хватку, боясь того, что сейчас произойдёт, молот грохочет где-то совсем в другой вселенной, плюща остывшую до синевы болванку в тончайшую фольгу, мелко стучат стиснутые зубы.

В ушах зажурчала вода, как при длительном плавании на спине без шапочки.

Чернота резко сменилась солнцем в зените, бьющим в зрачок. Никаких звуков, кроме журчания да бесшумного звона раскалённого, подрагивающего светила, готового к взрыву сверхновой. От солнца взгляд прыгает на белое небо, опускается, опускается, и наконец делается понятной общая картина.

Он стоит на краю гигантской плотины. Слева стометровая пропасть. Водохранилище справа переполнено, ровная водная гладь блестит бесконечным многокилометровым зеркалом, забыли открыть шлюзы? Вода поднялась до верха плотины, на его глазах прозрачные струи начинают переливаться через край, прохладно щекоча ступни.

Тихо, спокойно, ни ветерка, лучи солнца ослепительны, лишь вкрадчивое журчание в ушах сопряжено с предчувствием конца света. В подтверждение которому огромная бетонная стена плотины нехотя дрогнула под ногами, пошатнулась всем огромным живым туловищем сразу, и накопленная масса воды начала крушить устои – бетонные глыбы, камни, блоки, как при замедленной съёмке, рушатся вниз, в бездонную черноту пропасти.

Не умереть невозможно. Предчувствие этого вызывает на лице предсмертную атаквистическую гримасу страдания. Сейчас он распадётся на составляющие.

Шум мощного прилива бьёт по вискам, будто гигантская волна рушится на дно пропасти. Обломки вещей, со свистом летавшие в воздухе, наконец-то разом упали на обессиленные тела, добывая уже уничтоженных.

Празднуя освобождение от заклития госпожи природы, вновь оказался в густом, непроницаемом, будто переваренное варенье, мраке, ничего не видя вокруг, с головой в сломанном табурете, отброшен к грязной стене, валяется среди мусора и окурков.

– Ты меня чуть не задушил, – хрипит Нина откуда-то близко из гуталиновой черноты, ища и находя его руку, – мы, наверное, всех разбудили сегодня. Как бы милицию не вызвали.

В ушах продолжают взрываться китайские петарды, приходится открыть рот, чтобы не лопнули барабанные перепонки, и так валяться зевакой-карасём, ничего ей не отвечая.

– Не могу встать, – констатирует Нина скорее удивлённо, чем жалобно.

Девятый вал накатывал, накатывал, накатывал и через мгновение ударил. Его подняло высоко, выкинуло ничтожным обломком кораблекрушения на ступеньки лестницы. В левом полушарии удовлетворённо мерцали большие новогодние звёзды, в правом шаркали чьи-то шлёпанцы.

– Комендантша идёт, надо сматываться...

В отличие от лосося, которому позволительно с чувством исполненного долга повалиться при смерти, ему в данную минуту необходимо найти возможность доставить подругу обратно на пятый этаж, такое случается иногда.

Взвалив после нескольких неудачных попыток груз на спину, согнувшись в три погибели, Магницкий забухал по ступеням, будто пьяный матрос, который тащит из трюма бочку рома на верхнюю палубу.

На обратном пути груз не производил впечатления бесценного дара небес, как прежде, при падении вниз. Своей свинцовой тяжестью лишь повествуя о существовании некоего жизненного бремени, ежедневно и незаметно давящего на плечи ответственных граждан десятикилометровым столбом атмосферного воздуха: семья, дети, дом, работа, и вдобавок мичуринский по выходным.

И это называется жизнь?

37.

Единственной компенсацией всем тяготам реального жизненного бремени является предсмертный сон золотой.

Даже не сон – безмятежный полёт в пространстве, без времени и боли. Плавание в облачном тумане, исполненном дневного, яркого света, с открытыми глазами. Месторасположение солнца остаётся никому не известным, и это никого здесь не смущает, так как любая точка вокруг буквально сочится млечным светом, на который приятно смотреть, вселенная истекает им, и ничего больше нет, кроме ярко-белого тумана, вселяющего в душу радость, восхищение, восторг. И ничего больше не надо.

Ниже виднеется зеленоватая, ласковая речная гладь.

Он скользил над поверхностью, свесив правую ногу, чувствуя пяткой водную прохладу и даже брызги. Полёт продолжается: плавный, ровный, бесконечный во времени. Звуки отсутствуют; только радость, нескончаемый свет и движение, что может быть лучше?

До некоторого мгновения видел далеко внизу свою тоненькую, жизнерадостно болтающуюся ножонку, будто в перевёрнутый бинокль, потом вдруг перестал замечать, и с этим исчезновением сделалось ещё легче. «Как здорово! Надо освободиться от всего», – пошевелил пальцами другой, уже невидимой ноги, предчувствуя, что сейчас и её не станет.

Отчего приятнейшая невесомость тела возрастет, он поднимется выше, зелёная прохладная гладь перестанет мелькать бликами, станет еле видной где-то далеко-далеко внизу, лишь изредка появляясь фоном за разорванными простынями светящегося тумана. Так и случилось. Далее без колебаний произошло прекрасное освобождение от рук, которые не нужны здесь. Со

слезами на глазах он радовался своему освобождённому полёту в лучезарном пространстве.

Вдруг тишина окончилась. Зазвучала долгожданная, громкая, прощальная музыка, никогда раньше в жизни не слышанная, но ставшая необходимой именно сейчас. «Вот, вот наконец-то настоящее!», – подумал восхищённо, понимая, что всегда хотел слышать только её, а в том мире звучало непременно что-то другое, немного, чуть-чуть отличное.

Человеческий разум не в состоянии создать столь благословенную возносящую мелодию, и как хорошо, что она звучит именно теперь, такая от неё новая невесомая лёгкость, несущая уже беспредельное наивысшее счастье!

– Этот что здесь делает? – дисгармонией прекрасному по-хозяйски загрохотал неведомо откуда взявшийся Жарков, вызвав в Магницком или том немногом, что от него осталось, испуг и смятение. – Гнать взашей, кобеля паршивого!

– Какой козёл радио на всю катушку включает, когда люди спят? – вдобавок к Жаркову возмутилась, кажется, прямо над ухом почему-то Иринка.

Сквозь веки проникал свет, сообщавший, что на дворе если не полдень, то никак не ночь, но, чтобы убедиться в том окончательно, надо раскрыть глаза, а вот на это как раз и не хватало сил. Прямо с небес он рухнул на доски, в полной мере ощущая разбитое тело со всеми его недостатками, пребывая в состоянии безмерной слабости.

«Вот народ! Вот черти завистливые, и почему всем страшно не нравится, когда человеку хорошо?»

Послышалось шлёпанье босых ног по полу, Иринка вбежала в комнату, выключив на подоконнике внезапно оживший радиоприёмник. Небесная музыка умерла. Он хотел зло выругаться, но издал жалобный стон не умершего животного, с которое горе-охотники содрали шкуру. Глаза открылись сами собой.

Иринка, в чём мать родила, запрыгнула на него сверху всадницей, упёршись руками в грудь:

– Где по ночам шастаешь, старый козёл, когда рядом есть молодая и красивая? – цепко начала прогуливаться по костям остренькими коленками и кулачками, пытаясь потрясать грудками, подобно тому, как делают народные артистки цыганского театра «Ромэн» на концерте в День милиции.

Однако самец горбуши, проделавший свой последний путь и завершивший жизненный цикл в верховьях родного ручья, смотрел на происходящее рыбьим взором постороннего существа, не пригодного к межвидовому скрещиванию. Сил хватило отвернуться, перевалив голову на подушке, но и тут взору предстало укоряющее зрелище – возле стены задрал копыта вверх перевёрнутый рояль.

Виктор испустил дух:

– Ох... грехи наши тяжкие.

Ирину мировой скорбью не проймёшь.

– Зачем одеяло сдёргивал, внух мерзкий? К чему девушку зря испугал, я тебя спрашиваю, импотент несчастный?

«Тридцать два плюс двадцать имеем пятьдесят два, ни больше ни меньше, плюс радикулит, остеохондроз и боли в сердце. Десять плюс двадцать – только тридцать девять – самый пик женских потребностей в простом человеческом счастье, если он правильно понимает данное словосочетание. Вот как, значит, выглядит утро лет этак через двадцать, если

иметь глупость на ней жениться: жаро-воспалительный танец острых коленок на аденоме простаты».

– А ну-ка, посмотрим, – резко сдёрнула одеяло. – Тебя что, медведь подрал? Ни фига себе, девочки, это как называется? – перевернула на бок сильным рывком, будто мешок с отрубями, и тут же кинула обратно. – Обладеть, натуральное гестапо, с тебя специально кожу снимали? Мазохист, что ли? Так сказал бы...

– Пахнешь молочной кухней.

Иринка перестала скакать по нему, задирает руки вверх, демонстрируя стойкость грудок и мускулистый живот, спрыгнула с кровати, бросив: «Скотина полосатая», удалилась, усиленно мельтеша ягодницами, как спортсмен-ходок на длинную дистанцию.

Закрыв веки, продолжил плаванье в тёплом спокойном море на надувном матрасике под лучами нежного бархатного солнца. Приятная истома абсолютной усталости наполняла тело, в котором не осталось ни костей, ни мускулов, одно сплошное умиротворённое понимание радости земного притяжения и дремотное странствие в лучах блаженства. Именно так сладко умирает лосось, а несчастный человек доживает зачем-то до глубокой старости, долго мучаясь от собственного маразма и рака кишечника.

Всё утро Виктор провалился под зонтиком блаженной прострации, почти не воспринимая реальности, в которой стоически существовала Иринка. Она бегала по саду за собакой, загоня «дуру» в кладовку, ругала кого-то, гремела кастрюлями. Потом притащила тарелку пшённой каши, в которой плавал жёлтый кусочек масла и, усевшись на край кровати, демонстративно запахнув халат, объявила, что пришла его кормить:

– Не будешь есть, вывалю прямо в постель. Рот открой.

Магницкий верноподданно открыл.

– Ух ты, бедненький, какие синяки под глазами, нос заострился, как у покойника, и щетина вылезла, в гроб краше кладут. Кушай. Вот так. У, какие мы умненькие мальчики. Ни фига себе она тебя затрахала, ластами шевельнуть не может. Ратуйте, люди, есть ещё тётенки в русских селеньях. Кушай-кушай, маму слушай! А на вид серьёзная-пресерьёзная, умная, спокойная, ни дать ни взять училка начальных классов, и не подумаешь даже. Обычно такие только лежать и умеют. А тут разделала мужика, как на мясокомбинате, просто завидки берут. Ешь, да быстрее сил набирайся, ты мне живой нужен, воды-то в доме нет. Посуду мыть надо, варить обед, так что постирать и вообще, я воду таскать не нанималась, дур нет. Эти сволочи всё пораскопали, в калитку теперь ни зайти, ни выйти, придётся через мамкину дырку в заборе воду носить. Вот уж я повеселюсь сейчас, когда вёдра потащишь. Вкусная каша получилась, правда? Джинке полную миску наложила, остывает на крыльце. Знаешь, я тоже буду есть, ложку ты, ложку я, чего две тарелки мазать?

– Возьми другую ложку.

– Ешь и помалкивай. Разлётся здесь, корми его, понимаешь, экономку завёл, тоже мне хозяин нашёлся! Видала я такого хозяина знаешь где? Дом-то, между прочим, не твой, а мой по закону! Ты хоть в курсе, кто раньше жил в этом доме?

– Мои дальние родственники.

– Ври больше, но кому-нибудь другому. Что-то раньше здесь о Викторе Фёдоровиче Магницком ни сном ни духом не поминали.

– Ты была вхожа в дом?

- До поры до времени. Здесь жили, между прочим, старик со старушкой.
- Генрих Войцеховский и жена его Регина? – усмехнувшись спросил

Виктор.

Иринка вздрогнула.

- Да, я звала его дядя Генрик. Правда, её родственник?
- Почему её?
- Он говорил мне, что у него родственников никого не осталось.
- Ну, допустим. И что?
- А вот то и есть, что дом этот дядя Генрик завещал мне.
- Серьёзно? С чего вдруг?
- Значит, так надо. Мне лет пять было, а он лыжи подарил и учил

кататься в Марьиной роще с горки. На саночках иногда возил на прогулку, всегда со мной гулял, и зимой, и летом. Мамаше вечно некогда было, всё по свиданкам носилась сломя голову, коза энергичная. А он вечером из садика заберёт, погуляем, потом накормят они меня, ещё поиграем, и ночевать домой отведёт, когда мамаша заявится. А бабка, между прочим, не очень жаловала. Так всё вежливо: «Ирочка, деточка, Ирочка, деточка», а губы какие-то надутые, и глядит мимо. Дядя Генрик – другое дело, всегда со всей душой. А потом заболел, и в последний раз, я уже в первом классе училась, сказал мне, как взрослой, что завещание на меня напишет. А потом вскорости помер.

– Написал?

– Ишь ты, хитрый какой, всё ему расскажи, вынь да положь. А вот мучься теперь, я дольше мучилась тут с тобой. Бабка меня после за стол уже не приглашала, да ей и самой не особо что есть было, если честно сказать. Пенсия маленькая, домик на ладан дышит, известная история. С водопроводом каждый год морока, то труба перемерзнет, полгода воды нет, то, как сейчас, какой-нибудь гад яму копает и трубу порушит.

Я ей помогала иногда, ну, воды принесу, за лекарством сбегая. А всё равно нос воротит, племянниками хвастается. Врать не буду, приезжали к ней иногда: черёмухи поедят, позагорают в саду и уедут. Последний раз полтора года воды не было, а я не напрашивалась таскать, думаю, ах ты так, племянники у тебя в Новосибирске, да? Тогда и здесь дураков нема надсажаться, вот попроси по-человечески, скажи, так, мол, и так, помоги, Ира, – пожалуйста, разве я откажу когда? Я же не откажу. Но нет, ни разу не попросила. Из батарей отопительных техническую воду на чай и на суп наливала. На кухне краник есть на батарее, вот оттуда и брала. Ещё и хвастается: вот, мол, какая сообразительная, и вода горячая, без чая не останусь. А потом от кишок и померла, а я скажу – от гордости. Кто же из батарей воду пить будет и долго проживёт? Тут и водопроводная насквозь фенолом отравлена, а уж в отоплении что течёт – страшно подумать. Так-то, родственник. Завещание дядя Генрик оставил среди книг, как обещал. Ты не ищи, теперь поздно тебе искать, я нашла недавно, долго искала, думала, не найду, но знала, что дядя Генрик врать не станет. Вот копию сделаю, дам почитать, мне не жалко, там весь дом мне отписан после смерти Регины, понял?

– Не торопись, дело по суду пойдёт, а если дом был приобретён ими в браке, то половина, независимо от завещания, принадлежит Регине, то бишь мне. И чтобы друг другу нервы не портить, до выяснения всех обстоятельств разделимся: ты живи в той комнате, я в этой, ты больше не экономка, но Джинку кормить всё равно твоя обязанность, а выгуливать – моя. Кстати, каша

её давно остыла, так что иди отдай, я полежу здесь, подумаю, как на свете жить одинокому.

Думай – не думай, сто рублей – не деньги. Сел на краю кровати, натянул на себя простынь и уставился взглядом в пол, подобно тому, как по выходе из парилки этак сядешь на лавочку, и час целый просидишь, будто заново родился.

На полу возле вскинувшего ножки кверху рояля валялась складная вешалка.

Тоненькая старинная вещица, которая легко трансформируется в две модификации: при одном положении можно вешать сорочки, в другом, с более пологими плечами, пиджак или плащ. Надпись: «М. Гороховь. Москва. Петровка». Дореволюционная штучка.

Давным-давно появление этой вешалки в маленьком личном хозяйстве Виктора Магницкого стало для него началом совсем иной жизни. Подарил её учитель Докторов Константин Ильич. Не подарил даже, а просто вытащил у себя дома из шкафа и отдал без лишних слов.

О Докторове говорили, как о лучшем в городе преподавателе математики, но в их школе он не учительствовал, лишь иногда приходил на урок, и класс мгновенно утихал, если он усаживался на задней парте послушать, как они, заикаясь от страха, отвечают у доски, а в итоге приглашал кого-нибудь к себе домой, но не в гости, а на тренировочное занятие, чтобы потом участвовать в олимпиадах по математике. Этот шанс Магницкому не светил никогда.

По математике он успевал весьма посредственно, из всех уроков предпочитая географию с её глобусом, картами, дальними городами и странами, куда можно уехать или, в конце концов, убежать.

У них в детдоме все любили географию, относясь к ней как к полезному в жизни прикладному уроку, любовь эта необыкновенно возмужала весной, когда в классе разгорались научно-практические споры, что лучше для вольной жизни: Сочи или Анапа.

Как-то у Виктора оторвалась вешалка на пальто, не бог весть какое событие. Случилось это из-за Нинки. Не в первый раз по её поводу, насколько помнится, а на второй уже, первый раз для пальто всё кончилось благополучно.

Нинка училась в их классе. Незадолго до того, как Докторов подарил ему вешалку «М. Гороховь. Москва. Петровка», Нинку изнасиловали в гардеробе старшие. Вроде бы собирались пошутить, а в результате получилась большая кутерьма, и очень многие пальто из висевших тогда в гардеробе оказались на полу. Его одежда уцелела, хотя тесёмка была слабенькая, подклад гнилой, чуть потяни – и в клочья, просто висело пальто в стороне от места происшествия, потому не пострадало.

На следующий день зачинщика отчислили из детдома, отправив в колонию для несовершеннолетних, по крайней мере, так сказал директор, остальные участники отделались не слишком страшными наказаниями, Нинку заставили их принародно простить и сказать, что они ничего с ней не делали, только держали. Её тоже собирались перевести в другой детдом, но документы быстро не оформляются, а в ночь с субботы на воскресенье, прямо на той же неделе, её снова изнасиловали в гардеробе, но уже по всем правилам, втёмную, накинув пальто на голову, чтобы никого не смогла опознать.

Как она оказалась в гардеробе, неизвестно, с утра в воскресенье её срочно увезли из детского дома, и вот на этот второй раз его старое пальто с чужого плеча – подарок заводских шефов – сильно изнахратили: вешалку выдрали «с мясом», пуговицы отлетели, снаружи в пыльных пятнах, внутри мокрое, изжужульканное, будто его жевала лошадь, а когда высохло, сколько ни чистил, ни скрёб подклад, тот делался ещё более грязным.

От подклада на спине пачкался пиджак, и казалось, что грязь проникает через одежду до кожи и жжёт лопатки. Все старания Магницкого пришить крепче тесёмку вешалки заканчивались неудачей: она отрывалась сразу же, стоило повесить пальто, а в школьный гардероб одежду без вешалок не принимали. Приходилось таскаться с ним по школе из кабинета в кабинет, что не по правилам, и такого быть не должно – учителя ругались на его непонятливость, находя в том некую демонстрацию и природную склонность к разгильдяйству, мешочничеству, а он ещё больше ненавидел своё пальто, из-за которого по жизни одни неприятности.

Так случилось и в тот раз. Как только гардеробщица повесила пальто на крючок, оно рухнуло на пол. Его перекинули обратно:

– Пришивай.

– Осторожней надо обращаться с вещами, – огрызнулся он, сел на подоконник, достал иголку с ниткой из-за лацкана пиджака и начал в который раз мастрачить петлю к изношенному подкладу.

В это время по коридору шёл Докторов. Виктор поднял голову, посмотрел, но здороваться не стал – «уж больно ты грозен, как я посмотрю», – к тому же не их школьный учитель, так, можно считать, пляжный прохожий: шляются тут всякие, а потом плавки теряются.

Константин Ильич кинул в его сторону пудовый взгляд, который не произвёл на подрастающее детдомовское поколение ни малейшего впечатления.

У каждого человека собственные проблемы. Но вдруг чужой математик дал задний ход, развернулся, подошёл, остановился, стал смотреть, что и как он пришивает. «Точно человеку делать нечего», – подумал Виктор, рассерженно втыкая иголку в палец.

– Приходи в воскресенье к одиннадцати, – сказал вдруг Докторов, порывшись в кармане, и протянул белую метку.

Так в школе называли визитки, означавшие приглашение, на ней указан адрес, телефон, имя, отчество и фамилия: Константин Ильич Докторов. Визиток тогда никто не имел, но у Докторова они были, напечатанные на твёрдой бумаге от перфокарт.

Получив белую метку, Виктор мгновенно сообразил, что сегодня на его долю выпала необыкновенная удача, отказываться от которой, конечно же, не стоит. Хотя ясно, как белый день, что Докторов его с кем-то спутал. Вежливо кивнул в ответ.

Вырваться на воскресенье из детдома – заветное желание любого нормального человека. Воскресенье – день стычек и выяснения отношений по всем проблемам, накопившимся за неделю.

До поры до времени их четвёрке не слишком доставалось, они жили в одной комнате, учились в одном классе и всюду, особенно в туалет, ходили вместе, будто спаянные одной цепью. Это была и дружба, и жизненная необходимость, ведь вчетвером они выстаивали против любых двух старшеклассников, несмотря на свой седьмой класс, а их девятый-десятый.

Если старшие хотели побить их без проблем, им требовалось собраться по крайней мере втроём. Но, как на грех, Сашку с его вьющейся чёлочкой недавно забрали в семью. Кто же откажется? Без Сашки стало туго, и, потеряв два зуба, испортившись на этом морально, шестёркой подался к старшим Колян – стоять на фасоре, и так подсеивать по мелочам, где скажут.

Вдвоём с Юркой они сделались лёгкой добычей для всех подряд, и налегли как следует на географию: по весне решили делать ноги в Ростов-на-Дону, только до весны надо было ещё дотянуть, точнее говоря, дотерпеть, и тут вдруг такой неожиданный-негаданный подарок от Константина Ильича свалился на голову. Конечно, если Юрик останется на воскресенье без поддержки, в два раза больше его лупить не будут, как и если бы Витёк остался на выходной, им бы вдвое меньше не досталось.

Он пришёл к Докторову немного раньше времени, прямо с порога возвратив белую метку. У того уже сидели четыре человека – лохматые очкастые математики. Учитель сказал раздеваться и проходить, спросил фамилию, глянул в какой-то листочек, где, по всей видимости, фамилии Магницкого не значилось, удивлённо воззрился сначала на гостя, потом на его пальто, которое тот быстренько снял, но не решался повесить, держа по привычке в руках, и вспомнил: «А, я тебе вешалку хочу дать», – после чего достал из шкафа вешалку «М.Горохов. Москва. Петровка».

Витёк взял вешалку без разговоров, поблагодарил, надрючил на неё пальто, пристроил в шкафу прихожей. Уходить просто так он не собирался. Докторов гмыкнул, но выдал отдельный листочек с задачами, сказав, что через два часа будет чай. Из рассказа одного счастливица, прошедшего подобное испытание, Виктор знал, что в варианте надо решить хотя бы одну задачку, иначе дорога к Докторову, а стало быть, возможность вырваться из детдома по воскресеньям, будет заказана навсегда.

– Надо быть полным идиотом, чтобы не решить ни одной задачки за два часа, – сказал тогда счастливиц.

Через два часа Виктор понял, что это было сказано про него.

Задачи только на вид простые, но чуть подумаешь, открываются большие сложности. Никогда в жизни он не хотел решить задачку с такой силой, как на этот раз, будто понимая, что здесь и сейчас решается судьба. Вспотел, волосы тоже взлохматились, как у очкастых математиков, башка дымилась от перенапряжения, но, несмотря на все усилия, ни одной задачи решить так и не смог.

Через два часа жена Докорова, полная тётенька с покрашенными губами, принесла поднос с бутербродами, пряниками и чашками какао. Пережив только что ужасное потрясение и даже, можно сказать, трагедию, Витёк набросился на пряники с необычайным аппетитом и съел в три раза больше, чем каждый из математиков, которые толком не могли оторваться от своих бумажек. Помирать – так с музыкой.

А после перерыва они засели ещё на два часа, оказалось, это репетиция четырёхчасовой олимпиады. Так долго он думать не привык, мозги решительно отказались соображать, просто сидел, перебирал свои записи, пока на одном из листочков не увидел почти правильное решение одной из задач, которое осталось немного подправить. С умным видом попросил у Константина Ильича бумаги и красиво оформил эту единственную задачу. Ничего больше сообразить оказался не в состоянии. Сидел да поглядывал за окно, чувствуя, как желудок с чувством, толком, расстановкой переваривает

мятные пряники. Потом они сдали листы, прошли в другую комнатку, где Докторов собственноручно объяснил решения задач у доски.

Магницкому выдал белую метку на следующее воскресенье, а в придачу книжку и домашнее задание.

К середине учебного года Виктор решал по воскресеньям не меньше двух задач правильно, к концу же года Константин Ильич выправил ему путёвку в физико-математический лагерь под Новосибирским Академгородком на Обском море сразу на три сезона. А в августе, когда с замиранием сердца уже представлялось возвращение в родной детдом, ему вдруг предложили ехать учиться в физико-математический интернат при Новосибирском университете.

Университетский интернат оказался чем-то вроде рая по сравнению с настоящим детдомом. Уже там Виктор узнал, что случилось с Юркой, последним из их четвёрки, который не пристал ни к какой группе и не сдался старшим, существовал одиночкой, заимев металлическую вилку из нержавеющей стали, с которой не расставался ни на минуту, как прежде они не расставались друг с другом. Вилкой отбивался от всех подряд; раз отбил, другой, а на третий старшие послали вперёд бывшего друга Коляна, который и получил свои дырки в шее.

Ударивший фонтан крови всех перепугал, и больше всех Юрку, который забаррикадировался в спальне кроватями, отчаянно крича, что панфиловцы умирают, но не сдаются. Вызвали милицию.

Когда милиционеры вынесли дверь, Юрка в чужой крови и своих слезах накинулся на них с вилкой, стал гонять участкового по спальне, пока не заработал рукояткой пистолета по черепу. Его отвезли в психушку, где он застрял основательно и надолго.

Магницкий навещал бывшего друга лет пять назад, тот его не узнал, или сделал вид, что не узнал. А ведь соображал в математике, и особенно физике много лучше Виктора. Каждый раз, когда приходится вспоминать об этом, делается нестерпимо стыдно, что тогда, в первый раз, не взял друга с собой. В юркиных глазах стояла просьба и одновременно недоумение, ведь контрольные по математике Витёк решал хуже, чем он, а пригласили почему-то только Магницкого. Это казалось несправедливым. Конечно, их двоих бы не выпустили из детдома по одному пропуску, но можно было просто сбежать в то воскресенье, а Докторов бы пустил, по крайней мере, первый раз.

Судьбоносная вешалка Горохова с Петровки могла спасти сразу двух человек.

Много лет спустя, когда работал в институте, а жил по-прежнему в университетском общежитии, как-то повстречал незнакомую женщину среднего роста и самой заурядной внешности, которая шла навстречу по общежитскому коридору, улыбаясь при этом, будто родственнику.

Лицо самое обычное, круглое, глаза серые, в домашнем халате, откуда он её знает? Причём тоже как дальнюю, редко видимую родственницу: троюродную сестру или деревенскую тётку, которых на самом деле в помине нет, никогда не было, и теперь уже точно не будет.

Остаётся пять шагов до встречи.

Нос небольшой, ровный, без курносинки, волосы русые, прямой пробор, самое обычное лицо, взгляду зацепиться не за что, в такую не влюбишься с первого взгляда на улице, следовательно, случайное знакомство отмечаем с порога. Улыбается. А если он не признает и не назовёт сейчас по имени, что-то

неуловимо изменится возле губ, проляжет огорчённая складка, и всё – печаль навеки. Да, именно для таких лиц характерен быстрый переход от радости к печали и наоборот.

Остаётся три шага.

Виктор тоже весело смотрит прямо в глаза, сейчас воскликнет: «О, привет! Сколько лет, сколько зим!». Кто же это? Вместе работали? Нет, никогда. Учились на параллельных курсах? Нет. С другого факультета? Нет. Ходили на танцы? Ни в коем случае. Но знакомы, факт. Он помнит этот быстрый взгляд-полуулыбку, что возникает словно исподтишка. Скользнула и ушла. Ждёт от него, чтобы непременно назвал по имени, иначе не простит, обида будет на всю оставшуюся жизнь.

Два шага. Магницкий открыл рот для восклицания. Лежали в одной больнице? Нет. Отдыхали в профилактории? Нет. Сидели рядом на конференции? Учёных дам под пистолетом не заставишь в таких тапочках ходить. Стоп. Тапочки – это ближе, теплее. Тапочки, вещи, одеяла, простыни, нет, шмутки, узлы, платья, пальто. Боже мой, конечно, пальто! Его ужасное, изжёванное пальто!

Раскрыл руки для объятий, громко воскликнул:

– Нинка! Какими судьбами?

– Обыкновенными.

Оказывается, она окончила исторический факультет пединститута в соседней области, недавно вернулась в город и устроилась работать в университет лаборантом на кафедре.

38.

На день сегодняшний с вечера были назначены грандиозные планы по осмотру семи квартир, но пламенная ночь требовала сократить программу. Пяти хватит. Трёх. Двух.

Он остановился на самом перспективном варианте: трёхкомнатная квартира в том же доме, где расположен магазин «Хронос».

Совсем бы не встал с постели, да за окнами заработал экскаватор, раздался грохот выворачиваемых из земли труб и бетонных перекрытий. Лежать и слушать это – извините, уж лучше потрудиться на благо фирмы.

Железную дверь отворила седая женщина. Едва взглянув на него, спросила: «Вы от фирмы пришли смотреть?».

– Некоторым образом, да, – Магницкий последовал за хозяйкой, – по объявлению фирмы в газете. Адрес дома указан, первый этаж, трёхкомнатная, обзвонил две квартиры, они не продавались, затем нашёл вашу. Там в газете цена стоит восемьдесят пять миллионов, это верно?

– Да. То есть два миллиона возьмут посредники, нам восемьдесят три останется. Мы через фирму продаём по простой причине: если покупатель есть, они звонят предварительно, говорят, когда придут, и какая-нибудь девочка-агент приводит покупателя, и всё показывает. Но видно, что вы человек приличный, не шалопай какой-нибудь, проходите, смотрите сами.

По сравнению с квартирой профессоров Голубкиных здесь абсолютные порядок и чистота.

Быстренько окинув наметанным взором ванную комнату – испанским кафелем выложены пол и стены, трубы в порядке, сантехника импортная – проследовал на кухню, маленькую, как во всех хрущёвках, но ухоженную, с кафелем над электроплитой. Две комнаты светлые, чистые. Конечно, даже через двойные рамы доносится ровный гул машин.

Он склонил голову набок, слегка нахмурился, чтобы сбить цену, и хозяйка квартиры заметила это, после чего направился в последнюю комнату с зашторенными окнами. На разобранном диване в полутьме сидела маленькая, странным образом скрюченная старушка, напоминавшая паучка, которая тотчас повернула в его сторону голову, а тело её осталось недвижно согнутым на диване, и спросила, выворачивая шею снизу вверх:

– Катя, кого ты опять привела?

– Это покупатель, Поля, квартиру смотрит.

– Какой может быть покупатель, Катя, когда мы с тобой раз и навсегда договорились, что квартиру больше не продаём, какая же ты всё-таки, Катя...

– Здравствуйте вам, а кто вчера вечером последний раз сказал «продавай»?

– Значит, вчера вечером довела ты меня, Катя. Нет, ни в коем случае, ни в коем случае, боже упаси продавать, на кого я оставлю здесь Павлика с Шуриком? Зря только людей беспокоишь. Вот молодой человек ходит, ноги бьёт совершенно впустую, уж вы нас извините, молодой человек, старух непутёвых, у нас семь пятниц на неделе. Не продаём мы квартиру.

– Ничего, мне большого труда не составило.

– И объявление своё, Катенька, сними, пожалуйста, из фирмы, чтобы люди зря не ходили.

– Сниму, сниму, боже ты мой.

Оставалось попрощаться и скорым шагом покинуть квартиру.

Следом заторопилась хозяйка, с тем выражением лица, при котором человеку не терпится поделиться сокровенным. Виктор подождал её у машины.

– Молодой человек...

– Виктор Фёдорович, – представился на всякий случай.

– Очень приятно. Я Екатерина Васильевна. Вы извините нас.

– Ничего не поделаешь, не продаёте, значит, не продаёте.

– Да вот в том-то и дело, что, то продаём-продаём, а как покупатель приходит, сразу пугаемся и не продаём. Вы не представляете, как я измучилась.

– Это ваша сестра?

– Да. И квартира её. Пять лет тому назад умер Полин сын, три года назад – муж, я приехала за ней из Крыма, там остались мои дети и внуки. Вот ухаживаю, теперь и бросить нельзя, и ехать не хочет, я ей говорю: куплю тебе за те же деньги в Феодосии отдельную квартиру поблизости и буду по-прежнему за тобой ухаживать, всё равно не хочет.

– Наверное, привыкла.

– Говорит, как я от могил уеду? А сама уже и на кладбище не может съездить.

– Конечно, Крым – не Сибирь, – согласился Магницкий после минутного раздумья, – там бы всем вам было лучше.

– А вы попробуйте ей втолковать. Иногда вроде бы согласится: а... продавай, едем! Только чуть покупатель придёт – сразу в слёзы: не могу без своих жить, как я их здесь одних оставлю? Вот так и существуем.

– Глубоко вам сочувствую.

– А что поделаешь? Кто-то должен ухаживать, правда? Три года внуков не вижу, без меня вырастут, скоро и позабудут свою бабушку. Оставьте свой телефон на всякий случай, если что, я вам позвоню. Вы женаты?

– Женат, двое детей, мальчик и девочка. У нас однокомнатная квартира, но в ней с двумя детьми жить совсем невозможно, поэтому сейчас поменялись с моей мамой: она перешла к нам, а мы в её двухкомнатный частный домик. Нужна трёхкомнатная квартира, дети-то разнополые, конечно, хотелось бы второй-третий этаж, но там цены вообще запредельные. Вот мой домашний и рабочий телефоны, по любому можете звонить, если Полина Васильевна всё-таки надумает продавать.

– Эх, надумала бы.

– Я бы помог с погрузкой контейнера и, если нужно, свозить на кладбище попрощаться, тоже можно. Машина – вот она. В принципе, могу и так свозить, сколько нужно, подожду и обратно привезу, не такси ведь, можно не торопиться.

– Спасибо. Это мероприятие вряд ли она осилит, но я передам ей ваши слова. Мы бы отдали недорого, за восемьдесят пять, даже за восемьдесят три, если оплатите оформление у нотариуса, вы мне очень симпатичны, сразу видно приличного человека.

«Опять ничего», – думал, садясь в машину, Магницкий.

Съездил по второму адресу в конец проспекта Ленина, где за худшую по месторасположению трёхкомнатную хрущёвку просили уже девяносто миллионов, а самое неприятное – запах канализации в подъезде. Хозяева будто нюх потеряли, от них ничего не удалось добиться, зато словоохотливая соседка всё разложила по полочкам: оказывается уже сто лет, как затопило подвалы, и сколько ни откачивали, вода не уходит.

Заехал в магазин детской одежды, слёзно упросил продавщицу показать детские платья, отвечающие размерам, снятым с Анжелики.

Продавщица удивилась папаше, однако минуту спустя с растроганным видом принялась показывать платьица, на его вкус слишком простенькие.

– Нет, нет, – сказал он, – всё не то.

– Как не то, вы же сказали – летнее!

– Да, летнее, но главное, чтобы праздничное было, понимаете? Насыщенного цвета, с белым воротничком, не простым, а с вышивкой, что ли... каким-нибудь этаким, с рюшечками, – что такое рюшечки, Виктор не знал, но платье хотел именно с рюшечками, в таком платье, по его предвзятому мнению, должна была ходить девочка, похожая на Мальвину, звавшаяся Анжеликой. – Девушка, требуется праздничное платье, в котором невозможно лазить через заборы, рыться в пыли у дороги и шмякаться в грязь. Максимум – бегать по асфальтовым дорожкам в Марьиной роще, или сидеть и кушать мороженое в кафе. Понимаете?

Такое платье, как ни странно, в конце концов нашлось, и хоть было с пояском и несколько тепловатое для нынешней погоды, но не за горами август, и вообще жаркое лето в данной местности скорее исключение из правил.

Он купил его. Главное – цвета платье синего-синего, с роскошным воротничком, и по подолу шли... оборочки? Здесь же купил роскошный белый бант и две пары белых гольфиков. Синие сандалеты нашлись в другом магазине, но прежде, чем оплатить в кассу, Магницкий выбил из продавщицы торжественную клятву заменить их, если не подойдут.

– Уж обувь-то покупать надо с ребёнком приходиться, мужчина, – раздражённо повторила она три раза подряд прежде, чем поклялась.

В ответ ей деловитый господин снисходительно улыбнулся с выражением человека, познавшего на днях смысл жизни.

Заехав на работу, рассказал Ольге про квартиру в доме с магазином «Хронос». Она заинтересовалась вариантом, даже взяла телефон перезвонить как-нибудь: вдруг старушки передумают.

39.

Жёлтый экскаватор с грохотом вырывал из земли бетонные лотки теплотрассы и сами трубы, выворачивал и опрокидывал асфальтовые глыбы вдоль улицы. Вместо тротуара и газона следом за ним оставался глубокий котлован.

Перехода к дому по-прежнему не было. Дом забрызган маслянистой струёй через окна снизу доверху.

Машинист работал с упоением, сквозь стекло кабины было видно, что он широко раскрывает рот и потряхивает ритмично головой: поёт. Не считает себя виноватым, ведь ему приказывают, или просят по-товарищески. Он отличный исполнитель. Ему сказали начинать работу, как только хозяин придёт с работы, и он начал, как приказано. А до того сидел и ждал. За работу в вечернее время доплачивают немного больше. А может, и не доплачивают, скорее всего, нет.

Работы нынче немного, за ту, что есть, платят небольшие деньги, но регулярно, это нынче дорогого стоит. Заодно выполняет небольшие поручения: газоны сметёт подчистую, забор сломает, дом растрясёт как следует. Если шеф местными обитателями совсем уж недоволен, может и фундамент разрушить у непокорных жителей, осмелившихся протестовать, не боги горшки обжигают, какой спрос с экскаваторщика? Простой же рабочий, наш человек. Вы посмотрите, как непредумышленно заезжает он на юные деревца, снимает сапоги и, невинно улыбаясь солнышку, развешивает порты для просушки перед тем, как вздремнуть.

Почему не убил сразу?

Навстречу шла женщина, интересно, догадается она по его глазам, что он мечтает прибить весёлого экскаваторщика? Женщина посмотрела прямо в глаза, задав извечный свой женский вопрос мужчине, и пошла дальше. Едва ли.

Три шага по дороге мимо экскаватора, затем быстро прыгнул сквозь молодые заросли тополей с дороги на ещё не раскопанный тротуар позади машины, прислонился к стволу тополя и выждал ровно две минуты. Анжелики не было. Никого вокруг.

Наверняка этот гад отрезал водопровод и в прошлый раз, заставив старушку пить воду из батареи. Убил старушку за двадцать копеек. Небось, шутки шутил промеж такими же приятелями: пять старушек – рубль! Кому-то оказался нужен дом с территорией под снос, и он сделал. Надо врезать ему как следует. Посажу один-единственный фингал под глаз. Один. Но большой. Здоровенный фонарь размером с плоску. Пора привыкать отвечать за свои чёрные делишки. Ладно, врежь разок, но не больше. Или лучше в ухо? Ой, точно, как я ему сейчас замочу в ухо за безвременно погибшую тётушку, просто

симфония заиграет! За растоптанные кустики сирени, за полное обезвоживание, за портянки...

Ещё раз оглянувшись, Виктор взлетел в кабину, как на крыльях.

Его неожиданное появление работяга встретил меланхоличной улыбкой.

– Ты мне фасад забрызгал?

– Так это... того... шланг гидравлики порвался...

– Почему перехода нет у калитки? Я должен через твой ров летать теперь?

– Так это... другое подразделение делает. Вечно опаздывают.

– Другое, говоришь? Но у меня никого под руками нет, кроме тебя, а значит, отвечать будешь ты, скотина исполнительная.

Внутри полыхнул невероятный гнев, одной левой прихватил экскаваторщика за рукава рубахи, придавил коленом, а правой добрался до горла и сжал с такой упоительной силой, что глаза несчастного мгновенно вылезли из орбит, лицо побагровело, шея стала вытягиваться, как резиновый шланг, загибаясь назад.

Водитель взбрыкнул телом, но Виктор упёрся в приборный щиток и навалился массой подобно тому, как сваливается на лётчика-космонавта десятикратная перегрузка взлёта. Наверное, в детстве он, дурачок, мечтал стать лётчиком, вот тебе как раз случай почувствовать, ощутить, каково крутить мёртвую петлю. Противник выгнулся, подёргался, но слабовато, с Нинкой не сравнить, и слишком быстро расслабленно затих. Стоп машина.

С трудом оторвал клешню от тряпичной шеи. Кажись, заклинило малость, слез с колен исполнителя, в животе того урчал воздух. Опять за трахею схватился, болван этакий, а надо было просто в челюсть, потом в глаз, в ухо и снова в челюсть, но другую. А не суши старушек, гад, что они тебе, бабочки-капустницы, что ли? Освобождённый от чрезмерных лётных перегрузок экскаваторщик завалился на бок.

Вдруг захрапел грудью и с сипеньем судорожно глотнул воздух. Потом ещё, зубами, будто решил откусить пару литров вонючего, застоявшегося в кабине воздуха.

– Раз дышишь, считай, повезло, – молвил Виктор с весёлым облегчением. – Чтобы к концу рабочего дня мостки у калитки были. Понял, киллер-тракторист? Война так война. Не сделаешь – до утра не доживёшь, придушу, как собаку, и не здесь, а на пороге твоего дома, понял? Охрана ведь тебе не положена? Где сотовый? – вырвал из кармана, бросил телефон на гусеницу, с удовольствием раздавил каблуком.

– Всё, связи с начальством лишаю. Считай это последним предупреждением местных жителей. Действуй по-быстрому, если хочешь выжить в трудных климатических условиях. Сколачивай мостки. Сейчас всем трудно.

Похлопал экскаваторщика по плечу, перебросил пакет с подарками через забор, перелез сам и, никем не замеченный, оказался в своём саду.

«Когда-нибудь это плохо кончится».

Расставив по всему крыльцу игрушечную мебель, Анжелика играла в куклы.

– Привет, девушки, Иринка дома?

- Да уж, чего ей сделается? – задумчиво спросила Анжелика.
- Действительно. Есть для тебя маленький подарочек.
- Анжелика крепко зажмурила глаза и открыла рот, высунув язык.
- Нет, не такой. Сейчас шёл-шёл через Марьину рощу, представь себе, встретил зайца. Пробегал мимо раз по своим делам.
- Зайца?
- Ага.
- Он с ума сошёл? Там же одни собаки с собачатниками носятся.
- Здоровый заяц попался, крепкий, и не трус. Прошлый раз мы с Джинкой гуляли, его тоже встречали, хороший наш знакомый. Так вот этот заяц просил передать тебе от него гостинец, и даже не гостинец, а подарок на день рождения.
- Какой?
- Из леса от портного-ежа. Платье и башмачки.
- Ты принёс?
- Само собой, но есть одна заковыка. Заяц сказал, что пока Анжелика хорошенько не отмоется, платья ей одевать нельзя.
- Да?
- Да. Вот я теперь и думаю: может, тебе лучше его не носить? Спрячем куда-нибудь подальше? Вырастешь, там видно будет.
- Нет, лучше я помоюсь.
- Хорошо. Сейчас призовём сестру-хозяйку Ирину, пусть греет воду. Сестра-хозяйка уже стоит на крыльце с недовольным видом:
- Воды нет, сначала натаскай, потом нагрею.
- Четыре ведра хватит, Анжелика?
- Хватит, наверное.
- Натаскав воды из соседнего дома через тамарину дырку в заборе и передав дела домохозяйке Ирине, Магницкий включил телевизор. Сплошные девальвации с инфляциями, смотреть абсолютно нечего. Решил немного подремать, надо же исполнять собственные мечты, благо экскаватор прекратил работу и дом больше не прыгает. Поспал всего ничего, явились девушки-красавицы показывать обновки.
- В голубом платье, с пышными волосами, в белых гольфиках и чудесных башмачках Анжелика смотрелась необыкновенно, чисто ангелочек.
- Туфельки не жмут?
- Немного большие.
- Заяц обещал поменять, если что.
- Не надо.
- Тогда гуляй. В пыль не лезь. Стирать некому, Иринка едва ли будет.
- Да уж это точно, – подтвердила сестра-хозяйка, оглядывая преображённую Анжелику. Повертела выразительно пальцем у виска. – У тебя что, денег девать некуда? Дай мне. Я найду.
- Данке шён, – сказала Анжелика и слегка присела.
- Не стоит благодарностей. Свободны, как птицы, я отдыхаю и смотрю телевизор.
- Ага, посмотришь тут, весь день этот бульдозерист об асфальт колотится. Заколебал. Я уже устала ждать, когда дом рухнет.
- У него наступил длительный перерыв для приёма лекарств, так что отдохнуть успею, если вы не возражаете.
- Размечтался. Вон опять кто-то у ворот колотится.

– Это не колотится, это в лесу раздаётся топор дровосека. Мостик нам делают персональный для перехода через канаву, поняли? Потому что у отца большая семья.

И тут в груди нехорошо ёкнуло. Независимо от Анжелики, от Иринки, даже помимо экскаваторщика. Просто увидел на экране телевизора знакомую руку, которую не раз пожимал, валяющуюся на полу.

Большой палец искалечен тракторной сцепкой во время строительства завода. Ладонь показали, кадр дёрнулся в смущении, вдруг всё исчезло. Начался следующий сюжет местной телекомпании про рухнувшую позапрошлой ночью казарму военного училища.

Десятый раз показывали одно и то же, как курсанты бегают с носилками у развалин, потом интервью с ранеными из больницы, погибших оказалось больше двух десятков.

В заключение диктор сообщил, что, несомненно, потери были бы много больше, если перекрытия казармы рухнули в какую-нибудь другую ночь, а не с субботы на воскресенье, когда большая часть курсантов находилась в самоволке. Пострадали те, кому некуда было уйти. По итогам печальных событий счастливо избежавших смерти дезертиров не будут подвергать наказанию, короче, амнистируют.

О, уже лучше. А раньше бы припаяли, как положено, – порадовался Магницкий за выживших. – Нет, напрасно нас ругают в Совете Европы, напрасно.

Но страшно беспокоила знакомая рука. Отчего валяется на полу? Набрал телефон Краузе, того не оказалось дома. Позвонил Горкину, трубку взял сын.

– Жарков... – начал неопределённо формулировать фразу, но сын спешил и оборвал на полуслове:

– Сегодня в три часа дня повезут из морга областной клиники на кладбище. Отец с матерью уже уехали туда.

– Жарков умер?

– А вы ещё не знаете? Нам тоже смутно передали: будто бы ночью приехал на завод пьяный, отпустил сторожа, тот вернулся потом к пяти утра и нашёл, что в ангаре на полу стоит метровый слой углекислоты – газ вышел из цистерны, а возле самой цистерны лежит уже мёртвый Жарков, который якобы хотел перекрыть утечку углекислоты, но, будучи нетрезвым, упал и, нахлебавшись паров, умер.

– Пищевая углекислота совершенно безвредна для человеческого организма.

– Отец тоже так сказал.

– А почему так быстро хоронят, без расследования?

– Полный морг курсантов, говорят, некуда девать, мест нет, что ли.

Машина была на стоянке. Виктор поймал частного, пока доехал, уже без пяти минут три. В анатомке скопилась куча народа, и ни одного знакомого лица.

Все что-то требовали от регистраторши, бегали туда-сюда по коридору, женщины рыдали, стояла страшная суতোлка. Взмыленные прапорщики лихо ускользали от крестьянского вида мужиков в мятых пиджаках и расстёгнутых на груди рубашках. Один такой комбайнёр прижал прапора к крашеной стене.

– Отдавай сына по-быстрому, наш поезд сейчас отходит.

– Генерал не давал команды, – вертелся прапорщик, пытаясь выскользнуть угрём.

– Наср... на твоего генерала, сам гроб отвезу домой хоронить без этих ваших воинских почестей, не на войне погиб, на кровати во сне зашибло.

Атмосфера в анатомическом зале накалялась с каждой минутой. Виктор не мог добиться от регистраторши, где находится Жарков. Она листала журнал туда-сюда три раза, при этом думала о другом, с опаской озираясь по сторонам.

– Как фамилия, говорите?

– Жарков.

– Чего вы мне голову морочите? Нет его у нас, увезли давно на кладбище.

Помчался к троллейбусной остановке, предчувствуя, что Жаркова больше не увидит ни живым, ни мёртвым. И, как назло, транспорта никакого, край города. Но вдруг рядом приостановились «Жигули», Магницкий открыл дверцу: «До кладбища подбросишь?»

– Доставим в лучшем виде, – рядом с водителем сидел Краузе. – Садись, едем. Мы тоже искали здесь, да он уже умчался в последний путь. Всегда спешил.

– Может быть, успеем.

Но не успели. На шоссе встретили машину Горкина, который возвращался с кладбища. Он вернулся показать место, где похоронен Жарков.

Глядя на маленький, аккуратно засыпанный чёрной землёй холмик с цветами и венками, Виктор почувствовал себя участником сюрреалистического театра абсурда, следуя которому необходимо принять за аксиому, что здесь закопан Жарков, и вести себя в соответствии с этой чушью. В это просто невозможно поверить, но возражения никем не принимались.

Возле могилы на корточках с полуприкрытыми глазами медитировал бывший жарковский дипломник Зотов, рядом на земле стояла японская магнитола.

Зотов подмигнул Горкину:

– Что, недалеко уехал? Говорил тебе, обожди. Теперь кворум есть, давайте будем прощаться, объявляется минута молчания, – нажал кнопку магнитолы, и полилась та самая райская музыка, которая сладко звучала ночью из сломанного радиоприёмника в его комнате.

Поражённый совпадением, Магницкий замер. Представить Жаркова живым несравнимо проще, нежели мёртвым, тем более, что мёртвым он не счёл нужным показаться. Только кисть руки, лежащая на полу анатомки, и то по телевизору. Молиться Виктор не умел, закрыл глаза и представил живого приятеля.

Возник Жарков откуда-то слева, быстро вошёл в кадр, заняв свободное место рядом с Зотовым, оглядел всех по очереди с высоты своего роста, смешливо и снисходительно щуря глаза, как бы говоря: «Что, братцы-кролики, собрал я вас опять?».

По всему было заметно, что он довольно равнодушно относился к феномену собственной смерти: привычно пнул ногой памятник, как в прежние времена бил по стойке ЭВМ, проверяя на прочность контактов платы памяти.

Удовлетворившись состоянием конструкции, с интересом рассмотрел выгравированную надпись, разворошил венки, читая траурные ленточки, подмигнул Виктору, кивнув на млеющего в транс Зотова – вот, мол, опять шаманствует наш студент в рабочее время. Зевнул (сколько можно дурью маяться?), похлопав по рту ладонью без пальца, махнув ею же на прощанье,

быстро удалился, не раскрыв причину своей гибели, и не оставив даже малейшего намёка.

– Хорошо, – сказал Зотов, выйдя из транса.

– Что за музыка? – ещё не веря собственным ушам, спросил Магницкий.

– Композитор Свиридов написал, – охотно пояснил физик, – еле отыскал запись. Едем с ним как-то в машине, давно дело было, в том году ещё, вдруг эту музыку по радио передавать стали. Жарков слушал-слушал и сказал: «Когда помру, её включите на моих похоронах, ясно?». Единственное завещание и оставил, грех не выполнить.

– А помните, он с нами на пикнике попрощался? – пролепетал Краузе. – Как чувствовал.

Горкин наклонился поправить венки:

– Да, уж любил почудить. Видел я его лицо сегодня, ну, знаете, – покрутил головой и поморщился...

– Что?

– Весь чёрный.

– От углекислоты?

– Ага, от неё. Если бы от пищевой углекислоты чернели, все наши фигуристы давно бы превратились в негров вместе со своими тренерами. Это же не отравка. А лицо у него, братцы, было, – Горкин снова неопределённо поёрзал глазами по сторонам – ...чёрт знает какое. Нечистое это дело, вот что я вам скажу.

– Разберёмся, будьте уверены, – пообещал Зотов, ни на кого не глядя.

От чрезмерной аккуратности и правильности могилы Виктору чудилось, что всё происходящее – кем-то затеянный аттракцион, возможно, даже самим Жарковым, ну не мог он лежать здесь, человек без рамок и условностей. Вот сейчас сзади хлопнет по плечу. Обернулся.

Охранники частного кладбища пристально разглядывали припозднившуюся компанию. Вернулись к машине. Горкин откупорил бутылку кагора. Выпили по рюмке за помин души.

Жена Горкина скомкала газету, зажгла один конец и заставила всех подержать над огнём руки.

– Неужённый был человек Жарков, – сказала она, – баламут.

– Да, многоноcko дел натворил, – согласился Горкин, – очень много. Не один год будут головы ломать, каких он тут узлов навязал. Только вёл себя опрометчиво, при всей своей башковитости.

В столовой, где проводились поминки, Виктор разглядел среди присутствующих Котомкина и Ольгу.

Котомкин уже принял полстакана, печально вывернув брови, посасывал ус, намоченный в стакане водки.

– Садись рядом, вмажем, как полагается, чтоб земля была пухом.

– А где Стефан? – спросил Магницкий Ольгу.

– Уехал.

– Так быстро?

– А что теперь ему здесь делать?

– Действительно, что же теперь будет с жарковскими открытиями и изобретениями?

– Это ты у меня спрашиваешь?

– Да нет, вслух мыслю.

Магницкий успел перебраться парой слов с женой Жаркова, которая сказала, что в сейфе нашли только долговые обязательства перед банком, завод оказался весь в долгах, его сейчас вообще опечатали, а в дальнейшем собираются банкротить. Никаких бумаг из области научных разработок нигде не оказалось. Но, может, что ещё и отыщется.

– Ни с чем приходим в этот мир, ни с чем уходим, – подвёл итоги Котомкин по выходе из столовой. – Как это грустно. Боже мой, и когда только кончится жара? Да, это, Виктор, передавай привет Джине. Скажи ей, что я её помню. Большевистская собаченция, между прочим, молчком хватывать! И полруки как не бывало. Вот зараза, до сих пор болит.

40.

Он снова начал захаживать на работу в обеденное время, тем более, что деньги закончились, но обедами здесь больше не пахло.

Новозеландский дух тоже постепенно выветрился. Некоторое время они с Ольгой разговаривали не глядя друг на друга, потом жизнь взяла своё, взаимный холодок улетучился, и Ольга принялась даже покрикивать:

– Где прошлялся целое утро? Квартиру нашёл?

– Никак нет, ездил по двум адресам, ничего интересного, а цены безбожно задирают.

– Элементарно, народ разнюхал возможность продать первый этаж под магазины. Вся проблема заключается в том, что не так просто потом жилое помещение переделать в нежилое, требуется согласие соседей. Сегодня звонила Екатерина Васильевна. Они опять продают квартиру. Так что едем к ним, надо оформлять документы по срочному варианту. Я представилась как твоя жена, это ничего?

– Да мы привышные. Кстати, где сейчас Стефан?

– В Москве.

Новость не слишком обрадовала. Он-то полагал, что американец давно слинял в свою заграницу, а оказывается, патентовед поблизости топчется.

– И ты с ним общаешься по телефону?

– Почти каждый день.

– При случае поинтересуйся, куда девались жарковские разработки, по поводу которых он приезжал.

– А они были, эти бумаги?

– Думаю, да. Но Стефан должен знать точнее, раз собирался нам визу делать. В противном случае с чего бы ради стараться?

– Не знаю, мне лично он ничего на этот счёт не говорил.

– Рвал бы когти, пока не поздно, органы, небось, тоже заинтересуются.

– Мне визу оформляет.

– До Новой Зеландии?

– До неё. Рабочая виза.

– А, ну да, естественно. Не пропадать же добру. Наверное, едешь всё-таки по личным обстоятельствам?

– Какой ты дотошный, а по каким же ещё обстоятельствам наш человек уезжает в другую страну, если он не дипломат и не президент? Конечно, не по общественным. Давай, Магницкий, договоримся так. Нам предстоит провести последнюю риэлтерскую операцию на высоком уровне взаимопонимания, к тому есть все условия, и заработать на этом немножко денежек. Понимаешь, я деловая женщина, которая поедет не к кому-то в гарем Наташей, а свободным человеком с определённой суммой в кармане, которой бы хватило на первое время, пока не освоюсь. Я не хочу зависеть ни от Стефана, ни от кого бы то ни было, кто бы и что бы себе ни воображал по этому поводу.

– Понятно.

– Кстати, деньги нужны как мне, так и тебе. В этом наши интересы совпадают, поэтому давай поднажмём напоследок. Значит, так, для старушек мы муж и жена, у нас двое детей, хорошо, что ты придумал разнополых, придерживаемся этой версии и впредь. Своих денег на квартиру у нас нет. Их даёт мой отец, берёт в банке под достаточно высокий процент, но это его заботы, сам он армянин, живёт пока в Ереване, но переезжает сюда в нашу маленькую квартиру, а нам берёт трёхкомнатную. В свою очередь, банк выдаёт ссуду не более 50 процентов от покупки, поэтому в нотариальных бумагах нам необходимо указать сумму 130 миллионов для выполнения этой формальности. Госпошину со всей суммы мы оплачиваем полностью, пусть старушки не беспокоятся.

– Зачем такие сложности?

– Наши армянские друзья готовы оплатить до 130 миллионов, плюс расходы на оформление, плюс небольшой гонорар нам. Вот мы и сделаем документы на сто тридцать миллионов. Старушки не должны контактировать с покупателями.

– Круто.

– Да, бабушкам говорим, что кредит будет выплачивать мой отец, поэтому и квартиру оформляем на него, таковы условия банка. Квартира является залогом. Как ты думаешь, похожа я на армянку?

– При условии, что мама белоруска.

– Хорошо, папу-покупателя зовут Гарик Аветисян, ты должен помнить имя тестя. А ну, повтори.

– Папа Гарик. Мама Гарик, Гарик тоже я. Семья Аветисян: семнадцать ребятишек и один горшок. Слушай, а давай навроём, что у нас в Баку ещё осталось трое маленьких детей, которых мы не смогли вывезти, так как они находятся у твоего прежнего мужа, азербайджанца.

– Не оскорбляй мои национальные чувства.

– Да здравствует гора Арарат – самая армянская гора в мире!

– Вот так-то лучше.

На этот раз Полина Васильевна не сопротивлялась продаже квартиры.

Если прежде она показалась похожей на хилого паучка, то нынче Виктор нашёл гораздо больше сходства с печальной черепахой: руки и ноги шевелились, тело согнуто, из-под него вывернута шея.

Она передвигалась по кровати, неотрывно глядя на них с Ольгой большими, когда-то красивыми глазами, из которых иногда выкатывалась крупная слеза. Екатерина Васильевна тут же промакивала платочком.

Ольга говорила без умолку. Когда обращала взор к Виктору за подтверждением своих слов, какой её папа чудесный человек, что даёт им деньги, а сам оказывается в долговой кабале перед банком, потому что платёжеспособен, а они нет, то, согласно сценарию, Магницкий начинал энергично кивать головой.

Старушек, похоже, мало интересовали подробности про армянского папу, во всяком случае, слушали довольно рассеянно.

– А у вас мама здесь? – неожиданно заинтересовалась Полина Васильевна, глядя на Виктора мокрым глазом, пока Ольга переводила дух и набирала побольше воздуха перед очередным своим словоизвержением.

– Да, мама. У неё небольшой частный домик, где мы теперь обитаем на окраине, а она пока в нашей однокомнатной квартире.

– Очень тесно, всего две маленькие комнаты, ни развернуться, ни повернуться, – пожаловалась Ольга.

Но не нашла поддержки у Полины Васильевны.

– В родительском доме тесно не бывает, – воспротивилась она с домостроевской интонацией, ясно показывая, что данная сентенция обжалованию не подлежит.

Ольга прекрасно поняла, и зашла с другого фланга:

– У нас удобства во дворе. Я из Армении приехала в Сибирь, и никак не могу привыкнуть раздеваться на сорокаградусном морозе.

– Это конечно, – согласилась Екатерина Васильевна, – конечно, само собой разумеется, вам нужна благоустроенная квартира, простыть да заболеть недолго, мучайся потом всю оставшуюся жизнь, – и посмотрела на сестру.

– Вы будете здесь жить все вместе? Маму тоже с собой возьмёте?

– Маму? – удивилась Ольга.

– Да, маму обязательно, – сказала Полина Васильевна, обращаясь к Виктору несколько просительно, – она, естественно, будет отказываться, если вы ей предложите, но не слушайте, перевозите её сюда и живите все вместе.

– Да, разумеется, – они с Ольгой переглянулись, будто только что им подсказали чудесную идею.

– Домик её тоже не продавайте. Летом мама будет там жить с внуками, на грядках копать, а зимой здесь – где ужин приготовит, где с ребятишками уроки поделает.

– Да мы так и думали вообще-то.

– Ваш папа ведь не против?

– Да нет, ну что вы, мой папа чудесный человек. Он только «за».

– Вот и хорошо, – задумчиво произнесла Полина Васильевна, глядя на молодое поколение снизу вверх мокрыми глазами. А мы скоро поедem. Я так и не побывала на кладбище, – с упрёком сказала она, обращаясь к платью Екатерины Васильевны.

– Но, Поля...

– Мы поможем, Виктор завтра же свозит вас на кладбище. Виктор, часов в двенадцать подъедешь сюда?

– Конечно.

– Вот и хорошо, а я пока займусь оформлением документов, если позволите.

Когда сели в машину, Ольга распланировала последующие действия:

– Всё оформление беру на себя. Твоя задача – Полина Васильевна, она не должна передумать в эти три дня. Цветов обязательно нужно купить от нас, живых и искусственных. Замечательно скамеечку бы сделать, возьми доску и пару столбиков в багажник, лопату не забудь, молоток и гвозди, сможешь скамеечку смастерить?

– Попробую.

– Пообещай, что будешь ходить каждый год, что у тебя родственники недалеко похоронены. Если мероприятие хорошо пройдёт, отступить им будет некуда, а я сейчас начну крутиться по оформлению, как винчестер. Забрось меня к нотариусу, потом в бюро технической инвентаризации, потом в магазине краски купишь, и домой – делать скамеечку.

Экскаватор вёл раскопки теплотрассы возле соседского тамариного дома.

Напротив калитки через яму перекинут мостик в три доски шириной, и даже с перильцами. Попрыгав для проверки на прочность, Магницкий приветствовал бывшего врага жестом немецких антифашистов: «Рот фронт!!!», заново восторгаясь энергичностью немецкой лингвистики и артикуляции, а заодно подавленной, но совершенно неистребимой оральной сексуальностью московских шоколадниц, введших словосочетание в русскоязычный обиход под видом торговой марки.

Распахнул калитку, вошёл в ограду, с удовольствием окунаясь в прохладную свежесть сада.

У крыльца загорала в малоформатном купальнике Иринка. Привязанная к перилам Джина отлёживалась в тенике под стеной дома, благодушно развалилась в свежевырытой яме и помахивая невероятно роскошным жёлто-белым хвостом. Девочки были в сборе, за исключением Анжелики. В ярко-зелёной травке прятался тазик с замоченным новым синим платьем. Виктор поморщился. Ну, это дела женские, вникать не будем.

– Девочки, добрый день!

– Немного опоздал, к нам гости приходили, радисты какие-то, что-то там, радио, что ли, на крыше ремонтировали, так долбились, что даже куски шифера вниз летели.

– Какие радисты? Зачем пустила?

– Так они книжечки показали. Потом лестницу взяли и залезли на крышу. Что я могла сделать?

На крыше его поразили результаты трудовой деятельности работников городского радиовещательного узла, заменивших железяку, к которой крепился радиопровод. Для этого им потребовалось расколотить два листа нового шифера, вскрыть крышу и прибить здоровенными костылями свой дрын к балке. После чего посчитали свою работу законченной и благополучно испарились, а жаль, что он не прихватил их на горяченьком, как друга-экскаваторщика. Объяснил бы миглом при помощи самых простых подручных средств, как нехорошо обижать маленьких людишек, живущих в своих гнилых частных домиках, заставил бы поработать ещё немного. Виктора охватила ярость.

Неужели снова происки Пасечника? Или таков общий стиль отношений всех крупных организаций без исключения с частным населением? Частное – ничто, общественное – всё. Они доведут его когда-нибудь до ручки, он им устроит красный террор в отдельно взятом городе!

Не помня себя от злости, Магницкий бросился к проводам, готовый перекусить голыми зубами, выдрать с корнем металлическую штангу. Чёрт, уничтожают даже минимальную возможность нормальной жизни! Прекрасно видели, пакостники, что новый шифер уложен, нет, приходят, долбают и уходят!

Ах, если бы застать их здесь! Ничто бы не удержало, удавил бы всех по очереди: брал за глотку и душил, брал и душил, душил, душил, душил... Его руки скрючились, хватая воображаемые шеи всех работников радиотрансляционного узла, но рядом пребывали одни лишь обломки шифера, кусок которого Виктор метнул вслед врагам. Испугался: не попасть бы в прохожих, хотя уже предчувствовал исполнение закона подлости и знал точно, что обязательно попадёт.

Так всегда бывает. Вращаясь вертолётным пропеллером, кусок ушёл в сторону экскаватора, где с громким треском разлетелся, ударившись о выхлопную трубу. Экскаваторщик выскочил из кабины, как ошпаренный, воздел руки кверху, чем, мол, теперь провинился? Не к богу апеллировал, к Магницкому. Жестами тот объяснил, что мальчик Хулио просто промахнулся.

– Так ему и надо, подлецу! – крикнул, выскакивая из своего «окна» в одной простыне на красном разгорячённом теле отставной капитан Василий, которого тоже доконали шум и вибрация, плохо влияющие на все жизненные процессы без исключения. – Заколебали! Молодец, бомби их прямой наводкой к чёртовой матери! Копают и копают, роют и роют, к зиме всё везде разроют окончательно, подонки, ни тепла, ни воды не будет!

Как и Василия, метателя здорово трясло, он чувствовал, что вот-вот потеряет над собой контроль, вывернет радиоштангу вместе с балкой, потому, не соблюдая никакой техники безопасности, отмахиваясь от провисших проводов, бросился подальше от улицы к дворовому краю крыши, и завопил:

– Анжелика! Анжелика! Анжелика, где ты?

Маленькая дрянь вылезла из-за кустов смородины, на ней были только грязные трусы и голубые праздничные туфли, но сам вид этого ужасного создания природы сразу его успокоил, сердце перестало колотиться. Вытер пот со лба, уселся на край крыши, начал слегка побалтывать ногами. Господи, стоит ли беситься из-за ерунды? Да чихал на это дело с высокой колокольни!

Анжелика вдохновенно ковыряла в носу, позабыв о всякой субординации, как специально напрашивалась на суровый отеческий выговор. И, естественно, Виктор не смог его не произнести, с жуткой мукой в голосе.

– Анжелика... ты... запачкала платье?

– Запачкала – не то слово, она его увозюкала, как половую тряпку, да ещё вдобавок порвала, – как всегда, совершенно напрасно вторглась в разговор Иринка.

– А ты замочила моё синенькое платьице с оборочками в грязном тазу, да ещё в зелёной воде из бочки, в которой пьют водятся.

– В чём мне ещё замачивать, когда воды в доме нет? Ведь никто не сходит и не принесёт.

Магницкий элегантно спрыгнул с крыши.

– К нам можешь с ведром больше не бегать. Наталья Савраскина приказала не пускать тебя на кухню.

– Куда же идти?

– Куда дядя Генрик всегда ходил, туда и ты иди. Ближайшая водоколонка за кинотеатром. Мостик через яму есть. Так что ничего страшного.

– Поближе ничего нет?

– Дядя Генрик стариком был, но ходил и не жаловался. В субботу однажды три фляги подряд привёз, за картошкой ещё на базар поехал, рюкзак картошки притащил, и всё, к вечеру парализовало. В кладовке тележка имеется, на ней фляга молочная – бери и топай, небось не рассыплешься.

После троекратного путешествия с флягой его не парализовало. Иринка замочила платье в чистой воде, Анжелика залезла на чердак, где нашла новые игрушки, Джина дрыхла с храпом у крыльца под ставший привычным вой с каждым часом удаляющегося экскаватора. Слава богу, от ремонта остались листы шифера, есть чем залатать дыру.

– Когда меня дома нет, вы запирайте калитку на палку и никого не пускайте, – выговаривал Магницкий Иринке. – Понятно? Говорите: хозяина нет, когда будет, тогда и приходите, предварительно договорившись по телефону.

– Между прочим, я тоже хозяйка.

– Это будущее покажет, – Магницкий внимательно оглядел Иринку и снова удивился. – Послушай, возможно, не в своё дело лезу, но, мне кажется, у тебя лифчик стал на пару размеров меньше, чем прежде, это оптический обман? Или прекрасное содержание растёт как на дрожжах?

– Дурак.

– Извините.

– К тому говорю, что ты ничего не соображаешь, поэтому можешь не извиняться. Я беременна.

– Поздравляю. Вот оно что, ну тогда ясно. Вопросов больше нет.

– И напрасно. Тебе бы следовало быть более любопытным и узнать, кто будущий отец.

– И кто же будущий отец?

– Ты.

– Как интересно. Подробнее, пожалуйста.

– Ничего интересного, сплошная проза жизни. Мы живём с тобой вместе? Живём. Ведём совместное хозяйство? Ведём. Весь квартал в свидетелях. Так что не отвертись, дорогой папуля.

– Не собираюсь я вертеться. Такая красивая девушка оказывается моей женой, не вижу причин для страданий. А кто же настоящий отец?

Иринка недоверчиво оглянулась.

– Чего придуряешься, сам знаешь, ты же его бил тогда, чуть не придушил мальчишку, как кутёнка.

– А, Серёга. Смотри-ка, значит, не случайно спасала милого, долбанув меня дубиной. А то я думаю, размышляю: с чего бы? Совет да любовь, неплохой парень, боевой, в армию пойдёт – танкистом будет. Не понимаю, зачем тогда я? Выходи за него замуж, совет да любовь.

– За этого дурака? Офонарел? Лучше аборт сделать, чем с таким болваном жить!

– Но ведь я тоже дурак, по-твоему?

– Не полный.

– Спасибо. Значит, если правильно понимаю ситуацию, спать ты будешь с ним, а детей воспитывать мне поручишь?

– Можно и с тобой, если поженимся. А если нет, алименты платить придётся, уважаемый папулечка. Не отвертисься.

– На редкость добропорядочная девушка, а так ни-ни? Ни поцелуя без любви?

Иринка смотрела на Виктора с женской жалостью.

Так многодетные бабы смотрят на деревенского дурачка перед тем, как подать ему пирожок с картошкой на Троицу у кладбищенских ворот. Не хватало только белого платочка с узелком на подбородке и, естественно, какой-нибудь приличной одежды на это загорелое до восковой зрелости тело, например, сарафана.

– Кстати о птичках, дорогая моя, есть ведь и генетические способы проверки отцовства.

– В законе нет. Там про совместное ведение хозяйства, понял? И если отказываешься от воспитания ребёнка и совместного проживания в браке, изволь, дядя, платить алименты. Про алименты тоже есть закон. А про генетику нет.

Прогнать девушку прямо сейчас? Восстановить статус-кво? Но вряд ли это разрешит создавшееся положение вещей, скорее, осложнит. Увы, по всей видимости, мадемуазель действительно на сносях.

Мило беседуя друг с другом, сожители вернулись к своим занятиям. Иринка принялась стирать платье Анжелики. Он привязывал к листам шифера верёвки, поднимал на крышу, а Иринка с Анжеликой помогали. Джина смотрела наверх, одобрительно помахивая хвостом. Все вместе действительно походили на маленькую дружную семейку, занятую совместным ведением хозяйства. Неужели и впрямь отцовство припаяют?

41.

Проснувшись в три часа ночи, Магницкий включил свет, и от нечего делать принялся ходить по комнате, слегка поколачивая комаров, число которых несомненно уменьшилось по сравнению с июньским, но всё ещё оставалось вполне достаточным, чтобы досадить такому малокровному человеку, как он.

К чему-то вспомнил, как в двадцатилетнем возрасте вдруг возмечтал создать семью. Безликие образы Мамы и Папы давно поблёкли на заднем жизненном плане, перестали занимать мысли своим более чем вероятностным существованием. На смену предыдущему никак не проявившему себя поколению родственников приплыли иные образы.

Во-первых, тоненькая, стройная жена-девушка, с неопределёнными чертами лица, которое иногда приобретало совершенно отчётливый вид, например, соседки по сидению в трамвае, а большей частью находилось в состоянии романтической расплывчатости.

Во-вторых, маленький ребёнок, неуверенно и быстро переставляющий ножки, когда ведёшь его за руку. Этот бесполой карапуз в белых трусах любил пошуметь в саду, да, к слову сказать, Магницкий изначально мечтал со своим семейством жить в тихом маленьком домике с садом.

И вот, следуя замыслам, действительность приняла облик, схожий с мечтой, но с точностью до наоборот.

Когда надоело охотиться за комарами, вздумал среди ночи выгулять Джинку и сам немного развеяться.

Конечно же, вырвавшись на волю, собака помчалась галопом под горочку, да ещё в темноте, да к тому же по дороге с открытыми канализационными люками. Не бег – игра в русскую рулетку.

Вдруг резко затормозила, и он, налетев на твёрдый копчик, сказал: «Ой!». Джина оглянулась с выражением: подумаешь, неженка выискался, и тут же посмотрела вправо, откуда струился зеленоватый туман и где её сильно заинтересовало нечто.

Луна находилась в сильном ущербе и облаках, туман вперемешку с дымом стелился по дороге и пешеходному тротуару. Было довольно холодно. Чувствовалось приближение скорых утренних заморозков, от которых быстро желтеют огуречные плети, и тогда старуха Савраскина спешит собрать все шесть огурцов, произраставших у стены сарая на её личной грядке, дабы не сгнили окончательно.

Среди тумана и невесть откуда взявшегося дыма, прямо на тротуаре, стоял диван. Сидящий на нём мужик в полушубке и почему-то пимах безмятежно курил папиросу, никуда не думая торопиться, будто так и жил здесь всегда среди фотогеничных клубов с неведомых времён до сих пор, и будет ещё очень долго и счастливо существовать в прекрасном настроении.

В глубине двора дымились останки небольшого казённого двухэтажного домика.

– Никто не угорел? – поинтересовался Виктор у диванного мужика в нагольном полушубке.

– Не... все спаслись, слава богу, – отвечал тот, почти полностью исчезая в тумане, только на проезжую часть свешивалась нога в валенке, – оно ведь с чердака началось, или с крыши, пожарные говорят – короткое замыкание. Короче, проводка старая, замкнуло, она и загорелась, и пошло и поехало, но, слава богу, все успели выйти, всех разбудили, и вещички вынесли, время было. Чёрт, одно плохо – валенки намокли, пожарные воды по колено кругом налили. Нормы-то не знают.

Из тумана выплыли ещё несколько сидящих на вещах людей. Они дремали.

– Сгорел клоповник, – пояснил мужик довольным тоном, – обещали к утру машину дать, перевезут нас в какое-то общежитие.

– Ничего, потерпите год-другой, там, глядишь, и отдельные квартиры получите как погорельцы, только район не выберешь, куда-нибудь на окраину попадёте.

– По закону обязаны дать. Посмотрим. Некоторые и по пять лет ждут. Никуда не денешься. А я бы и на Черёмушки согласился с превеликим удовольствием. Ждать будем, а в этом сарае и ждать нечего было, разве когда бревном по голове приедет.

Магницкий с Джинкой устремились в Марьину рошу. Когда возвращались, уже рассвело. Погорельцы дремали на узлах. Никто не торопился перевозить их даже в общежитие, ситуация начинала приобретать трагические тона: а вдруг закон не работает по нынешним тяжёлым временам?

Человек в полушубке спал на своём диване поперёк тротуара, лицо его было мирным, как у фронтовика, вернувшегося домой, и таким же

удовлетворённым. Огнеборцы потрудились на славу, превратив пожарище в чёрное угольное болото. С обугленных брёвен капала вода, ни одной струйки дыма не поднималось над развалинами. Для хорошего коттеджа из красного кирпича, с голубыми елями и дворцовой оградой, места маловато, девятиэтажку тем более некуда впихнуть, даже одноподъездную.

На завтрак было подано новое блюдо: пшённая каша с тыквой и курагой. С удовольствием его поглощая, он внимательнейшим образом изучил Иринкин живот, но ничего предосудительного с точки зрения общественной морали пока заметно не было.

Если ситуацию рассматривать не предвзято, абстрактно, то внешне Иринка очень даже хорошенькая девушка, к тому же каши готовит – пальчики оближешь, не говоря о жареной картошке на подсолнечном масле. Познакомься он с ней на общежитских танцуйках, без сомнения, девица бы ему понравилась, и чёрт знает, что могло впоследствии из всего этого выйти.

Однако ситуация складывается несколько иначе, уж слишком хорошо Магницкий знает девицу-красавицу, чтобы жить с ней рядом, пусть даже в соседних комнатах. Следовательно, необходимо что-то срочно предпринять: либо выгнать вон с небольшим выходным пособием, либо уйти самому, но и в том, и в другом случае следует признать полное собственное поражение, а меж тем совместное житьё становится невозможным.

– Чего выпялился на моё пузо? Боишься, да? – засмеялась Иринка довольно. – Если бы ты на мне женился, то никакого суда не надо, пусть дом остаётся твоим, мне он не нужен. Было бы очень здорово. Я очень хорошая любовница, ты многое теряешь, что от меня отказываешься.

Зазвонил телефон, Иринка сняла трубку.

– Профессор Голубкина тебя просит.

– Виктор Фёдорович? Это Галина Михайловна. Я звонила на квартиру, но там какие-то люди делают ремонт, и вот решила воспользоваться одним из тех дополнительных телефонов, которые вы мне давали, чтобы поблагодарить вас за все хлопоты.

– Не стоит благодарностей, Галина Михайловна. Как вы поживаете, как ваш муж?

– Нас прекрасно устроили. Сейчас на даче в сосновом бору, недалеко плещутся волны моря, если закрыть глаза, то возникает совершенно прелестное, незабываемое впечатление Рижского взморья. Вы были на Рижском взморье?

– Не довелось.

– А я два раза, и по какому-то совпадению оба раза без Иннокентия, просто ездила на конференции. Незабываемое время, знаете ли. Сейчас мы тоже без него. Иннокентий нас недавно оставил. Да, да, представьте себе, как это ни печально. Он, голубчик, затосковал, не нашёл себя на новом месте. На даче ему, знаете ли, не нравилось, сколько ни говорила закрыть глаза и просто сидеть и слушать плеск волн, он не хотел этого делать.

– Глубоко сочувствую и соболезную.

– Не надо, голубчик, мне очень комфортно здесь живётся. Думаю дотянуть лет до ста, не менее.

Она положила трубку.

Виктор тотчас перезвонил Ольге, сообщил про звонок профессора Голубкиной и смерть её мужа тоном работника похоронного бюро.

– Царствие ему небесное, большой был повеса, – сказала Ольга. – Что теперь плакать, слава богу, пожил достаточно, нам бы столько.

– Ты не понимаешь...

– Да всё я прекрасно понимаю. Приезжай, и тебе объясню.

Садовые ромашки погибли во время пикника, пришлось остановиться на флоксах возле самого дома. Из них удалось подобрать букет, содержащий неправдоподобные расцветки. Засунул мимоходом в туфли две лишние стельки на всякий случай, если вдруг отправятся гулять по вечерним улицам пешком, обернул букет бумагой и положил на соседнее сиденье.

В салоне запахло, как в большой клумбе после вечерней поливки.

Интересно понять, есть ли в том, что он на целых два сантиметра ниже Ольги, божественное провидение, или нет, и вообще в чём именно есть божественное провидение в мире? Если есть и во всём, то, как ни крути, это провидение порядочная скотина.

– Это вам, – сказал Магницкий, вынимая флоксы из-за спины, как шулер карты, и протягивая их Ольгиной маме, когда она открыла дверь.

– Как мило с вашей стороны, мне лет тридцать уже никто не дарил флоксы и сирень. А между прочим, флоксы и сирень с детства мои любимые цветы.

– Виктор – главный садовник нашей фирмы. У него есть внутреннее предчувствие, что надо дарить, но, к сожалению, нет чувства, чего дарить не надо.

Ольга решительным жестом направила гостя на кухню, мимо расставленных вдоль стен огромных пластиковых чемоданов.

Провидение продолжало пакостить на каждом шагу, у него имелась свобода выбора, и оно пользовалось ей совершенно бездарно.

Смерть доцента Голубкина оказалась не просто горькой пилюлей, скушав которую, Магницкий почувствовал недовольство своей новой профессией, даже если представить себе, что доцент мирно отдал богу душу у себя в постели, под неусыпным наблюдением лучших врачей местной поликлиники, тут не пилюлей пахнет, а кое-чем похуже. Старик умер через неделю после переезда, когда узнал, что в обители его любви организован продовольственный магазин. Значит, новость здорово потрясла, не зря затосковал.

Гнёздышко разрушено навсегда, сгорело, исчезло, испарилось с лица земли. А Виктор чувствует себя скверно, ибо к данной смерти имеет самое непосредственное отношение. Он получил деньги за то, чтобы старенький любовник побыстрее убрался из своей квартиры и умер. Помогая грузить вещи в контейнер, дабы поскорее свезти старичков на вокзал в последний путь, теща их пустой надеждой, что здесь разгорятся новые страсти, которые они передают, как эстафету, вместе с квадратными метрами. И такое фиаско!

Бабушка прижилась, потому что рядом оказался сын и шёпот Обского моря, так похожий на шелест далёкого Рижского взморья, где в женском прошлом имелось нечто бурное, под стать её неукротимому темпераменту. Неугасимое, с горячим эстонским парнем. Она ушла в иные воспоминания. У неё оказался запасной вариант, старик же потерялся, съехав с места, осенённого многолетним жизненным теплом, непосредственно в могилу.

Приблизительно в таком ключе Магницкий выразил своё мнение Ольге, оказавшись на кухне.

Он был усажен за стол к тарелке салата из кальмаров. Ольга молча слушала. Несколько упакованных чемоданов стояли в кухонном коридорчике.

– Насколько я могу тебя понять, ты предлагаешь срочно прекратить нашу деятельность только из-за того, что некоторые пожилые люди могут умереть после переезда?

– Не потенциально могут умереть, а вполне конкретный человек умер через неделю. Полина Васильевна тоже дышит на ладан, а мы ей напоследок устраиваем путешествие за три моря. Я могу гарантировать, что не пройдёт и месяца после этого переселения, как она отдаст концы.

– Все люди смертны. Ты человек, значит, тоже когда-нибудь умрёшь, не бери на себя слишком много. Они сами принимают решение: ехать им или оставаться. За шиворот мы никого не тянем, наша скромная задача – помочь людям продать, обменять или купить квартиру и проследить, чтобы всё было сделано в рамках закона. Получив при этом некоторую заработную плату, разумеется. Давай оставим эмоции в стороне.

– Но ты не можешь не согласиться с тем, что мы их разыгрываем. Без нашего мини-спектакля покойный доцент Голубкин не поднялся бы на крыло в свой последний полёт. И Полина Васильевна тоже.

– Дорогой мой, их сын желал переезда гораздо сильнее, чем мы. Да, помогли ему, но это было их совместное семейное желание переехать. И сестра Полины Васильевны разве не достойна жить рядом со своими детьми и внуками, а между тем уже три года ухаживает за лежачей больной, и заметь, делает это на восьмом десятке. Что будет, если она завтра умрёт, что тогда станет с Полиной Васильевной? Переезд в какой-нибудь областной дом престарелых, и кто даст честное благородное слово, что там она будет иметь такой же уход, как от родной сестры?

– Зачем тогда врём?

– Чтобы получить заказ, чтобы он не достался другому пронырливому дяде, понял?

Магницкий сказал: «Да».

– Отлично. Но, мне кажется, в будущем тебе лучше подыскать себе место на госслужбе, с такими-то эмоциями. Небольшая зарплата два раза в месяц, домик с садиком, молодая жена, что ещё надо человеку на старости лет?

– Немедленно соглашусь, если ты займёшь место молодой жены в домике с садиком.

– Нет, я по натуре слишком самостоятельная женщина с характером, чтобы составлять чьё-то счастье вообще, кроме своего собственного. Счастье – это иллюзия, за которой не стоит гоняться открыв рот, хотя и уклоняться от него нечего, если вдруг ненароком вздумает посетить.

– Но ведь Стефан не слишком честный человек, если все бумаги Жаркова исчезли.

– Стефан – деловой человек, об этом можно судить по факту быстрого оформления визы. Ты видел эти бумаги? Может быть, их вовсе не существовало в природе?

– Стало быть, решение окончательное, уезжаешь?

– Ты как моя мама. Она задаёт этот вопрос каждые пятнадцать минут трагическим голосом. И каждый раз с неподдельным интересом заглядывает в глаза. Отвечаю: я уже купила билет, через десять дней меня здесь не будет, поэтому поговорим о делах, которые вступают в стадию завершения. Деньги из Армении пришли, нам надо в три дня всё проверить, это трудно, но

возможно, если оформление пойдёт по самому дорогому и быстрому варианту, кстати, машина, на которой мы с тобой ездим, уже продана, скоро её заберут. Завтра в семь тридцать утра приезжай за мной, весь день будем мотаться на колёсах, поэтому заправься сегодня.

Десять дней – не так уж малый срок, за это время можно серьёзно надоест друг другу, особенно если проводить все дни вместе.

– Твоё настроение изменилось в лучшую сторону? – оценивает она. – Надеюсь, не обиделся? Нет? А я вся изнервничалась в последние дни, особенно из-за мамы.

– Ничего, она неплохо выглядит. Все привыкают.

– Потом, когда устроюсь, заберу её к себе.

– Естественно, не везти же пожилого человека на голое место.

– Хорошо, что хоть ты это понимаешь. Осталось несколько стульев, возьмёшь?

– Возьму, в хозяйстве пригодятся.

– Компьютер тоже бери. Слушай, а почему бы тебе не вернуться в НИИ, где работал прежде? Ты ещё не очень старый, защитишь кандидатскую диссертацию, докторскую, так, глядишь, со временем у меня будет знакомый профессор в России.

– Там полный развал.

– Ерунда, самое время дерзать, нет, правда, сходи к ним, прежнего переизбытка кадров давно нет, не те времена. А в бизнесе вам, сэр, искать нечего.

Ольга посмотрела вверх, на стену, где висели часы, потом за окно.

Когда настроение портится, психологи советуют петь какую-нибудь мелодичную песню, утверждая, что это сглаживает внутренний дискомфорт. Виктор включил зажигание и запел во весь голос первое, что пришло в голову, – русскую народную песню: «Не уезжай ты, мой голубчик», посвящённую светлой памяти доцента Голубкина.

Подходившая к подъезду модно одетая женщина в каштановом парике чуть не споткнулась от его внезапного оперного вступления. «Да чтоб тебе...», – окончания её пожелания не расслышал, лихо вырвав на дорогу, топя с головой педаль газа.

42.

Следующие несколько дней Магницкий добирался домой только поздним вечером, в прочее время они с Ольгой, как горячий нож масло, пронзали десятки административных организаций, где добывали справки, разрешения, согласования.

Параллельно с оформлением купли-продажи квартиры занимались переводом её в нежилое помещение, а также ликвидацией фирмы, начав здесь с предварительной продажи имущества: от пяти коробок канцелярских скрепок и двадцати ящиков перфорированной бумаги до компьютерных запчастей.

Отправка контейнера с вещами и отъезд старушек на вокзал к поезду происходили почти одновременно. Для удобства Полины Васильевны Ольга заказала микроавтобус с широкой дверью-купе и большим диваном в салоне,

не меньше их домашнего. Контейнер с вещами увезли на товарную станцию, они погрузились в автобус и отправились провожать старушек на пассажирский вокзал.

На скамеечке недалеко от подъезда остался сидеть папа-армянин, которому Ольга кинула ключи от квартиры, но старушкам, естественно, представлять не стала. Он встал и пошёл в пустую квартиру, которая числилась нынче как нежилое помещение, и которую завтра же бригада южан начнёт переделывать под магазин.

На вокзале Магницкий внёс Полину Васильевну в вагон на руках, другого способа транспортировки не было. Ольга купила им в подарок провизии на весь путь: минеральной воды, хорошей копчёной колбасы, сыра, буженины, фруктов, заставив весь небольшой столик между сидениями. Екатерина Васильевна в дорогу настряпала пирожков с капустой и картошкой, прощались, как самые близкие родственники.

Ольга вышла из купе первой, а Полина Васильевна продолжала строго-настрого наказывать Магницкому:

– Маму, маму не забудь возьми с собой жить, иначе рассержусь.

– Возьмём, конечно, возьмём, а как же иначе, сын я или не сын в конце концов? – отвечал тот без малейшего колебания, с неугасимой верой в своё сыновнее призвание.

А когда покинул купе, выйдя в коридор, там догнала Екатерина Васильевна.

– Ну, всё теперь в порядке?

– Надеюсь, доедете хорошо, на месте встретят ваши внуки, дочь и зять. Мы созвонились с ними по телефону утром. Пребывают в полной боевой готовности, обеспечат своевременную встречу по первому классу. Так что не переживайте.

Екатерина Васильевна пристально, без улыбки смотрела в глаза.

– Сейчас-то уже можешь и не обманывать, я ведь всё знаю. И что вы с Ольгой не муж с женой, а квартирные маклеры, и то, что квартиру Полину продали под магазин армянам приезжим.

– Откуда?

– Нетрудно догадаться, милый мой, из жизненного опыта, – Екатерина Васильевна обернулась на дверь купе, за которой оставалась сестра. – Полина не знает, ну иди, иди с богом. Какая нам разница-то, правда ведь? Да и мне уж очень сильно надоело здесь сидеть, что бог ни делает – всё к лучшему.

Ольга стояла на перроне перед окном вагона, устало улыбаясь, делая «пока-пока» пальчиками. Изнутри по стеклу ползала Полина Васильевна, тарача красивые молодые глаза сквозь покрытую копотью поверхность. Екатерина Васильевна поддерживала её сзади. Полина Васильевна открывала рот, что-то говорила им, вероятно, давая последние указания, в какой комнате поселить бедную маму.

– Дело завершено ко всеобщему удовольствию, – сказала Ольга, улыбнувшись ещё и Виктору. Что, Екатерина Васильевна догадалась?

– Да.

– Она дала мне понять. Очень деликатно, ведь и сама выиграла на этом деле трёхкомнатную квартиру для своих внуков. Ладно, с этим покончено, у меня куча дел впереди, надо бежать. Как думаешь, можно мне сейчас уйти, прежде, чем поезд тронется? Это ведь не будет проявлением душевной чёрствости?

– Конечно, иди, я дождусь отправления. Они поймут.

– Ладно, ещё встретимся.

Помахав обеими руками старушкам, Ольга резво взяла старт. Полина Васильевна больше не открывала рот, просто трогала ладонями стекло. Внутри купе казалось очень темно. И два лица, приклеившиеся изнутри к окну, напоминали не слишком отважных исследователей морских глубин, находящихся в батискафе перед погружением на рекордную глубину, откуда в обозримом будущем не предвидится их героического возвращения.

Дома не успел помыть руки и сесть за свой компьютер, что перекочевал из фирмы в комнату, Иринка заверещала благим матом.

Магницкий уже привык к её визгу по поводу отсутствия воды при необходимости помыть посуду, и даже не вздрогнул. Сначала.

– Сам говорил, что надо закрывать калитку, а сам не закрывает! Иди скорей, там мужик!

– Ну и что, мужик? Боже ты мой, мужика никогда не видела, что ли?

Раздосадованный поднялся из-за стола и двинулся на выход с голыми руками, не прихватив с собой даже самого маленького топорика, который на всякий случай припрятан за сенешной дверью.

В углу у калитки, где прибит почтовый ящик, действительно стоял мужик. Ничего особенного. Стоял к Виктору спиной, лицом обратясь к почтовому ящику в несколько странной позе.

Сначала хозяину показалось, что тот справляет малую нужду на угол дома, поэтому решил не рассусоливать, немедленно привести мгновенно приговор в исполнение – пнуть хорошенько под зад, и вся недолга.

Рыжие кирзачи окажутся весьма кстати.

Вот ведь чудо, кусты рядом, можно сказать, в неограниченном количестве произрастают, сделай три шага, и это... ну что, жалко, что ли? Так нет, надо обязательно испоганить чужой дом, и не будет он сегодня сдерживать оскорблённые чувства – надоело: раз ты свиньёй ввалился, значит, будет произведён штрафной удар столь невероятной силы, что камрад Франц Беккенбауэр зарыдает от зависти в далёком ФРГ.

В окошке мелькнуло белое Иринкино лицо с вытаращенными глазами, пальцем она указывала направление, в котором следует искать окаянного мужика.

Магницкий уже набирал разгон для исполнения штрафного, но успел заметить, что Иринка чрезмерно навалилась на цветок алоэ на подоконнике – как бы не опрокинула. Алоэ от своевременной поливки вымахал преогромный, а горшочек махонький, часто перекувыркиваться начал, надо побольше горшок купить, и тут только разглядел, что неизвестный гражданин занимается совсем другим делом.

Открыл крышку почтового ящика и пытается рассмотреть улицу через узкую щель в заборе, куда почтальон кидает газеты. Пытается запихнуть круглую башку в кепке с бритым затылком и жирными складками левой половиной вперёд – ему мешает левое ухо. Изгибает шею вправо и пихает дурную голову в ящик правой стороной, однако и правое ухо оказывается нисколько не меньше левого.

Виктор замедлил скользкий бег. Пробивать штрафной прямо у ворот за столь незначительное нарушение излишне. Вполне достаточно вынести предупреждение в устной форме, даже без жёлтой карточки.

– Эй, гражданин, чем это вы тут занимаетесь?

Гражданин в кепке, потёртой кожаной курточке и светло-голубых лияных хэбэшных трико мгновенно развернулся, сунув правую руку за полу куртки.

Жест хозяину не понравился. Ещё меньше приглянулись водянистые, абсолютно пустые глаза, смотревшие сквозь Магницкого, с фокусировкой объектива шагах в двадцати за его спиной.

Приблудный ничего не отвечал, стоял прочно, не качаясь, но и не вынимал руку из-под куртки.

«Эх, а всё же следовало выполнить штрафной удар! Теперь возись неизвестно с кем и непонятно по какому поводу, – как всегда с запаздыванием раскаялся Виктор в природной своей доброте, за которую в какой раз приходится нести наказание. – Что же там у него за паухой может быть, кто подскажет?»

– Слушай, приятель, иди-ка ты с моего двора туда, откуда пришёл, ладненько? – начал без всякой угрозы, – иди домой и отдохни там.

На пустоглазого слова не произвели никакого впечатления, словно бы не слышал. Его беспокоило нечто другое, то, что находилось за спиной Магницкого.

Белое, как лист бумаги, лицо усеяно капельками пота. И не пьян, прекрасно сохраняет координацию. Наркоман? Многодетная семейка цыган, живущая в тамарином доме, как раз сменила профиль деятельности, перейдя с водки на наркотики после того, как спиртного в магазинах стало хоть залейся.

Вот задержись он на работе, а тут Анжелика играет в свои куклы, что такому бумбарашке может взбрести в голову, разве догадаешься?

– Мужик, короче, так, считаю до десяти. При счёте десять спущу собаку. Если не успеешь за это время исчезнуть – пеняй на себя. Договорились?

Развернулся и промаршировал до угла дома, потом не слишком быстро направился к крыльцу. Собачка давно знала, что в ограде чужой, и едва только Магницкий успел надеть ошейник да ухватить поводок, огромными скачками, с хриплым рёвом, поволокла его к калитке.

Мускулатура льва рельефно перекатывалась под густой рыжей шубой, Магницкий изо всех сил упирался, потому что ещё не успел досчитать до десяти, как они были снова возле угла дома, где дорожка поворачивает направо и открывается финишная прямая к калитке.

Плутающий неизвестно в каких мирах незнакомец в хэбэшных трико с презентативными пузырями на коленях абсолютно всё перепутал: вместо того, чтобы вежливо удалиться и закрыть за собой калитку на щеколду, как делают некоторые скромные гости, мясистый викинг двигался в противоположном направлении, отчего неожиданно оказался на повороте дорожки.

Думать о технике безопасности управления кавказской овчаркой в данной ситуации оказалось поздновато. Ситуация разом вышла из-под контроля.

Рука наркомана по-прежнему пряталась за полую кожаную куртку, что собаке также не понравилась. Она не стала кидаться грудью вперёд на нож, шалишь, дядечка. Буквально стелясь по земле, неуловимым движением стянула с бича его лияные штаны, раскроив хэбэ на ленточки, благодаря чему обнажились толстенькие, упитанные, белые ножки.

Это было даже не смешно.

На лицо незнакомца явилось долгожданное осмысленное выражение. Им оказалось недоумение, идиот попытался вернуть штаны обратно, но натянул себе на живот одну резинку.

Виктор громогласно заорал на дикую собаку, хватая львиный загривок, не тут-то было!

Орудие возмездия так клацнуло зубами на хозяйском запястье, что тот взвыл уже от боли и возмущения, хотя его не укусили, а только прижали зубками для острастки.

Положение викинга в следующую секунду приняло катастрофический оборот: опять же от земли, снизу вверх кавказа застрочила белоснежную упитанную ножку кровавыми стежками, как швейная машинка фирмы «Зингер» – быстро и качественно.

Когда до детородного органа оставалось всего ничего, по малиновой искре, сверкнувшей в собачьих глазах в сторону данного объекта, Виктор понял, что находится в пяти сантиметрах от статьи уголовного кодекса за членовредительство в полном смысле этого смешного слова, кстати, небезынтересно уточнить формулировку: с конфискацией имущества или без оного?

Оставив за неимением времени вопрос без ответа, он набросился на собаку, схватил за гриву и от страха поднял одной правой рукой как можно выше над головой, как Геракл льва в доисторическую эпоху.

Пятьдесят килограмм, не меньше, между прочим. Это вам не гири с ручкой на соревнованиях – когтистая пружина в полцентнера весом, то вверх лапами махнёт, то вниз, так и ходит туда-сюда, так и играет, а целит, между прочим, в лоб горемыке-нарку, бесштанной команде. Эх, дурила, какого чёрта ручонку прятал за пазухой, замёрз, что ли?

– Мужик! Беги! Не удержу, – простонал Виктор, из последних сил изображая гордого пролетария в известной скульптурной группе «Рабочий и Колхозница», хотя стоял один, да и в руке держал не молот, а как бы вроде разъярённую Колхозницу за шкирку.

Идиот смотрел на них без малейшей искорки любопытства, с меланхолией, так граждане на трамвайной остановке от скуки глядят на трамвай, уходящий в противоположную сторону.

И дождался: извернулась собака гуттаперчевым мальчиком, достала когтистой лапой по кепке, отчего неизвестный соломенным мешком повалился мордой об асфальт. Ах, нехорошо!

Быстренько вскочил, на весь лоб распахнулась алая звезда с острыми кровавыми лучами, а в глазах ужас, ужас, ужас, ну, наконец-то дошло. Мучительное напряжение возникло в пустых глазах пришельца, пробиваясь обратно к реальности через фантастику наркомиров, ужаснулся, что и в местной суровой реальности его положение не из лучших.

Разглядел человека в позе уставшего атланта с поднятой рукой, держащей бешено крутившую башкой хрипящую овчарку, что роняла в разные стороны клочья пены, желая вывернуться из ошейника.

Развернулся и побежал к воротам. Как был, без штанов.

Джинка долго ещё в приступе бешенства грызла перекладыны калитки, которую Виктор успел захлопнуть перед её носом, не позволяя себя увести на место.

– Мужика съели? – с надеждой в голосе спросила Иринка после того, как Магницкий вернулся. – А то он меня так напугал...

- Съели.
- Так ему и надо. Бандит какой.
- Обычный наркоман. Укололся у ваших цыган да забрёл к нам на огонёк.
- А пусть не забредает. У нас тут, небось, дети во дворе. Слушай, сделай доброе дело, сходи за водой, ну без воды вообще ничего делать нельзя.

43.

Осталось три дня до отъезда, Ольга носилась по городу, прощаясь со всеми многочисленными друзьями и родственниками.

Виктор остался опять безработным, но уже с компьютером не самой плохой марки да некоторым капиталом в кармане.

Судебное дело по дому началось. Его недвижимость попала под арест на проведение любых сделок.

В лучшем случае Виктору доставалась половина, только вот жить в этой половине ужасно не хотелось рядом с беременной учащейся железнодорожного техникума, внезапно полюбившей судопроизводство. Дом казался слишком мал для них двоих. Мира с Иринкой не получится, будет вечная коррида, сутяжничество, в общем, самая обычная коммунальная квартира.

А с другой стороны, он слишком привык к своему собственному жилищу, скрипам половиц, почти жёлтым старым стёклам в больших рамах.

От нечего делать Магницкий слонялся по городу, забрёл в институт.

На проходной сидел незнакомый охранник с бдительными глазами. Беда с этими новоиспечёнными военными пенсионерами, оказавшимися в расцвете сил не у дел.

– Здравия желаю! Позвольте телефончиком местным воспользоваться? Благодарю.

Позвонил Черкизову. Тот вышел почти сразу, ещё более солидный, чем прежде, в тёмных очках и толстовке.

– Пойдём, сеньор, посидим на лавочке, – предложил Виктор, слегка шевельнув сумкой, где приятно звякнули бутылки с пивом.

Прошли в парк под заросли клёнов, расстелили на грязной скамейке свежую прессу, сели поверх, открыли по бутылочке.

– Неплохо, – сказал Черкизов, – ты вовремя пришёл, я как раз домой собирался на обед, теперь обойдусь жидким хлебом.

– Да, стали и у нас нормальное пиво делать. Что удивительно, в самую жару везде его хоть залейся. Социализм вспоминается как дурной сон.

– Ничего удивительного. Число членов профсоюза резко сократилось, количество пива возросло. Что говорил товарищ Сталин в «Книге о вкусной и здоровой пище»? «Характерная особенность нашей революции состоит в том, что она дала народу не только свободу, но и материальные блага, но и возможность зажиточной и культурной жизни». Только вот купить не на что.

Черкизов вырос в научной семье с большими культурными традициями, где настольными авторами были Ильф и Петров, хотя не брезговали и классиками марксизма-ленинизма, ибо научные изыскания старших членов

семейства относились к большевистскому подполью, и, так сказать, хлеб свой насущный родители жали именно с этой благодатной полоски.

– Про тебя слышно – таки заимел недвижимость на старости лет?

– Мечты превзошли все ожидания.

– А что груstim?

– Удобства во дворе, холодной воды нет, про горячую даже не заикаюсь.

– Слышно было, что в центре и с садом каким-то совершенно необыкновенным.

– Это верно. Дом с садом достался, но в нагрузку юная беременная девушка. Ну, а вы тут как? Есть что-нибудь интересное для ищущего и разумного человека, или все темы закрыли окончательно и бесповоротно по причине всеобщего братания юэсэй-руссиш бхай-бхай?

– Неужто дезертира научного фронта потянуло обратно в окопы? Заметь, на Бульваре Молодых Дарований для вас мест больше нет, что же касается тем договоров, то здесь, напротив, полное разнообразие, граничащее с анархией.

– Платят как?

– Вы опять про жалованье? Придётся поставить вопрос о рвачестве, – Черкизов прильнул к бутылке, после чего аккуратно поставил её, уже пустую, на асфальт возле скамейки.

Бродившая в кустах фигура мигом насторожилась, приблизилась нервными скачками, и тут же бутылка исчезла с асфальта, будто корова языком слизнула.

– Но не думай, что я не понимаю ближнего, как самого себя, – продолжил доктор наук задушевно, – финансовая пропасть самая глубокая из всех пропастей, в неё можно падать бесконечно долго, иногда всю жизнь. Лично я падаю семь долгих лет. Тем новых наоткрывали без всякого финансирования: трудись не хочу, но платят, гады, до неприличия мизерные деньги, а на руки выдают и того меньше: одну двенадцатую назначенной ставки.

– Меньше церковной подати в Древней Руси? Здорово.

– Здорово – это чрезмерно мягко сказано. Впрочем, наличествует и существенный плюс во всём этом разгильдяйстве, а именно: наихудшие представители отряда начальствующих разбежались кто куда. И среди них главный ударник Кисель – намылился в первопрестольную, в известном банке управляет олигархическими финансовыми потоками. Так что дышать стало много легче в связи с окончанием сезона монополии мародёрства. В науке воцарилась атмосфера постной чистоты и прохладной благости. Блатные отпали, как клопы от мёртвого тела, перейдя в бизнес.

Они открыли ещё по бутылочке.

– Да, жить стало легче, жить стало веселее, – подмигнул Черкизов, – но учтите, Вольдемар, техника счётная напрочь устарела, фондов нет и не предвидится, зарплата грошовая, туалеты закрыли на ремонт с год тому назад, труба, видите ли, в подвале лопнула канализационная, а сантехника сократили по штату. Так что ходим во второй корпус, пользуясь поддельными пропусками. А куда деваться?

– Трудности всегда только подчёркивают пафос созидания. Можешь не продолжать. Даже отсутствие театра меня не напугает, я не инженер Талмудовский. Короче, считай, уговорил, бес плешивый, бери хоть мэ-нэ-эсом, хоть программистом. Я тебе пригожусь.

Черкизов почесал височную кость, вздохнул и умолк. Он немного обиделся, что не позволилидохныкать до конца. Стал думать и придумал.

– Давно валяется ставка программиста в лаборатории моделирования, только у них компьютера нет, придётся ходить просить и побираться: кто, где, когда пустит посидеть вечерком или в выходные. Насчет мэ-нэ-сов хуже, аспиранты молодые ставки расхватили, шустрый народ пошёл, успевают гранты долларовые получать. Если по науке нашей дурацкой соскучился – валяй, коли бизнес надоел. Тоже ведь, не всякому дано зеленёнькие стричь, – он вяло улыбнулся и тяжелейшим образом вздохнул.

– Отлично, компьютер у меня свой, как-нибудь притащу и поставлю, но чур, чтобы стол нормальный был, не качался.

– Так ты просто ценный кадр получаешься. Слышишь, брат по разуму, мне одну штуку надо посчитать...

– Посчитаем, не обидим. А мне нужна комната в общежитии.

– Комната, то бишь койко-место?

– Когда я говорю про комнату, как правило, это означает отдельную двухместную комнату для меня одного красивого такого лично.

– Да, если улечься троим на полу, то войдёт семеро и даже останется немного места, – вспомнил грехи молодости Черкизов. – За комнату платить сейчас ого-го сколько надо, не то что прежде. Твоей здешней реальной зарплаты не хватит, ручаюсь.

– Не ваша печаль.

– С общежитием решим, хотя, сам понимаешь, на это потребуется немного большее количество времени, чем на само трудоустройство. Часа через три позвони. Но запомните, Витя, если впоследствии начнёте опять жаловаться, что вас достала жизнь в общежитии, лично придушу вот этими длинными интеллигентными пальцами.

– Руки короткие.

– Договорились.

Со стороны улицы его дом, да и квартал в целом, по-прежнему напоминают осаждённый город, с нерукотворным бездонным рвом и земельными валами в два человеческих роста высотой, из которых торчат искорёженные ржавые трубы бывшей теплотрассы, разломанные бетонные плиты лотков с торчащими во все стороны прутьями арматуры, вывороченные глыбы асфальта.

Эти редуты не вызывали, однако, чувства защищённости у местных жителей, у Виктора в частности.

Казалось, на данном участке городской территории произошла смертельная бойня, в результате которой гражданское население понесло большие потери.

Он, например, лишился части прав цивилизованного общества, утратив водопровод, и теперь совершенно не хочется идти домой из-за того только, что Иринка с порога закричит: «Пора делать доброе дело!!!», что означает: бери флягу с коляской и езжай к театральной водоклонке, на виду у множества культурно гуляющих знакомых.

Соседи, не могущие попасть к себе домой, сами настроили шатких мосточков, с которых лишённые чувства равновесия пенсионеры сыпались в ров, как кедровые орехи поздней осенью из перезрелых шишек.

Старуха Савраскина на этом вывихнула челюсть, и пока хирург не вставил её обратно, три дня не слышно было утренних молитв через форточку.

Общественное мнение сильно возмущалось против экскаватора, однако с наступлением первых огуречных холодов страсти заметно поутихли, в глаза экскаваторщика уже не ругали, большей частью за глаза, в ограде, за заборами, где, собственно, и полагалось выражать своё несогласие с властями в прежние времена.

Лицо московской национальности первым узнало отчество работяги, и скоро к нему потянулись окрестные жители, вежливо интересуясь:

– А как вы считаете, Роберт Николаевич, успеют нам до морозов отопление подключить?

На что Роберт Николаевич или ничего не слышал, или отвечал: «Моё дело маленькое – траншеею прокопать».

– Раньше 7-го ноября и не ждите, – говорили знающие люди.

– А чего теперь 7-е, теперь 7-е не праздник, а просто переворот. Его начальство не боится.

– Какой же там праздник тогда? Конституция, что ли? Замёрзнем, братцы, до Конституции.

– Конституция 12 декабря теперь.

– А если не успеют? По зиме-то, да по снегу свари их, трубы, в мёрзлой траншее, попробуй...

– Дальше Новый год только, а там Рождество.

– Нет, до Нового года все замёрзнем, подчистую. Надо письма писать в прокуратуру: так, мол, и так: ямы к зиме нарыли, снегом их заносит, а отопления нет и не предвидится. А лучше буржуйки покупать.

– Да ещё август на дворе.

– Пока раскачаются, пока отпуска отгуляют, уже и снег выпадет, оглянуться не успеешь.

Наслушавшись рассуждений соседей о временах года, Магницкий подобрал небольшой обрезок арматуры, при помощи которого удобнее проводить беседу с экскаваторщиком Робертом, названным в честь начальника Сибирского края красного латыша Роберта Эйхе.

Наследник красных традиций копошился на своём жёлтом механизме в самом конце квартала, как рыжий болотный комар, то и дело погружая ненасытный хоботок в тело матушки-земли, которую так любил оберегать от всевозможных продаж для личного пользования товарищ Пасечник.

Пришлось дважды трахнуть прутком по кабине, чтобы весёлый наследник заглушил свою тарахтелку.

Магницкий запросто прыгнул к нему в кабину.

– Ты сломал мне водопровод. Даю четыре дня сроку провести воду от соседнего дома. Найдёшь водопроводчиков сам, так и быть, заплачу им в пределах государственных расценок. Всё ясно?

– Всё. Так... где ж..?

Обезвоженный житель без спроса вновь бабахнул арматурой по кабине.

– Да когда ж..?

Ещё разочек бабац!

– Учти, Робертино, третий раз стучу по крышке гроба. Разговор окончен.

Дома калитка распахнута, как в проходном дворе: заходи, бери кому чего не лень. Ну, Иринка, погоди, и до тебя очередь дойдёт. Джинка хрипло

выла в кладовке, ни на секунду не умолкая, двери в дом нараспашку, то ли зашёл кто?

Он подробно обследовал кухню, обе комнатки, никого нигде не было.

Вот растрёпа!

Или загорает где-нибудь, или в малиннике ягоду ест. На плите допревали ароматные щи с капустой и приличной мясной косточкой, которую могли себе позволить в последнее время в этом доме.

Пахнет замечательно вкусно, налил тарелку, нарезал хлеба, сел за стол, покушал и лёг спать, сам себе ужасно завидуя. Кажись, только-только смежил веки, в окошко застучали. Эх, мама, мама!

44.

Стучал опять живёхонький экскаваторщик – враг рода человеческого. Позади него у мостков торчали посторонние люди. Виктор развёл руками в изумлении, пошёл встречать дорогих гостей.

– Хозяин, трубы куда складывать будем? – два мужичка в робах с покорным видом туркестанских ишаков приволокли длинную, прогнувшуюся связку новеньких водопроводных труб.

Экскаваторщик пояснил:

– Вот ребята согласились водопровод провести. Прямо сегодня и начнут копать.

– Только вручную в саду, никаких грейдеров и экскаваторов, у меня охранная ландшафтная зона.

Ребята переглянулись.

– Да разве мы не понимаем?

– Они понимают, – заверил экскаваторщик, – в лучшем виде соорудят. Там двух ям хватит от соседского колодца вести. Миллион рублей стоить будет, между прочим – оптовая цена. Трубы нынче сильно вздорожали.

– Заносите, ребята, – Виктор уступил дорогу, и ребята опасливо потянули свой груз через канаву.

Промасленные заводские спецовки и общее направление движения указывало, что пришли они быстреньким шагом со стороны гвоздильного завода, куда по утрам с голодухи ему иногда хотелось устроиться контролёром ОТК.

Прикинув сметную стоимость работ с учётом ворованных труб, Виктор назвал свою цену:

– Пятьсот тысяч.

Ребята встали как вкопанные.

Он постучал по трубам:

– Ну, нет, так нет, а денег на ветер нынче никто бросать не собирается. Откуда этот металлолом? – спросит меня сегодня же вечером наш участковый милиционер. Что отвечу? Ладно, сердешные, за отвагу вам пятьсот тысяч плюс пара бутылок водки «Белое озеро».

Мужики попытались переглянуться, но с грузом на спине, да ещё на узком мостике через котлован, делать это крайне неудобно, хозяин подтолкнул трубы в калитку, и рабочие пошли, ибо отступать и поздно, и некуда.

– Согласные они, – озвучил ситуацию экскаваторщик.

Но ребята оказались с норовом.

Сбросив трубы, возвратились на капитанский мостик и дружно принялись отскребать сапоги от глины. Поскребя со всех сторон, тот, что выше, подал голос:

– Хозяин, оно, конечно, дело ясное, переосмыслений не потребуется ни под каким видом, только вот нам бы лучше «Кузнечный взвоз». И это, того, по паре бутылок на нос.

Магницкий восхищённо хлопнул меньшего по плечу:

– И пятьсот тыщ на два носа.

– Это само собой, – довольно равнодушно подтвердили они.

– Замётано.

– Сделаем.

Он ещё раз хлопнул рабочих, стряхивая с мостика.

– Завтра с утречка начнём.

Экскаваторщик отправился к своему землеройному змею, рабочие – трудиться на завод, а из кустов малины вылезла роскошная женщина – Иринка.

– А что тут за трубы лежат?

– Водопровод делаем, не видишь, что ли?

– Ах ты моя умничка, Витенька, ну дай я тебя, умничку, поцелую.

– Упаси боже.

– Ко-з-зёл.

Вечером он позвонил Ольге.

– Привет, на завтра планы не изменились? И как там с чемоданами, мне подойти пораньше?

– Автобус отходит в 11 утра. Относительно багажа не беспокойся, у меня всё спланировано – грузовое такси доставит вещи прямо на автовокзал. Приходи, если хочешь, туда. Доступ к телу с 10.55 до 10.57. Только без цветов, венков и прощальных слёз. Меня уже достали и ближние, и дальние своими причитаниями.

– Что, совсем нельзя будет даже немножечко понуть: «Ну на кого ты нас, глупеньких, покидаешь»?

– Именно этого нельзя ни в коем случае.

– Тогда дружно стиснем зубы. Буду как штык, нет, как стальной кинжал в груди Марата, ровно в 10.55.

45.

Виктор перемещался по самому длинному маршруту в направлении вокзала, позволял обгонять себя всем кому не лень, однако же прибыл туда несколько ранее указанного Ольгой времени.

Возле искомой платформы организовалось прощальное общество, даже небольшая очередь на совершение последнего поцелуя в щёчку.

Он укрылся за столбом и некоторое время выжидал, подглядывая за прохождением церемонии правым глазом, выставив его из-за столба, как перископ. Теплилась призрачная надежда, что когда стрелки часов достигнут нужных минут, а его не будет, Ольга проявит волнение, ладно, пусть не волнение, так, вздёрнет вопросительно брови, посмотрит по сторонам, или покачает головой, или хоть что-то. Однако ничего такого для него

замечательного не произошло. В 10.56 пришлось покинуть укрытие и дисциплинированно встать в очередь.

Тем временем автобус развернулся у платформы, завоняв округу едким сизым дымом, открыл двери, провозгласив устами кондукторши посадку. Пришлось выкинуть из головы даже пятиминутную прощальную речь.

В три секунды посадка завершилась, автобус лихо отвалил от защёлканной семечками платформы, увозя немного встревоженный резким поворотом судьбы взгляд.

До странности спокойным человеком шёл он по улице и очень удивился, когда рядом остановился почти пустой трамвай, приветливо открыв дверь.

Оказалось, трамваи ещё ходили в этом опустевшем городе, где жизнь не то чтобы приостановилась, а просто закончилась. Никто не вышел и никто не вошёл – предпоследняя остановка. Трамвай стоял с распахнутой прямо перед ним дверью и ждал. Было бы постыдно обмануть его искреннее предложение, Магницкий поднялся в салон, где честно прокомпостировал талон.

Пассажиры неприветливо заглядывались, ибо в трамваях давно стало негласным законом ездить бесплатно. Кондукторов убрали во времена социализма, а редкие контролёры не беспричинно опасались расплотившихся на воле и не знающих никакого страха, вконец обнаглевших зайцев, чаще всего пьяных.

На конечной остановке из вагона пришлось выйти.

Углубившись в собственное мирозерцание, он двинулся куда глаза глядят, уходя всё дальше и дальше в пригородный лес, обгоняя редких гуляющих с собаками. Спортсмены группами и поодиночке то и дело проносились мимо, обдавая тёплыми волнами разгорячённых тел.

Ни о чём особенном не думалось. Магницкий шёл просто так, хотя немного быстрее и сосредоточеннее обычного прогулочного шага, как ходят утром на работу. Внутри не было ни малейших чувств, кроме некоторой замороженности, будто бы под местной анестезией у него нечто удалили, и до поры до времени непонятно, что именно. Ватная послеоперационная пустота. Сосновая аллея сменилась светло-берёзовой, потом снова настало хвойное затемнение, далеко внизу уже блеснула ртутью река.

Вот здесь он ставил машину. Следов шин не заметно.

Возможно, их и не было. Почва достаточно твёрдая. Постояв пару минут в восходящих потоках свежего речного воздуха, человек распахнул руки и ринулся вниз, не притормаживая на выражах крутой тропы.

Где-то на половине пути подвернулась нога, после чего путник и его башмак расстались, продолжив полёт в отдельности друг от друга.

Погоня продолжалась до самого подножия обрыва, где Виктору пришлось резко тормозить из-за лохматого худого грибника, ковылявшего с сухой палкой и полиэтиленовым мешочком, на доньшке которого виднелся небогатый урожай. Глиняные комья, летевшие следом, атаковали старика, но тот неожиданно ловко отскочил, держа свою палку прирождённым фехтовальщиком.

Несмотря на клочкастую, скомканную наподобие плохо выделанной медвежьей шкуры бороду, прожжённую фетровую шляпу и дырявую блузу, штаны того же неопределённо-серого цвета, грибнику не более сорока лет. Пахло от него, как всё от той же плохо выделанной шкуры.

– Купаться торопишься? – спросил грибник-бомж, – так ить, это, после Ильина дня нельзя, разом бронхит схватишь с крупозным воспалением в придачу. Илья-пророк воду испортил, хана купанию.

– Нет, я так просто гуляю здесь, – изловив присмиривший на ровном месте туфель, Виктор напялил его на ногу, не расшнуровывая.

Сочтя по виду, что с встречным стоит переговорить, грибник достал из кармана окурки и раскурил его.

– Выпить ничего не найдётся?

– Нет, не захватил с собой.

– Это напрасно. На природу идёшь, на пикник, можно сказать, надо чуток брать. Для настроения только, – распахнул походный плащ-халат, извлёк из необъятного рваного кармана пустую пластиковую бутылку, – а у меня уже кончилось. Но грибов набрал зато. Маслят в этом году маловато. Белых три штуки нашёл, потом два подберёзовика, лисички. Сыроежки не беру, что с них толку? Я ведь не солю, жарю только с картошечкой. Живу там, – он показал палкой наверх, – на мичуринском, караулю от шпаны и лето, и зиму. Летом лучше, сегодня картошку с грибами пожарю. Мичуринский почти заброшенный, хозяйке некогда с ним управляться, картошкой весь засаживает, и до осени я охраняю, а на питание можно картошку с августа уже копать. Завтра на рыбалку пойду, – он посмотрел на Виктора весёлыми глазами, зажмурился, – по ушице страсть что-то соскучился.

– А зимой не мёрзнешь?

– С чего мёрзнуть? Домишко маленький, но бревенчатый, печка есть. Уголь я летом запасаю, каждый день идёшь на станцию окурков пострелять, ведро с собой берёшь, на обратном пути проскочишь через линию, а там этого угля – кучи немеряные рассыпаны, ну и натаскиваю так на всю зиму потихоньку между делом. Тепло, светло, за электричество хозяйка платит. Со жратвой плоховато, но для меня главное, чтобы глотнуть чего было, а жратва – ерунда. Хозяйка к себе звала на зиму жить, у неё квартира в городе двухкомнатная, живёт одна, баба справная, энергичная – жуть берёт, а мне оно уже без интереса, так зачем, спрашивается, в клетке куковать? Да и лучше на даче сторожить, воздух здесь лесной, речной, дыши – не хочу. А ты от кого бегаешь?

– Просто так гуляю.

– Гуляй, гуляй, пока дело молодое. А жизнь всё одно пройдёт одним днём: утро побрезжит, в полдень солнышко поманит, глянь, а уж и вечер, пора домой собираться.

Грибник настороженно пошевелил палкой траву возле пня, бросил туда потухший фильтр и ушёл не прощаясь.

По тропинке, петляющей в кустах ивы, по мокрой тинистой земле Магницкий добрался до речки. Вода против прежнего сильно поднялась. На острове купающихся не было, только два рыбака стояли далеко в реке на отмелях в болотных сапогах со своими удочками. Они были страшно милы его сердцу.

Не понимая, зачем он это делает, Виктор разделся, перешёл через протоку на остров, где дул сильный ветер, а острая галька резала ноги. Идея искупаться там, где плавали в прошлый раз, была желанной, но явно не своевременной, и без того зуб на зуб не попадает. Не бархатный сезон в Сочи, да и Илья-пророк своё дело сделал. Но охота пуще неволи, поплыл к центру заливчика, где когда-то в ярких солнечных лучах вальсировал надувной

матрасик, и там нырнул ко дну. Нырял и плавал, плавал и нырял до одури, пока окончательно не выбился из сил, после чего пришлось выбраться на каменистый продуваемый островок.

Натянул рубашку, тотчас промокшую, и стоял, глядя на воду, вообще не понимая, какого чёрта надо было идти купаться по такой погоде?

Вода рябила в глазах нескончаемо мутными волнами. Вон там, на матрасике плавала Ольга, а здесь она загорала.

Лет одиннадцати Виктор осознал, что той матери, которая его родила и не забрала с собой из роддома, у него никогда уже в будущем не будет, что он окончательно и бесповоротно отрезанный ломоть, а это означало, что как будто бы она в эту минуту вдруг умерла.

До вышеозначенного момента он представлял мать в виде большой голубоглазой актрисы Вии Артмане. И вот вдруг она стала недосягаемой навсегда. Произошло это настолько внезапно, что со всех ног кинулся прятаться за мусорные бачки на хозтерритории, где пахло хлоркой и гниющими отходами. Спрятавшись там, долго рыдал втихую, как не рыдал бы, наверное, на свежей могиле настоящей матери, если бы она его вырастила, воспитала, вывела в люди и скончалась затем в почтенном возрасте.

Неписанные правила детдома плакать прилюдно запрещали категорически, пустивший слезу автоматически опускался в низшую касту обиженных жизнью, дозволялось орать и материться, жрать землю, выть от боли, идти на врага более сильного в психическую, биться головой о забор, ломать стулья. Нельзя пускать слёз и предавать. Это расценивалось приблизительно одинаково.

Как ни странно, после той панихиды на задворках хоздвора его отношение к мусорным бачкам в корне изменилось. Будучи дежурным по кухне, частенько выносил вёдра с картофельными очистками и прочими отходами на мусорку, где, вываливая ведро в бак, испытывал ощущение, близкое тому, какое чувствует нормальный человек, принося искусственные цветы в родительский день к отчому памятнику на кладбище. В этом ощущении не было ни капли цинизма или уничижения. Просто у других памятник на кладбище, а его бачок всегда рядом, вот и вся разница.

Он смотрел на далёкий горизонт, чувствуя, что надо броситься на кого-нибудь в психическую атаку или на худой конец сломать стул размером с театральное кресло.

И Виктор его сломал. Взял свои туфли на толстой подошве, размахнулся и зашвырнул на середину реки, после чего двинулся в обратный путь.

Жизнь, как учитель Докторов, знай подкидывает новые задачки. Кажется, он созрел для решения очередной, колебания отпали. Кто-то долго окликал его в спину.

Рыбак догнал, когда Магницкий уже выбрался на большую землю. Некоторое время шёл сзади, бухая болотниками, и говорил:

– Эй, послушай, да брось ты расстраиваться, брось, наплюй, верно тебе говорю, наплюй и разотри. Из-за всяких яких обувкой разбрасываться, вот придумал тоже, дурное дело – нехитрое, пригодятся ещё завтра на работу топтать. – Бери, – бросил туфли вперёд Магницкого и отстал.

Туфли Виктор подобрал, но судьбу в виде рыбака благодарить не стал. Забирает она всегда много, а возвращает по мелочам. Вернула так вернула. Не велика была пропажа.

Через дорогу напротив дома сидел Серёга, лузгал семечки, непрерывно подбрасывая их в рот, как кочегар уголёк в топку.

Ноги его стояли на заплёванном сидении, сам взгромоздился на спинку скамьи. Рядом на сидении валялась дубинка – толстый корявый берёзовый сук, очищенный от коры. Заметив Магницкого, подхватил её, начал заниматься жонглированием.

Виктор подошёл почти вплотную, отчётливо произнёс:

– В восемь часов вечера приходи к нам ужинать. Вместе с Ириной обсудим одно важное для всех дело.

Дубинка грохнулась на скамейку.

– Ага, надо было, да чихал я на тебя! – закричал Серёга, но время было утеряно. Повернувшись к нему спиной, Виктор неспешно уходил к своему дому.

– И не подумаю приходить! – крикнул Серёга вдогонку.

«Не придёшь – тебе же хуже».

Поставил флягу на тележку и, как был, в костюме с галстуком, мокрых туфлях, отправился на колонку, раскланиваясь по пути со знакомыми, которые гуляли на проспекте. Специально съездил два раза назло всем и особенно себе самому, как-никак предстоял торжественный ужин. Иринка просто обалдела.

Затем сходил на ближний базарчик, где купил американских окорочков, которые и стоили дешевле продукции пригородной птицефабрики, и не содержали в себе мёртвой, застывшей крови, дарившей местной продукции аристократически голубоватый вид. Взял копчёной красной рыбки, бутылку полусладкой «Изабеллы», фруктов, свежего зефира в шоколаде, который просто обожает Анжелика, кроме этого так по мелочи набрал всякой снеди, чтобы было чем закрыть скатерть на столе.

Совершив необходимые приготовления, занялся обработкой соседки по дому, для начала заинтриговав её будущим гостем, вследствие чего Иринка приняла самое деятельное участие в подготовке праздничного ужина с молодым интересным человеком – так Магницкий представил Серёгу, не называя имени.

Салат зимний, картофельное пюре и селёдка под шубой стали основными блюдами в дополнение к запечённым с майонезом и чесноком в духовке окорочкам, покрывшимся золотистой корочкой.

– Девушки, поддержите отечественного производителя, – уговаривал он Иринку, пробуя вилкой готовность бройлерных ножек.

– Чем? – расширила глаза Ирина.

– Не выходите замуж за иностранцев.

– Так где же их взять-то? – заинтригованная такими разговорами Иринка порхала ночным мотыльком вокруг лампочки, сервируя стол на три персоны, – а кто будет-то?

– Молодой, интересный человек.

– Младше тебя?

– Намного.

– А зачем?

- Свататься придёт.
- Ну уж прямо, – не верила Иринка, – а я его знаю?
- Ты давай работай, работай. Могу сказать только одно, – он тебя видел.
- Котомкин, что ли? – ломала голову студентка.
- Ты, Иринка, вообще всадница без головы, Котомкин старше меня, а я тебе русским языком говорю: интересный молодой человек.
- Интересный?
- Интересный.
- Она смотрит по сторонам, мучительно размышляет:
- Русский?
- Скоро сама увидишь. Придёт ровно в восемь часов, можно часы проверять. Кстати, подруга дней моих суровых, а как ты мыслишь дальнейшую жизнь после рождения ребёнка?
- Иринка мгновение глянула на свою талию, обеспокоенно проверяя её толщину в преддверии явления молодого интересного человека.
- Тебе что за дело?
- Интересно, где собираешься жить, как, с кем?
- Ты ему сказал, небось, что я беременная?
- Кому? А, нет. Но ведь его обязательно заинтересует данный вопрос, а как ты хотела?
- Здесь буду жить. Отсужу у тебя дом и буду в нём жить. Ясно?
- Более чем. Однако, согласитесь, насчёт дома бабушка ещё надвое сказала. Ребёнка одна собираешься растить?
- Ребёнка? – Иринка рассеянно осмотрелась кругом, словно подбирая место, куда можно было бы припрятать неизвестно откуда взявшегося ребёнка на время прихода интересного молодого человека. – Ты серьёзно спрашиваешь, или от нечего делать?
- Вполне серьёзно.
- В роддоме оставлю.
- Что, откажешься?
- Нет, отказываться не буду, пусть растёт пока в Доме ребёнка год-другой. Пока учусь, кто с ним нянчиться будет? Мамаше не до того, мне тоже некогда.
- Со мной судиться у неё есть время, а ребёнка своего воспитывать – нет.
- Иринкин носик сморщился, круто взглянула исподлобья:
- Твоё какое собачье дело? Чего лезешь в душу? У меня, может, у самой голова болит от раздумий и сердце каждую минуточку разрывается: и так плохо, и сяк никуда не годно, а тут ещё всякие будут выговаривать. Что ты понимаешь-то? Раз жалко ребёнка, женись на мне – и все дела, прояви сочувствие и благородство, а нет, так в душу не лезь, козёл несчастный.
- Ладно, утихомирься. Пожалуй, до восьми чуток вздремну. Ты приоденься как-нибудь поприличнее тоже, макияж сделай, всё-таки смотрины предстоят.
- Балдеешь или правда? – не может поверить Иринка.
- Идите, девушка, к себе, я отдыхаю.

В восемь старенькие часы с тёмным ликом проскрипели два раза ржавым голосом. Иринка вздрогнула и посмотрела на Виктора. Тот поправил

галстук, лихим движением вогнал штопор в пробку, привычно извлёк оную с приятным звуком, не проявляя ни малейших признаков сомнения. Иринка оправила взлетающий в воздух при малейшем телодвижении купол воздушного платья:

– Курицу из духовки вынимать?

Магницкий посмотрел в окно.

Серёга сидел на своём привычном месте в обнимку с дубинкой. Одет как и прежде, но на руке появились часы, на которые он тайком поглядывает. Это внушало надежду, что серёгины часы просто несколько отстают.

– Успеешь, сначала на салаты навалимся, холодные закуски распробуем, о погоде можно поговорить, то-сё, сама понимаешь: дело предстоит тонкое. Ты, главное, веди себя скромно, вперёд батьки не выступай, в разговор сильно не лезь. Спросят – ответишь. Сегодня я в доме хозяин, поняла?

– Поняла.

Серёга свалился со скамейки и поплёлся в направлении их ворот, волоча за собой дубинку.

В ту же минуту его заприметила Иринка. Она несколько секунд выжидательно наблюдала за траекторией движения бой-френда, затем пробурчала:

– А этот-то куда прётся, дурачок?

– Сядь и не вякай, – осадил Магницкий девушку, – или забыла, кто в доме хозяин?

– Ты. Только на один вечер, – через силу согласилась девушка на выданье.

– Ну так вот, цыц у меня.

Он встал, пошёл к воротам встречать дорогого гостя.

Серёга смотрел бычком, когда перед ним распахнули калитку, с палкой в руке чувствовал себя не в своей тарелке.

– Оружие можешь оставить здесь. На переговорах гарантирую полную безопасность, как в Лиге Наций, – хозяин не оглядываясь направился к крыльцу, чувствуя шлёпанье дубинки куда-то в траву.

Иринке уже можно не объяснять, кто будет сегодняшним гостем. Лёгкое разочарование отразилось на красиво раскрашенном лице в виде слегка презрительной улыбки.

Девушкам всех возрастов без исключения свойственно ждать принца: высокого, красивого, молодого, безумно много зарабатывающего, галантного, обходительного, серьёзного, ироничного и влюблённого в них до состояния полного идиотизма.

Поэтому, когда приводишь то, что есть, а именно молодую прыткую гориллу в штанах, предварительно отобрав на входе дубинку, естественно, на глазах является море разочарования. Но кто, спрашивается, бегал с данным животным то на чердак, то в подполье, то за сарайку траву мять, причём добровольно, с удовольствием и многократно?

Задавать вопросы сейчас по меньшей мере поздновато.

Виктор всплеснул руками и чуть ли не запел от восхищения, чтобы не дать молодым опомниться, изображая толстую беззубую сваху в кашемировом платке, от волнения почему-то с интонацией спортивного телекомментатора Бориса Майорова:

– А вот и хозяйшка молодая нас встречает, красоты неписаной, и зовёт всех к столу. Мы проходим быстренько кухню, откуда виден уже в

прекрасной перспективе накрытый праздничный стол, где ждут нас яства заморские, дожидаются. Так-так-так, друженько, помогая друг другу, обходим по правому краю, прошу прощения, немного не прибрано, вот так, хорошо, и здесь садимся, – подтолкнув Серёгу на его законное место, а Иринку на её, сам остался стоять над ними, продолжая вести репортаж. – Прошу любить и жаловать, – показав на Серёгу, сказал, обращаясь к Ирине, и разлил тёмно-красное вино по обкусанным фужерам хрущёвских времён.

Не злоупотребляя временем благодарных слушателей, сидящих за столом с блестящими глазами, сделал гроссмейстерский ход:

– За нас!

Серёгу упрашивать не надо. Сглотнув махом содержимое фужера, он тут же потерял во взгляде волчью настороженность, в одну секунду став своим среди своих.

Иринка лишь смочила блестящие от помады губки в вине, поморщилась и отставила фужер в сторону.

Однако тамада сердечно улыбнулся и подмигнул ей: бедняжке явно не хватало в детстве крепкой мужской руки, снаряжённой ремешком для домашнего пользования. В конце концов, у каждого свои недостатки, с ними нам жить и, как говорится, портить жизнь другим.

Решил не гнать лошадей со вторым тостом, открыть карты до него.

– Ирина, угощай дорогого гостя салатом, и вообще возьми шефство над его тарелкой. Между прочим, сама девушка всё наготовила к твоему, Сергей, приходу. Старалась изо всех сил, но и получилось, по-моему, в высшей степени замечательно. В наше время так мало кто умеет готовить. Я вот с ней живу уже скоро как месяц... в том смысле, что живём в одном доме, конечно, но каждый раз благодарю за обед. Это что-то. Ей-богу, говорю без капли преувеличения: такую пшённую кашу варит – одно объедение. В кулинарии – богиня, угощай Серёжу, Ира, угощай, а то он немного стесняется, как-никак впервые в доме.

Магницкий сделал вид, что не заметил поистине молниеносного взгляда, которым в сотую долю секунды обменялись молодые. Этот заговорщический взгляд их объединял и цементировал, что было ему на руку, и, представляя себя таким добрым дядюшкой, страдающим подагрой вкупе со старческим недержанием речи, продолжил разглагольствовать: да, милые мои, у нас купец, у вас – показал на Иринку – товар.

Иринка, перегнувшись через стол, как раз, следуя его указаниям, накладывала из хрустальной салатницы, коих не водилось на викторовой памяти в хозяйстве (приволокла из дома!) салат в тарелку гостя.

Товар, который она при этом демонстрировала из выреза своего платья, до глубины мужской души потрясал нежнейшей и спелейшей гладью грациозных форм. Даже подагрическому дядюшке пришлось прервать речь, дабы проглотить слюну умиления.

Про Серёгу и говорить нечего, тот набросился на салат, ни на секунду не отрывая взгляда от декольте, воображая его содержимое деликатесом, до которого очередь дойдёт сегодня же вечером, но ближе к ночи.

С Иринкой надо торопиться. Слишком уж роскошно расцвела девушка в его бедном домике, и, ощутив это, он лишний раз утвердился в правильности принятого решения.

Крякнув, придвинул фужер, взял в руку, охлаждая пальцы, только что побывавшие в опасной близости от геенны огненной, и продолжил торжественное выступление:

– С другой стороны, у нас товар, у вас купец – указал на Серёгу, который тоже ухватил фужер и нетерпеливо ждал, когда его можно будет опрокинуть.

Моргнул повеселевшими глазами, благодарно кивнул и развалился на ветхом стуле, отведя в сторону руку с вином. Тарелка его была чиста.

– Парень не промах, – отметил Виктор немаловажное обстоятельство, – работника и мужа выбирай по аппетиту, положи-ка сердешному что-нибудь посерьёзнее, курятинки да картошечки побольше накладывай.

Иринка хмыкнула, упёрлась, коза рогатая, и принялась демонстрировать полнейшее безразличие к собственной судьбе. Да хоть бы и чёрт её побрал да уволок куда подальше, Магницкий ещё бы и спасибо тому чёрту сказал. Но его-то не сбить с панталыку, уж коли взялся за дело.

– Поэтому я сегодня пью этот бокал за вас обоих, за молодых. Совет, как говорится, да любовь.

Выпив до дна, Виктор сел на место, планируя дальнейшее развитие интриги. Серёга тоже выпил, а Иринка предпочла манерничать, тыкая вилкой салатик. Она не могла простить кровной обиды, что вместо ожидаемого принца ей доставили всего-навсего Серёгу, с которым и без того встречалась на дню по десять раз.

– Смотрю я на вас и думаю, – произнёс тем временем Магницкий, вцепляясь зубами в аппетитно подрумяненный окорочок. Далее последовала продолжительная пауза, во время которой он, зажмурившись, вкушал нежнейшее мясо, а ребята, заинтересованные тем, что о них думают посторонние, с самым серьёзным видом следили за этим процессом. – ...Да, думаю, что вы такие молодые, красивые, и очень подходите друг другу.

В вас есть нечто общее, – уточнил дядюшка, бросив откровенный взор на иринкину талию, – и для меня вы, несомненно, идеальная пара. А ну, сядьте поближе друг к другу, не стесняйтесь, я посмотрю – да, несомненно, вот как на духу признаюсь, более подходящих друг другу людей в жизни не видывал. (Сегодня на его долю выпал трудный денёк, посему нетрудно понять, отчего всего после двух рюмок слабенького винца Виктор столь глубоко провалился в сентиментальное настроение.) У вас всё может получиться в жизни... а может и не получиться. Это, кстати сказать, зависит не только от вас двоих, но и многих внешних обстоятельств, которые нельзя сбрасывать со счетов. Да, никак не сбросить, так-то вот, братцы мои разлюбезные.

Дядюшка посмотрел в тёмное окно, вспомнил зачем-то не к месту ветреный островок, и то, как ползал там по холодной гальке, вытер губы салфеткой, откашлялся и наконец перешёл к главному.

– Это хорошо, что вы оба молоды, любите друг друга, казалось бы, почему вам не быть вместе? Что может помешать? – «Нет, ни к чёрту не годный сегодня день!», – вынул из кармана платочек, что, в конце концов, вполне допустимо для поляка-славянина, а тем более старого дядьки, промокнул левый слезящийся глаз, что по жизни оказался гораздо чувствительней правого. – Да, почему бы вам не быть вместе? Тем более, если у вас намечается общий ребёнок?

Иринка сделала вид, что не расслышала последних слов, увлечшись конфеткой, смакуя вино, закатила глаза. Нежные розовые губки при этом опять скривились. Здесь Виктор обязан признать её правоту: купленная в магазине «Изабелла» горчила более обыкновенного, и аромат резковат, скорее всего, напоролся на подделку.

– Что? – Серёга устремил встревоженный взгляд к подруге.

– Ничего особенного, дело молодое, в порядке вещей, – промурлыкал дядька, умиротворённо взирая на голубков.

– А ты как думал? – огрызнулась прелестница. – Тебе бы только через окошки по ночам лазить ко мне в постель, а как забеременела, так сразу: «Чиво? Каво?». Слов больше никаких не знаешь?

– Да почему, знаю, – озадачился Серёга, – а может, того... к врачам сходить?

– Это тебя надо было вовремя к врачам отправить! Перетянуть семенной канатик. А я буду рожать, никого не спрашивая.

– ...было бы замечательно, когда бы вы могли жить вместе, то есть если у вас была бы своя жилплощадь, где можно свить уютное семейное гнёздышко. Эхма! Просыпаться вместе на одной подушке, когда солнце заглядывает в окно, ничего не боясь, а ещё лучше вместе укладываться в любое время. И, прошу прощения, не ветхий чердак трясти так, что на меня в комнате всякая дрянь с потолка сыплется, не за сараем пристраиваться, прости господи, и не лазать, действительно, через окно, а жить в своё удовольствие свободно, никого не боясь. Для этого всего только и надо, что жилплощадь иметь, каких-нибудь несколько десятков квадратных метров – вот оно, счастье, хоть ведром черпай.

Но... у вас этой жилплощади нет, а главное, в ближайшем будущем даже и не предвидится. Такие дела. У Ириной мамы Тамары личная жизнь в разгаре, негде приткнуться, Серёга дома живёт в одной комнате с братом. Снимать квартиру не по карману. Беспросветное, други мои, существование намечается.

Виктор осмотрел их погрузневшие физиономии и скомандовал Серёге:

– Наливай. Хочу дать вам шанс. Одним лёгким росчерком пера передаю весь дом с садом, мебелью, кухонной утварью, телефоном и даже раритетным бельём в полное ваше распоряжение. Закройте рот, ещё не всё сказал. Это будет бесплатная аренда с постепенным выкупом в течение, скажем, десяти лет. За данный срок должны будете выплатить мне те три тысячи долларов, за которые я дом сей приобрёл. На самом деле, скажу вам как риэлтер, данная недвижимость стоит гораздо дороже.

– Я и так отсужу его у тебя.

– Не более половины. И что получится в результате? Частная коммуналка с вечной руганью и дракой? Нет, ты как хочешь, а я жить в таких условиях не собираюсь – напущу квартирантов-цыган и уйду, через неделю и ты сбежишь, как из родного дома сбежала. На моих условиях весь дом целиком отходит к вам с минимальной оплатой, всё по закону оформим через нотариуса, и живи не хочу.

Молодые люди притихли, пытаясь отыскать в предложении скрытый подвох.

– Итак, слушайте мои условия, на которых сделка будет заключена. Во-первых, вы должны будете зарегистрировать свой брак, как полагается по закону, чтобы у новорожденного были отец и мать. Далее: вы не можете расторгнуть брак, пока не выплатите полностью всю сумму за дом. И третье: Серёга должен немедленно устроиться на работу. Всё равно кем, хоть грузчиком, хоть менеджером, в результате чего я буду получать плату по исполнительному листу с переводом бухгалтерии на свой счёт ежемесячно, скажем, долларов двадцать. Ты парень здоровый, пора начинать зарабатывать на семью, нечего попусту груши околачивать.

– Меня скоро в армию берут.

– Не страшно. Время армии из срока оплаты изымаем, в этом случае получается, что он будет двенадцать, а не десять лет. И последнее – Ирина забирает своё заявление из суда.

– Ага! Вот с этого и надо было начинать! Ты понял, да? Он хочет, чтобы я забрала заявление и отказалась от своих прав, нашёл дураков! А вот кукишку видал? Умник выискался, посмотрите на него!

– Это как желаете, господа, до хрипоты уговаривать никого не собираюсь. Кстати, в противном случае после ужина можешь более не обременять себя проживанием на данной жилплощади. Вплоть до решения суда весь дом находится в моей собственности, и я считаю, что Ирина может спокойно вернуться к маманьке.

Поднял фужер:

– Ну, Серёга, за что пьём?

– Пойдём отсюда, Серёжа, нам нечего здесь больше делать.

– Да подожди ты, выпьем и пойдём. – Ваше здоровье, – выпалил он торопливо, не поднимая глаз.

– Ваше благоразумие, – отвечал Виктор.

– Всё, мы немедленно уходим, – затопала ногами Иринка. – Уходим, уходим, уходим. Я ни на секунду не останусь там, где меня обманывают! – Вцепилась в своего боя и поволокла его к дверям. Магницкий успел крикнуть вослед: «Совет да любовь!», и в одиночку допил бутылку. Угощение со стола досталось Джинке. Конечно, та не отказалась. В одной умной собаке, пожалуй, больше толку, чем в парочке беременных идиотов, по крайней мере, даже примитивное животное в состоянии понять, когда ему делают добро.

47.

Бывший дядюшка вышел в сад, слегка чертыхаясь. На тёмном небе брезжила ранняя луна. Холодная тишина коллекционировала разнообразные звуки, среди которых уши отфильтровали подозрительный треск хвороста где-то в зарослях у забора.

Сначала возникло предположение, что это бесприютные Иринка с Серёгой устраивают себе любовное лежбище, но, постояв и послушав как следует минуты две, пришёл к выводу, что ходит там один человек, ходит крадучись, подолгу замирая на одном месте, и, очевидно, не с добрыми намерениями.

Эти господа никак не могут успокоиться. У них одно на уме: как бы устроить пакость покрупнее. Что на этот раз?

Некто перестал таиться. Треща буреломом, двинулся медведем по тайге, от забора к дому.

Магницкий решил организовать лазутчику торжественную встречу. Встал вплотную к кустам сирени у края зарослей, с удовольствием ощущая, как приятно наливаются свинцовой тяжестью кулаки.

На этот раз он не будет вступать ни в какие переговоры, выпрашивать что, да как, какими судьбами? Надоело. Сразу в морду, не спрашивая фамилию. Меж тем неизвестный исправно шагал по тропинке, выходящей из кустов рядом с засадой.

Вдруг замер совсем рядом. Виктор слушал близкое дыхание. Тихо зашелестели ветки, просунулось пыльное лицо, ничем особо не примечательное, совершенно незнакомое. Оно посмотрело направо, а когда начало поворачиваться влево, тут по нему сильно ударили. Подглядывать – нехорошо.

Лицо исчезло.

На душе тоже как-то разом полегчало. Раздался мягкий шелест падающего тела. Магницкий ворвался в заросли, приняв угрожающую позу кик-боксёра над поверженным противником, который, впрочем, пребывал в полном сознании, хотя и был здорово ошарашен.

Лазутчик протянул открытые ладони, отказываясь от боя, попытался улыбнуться.

– Дзенькуе, панове, настоящий шляхтич, настоящий поляк... какой порыв, натиск, дерзость молодости, истинный романтик... – пролепетал он.

Ни физически, ни морально пан Магницкий не был готов к получению в кустах вместо драки подобной аттестации. Это выбило из колеи привычного рукопашного боя, он встал столбом, не зная, что сказать.

Потерпевший, сидя на земле, трогал свою мгновенно опухшую щеку, ласково, почти смущённо, сказал: «Болит», – достал чистый белый платочек, приложил к щеке и немного побаюкал.

Виктор помог ему встать.

Человек был одет в приличный костюм, светлая шляпа нашлась рядом, повисла на прутьях молодой поросли сирени.

– Какой замечательный удар! У меня просто искры брызнули из глаз, – радостно объявил он, и сплюнул кровью. – О, кажется, одного зуба как не бывало. Прошу прощения. Не выпуская руки, потряс её:

– Анджей Ковальский. Мы с пани Мариной как-то проходили мимо вашего совершенно замечательного дома, и она рассказала мне о вас.

– Виктор Магницкий.

– Я сейчас вам всё объясню, можете не переживать. На этот раз я шёл по делам здесь мимо вашего уважаемого дома, как вдруг прижало, понимаете, уже не первой молодости кавалер перед вами, мочевого пузырь подчас очень как прижимает, я вспомнил ваш дом, но, знаете, неудобно стучать к незнакомым людям: здравствуйте, пустите меня, пожалуйста, в ваш туалет, а то никак в нашем городе места не припомню, где есть общественный ватерклозет. И вот я решил перелезть через забор к вам в сад. Извиняюсь. Думаю, если меня застукают, то просто сошлюсь на пани Марину и объясню как есть.

– Считайте, что объяснили. Также прошу прощения. Нервы. Принял вас не за того.

– Понимаю, понимаю. Я очень рад с вами познакомиться, хотя и не вполне обычным образом. Очень, очень рад.

– Взаимно. Передавайте привет пани Марине.

Сконфуженный хозяин проводил пана Анджея за калитку, а потом до сгоревшего дома. По дороге выяснилось, что раньше, во времена детства, Анджея Ковальского звали просто Иванов Андрей Фёдорович. У одного из его дедов вроде бы есть малая толика польской крови, но документов он пока выправить не может, а настоящей полькой является его жена, её фамилию Иванов взял себе при регистрации, став называться Анджеем – на польско-католический манер, так как венчались по католическому обряду.

– Очень я поляков уважаю. У нас есть свой национальный центр, жаль, что вы его не посещаете, Виктор, все вместе мы проводим наши праздники, поём песни, танцуем полонез, польку, даже краковяк разучили. Мы уже с женой трижды в Польшу ездили, там у неё дальние родственники имеются, теперь собираемся снова, за машиной, купить и пригнать своим ходом, так выгоднее получается, чем из Владика. Мерседес хотим подержанный взять, как ни говори, европейское качество – это марка. Для своих поляков из Сибири у них делаются преимущества, одним словом, держатся друг за друга люди. У нас в России меж русских такого отношения нет. Нет национального единения, разве только когда войну объявят, тогда пошли объединять повзводно да поротно.

– А родители ваши живы-здоровы?

– В деревне живут старики, ещё сами огород сажают и поросят держат. Мы к ним в ноябрьские праздники ездим, картошку берём и кабанчика на зиму колем. Они у меня атеисты неисправимые. Копаются всю жизнь в навозе, и ничего другого им не надо, нет потребности в духовной жизни.

Анджей оказался рьяным католиком. Придерживая распухшую щёку, с воодушевлением принялся уговаривать Магницкого совершить обряд бракосочетания в католическом храме. Виктор старался не глядеть, как он морщится и сплёвывает кровь в платочек, в основном разглядывал развалины сгоревшего дома, откуда бригада хозяйственных мужичков на стареньком грузовике воровала уцелевшие оконные и дверные блоки. Вечерние рабочие нервно оглядывались по сторонам, хотя никому не было до них никакого дела. Ещё подумалось, что неплохое это место для строительства кирпичного домика, расположить его можно не прямо в улицу, а несколько в глубине участка. И место для клумбочки перед крылечком найдётся.

– Только католический обряд гарантирует вам истинное счастье на небесах и на земле. До смертного одра супруги становятся единым неразделимым целым перед богом и перед людьми.

– Навеки – это хорошо (А не вставить ли для надёжности в договор аренды требование заключения брака Иринки с Серёгой по католическому обряду?). Я ведь атеист, как и ваши родители.

– Впереди ещё есть время для осознания своего места в этом мире. Бог скрыт от нас, но подаёт нам знаки, зовёт к себе, и, как правило, перед разверстой могилой не остаётся атеистов, друг мой.

«Где-то я такое уже слышал».

– Весьма возможно. Значит, не созрел пока для высших истин и, кстати, на разверстые могилы уличные ямы, которые мы то и дело обходим, мало похожи. Скорее напоминают фронтовые окопы, где идёт непрерывная война за жизнь и место под солнцем. Если что, не надо через забор, стучите в окно. Я не буду задавать лишних вопросов. Свои же люди, поляки.

– Да, да, обязательно буду стучать.

Он быстро шмыгнул во тьму, а Виктор пробурчал себе под нос: «А ну, поворотись-ка, сынку».

– Что? – донеслось из темноты.

– Это я так, сам с собой.

Вернувшись в дом, включил телевизор, запустил Джинку в дом, прилёг на постель. Джинка с грохотом рухнула рядом с кроватью на пол, сытая, бодрая, довольная жизнью. Левую пятку утопил в её мохнатой гриве, чувствуя

исходящее тепло. Вдруг она вскочила и, заголосив жутким басом, побежала к дверям, громко стуча когтями по доскам пола.

Магницкий направился следом.

– Это мы пришли, – раздался голос Серёги. – Мы согласные.

– У меня здесь собака. Подождите.

– Серёга её не боится, открывайте.

Виктор запустил парочку, Джинка посмотрела на Серёгу, шедшего впереди, сыто махнула хвостом, прошла в комнату, где рухнула с такой страшной силой на пол, что стены домика дрогнули.

– Мы согласные на договор, – повторил Серёга, в то время как Иринка, держась рядом и чуть сзади, не поднимая глаз смотрела на серёгин локоть.

– Отчего же только что были несогласные, а тут вдруг, спать пора, раз – и согласились, что за причина такая?

– Мамка сказала соглашаться, что дело доброе, ежели оформить по закону и через нотариуса.

– А твоя мамка что сказала? – спросил Ирину. – С Тамарой вы говорили?

– Ага, надо было мне её выпрашивать, у меня самой голова на плечах имеется. Без сопливых разберёмся.

– Хорошо, тогда завтра с утра милости прошу часикам к девяти сюда ко мне, вместе и пойдём в нотариальную контору заключать договор.

К двум часам ночи гости окончательно развеселились. Нежно глядя в глаза Иринке, Серёга уговаривал её родить двойню – тогда его в армию не заберут.

Иринка отвечала грубовато:

– А тройню не хочешь?

– Нет, сразу в многодетные лезть не будем, уж потом как-нибудь, со временем, вот двойню бы принесла, то здорово.

При этом он порывался сбежать за водкой: обмыть совместное предприятие, благо денег у него не было. Затем попросился, в честь помолвки, разумеется, и в виде исключения переночевать на маленьком диванчике вдвоём (они ничего делать не будут, шуметь тоже), но хозяин предложил убираться обоим на все четыре стороны до завтрашнего утра, на что Иринка удивлённо переспросила:

– И мне, что ли, уходить?

– Обязательно.

48.

Ровно через восемь дней он покинул своё первое собственное гнездо, куда пришёл однажды с двумя чемоданами, а ныне уходил уже с тремя, унося вместе с вещами благоприобретённое генеалогическое древо вкупе с фотографическими альбомами, письмами и прочими документами.

Быстро войдя в роль заправской хозяйки, Иринка пыталась протестовать против такой кражи, но, как ни странно, выручил Серёга. Днём он работал на стройке подсобником, а вечером переодевался в стоптанные кирзовые сапоги, ковбойскую шляпу и, сунув в рот старинную трубку, уходил ковыряться в сад с лопатой.

Серёга выразился благодушно: «Да пусть забирает эту макулатуру, меньше плесенью в доме вонять будет». Ему, как и Виктору в своё время, нравилось быть немногословным деловитым хозяином дома, волчий блеск в глазах сменился снисходительной усмешкой. Появилась привычка с надеждой поглядывать на округляющийся иринкин животик (а вдруг и правда двойня?).

С чемоданами и тяжёлым сердцем Магницкий ввалился к общежитскому коменданту тётке Глаше, имея на руках ордер проректора по АХЧ.

Тётка Глаша отлично его знала и не сопротивлялась вселению, как обычно она поступала с новичками. Не звонила в университет, не ругалась и не вздыхала зря, прекрасно зная, что за ним не заржавеет. Поэтому через пятнадцать минут он уже получил ключ от комнаты на втором, семейном, этаже, где не так шумно, как во всех прочих местах.

– Что, нажился в частном доме? – хмыкнула комендант, записывая в карточку матрац, колючее армейское одеяло и подушку.

– Нажился.

– О, то-то и оно. Хозяйство вести – не задом трясти. Это вам не здесь – все удобства, да ещё постельное раз в декаду поменяют, а там надо печку топить, на колонку за водой бегать, и вообще держать круговую оборону. А ты её не удержал, значит?

– Не удержал. Большое превосходство у противника оказалось, тётка Глаша, в живой силе и технике.

– Но ничего, отдыхай теперь, – по-матерински вздохнула комендант, которая всех жильцов поголовно считала своими детьми, и полагала, что дети обязаны оказывать матери почёт и уважение, преподнося небольшие презенты хотя бы при вселении.

Магницкий вручил тётке Глаше коробку шоколадных конфет, та смахнула её небрежно в ящик письменного стола.

– Ты же знаешь, сколько я получаю. Но комната очень светлая, – дала понять, что коробка ею уже сполна отработана. – Один будешь жить? Учти, если жениться надумаешь, удовольствие обойдётся в копеечку.

– За удовольствия нужно платить, – насмешливо согласился он, – жениться буду точно. Причём не откладывая в долгий ящик, прямо сегодня ночью.

– Ну, ты даёшь, Виктор, не успел въехать, сразу по девицам намылился.

– Что делать, соскучился после длительного воздержания. Хозяйство же вёл.

– А регистрация у вас есть?

– Ну, завтра, тётка Глаша, всё завтра. С поздравлением можно прямо с утра приходиться. Пивка выпьем, сегодня мне, как новобранному, нельзя.

– Ладно. А я её знаю? Хоть наша девка, местная?

– Завтра, тётка Глаша, увидите собственными глазами.

– Охальник. Распишись в получении белья да иди отседова, чтобы мои глаза тебя не видели.

Вселение начал с того, что вбил над кроватью кованый гвоздик и повесил фотографию дорогой прабабки Терезы. Комната сразу приобрела обжитой вид, и в благодарность он весело подмигнул приёмной родственнице.

Дамы несколько высокомерно оглядывали плохо белёные стены и серый потолок, будто сами жили где-нибудь во флорентийском дворце.

Застелив постель, неспешно развесил одежду во встроенном фанерном шкафу, после чего беспричинно вышел в коридор, гонимый предчувствием грядущей встречи. Нина тотчас явилась из холла и направилась к нему. Искать её никогда особенно не приходилось, а сегодня это вселяло определённые надежды.

– Снова вернулся? Не зря люди говорят, что собственность у детдомовцев плохо держится. Промотал всё?

– Нет. Продал.

– Значит, правда.

– Что правда?

– Что не держится, правда, и что в общежитие вернулся. Да ты не расстраивайся, я вот даже рада, представь себе.

– Вполне допускаю.

Внимательно посмотрел на неё, без труда найдя множество отличий по сравнению с тем состоянием, когда в мае уходил отсюда, думая, что навсегда.

По весне Нина не выглядела столь весёлой, хотя и особенно расстроенной её назвать было трудно, раньше глядела в пол, будто там невидимыми буквами написан смысл её жизни, а теперь прямо в глаза смотрит и смеётся.

Скучно и длинно зевнув, Магницкий небрежно толкнул ногой дверь:

– Заходи в гости.

– Зачем? – она не двинулась с места.

– Так просто, а что?

– А почему в свой дом не приглашал?

– Надеялся обойтись.

– И что же случилось?

– Как видишь, не обошёлся, – шагнув два шага, оказался в комнате, и взялся за ручку двери.

– Почему?

– Заходи, чего в коридоре стоять. Разговор есть.

– На какую тему?

– Мало ли тем, которые нам надо с тобой обсудить.

Посмотрел на часы. До бракосочетания в районной администрации оставалось полтора часа. Что-то ему будущее мероприятие начинало не нравиться. Если начнёт сейчас выпендриваться, вообще не узнает, что могла сегодня выйти замуж. Нет, узнает, обязательно узнает, но после.

Нина мило улыбнулась проходившему мимо парню.

– Извини, ничего не идёт в голову.

– Смеёшься?

– А что, нельзя?

Он закрыл дверь. Тут же открыл, лицо было растерянным, дёрнул за руку, Нинка долетела до середины комнаты, там остановилась, мгновенно раскрасневшись и блистая увлажнёнными глазами.

– И что теперь? Подлец, не подходи ко мне, закричу.

– Мёд есть в домашнем хозяйстве?

– Какой ещё мёд?

– Обычный, мёда хочу.

– Есть.

– Притащи маленько, попьём чаю с пряниками, а то нехорошо себя чувствую, искупался в Ильин день, представляешь? Теперь соплю носом, –

Виктор назидательно посопел. – Кстати, пряников у меня целый килограмм. Мятные будешь?

Нина вышла из комнаты с высоко поднятой головой. Это могло означать что угодно. С фатальной решительностью препоручив дальнейшее развитие событий воле рока, направился с чайником на кухню. Когда вернулся, банка с мёдом уже стояла на столе, рядом лежал жёлтенький лимончик, а Нина рассматривала фотографию на стене.

– Кто это?

– Что с вуалькой – прабабка. Зовут Тереза, прошу любить и жаловать.

– Полька, что ли?

– Может, и полька, какая разница?

– И ты поляк?

– Разве по физиономии не видно? Могу доказать.

С этими словами вытянул из-под кровати чемодан с родословным приданым и вывалил содержимое на кровать.

– Вот, полюбуйся.

Нина смерила Виктора взглядом портного с головы до ног.

Тот принял независимый вид.

– А знаешь, – полистав один альбомчик, небрежно вернула на место, – Шопенгауэр говорил, что национальная гордость – это самый дешёвый вид человеческой гордости.

– Оно, конечно, вашему брату, лаборанту кафедры философии, виднее, что там говорил Шопенгауэр.

– Ты будешь жить здесь один, или ещё кого-нибудь подселят?

– Буду жить здесь с тобой.

Нина стеснительно усмехнулась, переспрашивать не стала.

Магницкий успел сходить за чайником, налить в чашки, а она всё пребывала в задумчивости. Он съел ложку мёда, запил чаем, взглянул на часы.

– Пора собираться, в администрации ждут к четырём часам, чтобы зарегистрировать наш с тобой брак. Большая удача, что не пришлось разыскивать, будем считать это перстом судьбы.

– Допустим, и что дальше?

– А, собственно, всё. Сейчас приоденемся как следует, возьмёмся под ручку, пройдем триста метров до райисполкома и регистрируем наши отношения. В жизни очень мало порядка, поэтому испытываю потребность всё упорядочить, заключить в рамки, разложить по полочкам. Начнём прямо сегодня с регистрации отношений и печати в паспорте. Потом вечером перетащим твою постель в мою комнату, ткнём носом коменданта в документ и будем жить-поживать, добра наживать. Ты согласна?

– Ни за что. Хочу шикарную свадьбу, платье с фатой, чтобы на машинах воздушные шары, куклы и ленты.

– Увы, на такой шахер-махер денег нет. Точнее, они чисто случайно есть, довольно большие, однако предназначены под более важное предприятие.

– Ну да, мы не бедные, мы скупые.

– Прижмимистые, скажем так. Максимум – посидим вдвоём в кафе.

– А чего вдруг надумал жениться?

– Созрел. Староват стал по крышам лазить, боюсь невзначай скovyрнуться.

Нина посмотрела твёрдым взглядом серых серьёзных глаз:

– Ты должен был давно сделать мне предложение.

Благополучно зарегистрировавшись, посидели в летнем кафе на свежем воздухе, пока не стало ощутимо холодно, потом сходили в кино, после чего вернулись в общежитие.

– Надо завтра перетащить сюда холодильник. Подруга будет очень недовольна: у неё был телевизор, у меня холодильник, мы отлично дополняли друг друга. Теперь она осталась без холодильника, а я без телевизора, и всё из-за тебя.

– Да, её можно считать невинно пострадавшей.

– А что я выиграла?

– Не знаю, не мне судить. Тут вот ещё, кстати, какое дело, забыл тебя уведомить до того: есть одна маленькая девочка...

– За которую надо платить алименты?

– Нет, ребёнок соседский, но мы с ней чрезвычайно дружны, и вообще она очень много для меня сделала. Анжелика будет приходить к нам в гости.

– Интересно будет узнать, сколько ребёнку лет?

– Четыре или пять. Она мой личный психоаналитик.

– У тебя что, плохо с нервами?

– Неважно.

– Ладно, согласна.

– На что?

– Да на всё.

Супруги разделись и легли. Впервые без визга, криков и драки. За стенкой кто-то негромко, но внятно рассказывал, как он ездил в деревню смотреть картошку: картошка, как на грех, неважная в этом году уродилась, и червяк-проволочник много подпортил, и вообще погода подкачала – в июле жара испепелила, в августе ранние холода и дожди. По коридору ходили люди. Сквозь хлипкую дверь оттуда просачивался свет, прерываемый чредой шатающихся совершенно без дела теней.

– Надо будет повесить занавеску.

– Да, и купить пару-тройку ковров на стены и на пол для звукоизоляции.

– Это не поможет.

– Поможет. Сейчас на рынке подержанные ковры стоят очень дёшево.

– Раньше активнее был, – пожурила молодая жена, – в подвальчике как-то лучше получалось. Тебе не кажется? Но ничего, в другой раз получится.

Она встала и начала одеваться.

– Ты куда?

– Пойду в коридор, почитаю немного, я всегда на сон грядущий почитать. Привыкла, не могу без этого.

– Читай здесь.

– В коридоре освещение ярче.

– Что, будешь стоять у двери, подпирать косяк?

– А что ещё делать? Время раннее, не спать же, как старикам.

– Погоди, – он взял её за руку, – давай поговорим. У меня есть одна идея, хочу с тобой её обсудить. Давай построим дом? Не очень большой, но двухэтажный: большая гостиная, столовая, библиотека внизу, наверху спальни.

– Ты подпольный миллионер?

– Да. Был на днях, теперь немного обеднел – купил землю, участок четыреста квадратных метров под строительство дома в центре города, недалеко от того места, где жил. Там деревянный барак сгорел, вот на его месте и поставим. Сама земля пока не продаётся, а передаётся в пожизненное пользование, это стоит копейки, но, чтобы выхлопотать именно этот участок, пришлось дать взятку пять миллионов, уже нанял бригаду, они участок огорожат деревянным забором. Завтра сходим, покажу. Весной вырою котлован, уложим фундамент из бетонных блоков и сверху плиты перекрытия – нулевой цикл готов. На это я заработаю зимой.

– Где? В своём институте, что ли?

– Институтской зарплаты хватит на оплату этой комнаты. Пристроился счётчиком зарплаты на железобетонный завод, где блоки и плиты перекрытия делают. На своём компьютере буду считать им зарплату, а свою зарплату бартером выбирать, бетонными блоками и плитами, клянусь, в мае уложу нулевой цикл.

– А дальше как?

– После этого думаю устроиться зарплату считать для кирпичного завода, у них нынче тоже не лучшие времена – денег нет, кирпич девать некуда, по дешёвке за бартер толкают, мне это на руку, вот так помаленьку-полегоньку и будем строиться.

Нина прилегла на кровать:

– Дом двухэтажный?

– Конечно.

– А подвал будет?

– Естественно, нулевой цикл – это и есть будущий подвал, пол забетонируем, устроим винный погребок... с баром.

Нина ждала от него каких-то слов, судя по выражению её лица, говорил он не о том, хотя пел на все лады на манер весеннего скворца, зазывающего подружку в свой дощатый особняк на берёзе.

– Когда появится достаточно денег, можно в подвале выложить пол мраморной плиткой, представляешь? Сделаем кирпичные своды, как в старинном замке, огромный камин с решёткой, и длинный стол со скамьями для буйных пирушек старой почётной гвардии поставлю. Мужиков позову, и так...

– А можно там будет устроить небольшую комнатку, как у нас в общежитском подвале, и забросать её всякими ненужными вещами?

– Зачем? А-а... а почему бы, собственно, и нет? Если пожелаем, можно устроить полную копию, и ещё звукоизоляцию абсолютную.

Нина улыбнулась.

– Я тебя очень люблю, – произнесла она с выражением, делая ударение на слове «очень», и глядя широко открытыми сияющими глазами вверх на потолок, – знаешь, что говорил Экзюпери? Что любить – это не значит смотреть друг на друга, это значит – смотреть в одном направлении.

Виктор тоже принялся смотреть на потолок, следуя заветам французского писателя, ведь у них только что появилась общая цель в жизни, а это, что ни говори, дорогого стоит.

По потолку еле-еле карабкался прозрачный от голода клоп. Он явно имел на супругов большие виды. Ему на подмогу по стенкам взбирались многочисленные сподвижники, тоже, наверное, горячие борцы за народное клопное счастье, не желающие ждать милости от природы.

Ни о каких двадцати годах строительства и речи идти не могло, о десяти тоже. Пять, и то слишком долго, конечно же, на себя надо работать по-социалистически: пятилетку в три года!

При виде голодного клопа в голову сразу пришла замечательная идея. Дело двинется куда как быстрее, если раздобыть строительный вагончик, установить его на стройке и жить в нём, совмещая функции прораба, сторожа и снабженца, короче говоря, хозяина.

Магницкий вскочил, как боевой конь при звуках полковой трубы, и начал спешно натягивать штаны, бурча под нос, что под лежащий камень вода не течёт. Немедленно звонить Горкину – вдруг у того на примете имеется завалящий строительный вагончик?

– Ты куда?

– Дорогая, дела... Можешь почитать книжку в коридоре, я абсолютно не против, с двенадцати до двух часов ночи у местных клопов намечается званый ужин. Сегодня мы на новеньких, по нам ужасно соскучились после месячной голодовки, но пусть оскормятся в соседнем заведении.

Молодая отнеслась к идее с пониманием. Послушно оделась, встала с книгой у двери, навалившись на косяк полнеющим телом.

«Нет, это не жена, – думал он, с воодушевлением набирая скорость, прыгая через три ступеньки на четвёртую, – это чистое золото! Как представишь, что лежали бы сейчас обнявшись в этой тесной люльке, на потной простыне, вдвоём, в темноте, на казённом, истолканном многими поколениями матрасе, и, как последние идиоты, кормили клопов – смешно делается, ей-богу!».

49.

Шесть лет спустя

Нина вернулась с работы темнее грозовой июльской тучи. С чувством швырнула сумку на вещевой стул возле двери.

Муж перестал кушать свекольник:

– Что случилось?

Упорное молчание свидетельствовало о том, что произошедшее не имеет аналогов в истории новейших времён. Полиэтиленовый пакет с хлебом, кувыркаясь, прилетел на стол.

Да, сразу видно – в дом пришла добытчица, ясно, как белый день, сомнения наказуемы. А какие способности в метании подручных предметов! Задавать наводящие вопросы тоже дело небезопасное, Виктор скромно умолк. Прервав трапезу, кинулся доставать прибор для жены.

Вообще-то, ему давно пора в свой любимый вагончик на стройку особняка в центре города, но в свете последних событий уход будет выглядеть если не бегством, то всё равно очень не по-семейному.

Нина села на краешек стула, сложила маленькие ручки на коленях, и, уткнувшись в них взглядом, молчит, вся без остатка погружённая в себя. Виктор тоже беззвучен. Тихо сопереживает, стоя рядом, поникший и вконец измельчавший, как человек, давным-давно переживший возраст Христа, но по-прежнему ни на что не годный.

– Представляешь, – говорит она ровным замороженным голосом, предвестником чего угодно, от зимней бури до весеннего половодья, – Людмила припёрлась сегодня на кафедру с новой сумочкой, в новой курточке и... шляпочке.

Так может говорить только убитый горем человек, над которым иронизировать бессовестно. Поэтому муж восклицает возмущённо, с пафосом и без капли фальши:

– Вот ведь сволочь какая!

– Правда, – соглашается жена и начинает тихо плакать.

Говорят, слезами горю не поможешь, а, между прочим, слёзы – необходимая женская разрядка после тяжёлого трудового дня на университетской кафедре. Не проходит и трёх минут, как она выходит из бессловесных сдерживаемых хныканий, начинает причитать по-настоящему:

– Какая-то простая лаборантка... девчонка двадцатилетняя может себе позволить сумочку новую, куртку... и... – О, горе слишком велико, Нина раздражается рыданием, не может выговорить.

– ...и шляпочку, – помогает Виктор.

– ...и шляпочку... как раз такую, какую я хотела купить...

Вот когда плач переходит в детский рёв.

– Мне тридцать пять лет, я преподаватель, а куртку ношу уже не помню сколько, лет десять одну и ту же, сумка порвалась, а шляпочка...

Да, новая шляпочка была основной идеей-фикс последнего времени, муж подтвердит лично, без фиги в кармане. Нина ходила примерять её несколько раз без денег, которые просто негде взять – явный признак лёгкого умопомешательства, присущего девяноста процентам женщин.

Виктор честно уговаривал жену не заниматься ерундой. Что касается возраста, лет нам гораздо больше тридцати пяти. Это не склероз, просто включился счётчик обратного отсчёта.

– А всё ты...

Ну вот, начинается.

– ...могли бы на те пять миллионов купить и тебе пальто, и мне куртку. Нет, потребовалось ему дом срочно строить. И где теперь твой каменный дом в два этажа с подвалом? И деньги пропали. Жадина, скупердяй, даже на собственную свадьбу зажался, бессовестный ты, Магницкий, человек!

Виктор молчит уже по другой причине. Он не открывает рот потому, что Нина права.

Но кто мог знать, что пять миллионов, положенные в солидный коммерческий банк под сорок процентов годовых, превратятся сначала в пять тысяч, а затем исчезнут полностью, оставив после себя судейские разборы, частые собрания Общества Обманутых Вкладчиков, которые начинались самоорганизацией конкурирующих кружков, группок и даже партий, но заканчивались всегда одинаково – криками проклятий и обмороками седовласых пенсионерок.

– Но и у тебя на книжке в Сбербанке сгнуло две тысячи советских дензнаков, что в реальных измерениях гораздо больше моих пяти миллионов.

– Нашёл что вспоминать. Да их-то как раз выплачивают понемногу.

– По достижении восьмидесяти лет? Или ты имеешь в виду знаменитую тысячу рублей на похороны усопшего вкладчика?

– Нет, – Нина деловито высморкалась в платочек, приобретая осмысленное выражение, – сейчас, я слышала, уже семидесятипятилетним выдают их сбережения.

– То, что не съела инфляция за прошлые годы? Хорошо. Подождём немного. Тем более, что полсрока уже отмотали.

Бедная, бедная Нина. Впрочем, она старается, преподаёт заочникам, пишет статьи, которые надо пристраивать в платные научные сборники. Платный неоплатонизм, боже, до чего докатились!

– А у вас когда будут хотя бы половину зарплаты выплачивать? Сколько можно на одну двенадцатую жить? Вон по радио только и говорят: страна поднимается с колен, страна поднимается с колен, ну если поднимается, почему сотруднику научного института нельзя платить хотя бы тысячу двести в месяц из его официальной зарплаты в две с половиной тысячи?

– Пока только обещают. А платят двести, как раз половину оплаты за нашу комнату в общежитии. Ты половину, и я половину. Равные права между женщиной и мужчиной полностью обеспечены, что тебе, собственно, не нравится?

– Преподавать когда начнёшь?

– С сентября-октября. Черкизов обещал спецкурс для четвёртого курса. Четыре часа в неделю, я же тебе говорил.

– Давай продадим участок, всё равно ничего не построишь.

– Не мой пока участок, сколько можно объяснять элементарные вещи? Я его сейчас приватизирую. Пока он принадлежит городу, хотя и отдан мне под строительство за сущие копейки, которые не возвращаются, ежели от него отказаться.

– Ты же пять миллионов заплатил!

Дались ей эти пять миллионов.

– На взятку истратил. Кто бы мне выделил участок в центре города без взятки? Сама подумай. И я его отдавать не собираюсь. Построить дом – главная цель моей жизни.

– Зря ещё тот дом отдал в бессрочную аренду. Дурак ты, Магницкий, каких мало.

– Что вспоминать давно минувшее? Кстати, двадцать долларов в месяц совсем не лишние. Ладно, поживу сегодня в вагончике, а то вывезут добрые люди.

– Кому нужен разбитый вагончик?

– Ну, мало ли кому. Там ещё туалет выстроен из хороших досок, забор.

– Сортиростроитель – вот ты кто!

– Да. За имуществом глаз да глаз требуется. Хлеба отрежу половинку? Сахар с чаем пока есть, овсянка тоже. Начну лекции готовить, надо освежить материал в голове.

– Точно дадут семинар?

– Обещали.

– Премьер Черномырдин тоже какое-то светлое будущее народу обещал...

– Что россияне будут жить плохо, но недолго.

– Ой, слава богу, какой добрый человек!

– Уехал послом-миллиардером на Украину, крепить братство народов.

– Давно?

– Очень давно. Так что обещанное выполнить полностью не успел, а посему будем ещё очень долго жить плохо, и с Украиной рассоримся насмерть, вот посмотришь. Ну, так я пошёл на стройку светлого будущего?

– Иди. Утешил супруг супружницу.

Стройка будущего заморожена до лучших времён. Участок земли огорожен забором с воротами, внутри территории стоит ржавый вагончик, в котором Магницкий жил шестой год подряд, иногда по пути заходя в общежитие.

Остатков сгоревшего дома практически не осталось, он постепенно распилил и сжёг их в буржуйке вагончика за долгие сибирские зимы. Зато теперь ровная площадка, чисто, под метёлочку. Чем топиться следующей зимой – большой вопрос.

Вот она, деревня, вот он, дом родной!

На лавочке, сделанной из тех же досок, что и забор, сидит соседская третьеклассница Анжелика, перед ней расставлены игрушки, на скамейке учебник математики и тетрадка.

– Гутен таг!

– Гутен таг!

– Ви геттес дир? (Как дела?)

– Зэр гут.

– А почему к Нине ужинать не пришла? Там и стол есть нормальный для занятий. Приобретёшь искривление позвоночника, тогда узнаешь, что бывает с теми, кто не бережёт собственное здоровье. Береги здоровье смолоду, поняла?

Анжелика дипломатично косит в сторону.

– Виктор, у меня задачка не получается.

– У меня тоже на работе куча задачек, которые не получаются. А если бы они сами собой получались, меня не взяли бы на работу их решать и не платили бы денег. Знаешь, что сделает со мной начальник отдела, если я подойду к нему и скажу: «Слушай, дяденька Черкизов, а у меня задачка не получается»?

– Что?

– Тут же уволит с работы. Поэтому я весь день их решаю, решаю и решаю, чтобы решить вовремя. И ты тоже решай сама.

– А сверх плана тебе Черкизов задачки задаёт?

– Разговорчики в строю! Надо было четвёрку по контрольной не получать. Месяц осталось учиться, а она мне тут на четвёрки съехала. Я тебе покажу «Черкизов», фамилию такую забудешь!

– Что ели у Нины?

– Очень вкусный борщ со сметаной. Ждали тебя, ждали, но не дождались. Нина сильно плакала.

– Давай сварим картошку в мундирах?

– Кто «давай сварим»?

– Я сварю.

– А, пожалуйста, за дело, с песней. Вода во фляге есть, электричество в проводах, картошка в ящике, милости просим. – Магницкий открыл ключом вагончик и вошёл внутрь.

Непрезентабельно, конечно, но для жизни строителя капитализма необходимое имеется. И печка, и плитка, и рукомойник с тазиком, и топчан, который в данный момент привлекает более всего. Нет газет, телевизора и

радио. Здесь он живёт в информационном вакууме, что тоже неплохо, меньше знаешь про вал ограблений и убийств, захлестнувший страну, лучше спишь.

Виктор, насвистывая, переоделся, лёг на топчан, прикрыл глаза толстым научным журналом.

- Что, устал? – интересуется невидимая Анжелика.
- Да, сейчас всхрапну минут двадцать, и задачку буду решать.
- Свою, научную? – уточняет хорошистка.
- Конечно, научную, не твою же. В носу не ковырай.
- Подсматриваешь?
- Слышно!

Девочка начала копошиться у ящика с картошкой. Голод не тётка, но ведь до общежития рукой подать, если уж на то пошло, там всегда накормят. Однако ребёнок предпочитает самостоятельность. Это, кстати, тоже неплохо. Виктор доверяет ей электроплитку и засыпает на двадцать минут с открытой дверью (если что, успеем выскочить).

Потом кто-то снимает с лица журнал и докладывает.

– Картошка сварилась.

Часы показывают, что сон продолжался почти пятьдесят минут, а такое ощущение, будто чуть веки смежил. Всё-таки верно сказано: старость – не радость. Зря народ не треплется.

Анжелика вытащила картофелины в чашку.

- А знаешь, с чем я люблю картошку в мундирах есть?
- С хлебом-луком?
- Нет.
- С солью и водой? Или с квасом с редькой?
- Да нет же, – удивляется школьница взрослой несообразительности.
- А, с маринованной селёдкой! – скрипя мозгами догадывается Магницкий. – И чёрным перцем?

– Нет, с сельдью иваси.

– Полезный продукт, в ней очень много рыбьего жира.

– Вот бы купить парочку, – зажмуривается Анжелика, – с икрой!

– Ну, парочку не парочку, а на десять рублей... возьми пакет, сбегай до базарчика, купи грамм триста кильки, если киоск открыт.

Последние слова улетают в пустоту. Калитка захлопнулась прежде, чем они были произнесены. А рынок, между прочим, стоит на квартал дальше общежития, пусть и в другую сторону. Подчас некоторые школьницы бывают сверхъестественно избирательны, сообразительны, а главное, быстры. Вместо кильки и сдачи притащила иваси.

– Только на одну рыбку хватило, – сообщила, протягивая пакет. – Здоровая, как кит. Пообещали с икрой. Чур, икра моя!

– Нет, чур, пополам.

– Ладно, а хвост бабке отнесу, она тоже любит с картошкой.

Анжелика сразу отрезала хвост и отложила несколько картофелин на передачу бабке, когда пойдёт домой спать. Селёдка оказалась с икрой. Они приступают к трапезе, после которой очень трудно отмыть руки. Но Виктор требует строжайшей чистоты в помещении и возле оно, иначе от мух не будет отбоя, поэтому Анжелика выносит отходы в мусорный контейнер на улицу, долго моет руки, лицо.

Потом берёт тетрадку, учебник и подходит к Магницкому.

– Наелся?

- Наелся, спасибо.
 - Вкусно было, да же?
 - Очень вкусно готовите, майне либе фройлен, данке шён вам большое-пребольшое. Кормилица вы наша.
 - Помогите задачку решить, не получается.
- Виктор глянул в книжку, куда направлен пальчик, и на листок черновика.
- Семью восемь?
 - Пятьдесят шесть!
 - А чего пишешь?

После проверки домашнего задания и переписывания в тетрадь набело со вздохами и охами, прихватив хвост селёдки с остатками варёной картошки, Анжелика уходит ночевать в соседний дом, где в коммунальной квартире живёт её бабка, а иногда ещё и родная мамочка с каким-нибудь общественно-бесполезным другом.

Трудно не удивляться, видя, как маленький ребёнок может стоически беззаветно любить родню и в силу своих небольших возможностей заботиться о ней. Сильнее этого чувства, живущего в детской душе вопреки всему, кажется, нет ничего на свете.

За исключением той страшной и безотчётной ненависти, которую испытывает тот же самый ребёнок, но уже в пятнадцатилетнем возрасте, к тем же своим пьющим без отдыха и натошак родственникам.

О, как он их тогда убийственно не выносит, этого не передать никакими словами, но можно каждодневно наблюдать, если живёшь рядом с коммунальным домом и видишь на множестве примеров изо дня в день развитие сей поразительной метаморфозы бытия.

В его строительном флигеле установилась тишина. Можно заняться подготовкой лекций к осеннему семинару.

Да, программирование нынче вроде доброй верной жены, дающей хлеб насущный понемногу, но ежемесячно, а чистая математика – вроде посторонней красивой женщины, к которой давно тянет, однако без взаимности.

Вот эту теорему Кузьмича он тоже возьмёт в свой спецкурс – красива, чертовка, жаль, слегка кособока: необходимость есть, а достаточность не доказана... в его студенческие годы была не доказана, а уж теперь-то наверняка доказали. Грех в таком месте пустоту оставлять. Кто-нибудь добил и достаточность. Нынче народ далеко вперёд ушёл. Кстати, а почему тогда была не доказана? Когда доказывается практически тем же путём, что и необходимость, при минимальных дополнительных построениях?

Или ему кажется? Ничего не кажется.

На пяти блокнотных листочках Виктор набросал доказательство достаточности теоремы Кузьмича. Эх, жаль, только сейчас увидел, а не в студенческие годы. Но, может, и нынче удастся статейку маленькую тиснуть, если, конечно, его доказательство отлично от канонического, ранее полученного. Надо будет у мэтра Трушкина разузнать, наверняка должен знать.

Хоть и вчерашний день математики, зато классика, даже третье доказательство к уже имеющимся двум другим было бы не зазорно представить.

Удовольствие от созерцания решения и проведение самых разнообразных проверок продолжается далеко за полночь, до тех самых пор, пока с улицы не начали доноситься странные, робкие постукивания.

Магницкий прислушался. Стук тотчас прекратился. Раздался тоненький визг, вроде бы животного происхождения, то ли щенячий, то ли кошачий, но в следующую секунду он уже вскочил с топчана и бросился вон из вагончика спасать своё имущество.

В ночной тиши кто-то тихо, заботливо выдирал доску из забора.

Вор находился внутри ограды. Молотком распрямил гвоздь и на глазах удивлённого хозяина рукой выдавил доску наружу. В длинной ограде организовалась первая дырка-брешь.

С почином вас! Далее высокий стройный человек спортивного телосложения принялся отгибать гвозди следующей доски. На воре тёмная, маскирующая одежда, чёрная шапочка до самых глаз, и только на ногах белые кроссовки.

Хозяин кинулся защищать частное имущество голыми руками, не обращая внимания на серьёзное вооружение противной стороны.

И тут случилось нечто из ряда вон.

Вор стоял к Виктору спиной. Перед ним забор высотой метр восемьдесят. И вдруг, не оглядываясь, с места, без подготовки, ворюга как-то ужасно мастерски, мягко, элегантно даже перемахнул ногами через верх забора, подхватил оторванную доску с молотком, уже валявшиеся снаружи, и бесшумно умчался в тревожную черноту городской ночи.

Хозяин сначала обалдел, а потом восхитился. Главное – с места, фпр-р-р птичкой, и нет его, каков талантище, а? Во народ! Просто диву даёшься. И с таким талантом ночами лазит по чужим оградам воровать с риском для рёбер неструганые доски из забора! Экстремал!

Тщательное исследование места преступления не принесло никаких результатов, тут действовал профи, спёрший таки из его забора первую доску.

Теперь начнётся, только держись! Не успеешь оглянуться, растащат забор, ибо народ в округе подобрался до стройматериалов злой, и, где что плохо лежит, сразу подмечает, делая соответствующие выводы.

Ага, здесь спёрли доску, а почему не я? Я тоже сопру, в хозяйстве всё сгодится! И пошло, и поехало, ото всех не отобьёшься, никаких сил не хватит.

Пришлось снять доску с топчана, чтобы восстановить статус-кво несколькими меткими ударами молотка по ржавым шляпкам бэушных гвоздей. Прежние гвозди негодяй утащил вместе с доской.

Глядя на сузившееся ложе, Магницкий предался невесёлым размышлениям.

50.

Что ни говори, а он положительно не умеет зарабатывать деньги. Нет таланта, хоть тресни, о чём умные люди ему не раз напоминали. Полная бездарность. Даже на квас не может заработать, исключительно на хлеб и картошку хватает умения, причём картошку сажит сам на институтском поле, вместе с прочими безлошадными сотрудниками. Если не это бесплатное научно-картофельное поле, им бы в принципе не выжить.

– А вот люди зарабатывают на всякой мелочи, – говорит Нина слегка обиженным голосом человека, за всеми моющего посуду и убирающего со стола, – я понимаю, был бы ты крутолобый гений или хоть талант, известный в своих кругах, а то, смотри, даже не кандидат наук. Так, непонятно что.

Она не со зла, ей тоже обидно.

– Вот у нас, философов, репетирование в принципе исключено, такого предмета в школе не проходят, про университеты говорить нечего, там всяк себе философ с собственной системой ценностей, казалось бы, вообще иди и вешайся от безденежья. Так нет, находят люди из ничего подработку. Взять, к примеру, доцента Короткевича Владимира Яковлевича. Окончил человек курсы массажистов, представляешь?

Получил документ соответствующий, уже хорошо, да? Своим семейным может массаж при случае сделать. Но на этом не успокоился: распечатал на кафедральном компьютере пятьсот объявлений о сеансах массажа, и по окрестным домам разложил в почтовые ящики. Говорит, всего десять человек откликнулось. Так теперь он утречком до занятий пять раз в неделю бабушек массирует, а пять раз после занятий дедушек. По сорок рублей за сеанс берёт, итого четыреста рублей в неделю дополнительной зарплаты ему в карман набегает.

– А тётенок ваш Владимир Яковлевич из принципиальных соображений не массирует? Или по ночам исключительно? Пять раз в неделю?

– Ой, ну чья бы корова мычала...

– Нет, не люблю посторонних людей руками трогать. Не нравится мне это. Даже в медицинский не пошёл из морально-этических соображений. Со стороны, конечно, вроде замечательно: белоснежный халат, накрахмаленная шапочка, стетоскоп на шее поблёскивает, с умным видом ходить можно, доктором величают, отношение в народе уважительное, но как только подумает, что трогать надо чужие прыщи, сразу – извините, в другой раз.

– Шутки шутим? А слабо Виктору курсы парикмахерские окончить? Слабо, да? Тогда дай объявление о репетировании. Раньше у тебя и летом бывали ученики.

– Старый стал. Не могу деньги от детей принимать, стыдно. Говорю же, будет семинарчик, начну прирабатывать. Черкизов обещал.

– Да, сам ты с места не двинешься, человек двухсотрублёвый.

– Двухсотрублёвая моя голова, а руки и душа бесплатные.

– То-то и оно.

Поздней ночью, ворочаясь на узком топчане с книжкой по топологическим аспектам квазивиртуальных сфер, Магницкий вдруг ощутил себя оскорблённым в лучших чувствах при помощи чуждой нелюбезной правды: тридцать девять лет мужику, а он не смог завести ребёнка при живой и здоровой жене. Кантуется в вагончике, мечтая построить дом-дворец и только после этого создать полноценную семью, как полагается: в роскошной спальне, на кровати под балдахином.

Мигом скатился с топчана, резво стартанул в общежитие к Нине, восстанавливать статус женатого человека, который должен по варварским домостроевским обычаям спать исключительно дома, а не в отдельно стоящем строительном вагончике. И не беда, что на дворе ночь, даже лучше. Тёмная ночь... разделяет, любимая, нас...

В прекрасном настроении добежал, толкнулся в дверь общежития. Родной дом по ночам заперт.

Не беда, воспользуемся тропами далёкой юности. Оно, конечно, не впервой. Только слишком давно не тренировался, и, к великому стыду своему, не смог вскарабкаться даже на козырёк над чёрным входом, с которого обычно

лихо сигал на пожарную лестницу. Допрыгнуть – допрыгнул, а подтянуться Виктору ныне слабо.

Незадача. Повисел задумчиво, и вниз брякнулся.

Что делать, господи?

Да то же самое, что и все нынешние более молодые люди. Ведь совсем не зря там, в уголке, белеют два тарных ящика, как бы ни при чём валяются себе рядышком. Подставить их под лестницу, и дело пойдёт как по маслу! Всё выше, и выше, и выше! Молодёжь, выбравшая пепси, явно предпочитает лёгкие пути, подвластные даже старикам на четвёртом десятке, ближе к пятому.

Вы ощущали когда-нибудь, друзья мои, в темноте на пожарной лестнице прилив стыда ориентировочно на уровне третьего этажа? Нет? Тогда опишем данное чувство, охватившее с головы до ног товарища Магницкого, несмотря на то, что его здесь никто пока не видит. Просто сам на себя посмотрел со стороны: солидный женатый человек средних лет, старший программист, разработчик военных заказов, лезет на крышу шестиэтажки среди ночи толстым обленившимся котом.

Постойте, постойте со своими обличениями морально-этического плана. Мужчина должен иногда рисковать? Должен, раз на роду написано, иначе жизнь будет неинтересная. А как Магницкий рискует – его дело, которое никого не касается, поскольку законов он пока не нарушает.

Вот лучше возьмём и представим для собственного удовольствия более тяжёлый случай: стоит мужчина с биноклем у окна своей квартиры на десятом этаже и смотрит вниз на женщину с зонтом.

Идёт роскошных форм дама, торопится, а дождь хлещет как из ведра. К тому же косою. Не мужчина, а дождь, хотя и мужчине нетрудно окосеть, когда платье вымокло до нитки и страстно облепило счастливую обладательницу пышных форм, а зонтик, увы, ни от чего не спасает. Даже от восхищённых взглядов с десятого этажа. Поддадим ветра. Шшу-х!!! Последняя преграда сметена. Зонтик сломан, шикарная женщина в мокром, продолжайте, пожалуйста, своё движение, просим, просим, осторожно ступайте, медленно обходя кипящие пузырями лужи на своих огромных каблуках, зажав сумочку под мышкой. Мадам, куда вам спешить теперь?

Проникнемся к ней восторженным сочувствием, как тот наблюдатель с биноклем.

Вдруг у него проснулся голод, засосало под ложечкой. Продолжая правой рукой держать бинокль перед глазами, неотрывно глядя вниз, боясь потерять хоть один момент бесплатного чуда, левой он судорожно открывает холодильник, лезет ощупью на верхнюю полку, где лежит палка полукопчёной колбасы и стоит банка сгущённого молока. Что предпочтёт мужчина, подглядывающий за чужой мокрой женщиной?

Естественно, мясо. Ухватив палку, досрочно раскрывает рот под биноклем, чтобы вонзить зубы в аппетитную плоть и грубо, с треском зажевать её с оболочкой, что столь же приятно, как овладеть роскошной мадам прямо в мокром платье, но тут из соседней комнаты раздаётся возмущённый голос жены:

– Кто это там опять в холодильник полез? Только что ужинали!

И всё. С верхней полки кувырывается вниз банка сгущёнки, стукаясь о голову наблюдателя, заливая его лысину, бинокль, руки, а особенно линолеум вокруг тапочек.

Вот где дурачина! А Магницкий вам что? У него полный порядок.

Приостановил своё горное восхождение на встречу с женой, отдыхает, а параллельно мыслит.

Неужто-де сорвались в тот возраст, когда подглядывать за женщиной в бинокль стало интересней, чем завязать с ней непосредственный роман? Нет, дела совсем ни к чёрту. Даже ещё хуже, когда веселее представить постороннего мужичка, что наблюдает с десятого этажа за тоже воображаемой тётенькой, и в наказание надавать ему воображаемой сгущёнкой по башке. Так что докатились до точки.

Тем не менее, вдохновлённый посторонними мечтами, Виктор бодренько пополз вверх с новыми силами, хоть и не лосось, идущий на нерест, но всё-таки живее, много живее, чем прежде, когда был весь в сомнениях, как впоследствии мужчина, доставшийся рассерженной жене густо обмазанным сгущёнкой, приготовленной для воскресного торта.

Всего ничего лет от роду. Да ему в трамвае через раз говорят: «Молодой человек! Передайте деньги кондуктору». Но чаще: «Мужчина!». Это когда «мужчина, выходите?». Ходит он, девушка, ходит. Двигает членами, ещё наверх взбирается по лестнице без посторонней помощи. Всего шесть лет минуло с тех пор, когда взвивался по этим ступенькам на нерест, ни о чём вообще не рассуждая, ничего не представляя, а теперь...

Лезет и сомневается. Сомневается, но лезет. Всё у нас впереди!

А интересно, будет нынче Нинка орать, когда поволочёт её в подвал? Или без подвала обойдёмся? Как-никак старший программист, оклад две с лишним тысячи, несолидно. Только вот на руки всего двести. Тащим! Если, конечно, сможем.

Ночной гость прыгнул с чердака на лестничную площадку, спустился на этаж, заглянул в коридор. Так и есть, стоит женщина в коридоре общежития, читает. Естественно, про любовь. Не утомилась. Раньше смешило, теперь потихоньку начинает восхищать.

За прошедшие годы многие умения Магницкого притупились: хуже стал подтягиваться, медленнее взбирается по пожарной лестнице, ни черта не видит на чердаке, неудачно прыгает, но крадёт по-прежнему великолепно, как тигр в кустах. На одном дыхании, беззвучно, веточка под ногой не хрустнет! Да и откуда в коридоре веткам взяться? Слава богу, обычный шлифованный пол из мраморной крошки, как огромный кладбищенский памятник восемьдесят метров длиной.

Остался последний шаг. Сейчас схватит, кинет через плечо – и айда скакать вниз по лестнице!

– Так и знала, что сегодня заявишься, – Нина отворила дверь и вошла в комнату первой, даже не обернувшись для порядка.

– Откуда? – любопытствовал для порядка муж, входя следом.

– Обидчив стал очень, – пояснила жена, включая свет, – обидчивость – твоя всегдашняя ахиллесова пята.

Что правда, то правда, наверное, поэтому среди ночи Магницкий вдруг подхватился и убежал обратно в вагончик, подгоняемый также неприятным ощущением, что спортивный человек в тёмном трико и белых кроссовках вернётся и разберёт его забор до последней плашки. Сбежал от семейной жизни, хорошо – не через крышу. Развелось во время перестройки столько кругом хозяйственной шантрапы, что дом на час нельзя оставить без присмотра.

Крутиться на узком топчане оказалось ещё более неудобно, чем прежде, весь только измучился, и на работу подскочил раненько.

Секунду размышлял, какой предпочесть путь. Свой ли обычный, самый короткий: сначала под горочку, потом через дворы, трамвайные рельсы, минуя по очереди спортплощадку, проспект, рошу – и практически мы уже на месте. Двадцать минут ровно.

Но во дворах такая грязь, что подумать страшно! Прошлый раз вон как врюхался, по самые уши. В темноте не туда прыгнешь, и всё! – придёшь в институт свинья свиньёй. Тебе же ещё какая-нибудь сослуживица и мысли свои глупые выскажет: «Ах, Виктор Фёдорович, а мне говорили, вы в центре живёте! Только запамятовала – в общежитии или в строительном вагончике?».

Помолчала бы лучше, ей-богу. Нынешние научные женщины такие противозины, каких двенадцать лет назад представить было невозможно. Никакого снисхождения к пожилому программисту, так и норовят кольнуть, щипнуть да осмеять повеселей.

Кабы был неженатый, ластились бы кошками, кофе горячий таскали наперебой со всех этажей института, как в прежние-то времена, в рот бы заглядывали, когда говоришь! А теперь нет, теперь, напротив, только бы им осмеять пошешнее женатого человека, выставить его абсолютным идиотом: женился, придурок, когда кругом такая красота необыкновенная витает!

Нет, не пойдём мы под горочку через дворы грязь месить, а напротив, в горочку двинем, на асфальт, под фонари, да на проспект, в свет цивилизации подадимся навстречу Европе, там ходьбы ровно полчаса будет, зато не врюхаешься.

Другое плохо, не любит он ходить мимо своего прежнего дома, ныне сданного в бессрочную аренду с последующим выкупом. Тоска начинает грызть, жалко становится, а чего, спрашивается, жалеть? Что сгорит, то не сгниёт! Лучше про работу думать, это самый правильный рецепт для такого пешего человека, как пан Магницкий.

Идёт он по тёмной улице, идёт, а сам мысленно уже на работе оказался: взял ключ от кабинета на вахте, расписался в журнале, открыл дверь, вошёл в комнату, включил свет, достал из стола папки с бумагами, врубил компьютер и поехал дальше программировать.

В этом заключалась главная ошибка: нельзя работать по пути на работу.

Рано утречком, топая наобум в темноте, чрезвычайно трудно не совершить ошибки, если мысли ваши уже где-то совсем впереди маячат, на трудовой вахте. Или машина собьёт, потому как топаешь по проезжей части, а тротуары завалены кучами мусора, или в канализационный люк открытый сыграешь, или хуже того, как сейчас, напугаешь кого в темноте до беспамятства.

Некоторые штатные психологи, бездельничая за приличные бабки при отделах кадров нефтяных и газовых компаний, утверждают, что мужчина по внутренней своей натуре – охотник, даже если в трудовой книжке значится, что он старший программист отдела моделирования нелинейных процессов. И, как охотник, всегда инстинктивно преследует бегущую добычу, к примеру, незнакомую женщину. Даже если об этом совсем не задумывается и без всякого внутреннего расчёта.

А я вам скажу – всё враки!

Да, сел Виктор на колесо какой-то незнакомке прямо от своего вагончика и пошёл себе размышлять, как бы посолидней завершить седьмую главу «Руководства по эксплуатации». Чешет следом за фигурой, она быстрее – он быстрее, она медленней – Магницкий тоже, всё чисто автоматически, на автопилоте происходит, фигура-ведущая, Виктор-ведомый, чего тут думать-то?

И что, охотится он за ней? Да как бы не так, очень было надо! Просто женщина – существо по природе своей чрезвычайно осторожное, особенно с утра (про вечера в ресторанах умолчим – не наша тема).

В канаву свеженькую, вчерась только городской властью вырытую и не огороженную, с размаха женщина не влетит – туфли бережёт, открытый люк канализационный обойдёт, как и кучу грязи. Она перемещается в пространстве чутко, все препятствия ощущая за сто метров. Ведомому остаётся лишь её бойкие телодвижения повторять и спокойно о своём главном думать, о работе.

Хотя, конечно, когда сильно сблизись, да начнёшь сопеть полипами в спину, можешь нарваться на такие неприятности, что и открытый люк покажется весёлым фокусом: был товарищ – нет товарища.

Чувствует Магницкий, его ведущая летит, как пуля, в направлении центрального проспекта, и он уже отставать начал по старости лет, её телодвижения в точности повторять запыхался. Скорей, скорей, скорей, бегом. Гражданка к фонарям поближе норовит вырваться, к людям, от преследователя оторваться, а Виктор по дурости глубоко задумался и тоже разбежался во все лопатки. Только успел нос платочком высморкать как следует, вдруг она резко по тормозам и развернулась.

«Ой, извините, пожалуйста, больше не буду!»

На голове капюшон плащевой накинут, лица не видно, а головой этикие движения сделала, будто спасения ищет, потом – раз, и за его спину спряталась.

И надо сказать, было от кого прятаться, ибо метрах в десяти от них, возле контейнера с бытовыми отходами красиво, будто на картинке в детской сказке, стоял поджарый африканский... лев.

Виктор поначалу не поверил глазам, чуть не рассмеялся: как так? Царь зверей, а жрёт всякую падаль, будто последний шакал.

Молодой ещё лев, с небольшой гривой, хрустел чьими-то костями у контейнера, а они подбежали наперегонки, появлением своим прервав утреннюю трапезу царя зверей.

Лев открыл пасть, показав клыки, издал страшно недовольное утробное ворчание, распушил грозно гриву, вразвалку потрусил к нарушителям границ его территории, с явной целью устроить хорошую взбучку. А может, просто слопать?

«Опять сбежал!» – было первое, что пришло на ум. Отчего сделалось немного легче, по крайней мере понятней. Точно. Уже такое событие имело место в городской летописи.

Предприниматели, открывшие в бывшем овощном магазинчике подвального типа казино, для приманки клиентов поставили у себя перед входом клетку со львом, чтобы граждане шли к ним смотреть на льва и заодно спускали денежки.

В прошлом году, летом, одной прекрасной ночью лев из клетки сбежал, можете себе представить таких полных идиотов? Ночью вырвался на свободу и ушёл в соседний горсад, где, слава богу, под утро уже не оказалось приличных людей, один пьяный бомж дрых в кустах на травке.

И лев в кустах наступил на того бомжа лапой.

Об этом удивительном зоологическом факте целую неделю писали все городские газеты без исключения, и красные, и белые, и жёлтые. Благодаря сверхъестественному везению бомж из данной ситуации выкрутился, ну, дуракам всегда везёт, поэтому их в казино играть не пускают, прибежал в милицию и рассказал, как было дело. Ему, естественно, не поверили, тогда он предъявил спину. Тут срочно всем наличным боевым составом райотдел ломанулся к сейфу за табельным оружием – вооружаться.

К утру льва благополучно изловили в целости и сохранности, водрузили на место в клетку, опять возле казино. Бомж-то вывернулся, а их зверюга сейчас пренебреженно сожрёт, можно даже не сомневаться.

Вот и всё, Виктор, вот и пришёл твой конец. В виде африканского льва.

Вот оно как бывает просто: идёшь себе на работу по чистому асфальту проезжей части, а смерть тихо поджидает тебя у мусорных баков. А пошёл бы под горочку, давно был уже на работе. Грязный, зато живой и здоровый. Кстати, туфли можно втихаря помыть под краном в женском туалете, пока баб нет. Они сами там всегда моют свою обувку, а в мужском исключительно посуду.

Отчётливо сознавая героику своего поступка, пан Магницкий набрал в лёгкие побольше воздуха и заорал от пережитого страха что есть мочи на всю округу:

– Сидеть! Лежать! Дура! Тут мне!.. – после чего пошёл в психическую атаку с широко распахнутыми руками, будто собрался того льва поймать.

Женщина сзади решила, что мужчина от страха лишился рассудка, и поэтому чрезвычайно легко от него отцепилась, хотя и теряла при этом последнюю защиту.

Дыбом стоящая на загривке шерсть льва мгновенно опала. Джина сконфузилась, присела: «А я чего? Я ничего, я маленькая девочка», – два раза махнула здоровенным помелом хвоста, посмотрела в сторону баков, куда бы тикануть, но решила не испытывать судьбу, пригнула шею к самой земле, напряжённо жмурясь, подставляя себя для самого страшного наказания.

Герой ухватился за гриву обеими руками. От внезапно пережитого испуга оба загнанно дышали. Женщина качнулась и рванула навстречу фонарям просто с необузданной энергией.

«Ведь узнала, – с горечью думал Магницкий, – а сбегает».

– Пума, – крикнул вослед, – не стыдно оставлять товарища в беде?

Лариса пробежала, замедляясь, ещё несколько метров, нехотя остановилась.

– Это твоя собака?

– Знакомая.

– Магницкий, нельзя так пугать женщин.

– Я передам хозяевам. Пума, ты вернулась?

– Давно. А что?

– Давай как-нибудь встретимся, поговорим?

– Найдёшь – встретимся, сейчас некогда.

И слилась с яркими огнями проспекта, магнетически потянув за собой с такой необычайной силой, что он даже замахнулся на собаку, которой оказался пригвождён к данной точке земли в данный момент, не в состоянии мчаться следом.

Эх, а как хорошо было бежать за ней! Так бы бежал и бежал, не останавливаясь!

Джина конфузливо жмурилась, пряча куцые уши в пушистой гриве, а звезда пленительного счастья тем временем бесследно растаяла на горизонте.

Виктор повёл кавказскую овчарку к дому. Ругаясь последними словами, постучал в окно. Джина широко мела хвостом округу в знак полного раскаяния.

Появившаяся из-за шторы Иринка протёрла глаза кулаком, опознав их, раскрыла форточку, ту самую, в которую пьяный когда-то бросал Магницкому деньги, требуя спирта.

– Почто собака по улице одна бегаёт? – с пристрастием участкового накинулся Виктор. – Кормиться выпускаете на ночь? При мне сейчас гражданку чуть не растерзала на куски.

– Я тебе где денег наберусь такую утробу кормить? Сам за аренду тянет с нас двадцать долларов в месяц, у меня ребёнок маленький на руках, другой в юбке путается, Серёжка на стройке копейки получает и те пропивает, где я тебе денег возьму кормить всех?

– Ясно, Джинку забираю. И не аренду вы платите, а по дешёвке три тысячи долларов за дом с садом выплачиваете за десять лет, без всяких процентов. Тащи амуницию из кладовки: поводок, ошейник, цепь, не достойны такой собаки!

– Щас!

Сказано было с гневом, однако через минуту приданое вылетело в форточку, и та захлопнулась.

Увидев ошейник, Джинка взвилась от радости, подумала, что её немедля поведут гулять, но бывалый собачник оказался начеку, мастерство не пропьёшь. Скорее таской, нежели лаской, грубовато захомотал полульва-полулошадь, после чего она легко дотащила его до своего нового местопребывания, где пришлось посадить благородное животное на цепь, привязав к вагончику.

Поняв, что хозяином снова является Виктор, Джинка сначала легко покорила судьбе, а потом, обезумев от счастья, начала сотрясать жилище.

Теперь на работу предстояло мчаться по короткому грязному пути, на бегу прыгая, матерясь под нос и в полёте отряхивая брюки.

Джинка, стерва, опять линяет!

52.

Из тёмного институтского коридора, что уходит круто влево от вахты и где ещё не включён свет, доносился металлический и, как всегда, недовольный голос Вильгельмины Карловны, которая спозаранку распекала своих подопечных из отдела размножения. Данное подразделение в устах местных юмористов теперь называется смешнее прежнего: отдел связи и последующего размножения.

Под испуганный топоток босоножек девочки цирковыми мартышками упрыгали к своим рабочим местам: ксероксам, принтерам, ризографам, и даже телетайпным и телеграфным аппаратам.

Магницкий взял пропуск у вахтёра, усмехнулся и, быстро сунув руку за колонну, нарушил производственную дисциплину, разом покончив с жёсткой экономией электроэнергии – включил освещение коридора за десять минут до начала рабочего дня.

Это был поступок, требующий самого сурового наказания.

Дверь кабинета Вильгельмины Карловны тотчас широко распахнулась, оттуда выскочила огромная фигура и грозно посмотрела в сторону включателя: кто там себе чересчур позволяет?

А навстречу ей уже спешил Магницкий в грязных уличных башмаках по свежемывтому полу – целовать в щёчку. И от страха при этом не трясся, так, слегка мандраж бил, как дрессировщика тигров перед представлением. Сейчас подлетит на полном скаку, приподнимется на носочках, чмокнет бледную холодную поверхность щеки со всего маха.

Начальница отдела на краткое мгновение зальётся малиновым цветом, глаза блеснут, и скажет, нет, шепнёт тихо и вроде недовольно: «А вот и Витя с прибамбасом пожаловали!».

После чего неспешно оглянется в конец коридора: не видел кто? А если и увидел, так что с того?

Ясное дело, совсем это не Вильгельмина Карловна, а дочь её Жанночка, выросшая вширь невероятно и ногами, и руками, и лицом, сделавшаяся похожей на маму практически во всём, даже занявшая её место начальника отдела связи и размножения в институте.

Сама Вильгельмина Карловна давно ушла на повышение: руководить аналогичной службой администрации города, где очень ценят её властный нордический характер, столь необходимый для управления инертными народными массами.

Обычай целования возник в первую же встречу нового времени, когда Магницкий устроился на работу к Черкизову по второму кругу. Он натолкнулся на чем-то раздражённую Жанну в коридорной темноте, перепутал с Вильгельминой, поздоровался холодно, мимоходом: «Здрасьте!», потом узнал, ужаснулся, стало невыносимо жаль беднягу, которую бог так беспощадно покарал невесть за какие прегрешения, превратив в собственную мамашу, подошёл и просто молча чмокнул в щёчку.

Получилось естественно, даже у нечаянных свидетелей не возникло никаких вопросов: просто встретились два боевых товарища. Ну и что, что разнополые? Не может же он нынешней руководящей Жанне орать на ухо при встречах для повышения настроения: «Как вчера с размножением справились? Сколько конкретно связей планируем на сегодня?» Не может. А чмокнуть в щёчку с утра, да с удовольствием, ощутив мимоходом святотатственный трепет от явственных черт Вильгельмины, видя благодарственное наполнение влагой глаз Жанны, которая после такого утреннего моциона становится мягче и человечней относится к коллективу. Жанна – человек хороший, но гены, блин, много чего портят.

– Магницкий, ты когда-нибудь доведёшь меня до ручки...

– Приветствую тебя я ныне, о юность дерзкая моя! – откликнулся Виктор торжественной строфой, после чего срочно кинулся использовать преимущество первого хода: мыть грязные башмаки в мужском туалете. Размягчённая Жанна не начнёт сейчас сразу орать. Пока горячо, надо ковать.

Оказавшись в рабочей комнате раньше других, Магницкий заварил общественный чай, самый что ни на есть дешёвый, грузинский, из того

многочисленного разнообразия, что продаётся на уличном базаре. Сплошные палки от чайных кустов. А некоторые даже и не от чайных.

Интересно, кто из институтских сотоварищей может знать телефон Пумы? Мила должна знать, но молчала, значит, был дан приказ не говорить. Ладно, с другой стороны заедем. Всё равно выясним.

Когда готовая заварка в чайничке настаивалась под полотенцем, в комнату вбежал сотрудник сектора программирования Тимоша. Вообще-то Тимофей аспирант, но чтобы иметь постоянный свободный доступ к компьютеру с хорошей базой данных, он устроился на полставки программистом и участвует в хоздоговорной работе над МОДУЛЕМ для вояк.

Тимофей наивно полагал, что будет здесь как сыр в масле весь день пахать над своей родной диссертацией, получая к тому же зарплату, но сильно ошибся. Молодо-зелено! Сидит теперь с утра до вечера над конкретной договорной работой, имея ничтожную сотню рублей в месяц, и запустил свою диссертацию так, что на ниве выросла трава по пояс, как в бывшем саду Магницкого, и конь по ней давно не валялся. «Эх, Тимоша, Тимоша», – плачет позабытая-позаброшенная диссертация, – ты почто дурак-то такой?».

– Руководство оператора ещё можно корректировать? – крикнул аспирант, явно не слыша плача диссертации, врываясь в комнату и в красивом полёте врубая свой компьютер. – Я там хочу заменить парочку сообщений в одном месте.

Наш Тимофей заболел болезнью бесконечного усовершенствования программного продукта, теперь он не может остановиться на достигнутом – пишет и пишет улучшения.

– Тима, я, кажется, уже говорил, что лучшее – враг хорошего? Твои сообщения и без того напоминают избранные главы «Войны и мира» Льва Николаевича Толстого. Куда ещё раздуть?

– А защита от дурака? Мы же на армию работаем! Так ты оформил «Инструкцию»?

– Нет, сегодня закончу и сдам в нормоконтроль.

– погоди, я сейчас, я быстро. Ты представить себе не можешь, какие они там идиоты.

– Ошибаешься, Тимофей, они очень умные люди. Мы на них тут пашем, а они нам за это денег не платят.

– Вдруг заплатят?

Вояки требуют сдачи МОДУЛЯ этап за этапом, в сроки согласно договорных обязательств, а оплату срывают немилосердно, вообще не дали пока ни копейки, изо всех сил педалируя чувство всеобщего неоплатного долга перед Отечеством.

Тима падает в кресло с лицом, искривлённым болью растущего зуба мудрости.

На бюджетные сто рублей можно купить один килограмм фарша и пару булок хлеба. В месяц. За этот продаёк аспирант вкалывает с утра до вечера, ежедневно задерживаясь после работы. Начинаящий трудоголик-энтузиаст, со всеми вытекающими отсюда последствиями для его собственной семьи.

Тиме хорошо. Он не женат, живёт с родителями и за их счёт. Его не интересует размер зарплаты, он увлёкся программированием, как дитя малое игрушкой. В качестве игрушки этот вид деятельности действительно чрезвычайно привлекателен, но как способ зарабатывания денег не

выдерживает никакой критики, по крайней мере, в стенах их уважаемого закрытого НИИ.

Совсем другое дело – Оксана.

– Здравствуйте, мальчики!

«Это кого здесь мальчиком обзывают? Непосредственное начальство?»

Оксана – молодая симпатичная программистка, ей наука без надобности, она опыта набирается, чтобы потом устроиться в коммерческий банк, ждёт своего часа и шибко денежного места, которое пока то ли никак не хочет освобождаться, то ли вообще возникать на ровном месте, но это сокровенная девичья тайна.

Вот если у Тимошки лицо суровое, деловое, а мозги детские, тут всё как раз наоборот. Перед нами сама практичность с пухлыми нежными губками и якобы наивно распахнутыми глазками.

– Чайник вскипел?

– Готово, можно пить.

Оксана приятно улыбнулась. Она не белоручка, сей факт демонстрирует каждое утро, принося домашнее печенье к чаю. Но Виктора гложет сомнение: уж слишком длинные да красивые ногти у Оксаны, слишком ухожены её маленькие белые ручки. С клавиатурой ещё худо-бедно управляется, а вот со слоёным тестом – большой вопрос, скорее всего, в кулинарии куплено. Или бабушка помогает, вон какие пряники вкусные, рассыпчатые.

У Тимофея большой бокал, про который он нередко забывает, и чай, остыв, таскается по столам комнаты до вечера. У Оксаны изящная фарфоровая чашечка с таким же блюдечком в комплекте. У Виктора пиала, в которой кипяток быстрее остывает до терпимого состояния. Слишком горячий он не любит.

– Вчера «Прогресс» выиграл два-один у «Кубани», – объявляет Оксана с таким выражением, будто лично одержала верх над южанами.

– Опять была на стадионе? – удивился Тимофей и покачал головой.

– Конечно, наоралась всласть, слышите? Хриплю немного.

– Там же один мат стоит.

– Ну и что? Зато какой мощный выброс адреналина! Я орала громче всех! А скоро у нас группа поддержки начнёт выступать в перерыве между таймами, девушки в купальниках. Как чуть-чуть потеплеет. Хочешь, Тима, посмотреть?

– Не-а.

– А если я тоже в ту группу запишусь, пойдёшь на футбол?

– Не-а.

Оксана вдруг крикнула речёвку:

– Прогресс – чемпион!

И так завелась на этом, что рванула окно и широко плеснула на улицу остатки чая.

– Оксана, внизу шеф ставит машину, он уже выговаривал нам.

– Ой, в последний раз.

– Посмотри, не попала?

– Он позже приезжает.

– Нет, что-то рычало, – вспомнил Тимофей, сидевший ближе к окну, встал и выглянул.

– Стоит машина. Но в этот раз ты, Оксана, промахнулась, крыша чистая. Поздравляю!

– К тому же чашку не надо бегать мыть на первый этаж, – порадовалась завзятая болельщица, засовывая посуду в стол.

Тут дверь распахнулась, на пороге возник рассерженный директор, по виду которого нетрудно было догадаться, что Тимка ошибся и Оксана, как всегда, не промахнулась, частично намочив рубашку, а к белейшему воротничку даже пристали крупные грузинские стружки горного кустарника. Вот, пожалуйста, теперь с самого утра начальство не в настроении.

– Вы что, вконец обнаглели? – гаркнул директор на Тимошу, который с довольным видом стоял у раскрытого окна, держа в руке свой здоровенный бокал, и наслаждался чистым воздухом.

От неожиданности Тимофей закашлялся чаем.

– Как это называется?! – продолжал восклицать Орало.

И надо сказать, что делал это вполне профессионально. Как при подписании приёмо-сдаточного акта с вояками.

Директор очень крупный мужчина, с солидным животом, из прежнего, советского руководства, Лицо будто скальная порода, голос – натуральная труба. Стоит какому-нибудь заезжему консультантику-капитанишке вякнуть чего-нибудь о недостатках изделия при подписании акта, в дело сразу вступает главный институтский калибр, и так гаркнет по-генеральски, во всю свою лужёную глотку, что капитанишке мало не покажется.

– Чего, чего? Па-прашу бес-пар-дон-ными измышлениями здесь не заниматься! Иди, пиши в письменном виде!

И капитанишка от науки даже не знает, что ему дальше делать, особое мнение писать по поводу БЛОКА 14539/16, или сразу рапорт об увольнении из рядов по состоянию здоровья. Не всегда, конечно, так здорово получается, но бывало, и не раз. Громогласный талант у директора Орало. Так его зовут в самых близких кругах. «Где Орало, у себя? – У себя. – И как? – Орёт!» И не то чтобы какой-то он дурак, наш товарищ директор. Нет, нормальный мужик, соображающий. Но главной его служебной специализацией является это самое наведение порядка при помощи голоса.

– Совсем от рук отбились! – продолжает кипятиться руководство, – учтите, так я вам этого не оставлю, можете распрощаться с квартальной премией!

«Эка хватил! – хмыкнул мысленно Виктор. – Когда это нам здесь квартальные платили? В каком году? До исторического социализма. Сто лет в обед исполнится, как одну двенадцатую зарплаты получаем».

Хотя чисто по-человечески директора понять как раз нетрудно, он просто выравнивает ситуацию. Что хорошо понимал и Тимофей, всем своим видом рисуящий безысходную тоску, граничащую с полным раскаянием.

– Он больше не будет, – вступился Магницкий, как старший по должности, – ручаюсь вам, Гавриил Семёнович. Лично прослежу.

Тима закашлялся ещё сильнее.

«Уж не вздумал ли возражать?» Но аспирант остался джентльменом, и, пока директор физически уничтожал его тяжёлым, сверлящим взором, кашлял до красноты, до фиолетовости и даже до предсмертных синюшных пятен, при виде которых, вполне удовлетворившись произведённым впечатлением, директор рванул дверь и вышел вон.

– Настоящий начальник! – шепнула Оксана с восхищением. – И за «Прогресс» болеет, я его на стадионе видела!

Человек, болеющий за футбольную команду «Прогресс», для молодой фанатки – верх человеческого совершенства. Просто топ-менеджер.

Кто-то сзади хлопнул Магницкого по левому плечу. Когда хлещут от души по левому плечу, надо поворачиваться направо, общеизвестный факт.

Он резко глянул направо и увидел закадычного приятеля Борю со смешной фамилией Забава, завсектора их же института, но в другом, «теоретическом» отделе.

Если корень «тео» есть «бог», можно легко представить, кем себя чувствуют эти люди. «Небожителей» прочие сотрудники считают отъявленными бездельниками, которые только тем и занимаются, что режутся в настольный теннис на втором этаже. Когда Орало их оттуда выгоняет голосом, напоминающим сирену гражданской обороны, они всем гамузом, подталкивая друг друга, переходят на шестой этаж, где тоже есть теннисный стол, а Орала нет.

Но Борис выбивается из общего ряда обитателей небес. Он не такой. Наоборот, страшно деловой, и даже который год пишет докторскую диссертацию по спецтеме, которую натошак не выговорить. Несмотря на то, что диссертация чисто теоретическая, в ней есть что считать, и, естественно, счёт этот, то есть написание программы, отладка и получение результатов, доверяется самому близкому другу и сподвижнику, которым, по его словам, является Виктор Фёдорович Магницкий.

– Спасибо, Боря, на добром слове.

Пойманный справа-сзади Забава нежно улыбается.

– Что за фигню ты здесь чертишь? – зрит в экран. – Опять блок-схему комплекса программ, что ли? Для вояк? Каменный век! Давно нормальные люди такого идиотизма себе не позволяют. Нет, ну сколько можно?

Боря умный. Все знают.

– Конечно, блок-схему. Что просят, то и делаем.

– Вот болваны!

– Требование ГОСТов, – Виктор постучал по деревянной крышке стола, – с военной точки зрения мы всё ещё живем в СССР, ГОСТов приёмки вояки не отменяют. Меню описываю на всех уровнях действия: вопросы, ответы, реакция системы и.т.д. и.т.п.

– Зачем? На экранах и без того меню светится. Что, им надо ещё с книгой сверяться? Уроды. Слушай, да наплюй ты на этих козлов. У меня конференция на носу, пришла пора срочно получить расчёт от нашей феноменальной программы. Я уж не говорю, что и в диссертацию недурно бы вставить.

– Боря, пойми, родной, не могу. Срок сдачи на моём носу, а не на твоём, и вот-вот вояки нагрянут.

– Всё равно же не платят. Ты мне работу заморозил, не по-товарищески.

– Прошёл слух, что заплатят.

– Этот слух столько здесь ходит, сколько вы за бесплатно работаете. И подогревается он как раз перед сдачей очередного этапа. Над вами же люди смеются!

– Кто смеётся? – прищурился Магницкий в упор.

– Ну... – Боря почесал затылок, – ...бухгалтерия, к примеру. Опять вас обманут. А я не обману. Даю слово: если к концу недели программа заработает, ставлю бутылку коньяку, разумеешь?

– Она работает. Ставь.

- Ни черта не работает.
 - При фи от нуля до единицы работает, нормально считает.
 - Ты что, самодельный идиот или справку имеешь? Такая и стандартная программа есть. У меня весь смысл и новизна в том и заключаются, что я изобрёл методику, как можно считать при фи больше единицы, а ты мне вчерашний век предлагаешь. Я же новый метод решения систем дифференциальных уравнений реализую в программе, нет, братец, ты мне при фи больше единицы посчитай.
 - Не считает. Расходится процесс.
 - Я тебе алгоритм дал? Помнишь?
 - Дал. Помню. Я его закодировал.
 - Где-то ошибся. Ты пойми, это страшный прорыв во всей термодинамике, если мы процессы начнём моделировать, а не взрывать каждый день по сто раз.
 - Ну, не знаю. Ищу ошибку, но пока не нахожу.
 - Ищи, Виктор, ищи. Короче, к субботе просчитываешь – ставлю бутылку коньяка. К воскресенью ошибку не находишь – иду к директору жаловаться, снимут с тебя премию.
 - Нам премий не платят.
 - Штаны последние снимут и строгий выговор вкатят, как специалисту по старорежимным бухгалтерским программам.
 - Чёрт с ним.
 - Уволят, возьмут на твоё место молодого, настоящего, современного программиста. Он сделает в два счёта.
 - Кто, Боря? Кто сюда пойдёт на двести рублей, кроме нашей старой гвардии? Давай, не смей людей, отваливай, не мешай работать.
 - Я надеюсь на тебя, Виктор. Бутылка остаётся в силе. У меня в сейфе стоит, понял?
 - С вояками разберусь, тогда...
 - Лучше бы я кому другому программировать отдал. Значит, я для тебя второй фронт? А ещё друг называется.
 - Идите, дружище, идите, работайте.
- Забава ушёл сильно разочарованным. Вот ведь привязался, не раньше, не позже, когда этап на выходе. Как назло, всем срочно понадобилось в одно и то же время, а тут собака дома некормленная. А вдруг Анжелика сообразит что-нибудь сварить? Хотя из чего? И по этому случаю они сегодня ужинают у Нины.

53.

На обеденном перерыве, когда в комнате никого не осталось, Виктор быстро сделал три последовательных звонка, и третий человек назвал ему номер, который он записал на листочке, после чего глядел на неровный ряд цифр минут пять в страшном удивлении, но вдруг спохватился, что время уходит, лихорадочно набрал на допотопном телефоне, резко накручивая диск.

Тот третий человек дополнительно сообщил, что у Пумы есть сын лет десяти-одиннадцати, а мужа вроде нет.

Споткнулся на последней цифре, но покрепче притиснул трубку к щеке и докрутил до конца.

– Здравствуй, миленькая!

– Виктор, что ли?

– Конечно, я. Дай, думаю, звякну между делом, узнаю, в каком Пума пребывает настроении?

– Пума... Меня сто лет так никто не называл. Я теперь взрослая самостоятельная женщина, растолстела вся.

– Позвольте не поверить. Согласно свежим утренним впечатлениям, вы самая стройная и быстроногая девушка в мире.

– Ой, миленький, у меня уже ребёнок в школу ходит.

– Ты замужем?

– Нет. Приглашай, выйду. Или в своём гражданском браке по-прежнему состоишь?

– Нет. Уже в законном.

– И в том же общежитии проживаешь?

– В том же. Слушай, хочу спросить относительно твоего сына. Это мой ребёнок?

– С чего ты взял, Витенька? Выбрось из головы, успокойся, глупый какой.

– Почему?

– Если хочешь встретиться, так и скажи, не придумывай смешные истории.

– А давай сегодня? Нет, давай сейчас?

– Почему нет? В нашем маленьком скверике? На скамейке? Ладно, жди, я быстро подъеду.

– Уже выхожу.

Что дарят мужчины бывшим подругам после двенадцати лет разлуки, когда вдруг узнают, что подруга в одиночку, молчком воспитывает их сына? Тацит на своей шее, как выючная лошадь в горку по скользкой дороге жизни? Брильянтовое кольцо? Машину? Квартиру?

Он купил то, в чём с давних пор считал себя профессиональным знатоком – мороженое, правда, не смёрзшийся в сосульку «Пингвин», чем сам торговал в холодные январские дни безработицы, и не дешёвую «Забаву», а самое лучшее на его вкус: двойной шоколад с грецкими орехами, три порции. Вдруг придёт с мальчиком? Хотя она с работы. А вдруг? Мальчики любят мороженое, впрочем, девочки тоже. Некоторые наравне с сельдью иваси под варёную картошку.

Сложив мороженое в пакет, сел на лавочку в сквере. Настроение портилось медленно, однако несколько быстрее убегающего времени. Мороженое в пакете не на шутку разогрелось, начало плавиться, а Пума всё не шла.

От нервной зевоты у него сводило челюсти. К остановке исправно подъезжали маршрутные автобусы, из которых выплёскивался энергичный народ, Пумы с народом не было. Индивидуалистка.

Он начал есть свою порцию, почти пить. За этим неблагоприятным швырканием его и застали. Как уважающая себя хищная кошка, Пума подкралась сзади.

– Привет, Магницкий, – села рядом, смело приобняв за спину. – Какой худой стал, что, жена совсем не кормит?

– Привет, вот твоя порция, разворачивай осторожно. Хотел купить бриллиантовое кольцо, а потом думаю – вдруг не придёт, куда тогда девать?

– А куда я денусь? Как будто вчера расстались, да? Столько лет не виделись, а Магницкий – нет чтобы обнять, поцеловать, сразу суёт мороженку – держи, лопай!

– Извини, руки липкие. Вот доедим, пойдём к палатке с минералкой, возьмём по стаканчику, вымоем руки, вытрем платочком, да как обнимемся с размаху!

– Ну тебя, – рассмеялась Пума, – вечно чего-нибудь выдумаешь. Эх ты, миленький! Дети-то есть?

– Девочка Анжелика. А ты ещё красивей стала. Давай в киношку сбегает, посидим на последнем ряду?

– Не смешите, Виктор Фёдорович, чего это я с чужими мужьями по тёмным залам буду тискаться? Идём руки мыть да погуляем немного.

На открытом людном пространстве улицы игривость Пумы вмиг исчезла. Она шла деревянным шагом, глядела серьёзно, большей частью прямо перед собой. Вела его кругами совсем по закоулкам.

– У тебя есть кто-нибудь? – задушевно поинтересовался Виктор.

– У меня? Кому нужна женщина с ребёнком, мать-одиночка? Зато у меня репутация, понял?

– Скажи честно, это мой ребёнок?

– О, господи, настырный какой. Да нет, успокойся, не твой. Вот смотри, – она достала из сумочки фотографию, – разве похож на тебя?

Виктор внимательно рассмотрел фото. Обыкновенный мальчик глядел в объектив, действительно, ничем не похожий ни на него, ни на Пуму. Фотографию мужа спрашивать не стал, пожал плечами.

– И на тебя не очень походит.

– Тем более. Значит, не наш ребёнок, правда? Мне все знакомые то же самое говорят: у магазина из коляски спёрла младенца? Совсем как не твой. А я живу и не переживаю, говорю: удачный киднэппинг. Тебе и вообще думать нечего. Зайдём в кафе?

На дверях забегаловки было написано, что после десяти вечера работает стриптиз-шоу и дети до восемнадцати лет не пускаются.

– Конечно, зайдём.

Кафе оказалось маленьким, без света, столики располагались вокруг пустой сцены, прячась в глубоких нишах-пещерках с чёрными стенами. Над каждым столиком в стене тускло горит электрическая свечка. Смесь интимного уединения, траурного молчания и покоя. Клиенты отсутствуют, все места свободны. К ним без промедления вышла официантка. Они заказали по бокалу вина и чашке кофе.

– У тебя деньги есть? – насмешливо поинтересовалась Пума.

– Есть.

– Не стесняйся, я могу заплатить.

– Вот ещё, сам заплачу. Ты здесь часто бываешь?

– Ходили раз отмечать что-то с работы.

– Ну и как стриптиз?

– В тот вечер не показывали. Или мы до десяти не досидели, не помню.

– Жаль.

Официантки болтали где-то совсем рядом за стенкой, что нарушало таинственную атмосферу.

Пума сидела, прочно установив локти на гладкой поверхности стола, держа бокал у рта, и медленно потягивала красное вино, глядя в глаза Виктору. Её расширенные в темноте зрачки плавали прямо у его лица. Заглядевшись в них, Магницкий пошатнулся на стуле, теряя равновесие.

«Это после жары, – подумал он. Странная погода сегодня, будто лето в разгаре».

– Рассказывай, как жил... без меня?

– Как жил? Нормально. Заработал машину, сменял на домик, а тот продал, теперь снова как прежде – живу в общежитии и работаю в институте, сижу с тобой в кафе. А ты как?

– В основном неплохо, развелась с мужем, местами даже хорошо, сходила ещё замуж, сейчас вообще отлично – развелась и живу одна. Ну что, идём отсюда? Или будем ждать стриптиз?

– Знаешь, кого я хотел бы увидеть?

– Кого?

– Твоего сына. Но боюсь, мне его не покажут.

– О, Виктор, перестань. Его сейчас нет дома, да и зачем тебе его видеть? Миленький, прошу, выбрось глупости из головы, не то крупно поссоримся, – в голосе Пумы послышались отчётливые нотки раздражения.

– А дом твой, между прочим, где-то рядом, совсем поблизости. Сознайся, водила меня вокруг него, правда ведь?

Пума легко рассмеялась.

– Сообразительный. Ладно, пойдём быстро, посмотришь мою квартиру, где живу и ни от кого не прячусь.

Магницкий скромно остановился у порога, чуть ли не теребя платочек. Паркетный пол, шикарные обои, подвесные потолки, вдоль стен прихожей мягкие диванчики, пуфики, на стенах бра под бронзу, а может, и бронза, чёрт её знает, заглянул в кухню – там блестит дорогой кухонный гарнитур и тоже глаза разбегаются, короче, кругом шик-блеск-красота, от которой обитателю вагончика нетрудно растеряться.

– Что стоишь, как чужой? Проходи.

– Я восхищён уровнем вашей жизни.

– Нормальные условия. Всего-то двухкомнатная квартира улучшенной планировки. Проходи сюда, здесь моя комната.

Точнее сказать, то была спальня. Комната почти в точности повторяла мамину, где Магницкий побывал несколько лет назад. Правда, несколько больших размеров. Тоже кровать в центре, ковёр на полу, зеркала по стенам и цветы, много цветов.

– Зеркала по наследству достались?

– Кое-что перепало из прежних запасов.

– Мама жива-здорова?

– И живёт в своей квартире. А я в своей. Миленький, тебе не трудно будет расправить постель? Я в ванную на одну секундочку, и приду.

– Не трудно.

И когда торопливо пили чай на красиво обставленной, просторной кухне с шёлковыми цветистыми шторами, точнее, он один пил, а она только сидела и смотрела, отчего Виктор ещё сильнее торопился: «Ребенок придёт,

застанет чужого дядьку с детскими вафлями. Что и говорить – нехорошо», – она вдруг спросила:

– Ты ведь не ожидал, что так закончится наша сегодняшняя встреча?

Так неожиданно завершится? Получит столь неординарное приложение в виде упругой кровати, сразу же и незамедлительно после стольких лет разлуки вроде бы навсегда?

Он отрицательно помотал головой, отвёл глаза в сторону и смущённо улыбнулся.

На одно мгновение Пума просияла с видом состоятельного мецената, оказавшего спонсорскую поддержку попавшему в беду человеку в самую трудную минуту его жизни.

54.

Анжелика ждала у институтской проходной.

– Идём к Нине ужинать? – деловито уточнила она, с надеждой, что Виктор скажет: «Нет, домой».

– Конечно, к Нине, али в ресторан желаете отправиться, мадемуазель?

– Да уж... а давай лучше иваси купим? Одну штучку? С икрой? Я научилась с икрой выбирать. И бабке хвост понравился.

Виктору стыдно. Проел-пропил в кафе одолженные деньги и мороженое детское слопал, ни мальчику не досталось, ни девочке.

– Картошка кончилась.

– И ладно. С серым хлебом ещё вкуснее.

– Денег нет на иваси.

– Что, и десяти рублей даже нет?

– Нисколько нет, шаром покати.

– Дожились, как моя бабка. Тогда идём к Нине.

– А куда ещё, не в ресторан же.

– И не в кафе с мороженым, – печально вздохнул ребёнок, отчего старший товарищ вдруг бурно покраснел.

У Нины готов суп «с ключика». Она варит его за полчаса. В супе картошка, капуста, морковь, немного пшена и много лука. Зато тарелки очень чистые, скатерть без пятен, и чавкать нельзя. Все идут мыть руки на ближнюю кухню, и чинно рассаживаются по своим местам.

– Ордунг! – восхищается Магницкий уровнем обслуживания в данной пищевой точке.

– Данке шён! – стандартно кивает Анжелика.

Нина выглядит довольной. Возле каждого лежит бумажная салфетка, на которую в случае необходимости можно положить свой кусочек хлеба. Класть хлеб мимо салфетки категорически запрещено. Все едят в полном молчании, что тоже считается за столом приличным тоном.

Меж тем рядом по коридору ходят невоспитанные люди и свободно, от души матерятся.

Первой не выдержала хорошего тона Анжелика. Глядя на фотографию Терезы, вспомнила нектати:

– А моя бабушка говорит: супа без мяса не бывает!

Нина некоторое время с интересом рассматривает повзрослевшую девочку, словно впервые видит, потом фотографию, потом мужа, наконец, дожевывая капусту, выносит суждение:

– Воспитанные школьницы в твоём возрасте дарёному коню в зубы не смотрят. И вообще, когда я ем, то глух и нем.

За супом следует чай. Нина достаёт из холодильника маслёнку с кусочком масла, варенье, делает бутерброд Анжелике.

– У нас на кафедре одна сотрудница говорила, что её знакомая ищет репетитора готовить ребёнка к университету по математике.

– Абсолютно нет времени.

– Но вот сейчас, вечером, ты свободен?

– Надо искать ошибку в программе.

Не откладывая дела в долгий ящик, Виктор достал из дипломата листки с программой и алгоритмом, потряс ими в доказательство своей страшной занятости, положил на салфетку и принялся хмуро бегать глазами по строчкам.

Это не произвело нужного впечатления.

– В той самой, за которую министерство обороны ничего не платит много лет подряд?

– Нет, в бюджетной программе, за которую получаю зарплату.

– Двести рублей в месяц – не зарплата, а унижение, всего тридцать булок хлеба в месяц, даже у меня и то на руки в шесть раз больше выходит.

– По российским меркам тридцать булок очень даже неплохо звучит, помнишь, до чего в отдельные времена доходило дело – сто двадцать пять блокадных грамм с огнём и кровью пополам! К тому же я неоднократно подчёркивал – нам зарплату не надо, нам работу давай!

– Вот и бери ученика, репетируй хоть на кашу, тем более, что едоков прибавилось.

– О, точно! Хорошо, что напомнила. Супчик забираю с собой, кормить Джину, хлеб туда крошить пока не будем. Заверните хлеб отдельно, пожалуйста.

Анжелика продолжает пялиться на фотопортрет бабушки Терезы. Нина настаивала, чтобы на стену вывесить и другие красивые старинные фотографии, заказав им в багетной мастерской рамочки, но Виктор отказался. Портрет Терезы висел в прежнем доме изначально, к нему он привык и не чувствовал смущения от того, что набился в родственники, а другие начнут рассматривать его снова, молча, но с выражением выговаривать: эх, молодой человек, и не стыдно вам?

Магницкий, конечно, вран, но только в меру насущной жизненной необходимости. Домик пока находится в его владении, стало быть, надо продолжать числиться родственником бабушки Терезы, чтобы какая-нибудь ретивая комиссия не оттяпала землю у Иркиного семейства.

– Виктор, ты столбовой дворянин или обыкновенный?

– Ни то, ни другое, – отвечает за него Нина, – он шляхтич беспоместный, гонору много, а толка никакого нет.

– Я так и знала, – произносит девочка с уважением.

По дороге домой она начинает размышлять и давать дельные советы, явно со слов старших. Видимо, и в её семье его судьба тоже не оставляет никого равнодушным.

– Может, тебе пойти рубщиком мяса на базар? Рубщики завсегда денег много зашибают, и мяса у них самого наилучшего дома в холодильнике – завались.

– Ты, Анжелика, держи свои рекомендации при себе. Ещё будет тут мне яйцо курицу учить.

– Я больше не Анжелика.

– И кто мы ныне?

– Кто и всегда – Маша. Зови меня Маша, можно даже Машка.

– Чем Анжелика разонравилась?

– Выдуманное имя из Иркиной книжки, а Машка – настоящее.

– Хорошо, Машка так Машка, если желаете. Зайдёшь Джину проведать, или сразу домой?

– А уроки делать? Кто мне дома проверит? Бабка, что ли? А я знаю, почему ты рубщиком мяса не хочешь. Ты же дворянин, а дворянину запахло идти на базар мясо рубить.

– Давай договоримся, раз ты больше не Анжелика, то и я не дворянин. И не запахло мне, а неинтересно. Вдруг промахнусь?

Но вообще-то Машка не столько решает примеры, сколько носится вокруг вагончика с Джинкой. Тем временем Магницкий достал листочки с программой Забавы, вперился в них суровым взглядом: почему не хочешь считать как полагается? Ну почему? Лечь отдохнуть, что ли? Бутылка коньяка в хозяйстве, конечно, пригодится, но лучше бы деньгами дали. Интересно знать, почём Забавин коньяк? Можно картошки купить ведро, хлеба, килограмм иваси опять же, и жить-поживать целую неделю.

– Дядя Витя! Дядя Витя, помогите! – раздался плачущий голосок с улицы.

Кто это? Даже Анжелика, тьфу ты, Машка зовёт его просто Виктором. Скатился с топчана, выглянул из вагончика.

В ограду входил маленький табор: Ирка с детьми.

Общее выражение лиц напоминало картину «Дети спасаются от грозы». Даже Джина удивилась, рот открыла. Прямо сирые и убогие. Несчастненькие. Срочно всем на паперть! Магницкий внутренне похолодел: неужели крыша дома рухнула и Ирка привела своё семейство жить в его вагончик? Доброта чрезвычайно наказуема в этом мире!

– Дядя Витя!

– Чего тебе?

– А Серёга нас гоняет!

– Как гоняет? Куда?

– Ну как-как? Как мужики жён гоняют? Напился, козёл рогатый, и выгнал из дому вон, с детьми малыми. Кричит: «Мой дом! Мой дом! Вали отседова!». И зачем только вы меня замуж за этого пьяницу отдали? А какой его дом? Мой ведь дом по закону, да же? Можно, я у вас тут посижу?

– Строго говоря, покуда дом ещё мой, но в конце срока перейдёт действительно тебе, если вы не разведётесь к тому времени. Что маловероятно. А иди-ка ты, Ира, лучше к матери, там отдыхай, у меня и негде, и удобств абсолютно никаких.

– Мы с мамашей в скандале. А тогда пойдёмте, скажите ему, чего он руки распускает?

– Отчего не сходить? Пойдём, накостыляю твоему благоверному, выбью парочку зубов, и вас обратно вселю, согласно списочного состава. Он у меня мигом образумится.

– Не... не надо. Лучше я здесь пережду... он же, когда пьяный, себя не сознаёт.

– Вот и пойдём. Пьяного гораздо легче уму-разуму учить, пока у него координация слабая.

– Только зубы не выбивайте, ладно? Будет, как старик, шамкать, я не люблю, когда шамкают.

– Как прикажете, мадам. Можно просто пару хороших фингалов установить на лицевой части. Где делать будем? Слева, справа?

– Не... зачем фингалы? С фингалами его на работу не пустят.

– В таком случае вы, Ирина, требуете невозможного. Как пьяного Серёгу прикажете уму-разуму учить без выбивания зубов и без фингалов? Он же человеческого языка не понимает. Не плачь, так и быть, идём. Отдал вам дом – живите в доме. Мигом вселю обратно, без участкового милиционера.

В поход отправились длинной процессией: во главе Виктор, за ним мужем битая девушка Ирина с двумя законнорожденными детьми, замыкающей хмуро топала Машка, так и не решившая до конца задание. Джина тоже просилась, усиленно виляла хвостом, пригибала шею под прогулочный ошейник, но её не взяли, и от такого расстройствa собака завывала психическим мужским басом.

Калитка во двор оказалась закрытой на палку. Серёга засел в крепости.

– Это он испугался, когда я сказала, что вам пожалеюсь. Забаррикадировался, самодур. Открывай, изверг, хуже будет! – довольно безбоязненно для сирой и убогой крикнула Ирина, дробно заколотив по раме кулаком.

– Осторожнее. Не расхлещи.

Виктор перелез через забор, пошёл к крыльцу, Машка за ним, а Ирка с детьми осталась в уличной осаде, ходила у окон, заглядывая в темноту внутреннего помещения и грозя туда кулаком.

Серёга стоял на крыльце в трусах, соломенной ковбойской шляпе и кирзачах, держась за столбик навеса. Эх, молодость, молодость!

Несомненно пьяным голосом сразу возмутился:

– А чего она выступает? «Выгоню, выгоню!», а я, между прочим, и сам могу выгнать! Я такой! Да меня только тронь, мигом пойдут клочки по закоулочкам! Не запугаете! Не на того нарвались, тоже мне хозяйка нашлась, я ведь не посмотрю! У меня быстро!

Магницкий сел на крыльцо, стукнул по доске рядом.

– Садись!

– А чего она воображает о себе много?

– Если будете скандалить, обоих из дома выставлю вон без выходного пособия.

– А разве в договоре есть такой пункт? – заинтересовался изверг и самодур.

– Конкретно нет, но там есть про стихийные бедствия, войну и прочие экстраординарные события. Ваш скандал – точно, стихийное бедствие, особенно когда женщину с детьми на улицу выгоняют.

- Не на мороз же.
- А хочешь, милицию сейчас вызову, Ирка даст показания, и тебя упекут на пятнадцать суток?
- Нет, – изверг присел на крылечко.
- С чего сыр-бор разгорелся?
- Да тут пришла комиссия деревья считать. Решили у нас всю землю отрезать, кроме двух соток. А на фиг мне развалюха эта без сада? Рядом начнут сваи бить под новый дом, она и завалится. Если не завалится – ещё хуже, поставят девятиэтажку у крыльца, народ с балконов станет окурки кидать да поплёвывать, зонтиков не напасёшься. Что за жизнь? На фиг не надо.
- Из-за комиссии поругались?
- В общем-то да.
- Ну и много комиссия насчитала?
- А чёрт их знает. Походили, походили, морды кирпичом сделали и ушли, даже калитку за собой не закрыли, козлы ушастые.
- Не скоро теперь придут!
- Почему?
- Слишком деревьев много, в этом для них загвоздка. Землю они могут за так оттяпать, а деревья должны оплатить согласно действующего преysкуранта. Могу цены назвать. Вот смородина-двухлетка уже сто рублей кустик, причём минимум. Кустов двадцать растёт старых-престарых? Две тыщи, как с куста. Но это мелочи. Взрослые пятилетние яблони и черёмухи от тысячи рублей стоят. Ну, яблонь-ранеток немного, штук десяток осталось, а вот черёмух было семьдесят два дерева. Это ещё не всё. Главное – сирень, от пятисот рублей за куст, на этом деле у них лица и вытянулись. Сирени даже я посчитать не мог. Ты займись на досуге, составь полную смету, сделай план. Сейчас здесь растёт живности почти на миллион рублей, а можно сделать куда больше, только рассадить малину по периметру сада этой осенью. Так что расстраиваться не будем – пусть платят и забирают. За такие деньги пару квартир купим.
- Деньги, поди, вам отдадут, как владельцу...
- Я тебя когда-нибудь обманывал?
- Серёга вспоминал минут пять.
- Вроде нет.
- Обещаю вырученную сумму разделить пополам. Половину вам выделю, составляй смету и рассаживай кусты. Ничего не вырубай, помни – всё денег стоит по преysкуранту.
- Здорово! Я им такую смету устрою! На два мильёна!
- А если скандалить будете дальше, извини, стихийное обстоятельство вступает в силу, пойдёте у меня из дома солнцем палимые. Иди, открывай калитку, зови жену, проси прощения.
- На обратной дороге зафордыбачила Машка. Просто День Сопротивления выдался какой-то.
- Пойду домой, спать пора, – сказала она, похлопывая ладошкой по широко открытому рту.
- А задание до конца кто делать будет?
- Да нас сейчас уже не спрашивают, чего зря стараться? И вообще. Не собираюсь я в вашу науку подаваться, чтобы потом всю жизнь щи пустые хлебать.
- А что делать станешь?

– Продавщицей пойду на базар, колбасой торговать и сардельками, а посчитать на калькуляторе можно запросто: семью восемь – пятьдесят восемь, чтобы два рубля с покупателя в свой карман шло, а не дядин. Мы, чай, не из дворян, никакой работой не брезгуем.

– Ты в каком классе учишься?

– О, забыл, что ли? В третьем!

– Рассуждаешь, как тёмный человек. Уроки сделаем все, школу окончим, тогда хоть в рубшики мяса иди, да ради бога. Там знаешь как геометрию знать надо? Неточно отрубишь, хозяин быстро наподдаст и выгонит взащей!

Нет, не нравится Магницкому Забавин алгоритм. Уже тот понастроил в нём гротов, пещер, замков, привлёк наимоднейшие методы, прямо страна Мерлина в реальном масштабе, с привидениями! И вот ходил паря, ходил по этой ярмарке, глядь, а в кармане сто рублей объявилось. В этом стиле работка. И размеры огромные, и пафос величественный, а настроения рабочего не вызывает. То ли украл, то ли надул кого – непонятно, но смухлевал стопроцентно.

55.

В комнату на полных парах заскочил Черкизов. Сразу видно – человек находится в приподнятом настроении, значит, и новости принёс неплохие. Вон как глазки по-отечески светятся добром.

– Господа присяжные заседатели, попрошу готовить кошельки, вояки прибыли принимать работу! Отчётную документацию, кто что из сейфа брал и забыл вернуть, принести мне на стол сейчас же!

– Опять дезинформация, народ, никому не верьте!

– Я кошелёк дома забыл!

– Беги покупай, да побольше! Виктор, где у нас Оксана? Опять в вольном городе Черноморске?

– Взяла с утра отгул на сегодня, что-то приболела.

– У неё тоже документы на руках. Не забудьте присовокупить.

– Не забудем, не забудем. Всё равно ничего не заплатят, чего зря носиться, подмётки бить?

– Это ещё неизвестно. Руководство намекает: всё может статься. А для особо отличившихся – дивиденды в тройном размере. Тимофея, к примеру, за поливку директора чаем обещают наградить особо. Вот молодёжь пошла, да, Виктор? Что хотят – то и творят, никто им не указ. На самого Оралу помои хлещут со второго этажа, даже пудра на щеках не краснеет, хоть бы им хны. Тимофей, скажу вам честно и откровенно, как человек прошлого – человеку будущего, вы для меня с некоторых пор просто идеал бомбиста-народовольца с ясными глазами, в которых горит неугасимая вера в народное освобождение при помощи взрывчатки. Орало теперь на планёрках наш отдел знаете как называет? Не знаете? «Это тама, где плескуны завелись?» Так, и не иначе.

Магницкий посмотрел на Тимошу, ища в его глазах неугасимую веру, но даже лица не нашёл, так глубоко зарылся аспирант в бумаги. А Черкизов продолжал ехидным голосом:

– Конечно, отрицать не стану, мы тоже начальство костерили на чём свет стоит, но сладким чаем мундир не брызгали. Мода, что ли, новая пошла с Запада? Тортом в морду? Или яйцами по лысине, а потом помидором в ухо заехать? Мандаринами тоже пуляют. Так у них продукты копейки стоят по их

климату, без теплиц выращиваются. А у вас что, деньги некуда девать, молодые люди? Сладким грузинским чаем, понимаешь, расплескались тут! Ладно, минуту памяти завершаем, а документацию мне в сейф срочно! Господа поливали!

Виктор поблагодарил Тимофея за долготерпение:

– От лица комнаты выражаю восхищение за выдержку. Давай-ка, собирай книжки.

– Не получится, Виктор Фёдорович, Оксана с собой пару штук на дом брала.

– Вот тебе и здарсьте! Всегда так – вместо заслуженной премии схлопочем незаслуженный выговор. Хоть бы раз без приключений! Срочно беги к ней домой, забери литературу и живо сюда. Если пригласит в кино на последний ряд, не соглашайся, документация прежде всего!

– Так она болеет. Какое кино?

– Знаем мы эти болезни. Провалами совести в тяжёлой форме называются.

Часом спустя Тимофей вернулся обратно, без книг, сердитый.

– Не отдаёт, Виктор Фёдорович.

– Почему?

– Чёрт её знает, даже дверь не открыла. Из квартиры каким-то странным голоском пищит, словно бы детским.

– Чего пищит?

– То и пищит, что дверь не откроет.

– Она что, совсем рехнулась? Может, с ребёнком каким перепутал?

– Точно, Оксана. Голосок её, хотя изменён, но вроде не пьяная. Такое ощущение, что обижена очень на меня. А за что – не пойму.

– Ну, право, ей ли на тебя обижаться? Удар от Орала на себя принял честь честью, не сдал за понюх табака, чего девушке ещё требуется от молодого человека? Кстати, откуда тебе известно, что она заболела?

– Мать её утром с работы звонила.

– Диагноз известен? Может, какую заразную скарлатину подхватила?

– Никакой дополнительной информации. Упёрлась: не открою, и всё тут.

А я ещё хотел какой-нибудь подарок ей купить, вроде от профкома пару яблочек. Вообще бы припозорился.

– А чего не купил?

– Так денег нет.

– Ясно. Обалдеть с этими женщинами. Она тебя узнала, ты ей представился?

– А то как же? Конечно. Полностью себя назвал. Не хочет видеть.

– Чего она, с ума сошла: в такой ответственный момент свинью нам подкладывать?

– Может, мстит за тот случай?

– Какой случай?

Аспирант чувственно покраснел.

– Когда подписал ей в меню: «Товарищ майор! В отсеке пожар! Немедленно обесточить аппаратуру!».

– Вспомнил, что при фараонах было. После того она уже тебе вывела на экран сообщение: «Черкизов – дурак». Гипотетический майор никогда твоего приказа не прочтает, а вот реальный начальник Черкизов углядел, когда я ему работу демонстрировал. А обиделся он на меня, между прочим, хотя виду не

показывает. Нет, месья отпадает. Может, всё-таки заразная болезнь, а сказать название стыдно?

– Какая болезнь?

– Ну откуда я знаю, какая у человека может случиться заразная болезнь? СПИД, к примеру.

– И что? Чего ей бояться мне дверь открыть? Я же не на свидание пришёл, а документацию забрать.

– Ой, не знаю, Тима, не знаю. Молодёжь нынче такая пошла, придёт, вроде как ты, за книжками, а сама до утра норовит остаться без спросу. В прежние времена культурнее взаимоотношения выстраивались, да и в букете венерических заболеваний СПИД не значился. Да, – Магницкий расслабился на стуле и длительно вздохнул, – жаль, эти добрые времена канули в Лету после того, как неведомый американский пехотинец изнасиловал зелёную обезьяну в жутко жаркой Африке, центральной её части. Не было неизлечимого американского секса в России, так повезли туристы всякие! К больной сотруднице за документацией опасно на дом идти! Дожили!

– Что-то вы, Виктор Фёдорович, расстонались, как мой дед перед дождём. Едва ли она заразная, вчера на ультрафиолет собиралась после работы бежать, чтобы загореть, и ничего, не кашляла даже.

– А сегодня пищит?

– Тонюсеньким голоском. Как не она. Хотя явно она, ну а кто ещё-то?

– Вот и я думаю, кто?

– Да она, что я, Оксану не знаю? А может, знак подавала? – расширил глаза Тимофей и стукнул кулаком по интеллигентно удлинённой тыковкой голове. – Точно! Как же сразу не догадался? Её захватили в квартире и удерживают!

– Кто?

– Или террористы, или воры. Одно из двух.

– А может, агенты Моссада добрались до нашей документации?

– Да ну, – отмахнулся Тимофей, – шутите? – Но тут же нахмурился. – Или ЦРУ? Да ну, ерунда какая. Кому мы нужны, с нашими допотопными ящиками?

– Ящики у нас, Тима, может, и допотопные, зато вирусам интернетовским неподвластные, и кирпичу случайному с крыши тоже, а научно-практическая мысль вообще на запредельной высоте парит. Собирайся, идём к Оксане вместе. Я ей покажу, как секретную документацию начальству не возвращать! Особенно накануне премии! Она у меня узнает, как чашки в окно полоскать, я ей покажу «Прогресс – чемпион!». Наверняка орала на трибуне и голос сорвала, юная болельщица.

Перед дверью квартиры Магницкий приобрёл бесповоротно начальнический вид: нахмурил бровь, откашлялся, потопал ногами, и позвонил. Из-за железной двери раздался точно голос Оксаны, только будто из далёкого детства:

– Кто там?

– Начальство пришло! Виктор Фёдорович Магницкий! Отдавай документы, Оксана!

– Нет, Виктор Фёдорович, я вам не открою!

– А кому откроешь?

– Никому!

– Оксана! Приёмная комиссия приехала, если всех документов не окажется на месте, останемся без денег, а может, и без работы!

– Всё равно не открою!

– С ума сошла, что ли?

– Не открою!

Тимофей зашептал:

– Виктор Фёдорович, она изменённым голосом подаёт нам знак.

– Какой ещё знак?

– Что её удерживают.

– Кто?

– Ну, мало ли бандитов разных?

– Открывай, Оксана, не то милицию кликну!

– Не открою! – с явным вызовом отозвалась Оксана.

– Видите, – снова зашептал Тимофей, – значит, хочет, чтобы мы звонили в органы. Давайте, Виктор Фёдорович, сбегая к телефону!

– Оксана, последний раз предупреждаю: не откроешь, вызову ОМОН, а те двери гранатой взорвут и штурмом ворвутся, всех на пол кинут и будут потом полчаса меж тел ходить с автоматами. Пальцы пообтопчут, а у тебя вон какой лак хороший на ногтях! На загляденье! Мне и то жалко!

В ответ тягостное молчание, сродни размышлению.

– Хорошо. Я документы в щёлочку просуну.

– Отлично, – обрадовался Магницкий.

Дверь приотворили, наружу просунулась книга документации в знакомом зелёном переплёте, следом вторая. И тут нервы подрастающего поколения не выдержали, с криком «Всем на пол, всем лежать!» в квартиру ломанулся защитник родины Тимофей.

Дверь распахнулась. На полу в прихожей никто по команде не лежал, но чьи-то тапки мелькнули из кухни. Тимофей ворвался на кухню на плечах противника. И тотчас вылетел оттуда, испуганно выбрасывая ноги вперёд, по ходу дела изобретя новый галоп. Его, как муху, вымела полотенцем разъярённая Оксана.

Нет, с одеждой у неё всё было в порядке, зато лицо имело цвет свежерозового парного мяса.

– Гад какой! – пищала девушка, лупцуя коллегу по шее.

Виктор предусмотрительно не переступал порога.

– Что у тебя с лицом?

Дева мигом укрылась тем же полотенцем, коим вела боевые действия.

– Идиоты! – пояснила она. И захлопнула дверь.

Тимофей опять принялся шептать:

– А я знаю, это она на ультрафиолете обгорела. Хотела средиземноморский загар получить. Будто бы только с курорта приехала. С Кипра. Ага.

– Ладно, документация есть, это главное, честь отдела осталась незапятнанной.

Бравый отряд вернулся на исходные позиции, сплотив боевые порядки.

– Зря старались, – подвёл итог вылазки аспирант, – однозначно, вояки не заплатят. Максимум – благодарность вынесут от лица министра обороны нашему директору.

– Тоже неплохо. Надо же ему восстанавливать иммунитет после поливки.

В комнату представительно вошёл Черкизов.

- Что, молочные братья, собрали документы с цифровыми данными?
- Собрали.
- Отлично. А как с Забавой, почему его программа не считает?
- Чёрт его знает, что он там изобрёл за алгоритм, но жутко похоже на самогонный аппарат.
- Директор уже меня допрашивал с пристрастием. Гони из того самогонного аппарата хоть табуретовку, весь институт ждёт. Постарайся добыть первач.
- Стараюсь изо всех сил. Видите, весь в мыле, в пыли, как загнанная лошадь, чаю пивнуть некогда.
- Насчёт чая даже не заикайтесь, во всяком случае, пока вояки здесь. Другого раза Орало нам не простит, он не похоронная контора. Советую чайник выкинуть или сдать мне в сейф на хранение, а то если деньги вдруг дадут, весь отдел оставишь без премии со своей бедовой комнатой.
- Можете не бояться, Оксана в отгуле.
- А что... разве не Тимофей обмочил руководство?
- Да как вы могли подумать? Посмотрите на аспиранта. Тимофей, подними очки. Действовала наша искромётная фанатка под лозунгом «Прогресс – чемпион!».
- М-да, а я уже пять процентов с Тимошки хотел снять.
- Полковники правда с деньгами нынче приехали?
- Похоже, снова нет. Слишком вежливые да обходительные, совсем не грубят. Но, возможно, просто разные ведомства. Интенданты на испытания не приезжают. Так что будем надеяться.
- Не надеяться, а работать надо! – возразил, неожиданно появившись на пороге, директор. И чтоб мне без отсутствующих! Чтобы завтра все как штык были на местах! Чтобы по любому вопросу у нас имелся ответ, и не в бровь, а в глаз! Вот сейчас разгар рабочего дня, где ваши люди? Здесь программистка сидела, где она? Никаких больничных! Даже не вздумайте потом приносить в бухгалтерию! Порву!! Даже и не мечтайте мне! Завтра стопроцентная явка участвующих в проекте строго обязательна!
- Само собой! – резво согласился Черкизов.
- Или только на директора умеете чаем плескаться? Где программистка? Опять происки ЦРУ?
- Черкизов печально качнул носом.
- Заболела.
- Сгорел человек на работе, – подсказал Магницкий, – работала всю весну, не выходя на улицу. Оксана без больничного обойдётся, у неё отгулы есть. Всю её работу я знаю, как пять собственных пальцев левой ноги. Если у противной стороны возникнут вопросы, отвечу на любой без подготовки, даже разуваться не стану.
- Пусть только попробуют, – набычился Орало. – Я их мигом построю в шеренгу. Работала, говорите, безвылазно? Тогда надо поощрить. Десять процентов с этого полоскальщика снять, – Орало указал на несчастного Тимофея, – за нарушение дисциплины и добавить хорошему работнику.
- Неэтично, – стушевался Черкизов.
- Разложение в коллективе начнётся, – согласился с ним Виктор.
- У вас оно и без того повсеместное. Тогда с вас, что ли, снять?
- С соседнего отдела, со всех теоретиков снять по десять процентов и добавить нашему отделу.

Но предложение не возымело поддержки.

– А кто не может программу Забаве отладить? – рявкнул Орало так, что форточка самопроизвольно захлопнулась. – Программисты – самые отъявленные бездельники в нашем замечательном трудовом коллективе! У человека открытие отраслевого масштаба, позволяющее сохранить огромное количество средств и ресурсов при фи больше единицы, а они модель не могут закодировать! Бездельники! Если к понеделнику программа не заработает как часы, можете на премию даже не рассчитывать – сразу лишу на сто процентов. Это, Магницкий, вы лично зарубите на своём остром носу.

«Да, вот что значит не вовремя вступить в разговор с начальством. Ладно, ладно, сделает он Забаве программу, а коньяк не возьмёт, пусть тогда мучается морально до скончания века».

Определив такой способ наказания обнаглевшего теоретика, старший программист весело шмыгнул острым носом и вернулся в привычное оптимистическое настроение.

56.

«Мой маленький дружок, если у тебя нет жены, не заводи её из чистого любопытства!» – вспомнилось Виктору вечером любимое наставление вынужденного холостяка Борцова, которым тот делился со всеми окружающими мужчинами и женщинами.

– Мне кажется, в последнее время ты не вполне здоров? – спросила Нина, когда он появился в общежитии, надеясь забрать вещички в отсутствие жены, чтобы тихо, без лишних объяснений окончательно смыться из семейной комнатёнки в холостяцкий вагончик.

– Почему?

– Appetit потерял, перестал на обед приходить, и даже после работы отказываешься от еды.

– Что-то не хочется. Тут все мои рубашки, или что-то есть в стирке?

– Странная ситуация вырисовывается: Анжелика ходит, а ты перестал. Раньше было наоборот.

– Дорогая, сколько можно повторять, запомни наконец: девочку нынче зовут не Анжелика, а снова Маша, как нарекли её собственные родители. Она промолчит, но обидится и перестанет ходить, а ты потеряешь последнего нахлебника и снова несказанно удивишься, делая большие глаза: почему не ходит наша любимая девчужка Анжелика? Что такое с ней случилось? В толк не возьму.

– Не беспокойся, если забуду, она обязательно напомнит. Кстати, девочка жаловалась, что и в вагончик являешься поздно, не проверяешь ей уроки.

– Работы по горло.

– По лицу вижу – не в работе дело.

– А в чём, господи?

– Сам знаешь. Опять на фруктовый салатик потянуло? Хочешь развестись?

– Почему развестись? Как чуть что, сразу развестись. Впрочем, коли сама предлагаешь, пожалуйста, давай разведёмся. Могу вот прямо сейчас забрать вещички и убраться в свой сарайчик. Где без удобств, зато спокойней.

Он открыл шкаф, начал вытаскивать вещи на кровать. Нина оторопело молчала. Виктор заторопился, скидал, как попало, зато быстро в две базарные сумки. Застегнул.

- Кажется, всё.
- Ты серьёзно?
- Вполне.
- Тогда иди, чего стоишь?
- Пока.
- Пока.

У вагончика на скамейке сидели рядышком Ирка с Серёгой.

– А я Джине косточек принесла из супа, – перехватила удивлённый взгляд Магницкого Ирка, – она знает как любит?

– Знаю. Что любит, то любит.

Стукнув для порядка хвостом по земле и показав тем самым, что заметила хозяина, Джина продолжила самозабвенно грызть большую кость.

– Спасибо.

– А у нас новости, – произнесла Иринка приглушённо, поглядев на Серёгу, – важные очень...

Серёга недовольно перебил:

– Сегодня к нам приезжали на «мерсе», предлагали два миллиона рублей за участок.

– Новые русские... – не удержалась, вставила Иринка быстро и мигом закрыла рот под сердитым взглядом.

– Не знаю, русские ли новые, или старые евреи, но, может, Виктор Фёдорович, сдадимся за такую сумму? На две двухкомнатные хватит, одну вам, другую нам. Наш прежний договор о разделе пополам ещё в силе?

– Раз никто не заявлял об отмене, значит, действует. Вы же не против?

– Мы – нет.

– И я нет.

– На две квартиры хватит! – восхитилась Иринка. – Вам мильёнчик и нам мильёнчик, сразу все при квартирах станем! Сколько можно на помойку с ведрами таскаться, у меня скоро руки от плеч отвалятся! Серёжик, ну давайте едем по-быстрому в ресторан!

– Два миллиона – солидная сумма, – согласился Магницкий, – а люди-то серьёзные приезжали?

– Да куда уж серьёзней, я о чём и говорю: во-первых, на «мерсе», во-вторых, пригласили в «Славянский базар» сегодня к семи часам все заинтересованные стороны для разговора, за их счёт, и вас, и нас. Мы готовы, собирайтесь, Виктор Фёдорович, давно пора ехать, олигархи заждались.

– И я с вами! – нарисовалась из-за вагончика Машка.

– Ага, ещё Джинку прихватить не забыть.

– Домашнее задание сделала?

– Сделала!

– Показывай.

– Ну, маленько не до конца.

– Если бы сделала вовремя и правильно, взял с собой без разговоров. А так – иди, делай.

– А привезёшь мне из ресторана конфет и шампанского?

– Какого ещё шампанского, девочка?

– Детского!

– Мария! Садись за уроки!

– А что сразу ругаться?

– Нас Вексельбант ждёт, – сказал Серёга швейцару, с удивлением осмотревшему его садовые штаны с лампасами, – на втором этаже.

Серёга явно косил под крутого отморозка, приехавшего на стрелку в спортивных трико и с полным боекомплект. Иринка разоделась в пух-прах, а мужу по поводу его вида советовать не решилась.

– Мухтарыч, – молвил швейцар лукаво чернявому администратору, что пробегал мимо, – проводи дорогих гостей в кабинет.

Мухтарыч проводил до большого стола у окна с видом на реку и даже шлёпнул по высоким спинкам стульев, куда кому надо садиться, только не сказал: «Чека-чека». Зато уж улыбался на полную катушку.

Виктор сел, где ему было указано: против маленького, круглого, наголо обритого человека в чёрной футболке и джинсах, чёрных узеньких очках. Иринка присела слева, Серёга справа. Ещё за столом сидел-посиживал как бы между прочим интеллигент старой закваски: лысоватый спереди, со вьющимися седыми локонами до плеч, водянисто-светлыми глазками на тестообразно-бесформенном актёрском лице.

«Где я его видел?» – не успел подумать Магницкий, как тотчас вспомнил, что перед ним знаменитый пиарщик Суеруков, часто мелькавший в рекламных роликах.

– А вы, значит, и есть тот самый Виктор Фёдорович Магницкий, законный владелец дома?

– А вы...

– Феликс Вексельбант, – представился кругленький, – тот самый Вексельбант. Паспорт у вас при себе?

Пролистал все странички предъявленного документа. Вернул.

– Давайте водочки выпьем, – сказал рекламщик, – для почину, под холодную закуску.

Вексельбант лишь дёрнул уголком рта, и телеартист, тяжело вздохнув, отвернулся к окну.

– Для почину решим главный вопрос нашего движения принципиально, хотя и в устной форме, а именно: продадите ли вы мне, уважаемый, свой участок с домом целиком и полностью за два миллиона рублей?

– Наличными?

– А хотя бы и наличными. Но не мелкими купюрами.

– За два миллиона наличными продам, пожалуй.

Серёга согласно кивнул, и Иринка тоже.

– Ага, вот за это и выпьем, – снова восхитился Суеруков.

– Теперь можно, – согласился Феликс, потеряв шею, – теперь пора вдарить русской водкой по печени. Со всего размаха – за успех нашего предприятия.

– Виват! – рекламщик подскочил, выпил стоя, хлопнулся на место, не закусив, принялся листать меню. – Милейший, примите заказ!

Подошёл тот же Мухтарыч с блокнотиком, при котором карандашик на серебряной цепочке:

– Слушаю, господа.

– Мне как всегда, – сказал кругленький.

– А мне сёмгу по-шведски, охотничьи котлеты из оленины, фаршированные боровиками, под брусничным соусом, потом испанское заливное из кролика с соусом ремулад, французский крем-карамель со свежими ягодами и взбитыми сливками, – блистательно прочёл меню мастер рекламы.

– Нам то же самое, – поглядела восхищённо на Серёгу Иринка. – Раз фирма платит, в двух экземплярах.

– В трёх, – поправил Магницкий.

Осторожно вращая локтями и задумчиво почёсывая ухо карандашиком, Мухтарыч отправился на кухню.

– Да, а между прочим, любезные друзья мои, – произнёс человек с телевидения, разливая по маленьким хрустальным рюмкам водку, – сидим мы с вами, где прежде сиживал Антон Павлович Чехов. Но теперь он где?

– Умер, – опечалилась Иринка.

– Давно, – подтвердил Серёга слова жены, – говорят, ещё до революции. Вы к чему это?

– Мы его реанимировали за грешки прежние и на улицу вытурили босиком, при пенсне, зато в пальто и шляпе. С ваших мест тоже видно. Вон он стоит, видите, Палыч карикатурный...

– А, памятник, там, на набережной? – вспомнил Серёга. – Знаю. Мы даже фотографировались с Чеховым, для истории.

– За дело поставили прохладиться, – буркнул Феликс, – летом босиком ещё ничего, а зимой пусть тоже босым помёрзнет. Заслужил, классик. Не зря на обувь жаловался, Суеруков, напomini компании...

– Совершенно верно. Про это сообщал брату в письме из поездки на Сахалин: «Виноваты оказались ботфорты, узкие в задниках. Сладкий Миша, если у тебя будут дети, в чём я не сомневаюсь, то завещаю им не гнаться за дешёвизной. Дешёвизна русского товара – это диплом на его негодность. По моему, лучше босиком ходить, чем в дешёвых сапогах».

– Во-во, сам напросился босичком существовать, Чехонте смехотворный, пусть теперь стоит внизу, у входа.

– Ага, как генерал Карбышев, – хохотнул Серёга, выпив рюмку. – Пусть помёрзнет зимой – на снегу да морозе. У меня со школы эта их литература в печёнках сидит.

– Не по-человечески над мёртвыми потешаться, шаржи на них лепить. Или хорошо, или ничего, базовая истина, – сказал Магницкий, но с ним не согласились.

– Перед городом он страшно провинился, – Вексельбант глянул на Ирину, – кстати, выражался, что здесь у нас совсем нет хорошеньких женщин.

– Соврал.

– Точно.

– Вот и пусть стоит навсегда на улке.

Суеруков вдруг свалился со стула на пол, пополз на четвереньках, обнял ножки стула, захныкал, кvasя трагическое лицо. Мухтарыч по служивой

привычке бросился поднимать, тот лишь отмахнулся: «Не мешай, человек!», замотал головой в неистовой творческой муке:

– Приснился мне надясь Антон Палыч, третьего дня, жалкий, больной, босой, молит христом-богом: «Обуй, голубчик, хоть что-нибудь на ноги, мёрзну я, мёрзну в Сибири распромозглой!». До слёз растрогал, ей-богу! Бросился я тем же днём на фабрику резиновой обуви: «Можно у вас, товарищи дорогие, сделать литератору Чехову парочку калош семидесятого размера?».

Те: «Можем!». И сделали ведь!

Далее по сценарию натягиваю огромные калоши на Чехова, и все довольны. Антон Палыч больше всех!

Суеруков вернулся на стул так, что оказался ниже соседа-олигарха, хотя до того был непредумышленно выше на те же полголовы, стряхнул с рукава несуществующую пыль, спросил:

– Как, Феликс, полагаешь, хороша реклама для резинщиков будет на нашем телевидении?

– Нормально, Севастьян... умеешь, брат... на слезу давить.

– На том и стоим! Да, кстати, молодые люди, тут ещё супчик отличный подают из потрошков, любимый, кстати, Тургеневым, и овечий сыр Фета с зеленью.

– Фет перед нами ничем не провинился?

– Никак нет. Не бывал в нашем городе!

– А то мы и Фета... изобразим. Потому как право имеем на волеизъявление, да ведь, брат Суеруков?

– Разумеется. За миллион хоть Пушкина можно голышом в бронзе отлить. Конечно, Пушкин – наше всё, а за миллион и его можно. Библиотекарши опять хныкать начнут, бегать по городу с демонстрациями, жалобщицы, ну, повоюют слегка, не без того, да что они против миллиона с их плакатами в защиту русской словесности, когда у нас сила? О, Мухтарыч, родименький, уже притащил с пыла, с жара! Люблю я тебя, Мухтарыч!

– Плевать ему на твою любовь. Мухтарыч, возьми за скорость, – Вексельбант протянул пятисотенную.

Мухтарыч изящно склонил голову и взял. За кончик. Аккуратно потянул к себе, но Вексельбант забыл выпустить денежку из пальчиков, сидел ничего не говоря. Мухтарыч с сожалением отпустил купюру. «Что-то я недопонял», – читалось на выразительном лице.

– Чего же ты? – удивился Феликс. – Бери, когда дают.

Мухтарыч снова мимолётно прихватил двумя пальчиками уголок банкноты, но бритоголовый олигарх и не думал отдавать, с пристальной усмешкой, с удовольствием разглядывая глаза в глаза растерянного служителя. Мухтарыч побледнел, резко рванул на себя, тут же неуловимым движением отправил ассигнацию в карман.

– Экий неловкий, – нахмурил густые брови Вексельбант, – взять толком не может, даже когда дают. Чуть не порвал купюру, скоростной ты, брат, но не сообразительный.

– Я зато соображаю так, – влез Суеруков, – Пушкина мы оформим в виде писающего мальчика. В Европах есть свой писающий пацан, а у нас будет писающий Пушкин. На этом деле запросто переплюнем Европу по всем статьям. Миллиона хватит на бронзу, если поминиатюрней сделать. Блистательно изобразим, туристы со всех сторон повалят смотреть, как мы в нашем городе оттягиваемся над классиками, кстати, можно будет и в меню

блюда ввести коктейль «Арина Родионовна», и пить его из литровой кружки, а свиную отбивную назовём «Аннушка Керн». Здорово звучит?

– У Пушкина потомков на Западе, как собак нерезанных, могут в суд подать. Это вам не Чехов бездетный. Кстати, надо будет дополнительно с Чехонте поработать в смысле эпоса, утереть ему нос как следует. Ты вот что, Суеруков, пусть по нашему каналу для студентов приметку – чтобы экзамен сдать, надо к Чехову сбегать, нос бронзовый потереть. Это будет здорово... а насчёт Пушкина... Нет, нельзя. Хотя... В виде писающего мальчика, говоришь? Хорошо! Народ повалит смотреть, точно. Ой, как хорошо, молодец, Суеруков, прогрессивно мыслящая ты личность! Пиарщик стопроцентный, без инородных примесей!

– Кстати, – восторжествовал тоненьким фальцетом Суеруков от похвалы олигарха, – вспомнил я, братцы-кролики, как Чехов наш город в письме обозвал, – свиньёй в ермолке! Представляете?

– Так в письме же, – зевнул Магницкий, – всяк в письме пишет, что ему вздумается. Зачем чужие письма читать?

– А раз напечатали в книжке?

– Антон Палыч просил? Бунин строго-настрога запретил печатать свои письма после смерти, так всё равно тиснули и продали недорого. Но если вы такие богатые ребята, что денег девать вам некуда, я цену повышаю, и менее чем за три миллиона свою недвижимость не отдам. Миллион на карикатуру Чехова нашли? Нашли. Найдите и мне, раз вам надо. Это одно. А за идею про Пушкина, нагло высказанную при мне вслух, требую вдобавок «тойотулэндкрузер», новую, без пробега по Японии. Ещё и правда найдёте денег на скабрёзность, а мне лично такое хамство уличное не по душе. Когда денег много, они в голову ударяют, лучше делитесь со мной, с Серёгой вон и Ирккой. На благое дело. У них семья, двое детей, как им в двухкомнатной жить? Трёхкомнатная нужна как минимум. Что-то аппетит пропал от ваших пиаровских идей, расхотелось кушать с вами за одним столом, с энурезными мальчиками.

Встал и отправился к лестнице. На выходе догнал Серёга. Чуть не плача.

– Виктор... Фёдорович, ну что же вы? Такую сделку порушили!

– Кто? Я? Ошибаетесь, уважаемый. Если им надо, действительно надо, они найдут и заплатят, такие люди, с ними вежливо никак нельзя – наглеть начинают.

Подбежал Мухтарыч.

– Просили передать, что будут ждать во вторник к десяти в Первой адвокатуре, с паспортом и всеми документами на недвижимость, для составления письменного договора по всей форме, там и нотариус имеется.

– Согласились с ценой?

– Вероятно.

– Вот видишь, Серёга, а ты боялся. Спасибо, Мухтарыч, но, извини, брат, на чай не дам. Нету.

Мухтарыч отмахнулся горько.

– Какое там... Получил уже... Небось видали.

Подумаешь – премия, не последнюю корову проигрываем, тем более – когда нам её давали? И когда ещё дадут? Ерунда. Какая-то абстрактная священная корова получается, которую не грех и проиграть.

Но посидеть ночку-другую придётся над программкой, раздирая слипающиеся веки. Налили бы сейчас Виктору кофе... натурального, бразильского, горячего, чёрного, большую чашку, он бы к утру выдал результат, а с чаем вприхлёбку как минимум две ночи потребуется.

Глянув ещё раз на подозрительное место, Виктор принялся с хмурым видом варить Джинке кашу на плитке, самую её любимую, овсяную, и самую свою нелюбимую, хотя и полезную.

И вот когда до конца варки их с Джинкой основного блюда оставалось буквально минуты две, в голову внезапным порывом влетела идея. Краткое содержание её можно передать двумя простыми словами: Забава – дурак!

Настроил турусов и сам в них заблудился. Теоретик. Небожитель. Как в пятом классе, делит на нуль и даже не улыбается! А ещё завсектором! Философ! Умник лопухастый! Кандидат наук!

Кстати, надо бы всё-таки как-нибудь набраться тоже наглости да позвонить доктору наук Трушкину насчёт теоремы Кузьмича, чем бог не шутит? А вдруг?

Пока громко ругал надежду местной оборонной науки матерными словами, сочинял ему объяснительную записку, каша подгорела, и, проклиная уже себя, в наказание Виктор вывалил её всю в Джинкину миску студить.

Оставшись без ужина, вскоре пожалел себя, но поздно.

Ладно, зато завтра всласть поиздевается над Забавой, длинная теоретическая нить которого рвалась в одном-единственном месте, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы научно-практическое открытие республиканского масштаба превращалось в пшик. А машина не дура. Её не обманешь: процесс действительно расходуется.

Следовательно, и бутылка коньяка окончательно накрылась, ну не везёт с приработком, и всё тут! Смешная штука жизнь: сначала хотел сделать программу и отказаться от коньяка в назидание, а теперь нашёл ошибку – и так жалко стало той бутылки, хоть плачь!

Джина чавкает с наслаждением. Кому на Руси жить хорошо? Доярке Нюрке, Гагарину Юрке, Хрущёву да Брежневу, остальным всем по-прежнему. Вот она, вечная правда жизни! На остаток вечера ограниченный контингент довольных российской действительностью пополнился кавказой Джинкой.

Доктор наук Трушкин, читавший спецкурс уже доктором ещё студенту Магницкому, оказался большим сибирским патриотом вроде Потанина – ни в какую Америку не уехал, как ни звали, даже номер домашнего телефона не сменил.

На осторожный вопрос насчёт достаточности теоремы Кузьмича сказал: раз у Виктора что-то есть сказать по данному поводу, пусть приезжает прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик, к нему домой без всяких ячих, у них тут семинарчик как раз собрался за большим тульским самоваром.

Обрадованный Виктор Фёдорович причесался, отряхнулся и помчался по тёмным улицам к уважаемому мэтру в гости.

Знаменитые в широких кругах узкие, но длинные залысины Трушкина не подвинулись за годы ни в какую сторону, он действительно пил с гостями чай из тульского электрического самовара и угощал магазинными пончиками с

повидлом, сидя в собственном домашнем кабинете в окружении трёх учеников не студенческого возраста, как какой-нибудь грек Пифагор в своей древней школе.

– А, вот и, батенька... как вас там... Виктор Фёдорович пожаловали, – сказал, прищурившись, – прошу к нашему шалашу. Пончики будете? Я успел обзвонить пару мест, достаточности вроде бы никто не припоминает, я тоже не помню, идите к доске, доказывайте. Если наврёте – пончиков не получите, если всё правда, как обещали, накормим и напоим, раз ваша взяла.

Когда Магницкий кратко набросал положения на доске и, робея, кинул взгляд на быстро тающие пончики, то увидел на лицах жующих их семинаристов выражение лёгкой зависти.

Ещё бы! Доказать даже половинку такой теоремки не всякому в жизни удаётся.

– А вот и нет! Никто прежде её не доказывал, точно, значит, ты первый! Иди, бери пончик, – разрешил Трушкин. – Отличный результатик, мальчики, смотрите, завидуйте, смелость города берёт! Да, я ведь говорил тебе в своё время, Виктор, что ты не безнадёжен?

– Говорили, Самуил Лейбович. Вы это всем нам говорили.

– Повторяю, ты не безнадёжен! Значит, так, записывай в свой ноутбук, у нас на той неделе конференция, ставлю твой доклад, помечая его как достаточность теоремы Кузьмича. Срочно напечатай пять экземпляров и заявление на участие в конференции от твоего начальства. Хотя нет, зачем нам ваш закрытый НИИ? Пойдёшь на штурм под нашими знамёнами, от моего кафедрального семинара. Кстати, ты кандидат?

– Нет.

Трушкин вздохнул, почесал затылок в районе затылка.

– И не стыдно, в ваши-то годы? Ладно, кандидатские хоть сданы?

– Давно. Но...

– Никаких «но». Руководитель – я. Оппонентов подберём из старых академиков, теорема Кузьмича – это вам не сиськи-мосиськи. Закрыли вы, молодой человек, проблему собственным телом, но малой кровью, и у кого-то хлеб отобрали, но всё равно низкий поклон от мировой общественности. Короче, пей чай, ешь пончики, а потом срочно бегом печатать доклад и диссертацию оформлять.

Выйдя от нового шефа в состоянии лёгкой праздничной эйфории, когда в ушах ещё не шумит, но уже так радостно, что не знаешь, что дальше делать, и потому смело отдаёшься силовым линиям внутреннего поля, идя по совсем ночным аллеям и дыша прохладным воздухом... С внутренним полем, между прочим, шутки плохи, оно взяло да привело его не куда-нибудь, а к дому Пумы. Чтобы обдумать произошедшее событие, грозящее самыми удивительными последствиями, он присел на скамейку рядом со знакомым подъездом. Едва ли сыщется во всём городе лучшее место для счастливого отдыха.

Даже не удивился себе, что прибежал именно сюда. Его маленькая комета давно попала в область её притяжения, к кому ещё лететь, как не к ярко пылающей Пуме?

Магницкий сложил руки на груди, зевнул, вытянул ноги, и, заглядевшись на чёрный «гранд-чироки», застывший у подъезда в неоновом сиянии ближнего фонаря, впал в мечтательное состояние.

Так разнежился, что не сразу заметил Пуму, вышедшую из подъезда с представительным мужчиной лет этак сорока пяти. Они направились к «чероки». Пума одета и раскрашена под девушку-вамп: очень коротенькая накидка чрезмерно обнажала длинные ноги, сильные тени под огромными глазами мерцают блёстками, в довершение экстравагантной картинки – роскошная пышная грива. В общем, девочка для эскорта.

Мужчина открыл перед ней дверцу, но Пума вдруг заметила Магницкого, изменила лицо с надменного на раздражённое, понеслась к нему большими скачками.

- Ты чего здесь? – спросила негромко.
- Представляешь, доказал одну классную теоремку.
- И что?
- Выходи за меня замуж?
- Тихо ты. Иди домой, потом поговорим.
- Нет, буду сидеть, ждать.
- У моря погоды?
- Тебя.

Глаза Пумы вспыхнули неподдельной злостью. И сразу потухли.

– Ночью забегу посмотреть твой вагончик. Очень поздно, возможно к утру. Говори адрес.

– Там дома нет, длинный забор, на нём зелёной краской написано название улицы и номер, – объяснил Магницкий, – я буду тебя прямо на улице ждать.

– Лариса, время, – напомнил мужчина, усаживаясь в автомобиль.

– Иду, – огрызнулась Пума. А Виктору – тихо, угрожающе: – Через пару часов приеду, устрою тебе хорошенькую взбучку.

Дома Магницкий вытащил на уличный тротуар табурет, сколоченный из разной толщины палок и одного овощного ящика, уселся и приготовился ждать хоть до утра. Пума в темноте ночи подкралась тихо, но Джина собачьим преданным чутьём тотчас распознала подвох, взвыла в ограде.

– Оболью! – пообещал собаке Магницкий, приглашая гостью в ограду.

Гремя цепью, Джинка залезла под вагончик, громко переживая хозяйскую измену.

– Куда можно сесть? – спросила Пума, обводя недоверчивыми глазами убогое помещение.

- Лучше сразу на топчан.
- Тебе сколько лет, Магницкий, сорок есть?
- Тридцать. Девять.
- Скоро пятый десяток, а всё как мальчик. Ну и куда ты меня привёл?

Это твоё жильё на данный момент? Хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж и с ребёнком пришла в эту конуру?

Действительно, стыдно. Слов нет.

– Слушай и запоминай. У меня отличная работа в банке, я привыкла жить комфортно, говорю откровенно и русским языком: мой выбор сделан, ты понимаешь русский язык? Когда тебе надо, можешь позвонить, время для встречи найду, какого чёрта без спроса припёрся? Тебя сегодня кто звал? Ты что, решил мне проблемы по жизни создавать?

Магницкий русский язык понимал, но сказать в ответ что-либо вразумительное не мог.

– Я люблю тебя. Скажи, что теперь делать?

Пума тяжело вздохнула.

– Господи, ещё женатый человек называется, отец семейства. Скоро вон облысеешь. Ах, Витенька, Витенька, время идёт, а ума ни на грамм не прибавляется. Почему так?

– Не могу без тебя... всё время хочется видеть... и слышать.

– Но мог же столько лет? Жил. Не умирал. Ничего ему не делалось, а тут вдруг вынь да положь, любовь у него опять великая открылась. Такой любовь не бывает, Витенька. Это другое. Ты почему догонять не бросился, когда я уехала? Между прочим, ждала погони и с радостью бы сдалась на милость победителя, коли нашёл. Где был столько лет? Выживешь, никуда не денешься. А я тебя долго ждала. Правда, с другим жила, но это как всегда: живёшь с одним, любишь другого. Вспоминала часто, думала: уж Магницкий-то сейчас, наверное, ворочает делами. Каким-нибудь банкиром заделался. Уж этот сумеет схватить удачу за хвост. А ты... так подвёл... разочаровал, Витенька. Пожалеть тебя, что ли?

– Пожалеть.

– Как?

– Выходи за меня замуж, будем жить всегда вместе.

– Нет, миленький, не получится, – она встала. – Держи своего льва, я ухожу. Не провожай, меня машина ждёт. И целоваться не будем. Ни к чему это.

58.

Утро нового дня безалаберной и окончательно не удавшейся жизни посвящено родной армии, военно-морскому флоту и срочному печатанию личного доклада на производственном принтере, а после обеда прибежал Забава, сел на стул рядом.

– Полковники убрались в министерства, генштабы и гарнизоны, давай братья за программу всерьёз. У нас день остался на всё про всё. В понедельник...

– Я сделал.

Забава аж вскочил, пробежался по комнате и с размаха обнял Магницкого за плечи.

– Виктор! Я знал, Виктор! Я всем всегда говорил, что ты гений! А они, дураки, не верили. Теперь поверят. Запускай программу. Сейчас сгоняю за бутылкой, и сразу начнём считать. Времени в обрез!

Всё-таки Забава честный человек. Его жаль, однако ничего не поделаешь, надо резать правду-матку.

Магницкий молча сунул приятелю под нос листок с описанием ошибки и отвернулся. Забава сначала не поверил глазам: «Что? Что это ты тут понаписал? Бред какой-то!». Потом сник, расстроился.

Ещё бы, летела под хвост не только статья и конференция, но и докторская, и почти вся обозримая последующая жизнь из светло-розовых тонов в одночасье перекрасилась в тона серые. Однако спорить с очевидным бессмысленно. Забава и не спорил. Сидел себе на стуле, глядел в окно опустошённым взором. Переживал крушение надежд. Тихо. Спокойно. Никакой вам трагедии.

И тут в комнату весёлым строевым шагом вошёл директор института. После сдачи очередного этапа воякам он чувствовал себя победителем, в голосе явственно рокотал неизрасходованный боезапас.

– Ага! – гаркнул он. – Вот, вижу, программисты взялись за работу во славу родного института. Прищучил вас товарищ Забава? Давно пора! Не всё бездельничать! Как дела? Скоро считать начнёте? Мы испытания второй месяц откладываем, надеемся на теоретическую модель.

Пришлось опустить глаза к полу, давая Забаве шанс сдаться самостоятельно. Неприятно, конечно, но не смертельно. Убить Орало не убьёт, разве оглушит малость.

– Пока программа ещё не до конца работает, Гавриил Семёнович. Работаем, – бодренько ответил Забава. – Ищем ошибку в программе. Не считает, как надо.

– Ну, программисты, ну чёртовы кодировщики! – воскликнул Орало. – Скажите спасибо, что перед войсками отчитались, а то наградил бы вас прямо сегодня! Ничего, в понедельник, если программа не заработает, уже получите по заслугам перед Отечеством! Все, поимённо! А начну с вашего начальника Черкизова!

Орало покинул пределы комнаты. Бумаги на столе Тимофея зашевелились, показалось его лицо.

– Отбой воздушной тревоги, – пошутил аспирант робким голосом, – что он к нам цепляется, Виктор Фёдорович?

– На трудовые подвиги вдохновляет, братец. Ты работай, не отвлекайся, будь спокоен, родина не забудет вовремя сровнять твою могилу асфальтовым катком.

Забава встал.

– Ладно. Я потом объясню начальству ситуацию. Давай пока всем говорить, что твоя программа не фурычит, пока не придумаю выхода из положения. У вас же это обычная история – искать ошибки в программах.

– Конечно, обычная. Иногда только, весьма редко, приходится находить ошибку в постановке задачи. Говори, как тебе удобнее – до понедельника? – а бутылку тащи прямо сейчас.

– Но программу ты не сделал!

– Зато ошибку нашёл, и до понедельника молчать буду, что ты мне месяц мозги парил. Мне месяц, а руководству – скоро год. Если Орало в понедельник начнёт пытаться на дыбе и поджаривать пятки на углях, почему программа не функционирует, предупреждаю сразу: терпеть не буду – расколуюсь.

Забава окостенел породистым лицом, сходил за коньяком, отдал, всё молча, трагично. Теперь Магницкий в свою очередь хмуро оглядел бутылку, акцизную наклейку, проверил пробку на прочность, перевернув бутылку, взболтнув её.

– Местные цыгане вот точно такой же самопальный коньяк в сарайчике резиновым шлангом из бочки разливают. Случаем, не на базаре купил?

Забава раздулся от возмущения.

– Ладно, – дёрнул его за галстук Виктор, – с паршивой овцы хоть шерсти клок. Осталось пойти и напиться в подворотне. Больше делать нечего. От вояк отбил, Забаве диссертацию докторскую угробил, – он зевнул, – кажись, на сегодня все добрые дела совершены, пора отдыхать. Товарищ Забава, ничего будет, если сегодня слиняю на полчаса раньше?

– У своего начальства спрашивай, вон тебя уже ищут.

И точно, издали раздавался голос Черкизова:

– Виктор, ты где? Не уходи, мне надо посчитать!

Опять до двенадцати ночи пялиться в экран, а кто с Джинкой гулять будет? Утром зарок давал, если с вояками расправятся без сучка и задоринки, Джину выгуляет по всем правилам, до полного изнеможения обоих.

– Он здесь, у себя, – предательски заорал Забава.

Что можно ждать от мухлёвщика, производящего деление на ноль в научных статьях? Совершенно конченый человек!

Магницкий за шиворот выкинул его из кабинета и открыл окно.

Как таких людей земля на себе носит? И не горит она у них под подошвами и не плавится.

– Меня уже нет, и сегодня не будет, – пояснил Тимофею.

– Понял. Прыгать будете?

Внизу стояла машина шефа, до неё он не долетит.

– Катапультироваться.

Зацепившись руками за подоконник, старший программист опустил тело вниз так, чтобы ноги не болтались в окне первого этажа, после чего прыгнул немного в сторону.

До угла семь метров, если даже пройти их неторопливым шагом, всё равно успеешь исчезнуть прежде, чем тугодум Черкизов догадается выглянуть в окно. Первым делом он всегда почему-то начинает искать в шкафу. Сказывается домашнее воспитание.

Отряхивая руки, Магницкий осознал, что в его плане наметилась заминка. Из выхлопной трубы директорской «Волги» прямо в нос попыхивал синеватый дымок, машину разогревали. С независимым видом, чуть ли не посвистывая, Виктор отправился к углу здания, однако дверца отворилась, и всевидящий Орало спросил отеческим голосом:

– Куда сбегает с работы?

– У меня собака, – трагически шепнул Магницкий, – болеет.

– Чумка?

– Ну что вы? Типун вам... извините. Унылая с утра была, ничего есть не стала. (Ага, чуть самого не сожрала, едва успел руки отдернуть от миски с остатками завтрака, когда подносил.)

– Дело серьёзное. Ладно, садись, подвезу.

Это что-то новенькое. Чтобы Орало развозил по домам старших программистов, только что вылетевших из окна рабочего кабинета? Про такое прежде слышать не доводилось. Значит, собак очень любит.

Тут настал черёд появиться в окне голове Черкизова.

– Виктор... – начал он раздосадованным тоном, – ты знаешь кто? Молекула в космосе!

Магницкий жестами пояснил начальнику, что у него срочное дело с Орало, и легко впрыгнул в машину, махнув на прощание ручкой впавшему в немому нижнему начальству.

– Может, вас к ветеринару доставить? – продолжал ставить рекорды доброты и заботливости директор.

– Спасибо, Гавриил Семёнович. Но у меня кавказская овчарка, очень большая и не вполне адекватная. Не могу гарантировать, насколько цивилизованно себя поведёт в салоне автомобиля. Но всё равно – большое спасибо.

Доехав до своего забора, ещё раз сказал: «Спасибо, Гавриил Семёнович», а директор вышел вместе с ним, решил проведать больную собаку.

А та и точно заболела. Погнула карабин, сорвалась с цепи и гуляла по периметру сада дикой кавказской дивизией, с размаха кидаясь на забор, повисая на нём и рыча на прохожих, которые за полквартила от опасного забора предусмотрительно переходили на противоположную сторону улицы. Тем же макаром налетела на хозяина с директором и принялась орать, брызгая слюной, как бешеная.

– Чумки у неё нет, – весьма уверенно поставил диагноз директор.

– Похоже, восстановилась за день, я ей витаминов утром дал. А после спада сил наступило небольшое психическое расстройство. Как с цепи сорвалась.

Орало кивнул головой, сел в машину и уехал. Сразу позабыл к ветеринару везти.

Магницкий осторожно втиснулся в калитку.

Джинка ползла навстречу по-пластунски, пряча здоровенный чёрный нос между лапами, демонстрируя раскаяние.

– Она карабин сломала, – сообщила девочка Маша, спокойно читавшая книжку на лавочке

– Ай-яй-яй, – сказал хозяин собаке, – нехорошо народ пугать!

И гулко щёлкнул трудновоспитуемую собаку по носу.

Прихватил за гриву, отвёл к вагончику. Пришлось нацепить ржавый самодельно-сварной карабин, огромный, как амбарный замок, но Джина не замечала его тяжести, тянула цепь, пробуя на прочность.

Машка вытащила огромную расчёску из полиэтиленового пакета и начала вычёсывать линяющий бело-жёлтый пух. Джина опрокинулась на спину, поджав здоровенные лапы к морде.

– Бабушка сказала, что свяжет мне варежки, а может, даже и носки, если хватит пуха. Что он будет на заборе зря оставаться, да же?

– Конечно. У Джинки пуха навалом, давно пора бабушке заняться настоящим делом.

– У неё дело есть: она пенсию получает.

Совместными усилиями расчесав Джину в благообразный вид и приобретя на этой операции тугой пакет пуха, они разделались. Мария понесла пух домой, а Виктор повёл Джину гулять.

В районе Буфф-сада им повстречался старый знакомый – московский сторожевик Виндзор со своей дочкой Магдой. Их выгуливал всегда чрезвычайно благожелательный и весёлый Андрей Платонович, живший по соседству с садом.

– Давненько не виделись, – обрадовался, как родным, упираясь ногой в кирпичный край канализационного колодца, дабы притормозить свою пару гнедых.

Толстый, огромный, шелковистый Виндзор, кобель весьма почтенного возраста, остановился немедленно, а его молодая шалава-дочь ещё немного подёргалась в сторону собачьей площадки, куда Андрей Платонович никогда не ходил, объясняя, что кроме заразы там ничего существенного нет.

Он предпочитал путешествовать длинными самостоятельными маршрутами. Джина весело посмотрела на знакомых, вытянула морду, обнюхав на расстоянии, и дёрнула дальше, она не одобряла долгих рассусоливаний.

– Однако у вашей девочки течка, – удивился Андрей Платонович радостным тоном, – я по Виндзору вижу, надо вязать, и побыстрее. У меня глаз на это дело намётанный. К Виндзору каждую неделю невест приводят, у него родословная – дай бог каждому! Сейчас щенок кавказской овчарки от пятисот до тысячи рублей стоит. Пять штук принесёт – вот вам и тринадцатая зарплата. Мы с Виндзором хорошо зарабатываем, натурой берём, – щенка с помёта. Правда, староват стал, раб божий, я решил двух девочек оставить ему на замену. Но с годик ещё потрудится.

Виндзор вздохнул, глядя слезящимися глазами в сторону площадки, где по горе кругами носились друг за дружкой молодые кобельки и сучки. Магницкий подозрительно косил на Джинку, и не мог понять, откуда у Андрея Платоновича взялась такая уверенность.

– Вам надо вести к Дубову, у него питомник кавказских овчарок. Он в своём доме живёт, там во дворе вольеров штук двадцать. Адрес простой: Красноасфальтный переулок, дом номер один. На самом краю города.

– Красноасфальтный?

– Да, у нас же всё красное. Вот и асфальт тоже. Ведите, голубчик, ведите.

А что, раньше не вязали ни разу?

– Да нет, как-то обходилось, слава богу.

– Сколько ей лет?

– По паспорту семь.

– Взрослая девушка для первого раза. Но ничего, всё же попробуйте к Дубову сводить, у него хорошие ребятащечки имеются, с богатыми родословными. Как-никак официально питомник зарегистрирован. Попытка – не пытка, авось и выйдет что. Пути любви неисповедимы, даже в таком серьёзном возрасте.

59.

В воскресенье Магницкий повёл Джинку зарабатывать деньги непотребным образом.

Соблазн оказался велик: пять щенков, пусть даже по минимальной цене в пятьсот рублей – две с половиной тысячи набегает. Уже пальто для Нины. Какие тут могут быть сомнения? Таких денег Виктор давным-давно в руках не держал. А если шесть щенков? А вдруг восемь? Вот где разбогатеет! На случай, если вдруг кому-то хочется порассуждать о моральной стороне дела, то пожалуйста: должна же его собака познать когда-нибудь счастье материнства?

Вышли рано утром, и на всём пути мечтали, что на те деньги возможно приобрести, получалось – всего навалом, а на Красноасфальтный переулок, номер один приволоклись к обеду, изрядно подуставшие.

Что самое любопытное, Красноасфальтный переулок оказался на всём протяжении абсолютно нигде не асфальтированным. То есть совершенно ни одного квадратного метра: и дорога, и тротуары обычные, земляные. Не то что красного асфальта не было в помине, самый обычный напрочь отсутствовал. Но это в порядке вещей, потому, недолго удивляясь, они взяли да вошли в калитку крайнего дома, подняв во дворе большой собачий переполох.

– Здравствуйте, девочки, – сказал небольшого роста плотный человек, с хозяйским видом стоявший на крыльце, засунув обе руки в карманы, – на вязку пришли?

Магницкий покорно кивнул, хотя девочкой его даже в детстве не обзывали. Не похож, фактура другая.

Но раз началась такая драка, куда деваться? Что кокетничать не по делу, если пришли с конкретной целью улучшить своё финансовое положение? Вольеров штук двадцать в один ряд выстроились перед ними со всевозможными женихами, и все радостно гавкали на разные голоса, некоторые даже вставали на задние лапы, опираясь на сетку, и роняли слюни от переполнявших их благодатных чувств.

Джина застеснялась. Магницкий тоже. Прямо у калитки вкопан в землю столб, к столбу привязана кованая цепь со звеньями в три килограмма каждое, а на этой цепи спал настоящий лев с огромной гривой и мощными лапами, на которые положил громадную башку.

Если Джина только в утренних сумерках походила на молодого льва, то здесь среди бела дня мороз по коже прокатывал чередой вопросов: а выдержит ли цепь, какова, кстати, её длина, и, главное, насколько хорошо вкопан столб?

Умопомрачительных размеров кавказец открыл глаза, абсолютно равнодушно посмотрел на гостей и снова их захлопнул. Даже для порядка не гавкнул, не счёл нужным.

– Какая хорошая девочка, – сказала вышедшая на крыльцо милая женщина с тазиком фарша, – сколько она в холке?

Джина перестала стесняться, показав женщине размер своих клыков.

– Экстерьер – что надо, – согласился Дубов с женой. – С кем бы её повязать?

– Какая голова замечательная, а лбище! Крутой взём!

– Ты заметь, Маруся, как спину держит, а ноги ставит! Отличный экземпляр! Документы есть?

Магницкий отдал, что было: родословную и паспорт.

– Ой, Маруся, это к нам внучка Джунгара пожаловала, – обрадовался Дубов, – какие гости! Отлично! Так, ей семь лет, и сколько было вязок?

– На моей памяти несколько.

– Да, возраст поджимает. Надо с молодым повязать, есть тут у меня очень перспективный паренёк, Громом кличут, пойдёмте к нему. Я молодца из вольера уберу, а ты заводи девочку, но ошейник не снимай, поводок наружу через сетку выкинь, сам выходи и придерживай её.

Джина оказалась в чужом вольере с очень недовольным видом, озираясь по сторонам. Дверь открылась, к ней на свиданье влетел пушистый, серый, радостный Гром, чуть ли не визжа от счастья.

Однако Джина не терпит чересчур близких знакомств, это хорошо известно всем окрестным собакам, с которыми они сталкивались на утренней прогулке. Пригнула голову к земле, предупредительно обнажив белые острые клинки. Смелый Гром подумал, что началась такая весёлая игра, и напрыгнул сверху, тут же с визгом отлетев к двери, всем своим видом показывая хозяину, что его срочно надо спасать. Серый бок сделался мокро-красным.

– Да, та ещё дамочка, из старых дев, – вздохнул Дубов, – значит, не понравился, да и молод ещё, обхождения не знает. Ишь, порвала, как мячик. Ничего, Гром, сынок, не визжи, все на ошибках учатся.

В следующем вольере свою судьбу испытал Аргун. Со всею возможной вежливостью, на какую был способен, рыжий кобель пытался сблизиться, но, сделав три попытки, отошёл в угол, вздохнул, сел, потом лёг. Джина принялась важно разгуливать по вольеру.

За час она научила всех вольерных кобелей свободу любить.

– Да есть у неё течка, есть, – отмахивался Дубов от вопросов жены Маруси, – я прекрасно вижу, но слишком заматерела. Ты на бои её случаем не выставлял? Нет? Жёсткая баба, с характером. Крутое потомство может дать. Так, кто тут у нас ещё остался? Грозный? – И посмотрел в сторону льва, дрыхнувшего на цепи у ворот.

Магницкий тоже поглядел. И даже Джина смерила взглядом очередного противника несколько смущённо, признавая, что такой слон ей не по зубам.

– Да ну тебя, – отвергла идею Маруся, – у него сегодня уже была вязка, а вчера целых две. А лет-то ему сколько?

– Ничего, пусть и сегодня будет две, раз производитель. Значит, сделаем так: ты свою красотку к столбу привяжи на короткий поводок. А я Грозного пока отвяжу, пусть будет в свободном полёте. Мы тем временем пойдём домой передохнём, чаю попьём. Чего-то даже я на этой вязке выдохся, уморила меня твоя девушка.

Они пили чай в подвале дома, откуда через окошко была видна вся картина. Находящийся в свободном полёте старикашка Грозный подошёл к Джине. Джина по привычке выпустила клыки. Грозный тоже. Разность была настолько очевидной, что Джина рванулась, выкрутилась из ошейника и принялась носиться по всему двору, предлагая Грозному поиграть на свободе, но Грозный прошёл к своему столбу и повалился там на прежнее место, правда, глаз не закрыл, а наблюдал, как пришедшая собачка осваивает новую территорию, вызывая своим поведением завистливую брехню из вольеров.

– Пойди, привяжи его, неровён час, зайдёт кто во двор, – сказала Маруся Дубову.

– Да кто к нам зайдёт, – отмахнулся тот, – стар стал Грозный, одна вязка в день – предел. – Он всё-таки отставил чай, встал, полез по лестнице из подвала.

Не успел Виктор поблагодарить Марусю за угощение, как Дубов, несмотря на свои сорок пять-пятьдесят, с необыкновенной лихостью скатился вниз по лестнице. Глаза возмущённо сияли.

– Слышь, твоя Джинка на меня напала. Цапнула вскользь, еле увернулся. Иди, позови её, хватай и хомутай, тогда я пойду Грозного привяжу.

Магницкий полез по лестнице к выходу, открыл дверь и тихонько позвал: «Джина, ко мне!».

Джина только морду повернула, а побежала в другую сторону. Ещё раз свистнул, как вдруг к нему молча, очень звероподобно, по-львиному зашпешил старик Грозный. Оглох, что ли, на старости лет? Вот уж к кому не хочется попасть в лапы! Поэтому Виктор дверь захлопнул и тоже быстренько сбежал вниз по лесенке.

– Вместо Джины Грозный подбежал.

– Да ты его не бойся, он ни одного человека в своей жизни не укусил.

– Видел зубищи, не хотелось бы стать единственным исключением из правил.

– Попали мы в осаду, – сказала жена Маруся, – а мне в магазин надо идти. – Она просительно глянула на гостя. – Да вы не бойтесь, он добрый.

– Конечно, – с жаром подтвердил Дубов, – твоя девочка смотри как за штаны меня хватанула. А Грозный хозяина девочки ни в жизнь не обидит. Понимает, что к чему.

– Не сожрёт с потрохами?

– Нет, нет, – в один голос закричали Дубов с Марусей, – он у нас добрый, очень добрый.

Снова Магницкому пришлось лезть по лестнице наверх и открывать дверь. Следом в арьергарде поднимался хозяин. Скорее всего, просто не давал отступать. Грозный дрых у столба, Джинка сидела в центре двора полноправной хозяйкой, снисходительно осматривая ряд вольеров, как Екатерина Вторая полки бравых гвардейцев. Соблазн покончить дело разом был велик. В три прыжка Виктор сцапал Джинку за шиворот, обрадованно разогнулся, сообщая Дубову: «Можешь выходить!», и вдруг свет небесный над ним разом померк.

Огромный лев встал на задние лапы, поставил передние на плечи Магницкого, нависнув сверху огромной распахнутой пастью, пытаясь охватить всю голову разом и показать тот самый цирковой фокус, который Витька в детстве так любил наблюдать с первого зрительского ряда.

Теперь сам оказался на сцене, осознав, насколько сочно жить в львином зёве! По ушам текло и за шиворот попало. Виктор предпочёл отдать в переработку правый локоть, который кобель слегка попробовал жевать, но, слава богу, вовремя подоспел Дубов, и старина Грозный снова оказался у позорного столба на толстой цепи.

Джинка на поводке у левого колена. Уши Виктора мокрые, но целые. Все при своих интересах.

– Приходите завтра с утра, – говорил Дубов, провожая до калитки, – Грозный немного окрепнет, ещё попробуем.

– Нет, с утра мне на работу, – отвечал счастливым голосом гость, поскорее убегая вон с гостеприимного двора.

Что значат деньги по сравнению со здоровьем и жизнью? Ерунда, бумажки.

– И в результате? – вслух обратился он к собаке. – Ты осталась старой девой, а я опять без денег.

Джина не очень переживала насчёт не сложившейся личной жизни. Она красиво вышагивала рядом, и если бы они были в этот момент на выставке, все судьи такой походке и экстерьеру поставили бы пятёрки с плюсом.

60.

Торжествующий фавн в косоворотке с украинской вышивкой, опоясанный тоненьким ремешком низко под грушеобразным интеллигентным животиком, что вплыл как-то после обеда в комнату, оказался Черкизовым.

– А что я говорил? – пробурчал он косноязычным Моисеем, решившим показать очередной фокус своему многострадальному племени, мающемуся по пустыне с прокисшим хлебом в карманах.

– Это насчёт чего? – равнодушно уточнил жестоковыйный народ, занятый своим делом и лет пять уже не верящий ни в какую манну небесную, давно обещанную начальством.

– Насчёт премии?

– Как всегда нагло врал, что вот-вот получим, и снова обманул.

– А вот и нет. Сейчас встали тихо, и по одному, не привлекая к себе внимания, идите в бухгалтерию получать, пока никто ещё не знает.

– Много? – резво вскочила с места Оксана.

– На машину хватит.

– Подержанную?

– Иномарку или «копейку»?

– Игрушечную, в «Детском мире».

Полученных сумм оказалось достаточно, чтобы все согласились обмыть манну небесную в тот же день. Скинулись по полтиннику с носа, и молодёжь полетела в ближний магазин.

Стандартный набор для обмывания премии выглядел следующим образом: три бутылки красного полусладкого на семерых, фрукты, и по пицце на нос, в придачу к пачке сигарет. Чтобы можно было мыслить с умным видом, выпуская к потолку дым и попутно изрекая свежеформулируемые истины слегка заплетающимся языком. Коллектив-то ныне в основном женский.

Начальство уединилось в высших сферах у директора, оставив институт на растерзание младших научных сотрудников, и народ почувствовал себя настолько вольготно, что даже интеллектуалов вроде Тимошки с быстрым окончанием «лимонада» потянуло на водку. Правда, Тимофей при этом не орал, как краснолицая Оксана: «Прогресс – чемпион!», но тоже проникся моментом, и принялся высказываться махрово-патриотично: «Дико приятно сознавать себя щитом Родины! Правда же, мужики?».

– Оплачиваемым щитом, – поправили коллеги, – конечно, приятно.

И это говорится всего-навсего после второй рюмки девятиградусной «Изабеллы», что само по себе дорогого стоит. Сто пятьдесят красенького – и ты патриот. Пару лет без зарплаты – перед вами жуткий диссидент прозападного толка, обожающий демократку Хакамаду настолько сильно, что готов хоть завтра жениться на и без того многомужней Моцуоновне.

Как мало нашему аспиранту надо. А впрочем, чего греха таить, и старшему инженеру тоже немного требуется для полного счастья. Тот же подарочный комплект, только без Моцуоновны. Своего добра хватает.

Вот, кстати, о бабах: в соседней полногабаритной комнате, где программисты уселись праздновать премию, живут да поживают четыре человека, из них три совершенно свободные женщины возрастом за тридцать, а четвёртый – Забава. Меж собою сотрудницы ласково кличут начальника сектора «наша Забава», и мороженое всегда употребляют того же, одноимённого сорта. Дешёвое, невкусное.

– Люди, к нам гости идут, – сказала Мила, переговорив с кем-то по телефону, – и посмотрела при этом на Магницкого весьма значительно.

– Бутылка с носа, – предупредил Магницкий.

– Уже несёт. Шампанское.

– Кто такой? – удивился Забава, – а икра чёрная в комплекте?

– Сейчас увидите. Наш старый боевой товарищ, сделавший блестящую карьеру.

Дверь распахнулась.

Вошли две розовые, как с мороза, щёчки, с ними чёрные очи, разящие наповал, блестящие волосы вздыблены в потрясную причёску, из которой торчит хвостик. Безукоризненная фигурка в деловом костюме с белым отложным воротником. Пума! С ума сойти.

– Какие люди и без охраны! – обрадовался Забава.

– Почему без охраны? Охрана всегда со мной. Гляньте-ка в окно, увидите.

Забава с Оксаной не поленились сбежать.

– Кто-то смелый на директорское место чёрный джип поставил.

– «Гранд-чероки», – уточнил Забава, – Оксане сегодня чай не наливать, ясно? А то Ларискина крыша всех изрешетит из автоматов.

– Не крыша, а банковская безопасность. Но вахтёр их не пропустил.

– Не фиг делать пол топтать, – согласился с вахтёром Магницкий, – а вы садитесь, вас мы знаем.

– Давайте шампанского выпьем с новоприбывшей старослужащей, – закричала Люська, – давайте за любовь, что ли!

– Конечно, – согласился Тимоша сразу, – давайте, я не против.

Достала, значит, его Оксана. Не против оказались все без исключения.

После шампанского возник вопрос, кому идти за водкой. Остановились, естественно, на молодых и самых быстрых. Когда Оксана и Тимофей умчались, взявшись за руки, женщинам тут же захотелось танцев.

– Забава, достань магнитофон у шефа, – принялась уговаривать Мила, ведущий теоретик сектора, перейдя сразу на ты, – ты же почти доктор наук, молодая, свежая поросль ядрёная, надежда института, дверь директорскую левой пяткой открываешь. Сам хвастался.

– Сходи, багульник ты наш, – подхватила Люська, – долбанись светлым челом об пол, замолви словечко: народ-де музыки хочет. А то опять снабженцы сопрут и утащут в свой подвал, знаете, какие они прыткие.

– Был почти доктор, – отпрыкнулся Забава, – да сплыл! Вон тот оппонент закрыл мою диссертацию, теперь я снова обыкновенный смертный кандидат. Букашка. Вот-вот из завсекторов поганой метлой погонят.

– Не приbedняйся, – отринул вопль души оппонент, – у тебя идей в голове – куры не клюют, кто ещё две программы писать подкинул? Теперь у меня две плановые и две опять твои – неплановые.

– К Оралу не пойду, я у него вышел из доверия.

– Перекуём Орало на мечи, – подмигнула Люська, – раз в год дадут деньги, и то не погулять как следует!

– Забава, ты человек или начальник? – нахмурилась Мила.

– Начальник, – ответил Забава, – человеческий начальник. Вообще начальник для нормальных подчинённых – есть самый человеческий человек. Беда только в том, что где их взять, нормальных подчинённых? Заклюёте ведь, знаю я вас, жизни потом не дадите. Ладно, пошукаю вам какой-нибудь вальс-бостон. Этот коллектив точно доведёт до смертного греха.

Магнитола притащил, включил, а за руку танцевать потащил не Милу, а Пуму. Виктор стеной встал на пути.

– Отдохни пока.

– Докторскую угробил, девушку отнял. Грабитель! – обиделся Забава.

– Моя очередь. Я с ней ни разу в жизни не танцевал.

– Неужели? – подивился обиженный, – а я-то думал...

– Да всё, Боря, как-то некогда раньше было, чуть что – сразу в койку, – пояснила на полном серьёзе Пума.

Тот со вздохом очарования направился к Миле.

За окном посигналили. Пума тотчас выскользнула из объятий Магницкого.

– Извините, друзья, мне пора.

– Муж, поди? – не моргнув, поинтересовалась голова Забавы, лежащая щёчкой на крепком плече Милы.

– Она не замужем, мальчики, – намекнула Люська, – впрочем, как и я. У нас мужчины только на работе, дома – шаром покати. Так что просим любить и про загс не забывать.

– Да говорю же вам, отдел безопасности меня подвёз, сейчас обратно на работу закинет.

Виктор подошёл к окну, пригляделся.

– Серьёзно у вас безопасность поставлена.

– До свидания. Удачи всем.

– Нам бы денег побольше, – уточнила Люська, – как у вас там с наличностью?

– Ладно, так и быть, денег вам желаю крупными купюрами, в больших мешках.

– Привозите, возьмём обязательно, и ещё спасибо скажем.

Магницкий пошёл проводить Пуму.

Как только они очутились в коридоре, Лариса погрозила указательным пальцем:

– Магницкий, чур, не будешь лезть ко мне со своими приключениями?

– Сто лет живу без приключений. Могу устроить бесплатную экскурсию в твою любимую армовскую комнату. Не желаете заглянуть?

– Ага, размечтался.

Пума, строгая-престрогая, пошла, стуча каблуками впереди, по коридору, по лестнице, на последней ступеньке будто запнулась:

– Ладно, зайдём, посмотрим, как там молодость моя поживает.

Виктор согласно кивнул, внимательно отследив поведение бдительного вахтёра-пенсионера, не пропустившего банковскую охрану в институт.

Старичок разложил перед собой две газетные полосы, изучая их вприщур построчно через большую лупу. На внутренние перемещения контингента он внимания не обращал. Ему главное, чтобы дверь-граница была на замке.

Надо будет старикану бутылку водки поставить за хорошую работу от лица благодарного коллектива!

В помещениях отдела связи и последующего размножения царит мёртвая тишина. Коридор девственно пуст. Все кабинеты опечатаны, сотрудники дома. Сплошной орднунг, никаких попок, и, между прочим, это правильно. Чувствуется твёрдая рука Жанны и традиция мамы её Вильгельмины, это тоже хорошо, иногда и Виктору нравится такая жёсткая дисциплина. Местами. Вот завтра, если останется сегодня жив, обязательно расцелует Жанну сразу в обе щёчки, ибо для хорошего человека ему никогда ничего не жалко!

– Что, машины нет уже? – спросила Лариса.

– Давно. Сюда старую аппаратуру сносят после списания и до вывоза.

– Ни кресла, ни стола, ни монитора, ничего, – обиженно перечисляла Пума свои потери. – Обманули в лучших чувствах.

– Плохо смотришь. Штора прежняя, обрати внимание, прямо с тех самых пор и висит. Ни разу не снимали, не чистили. Смотри, смотри, пылица первозданная, со дня творения, то есть повешенья.

Они прошли мимо нагромождения списанных приборов к шторе.

За шторой окно с решёткой, тоже пыльное, за окном стоит «чероки».

Ждёт. Виктор распахнул на Пуме пиджак.

– С ума сошёл?

– Давно.

– А дверь закрыл?

– Само собой.

– А почему не слышала?

– Я тихо.

– Совсем с ума сошёл?

– Поправлю воротник на рубашечке, немного расстегнуть надо вот здесь, потому что жарко сегодня у нас, о, да тут и пуговиц почти нет. А это что здесь сразу? Новая мода?

– Я боюсь, Виктор...

61.

Общеизвестно, что горе одно не ходит. Оказалось, счастье – тоже.

За три последующие недели случилось так много приятных, захватывающих событий, что Магницкий совсем закутился и не смог позвонить Пуме, так как события требовали его личного присутствия в виде главного действующего лица.

Он продал старый дом с садом за три миллиона, разделил сумму с Иринкой, и через день купил присмотренную четырёхкомнатную квартиру в новом доме рядом с университетом, отделанную под ключ: ламинатный пол, встроенные шкафы «Командор», французские натяжные потолки, структурные немецкие обои, две лоджии с пластиковыми окнами.

Сто с лишним квадратов отделки «евро», ему много не надо. Ему надо хорошо. Ведь здесь будет жить Пума.

Единственная комната, оформление которой не доверил дизайнеру, была спальня с кроватью в центре. Одну стену сплошь решил забрать зеркалами, впритык к ней полукругом маленький зимний сад в окаймлении гранитных валунов. Пума любит цветы в спальне. В один прекрасный день он введёт её сюда за руку, она и ахнуть не успеет.

Невозможно было звонить, боялся проболтаться, тогда первоначального восторга не получится. Зато потом, когда всё будет готово, она войдёт и воскликнет: «Ах! Ну, Магницкий, такого я от тебя не ожидала!».

Молоденький дизайнер морщился примитивизму современной буржуазии, звал к простоте и функциональности, сыпал культурологическими словечками, однако плетью обуха перешибить не удалось. Кто платит, тот всегда прав, Виктор без особого труда настоял на собственном стиле.

Возле дома появился чёрный внедорожник «лэндкрузер». На нём он привезёт Пуму и сына в их новый дом.

Не отходя от кассы, продал участок с вагончиком.

Оказалось, что на квартале запланировано строительство элитных коттеджей, в результате чего цены резко взвыгли. За вагончик с небольшим участком выгадал два с половиной миллиона, поняв, что сад отдал почти бесплатно. Хитрого олигарха Вексельбанта, как и государство, не обманешь. Они тебя – запросто. Но сильно не расстроился: в полуподвальном цоколе своего же дома приобрел тёплый гараж для «крузера», мебелировал квартиру.

А потом позвонил руководитель Трушкин, сообщил, что оппоненты написали отзывы на диссертацию, вполне нормальные, как и полагается приличным людям. Через неделю – в Питер на защиту, покупай билеты! Это вызвало невероятный душевный подъём. Хотя и не слишком, не до конца верилось, что всё это происходит с ним лично. Иногда казалось – с кем-то посторонним, он и не думал возражать, пусть. Так даже удобнее – не кружится голова.

Но нельзя же расстаться с Ниной просто так, уйти, не отблагодарив за долгие годы совместной непростой жизни хотя бы в материальном плане! Он не подлец и не свинья, как она думает.

Виктор показал ей новую квартиру, блестящую машину, пригласил пройтись по магазинам, где Нина выбрала себе три шляпки-мечты, зимнюю норковую шубку, шапочку, сапоги, платья, несколько плащей, в том числе с мехом.

При виде новой жилплощади супруга чуть не расплакалась от счастья и тут же его простила: перетащила со всеми вещами из общаги в элитную квартиру.

Последнее ужасно расстроило. Магницкий не показал вида, что разбил очередной план грандиозного жизнеустройства, слёг на полдня – больше не было времени. Но, видя радостное лицо супруги, не заметившей его болезни, тяжело вздохнул, попросил кормить Джинку, получившую в своё полное распоряжение одну из двух лоджий, и улетел защищаться в Санкт-Петербург.

После защиты всё равно вернётся к Пуме. К ней и ни к кому больше! Хорошо, что не расхвастался про квартиру, теперь бы она тоже расстроилась, а так даже не узнает. До дня защиты опять не стал звонить, боясь спугнуть удачу, вот приедет совсем уже на белом коне, окончательно и бесповоротно, тогда и разрешится разом их жизнь к обоюдному бесконечному счастью.

Защитился нормально, без громких оваций, но ощущение беспробудного счастья не покинуло его и когда летел обратно.

Теперь у Виктора всего в достатке: машина-шик, гараж-люкс, сам-умный, не хватало только любимой и единственной. Ласкового и нежного зверя по кличке Пума. Он жутко по ней соскучился. Позвонил из аэропорта.

– К тебе можно? Представляешь, только что из Питера... заскочу на пару минут?

– Приезжай, миленький, прямо сейчас. Я жду.

А что, если взять и остаться с ней сегодня навсегда? Боже, что настанет за счастье, только представишь на секундочку, глаза сами жмурятся в щёлочки!

Проехав по нескольким цветочным магазинам, отыскал роскошную корзину самых невероятных роз, так и не подаренных Пуме прежде, забежал в парикмахерский салон, в центральном, страшно дорогом магазине приобрёл бутылку хорошего вина и коробку шоколадных конфет. Долго выбирал духи.

Красивая куколка-продавщица безропотно протягивала ему одну за другой маленькие пробные флакончики, нанюхался до головокружения, как

наркоман, выбрав в конце концов те, которые не имели никакого запаха. Продавщица вежливо благодарила за покупку, в изысканно-заученных выражениях хваля его тонкий вкус. Духи без запаха стоили баснословно дорого.

С корзиной, бутылкой, конфетами вышколенно застыл перед дверью: гладко выбритый, надушенный, немного чуждый самому себе, отмечая со стороны малейшие свои огрехи.

Дверь открылась. Лариса предстала во всём своём великолепии, прежняя девчонка с огромными сияющими глазами, накрашенными и оттого ещё большими, в коротеньком платье, обнажавшем стройные ноги, с раскинутыми в стороны тонкими голыми руками. Сейчас обнимутся, она положит голову ему на грудь. И начнётся наконец-то долгожданная настоящая жизнь.

Он будто загнулся. Странно: Пума походила на себя, любимую, чуть меньше, чем при свидании с растаявшим мороженым. Виной тому блёстки на лице?

Они потянулись друг к другу, нежно чмокнулись без объятий. Пума при этом торжественном акте убрала руки за спину. Её новый, чуть иной внешний вид заменил в его памяти прежний, и всё встало на свои места: теперь вот именно эту девушку он и любит.

Дождавшись, пока Виктор оставит подарки на кухонном столе, Пума взяла за руку, провела в комнату и усадила рядом с собой на диван, весь в мягких игрушках. Игрушек так много, что им пришлось притиснуться друг к другу.

– Я так рад видеть тебя!

– А я ждала-ждала звонка, думаю – опять забыл на десять лет.

– Давай немедленно отпразднуем нашу встречу!

Он тронул её за руку. Рука холодная, как лёд, лицо почему-то замкнулось. Не обнял сразу?

– Что случилось?

– Ничего. Только ты не обижайся, ладно?

– Какие могут быть обиды, миленькая? Совсем наоборот, я страшно перед тобой виноват. В тот раз особенно...

– Подожди, хочу сказать: когда ты однажды спрашивал, одна ли я, помнишь? В тот раз сказала неправду. Да, я не замужем, но не одна, и он придёт сюда через сорок минут. Ну, этот человек... Но хочу сказать тебе, у нас ещё много времени, целых сорок минут.

– Понимаю, – по инерции пытаюсь обнять её плечи. – Зачем?

– Нет, не понимаешь пока. Дело, видишь ли, в том... у нас с ним будет встреча.

– А человек... ну да, человек...

– Человек, который... помогает мне жить.

– Но ты же говорила, что сама... в банке работаешь...

– А кто бы меня туда устроил?

– Ясно... через сорок минут встреча... я понял. Ладно.

– Да. Но у нас с тобой есть время. Целых сорок минут.

– А потом придёт следующий? Зачем тогда сказала, что одна?

– Я и есть одна. Не замужем.

– Правильно, тот раз ещё не мог понять, как смогла одна, с ребёнком, себе квартиру купить... Но до конца не сообразил... думал, может, родители помогли...

Пума согласно кивнула.

– С квартирой он помог.

– И ты всегда... была не одна? Ах, конечно... Извини, поглупел на старости лет.

– Не расстраивайся, миленький, ну что ты? Он ведь женатый, как и ты. А ребёнок мой от первого мужа, так что не мути воду зря, ладно? Только взбаламутишь.

Пума прижалась к плечу, дотронулась до только что безукоризненно выбритых старательной парикмахершей чувствительных щёк.

– Зачем расстраиваться? Не расстраивайся, пожалуйста, а то я тоже заплачу. Хочешь, чтобы я разрыдалась перед тобой сейчас из-за своей судьбы?

– Нет, не надо, ладно, пойду. Мне пора.

– Почему? У нас ещё есть время, я так ждала тебя, готовилась... Он же через сорок минут придёт только.

Магницкий резко вскочил с дивана, направился в прихожую. Лариса догнала его, пытаясь на ходу пристроить голову на груди. Виктор остановился, выпрямился, чтобы ей было удобнее, но не чувствовал ничего, только холодные пальчики на своей до неприличия горячей шее.

– Как тогда? – спросил, вымученно усмехнувшись.

– Да, да, я хочу, чтобы тебе было хорошо. Не понимаю, зачем уходить, когда у нас есть время. Что ты как маленький, в конце-то концов?

– Нет, извини, пойду.

– Ну вот, опять двадцать пять, одно и то же. А впрочем, поступай как знаешь, хотя мне будет очень жаль. – Убрала голову, прошла к столу. – Тогда забирай это. Он приносит с собой.

– Нет, это для тебя. Вам пригодится.

– И цветы?

– А куда мне их опять девать?

Пума задумчиво убрала вино в холодильник.

– Всё-таки не понимаю, зачем уходить? У нас столько времени пропадает.

– Ничего. В другой раз как-нибудь. Пока!

Магницкий шагнул на площадку, быстро выскочил из подъезда, будто не хватало воздуха для дыхания. Пума осталась стоять в дверях, приложив руки к груди, неизвестно кому повторяя вполголоса: «И что убежал? Как будто не понимает ничего в жизни, самому уже сорок, а как мальчик шестнадцатилетний обижается. Мог бы остаться... времени достаточно. Чего обижаться? Раз жизнь так сложилась?».

Хотя Магницкий защитился не по институтской тематике, сразу после возвращения его вызвал Орало, и для «нашего старого бойца» нашлась ставка старшего научного сотрудника.

Более того, предложили собственную тематику и возможность взять под неё двух человек, Виктор тут же назвал Тимофея и Оксану. В банк девушку что-то не берут, очевидно, родительский блат оказался недостаточно сильным.

Это предполагало удвоение работы для молодых людей, а то при лёгкой жизни они начинают заниматься чёрт знает чем.

Вот, к примеру, стоит Магницкий у того окна, на том самом заветном месте, откуда Оксана любит плескать чай на пиджак начальства, пьёт чёрный горячий кофе, и смотрит рассеянно перед собой, думая о Пуме.

В это самое время программистка подходит к столу мэнээса Тимофея с какой-то бумажкой, кладёт её перед ним, наклоняется, поставив ладони на стол, и смотрит в бумажку, забывчиво крутя талией туда-сюда, сюда-туда.

Но мэнээс нынче тоже пошёл хитрый: уткнулся в компьютер и работает, как ни в чём не бывало. Оксана хмурится на бумажку ещё секунду, резко разгибается и так разворачивается, что юбка с разрезом хлещет назад, открывая белую ногу и даже выше. Ничего себе ножка!

Программистка резво убегает на место, Тимофеей провожает её взглядом.

Магницкий отвернулся к окну.

Нет, Оксану следует загрузить основательно, по самые уши. Он, Магницкий, вон какой умница, небось, а пашет и пашет. Не даёт себе роздыха ни на час. Кофе пивнул у окошка – и снова за стол, строчить иногда авторучкой, но чаще пальчиками по клавиатуре компьютера.

Даже на обед не ходит в последнее время. Когда Оксана силком отдирает Тимофея от компьютера и строем уводит в столовую, он оглядывается по сторонам и быстро набирает телефонный номер. Потом так же быстро кладёт трубку на место и битый обеденный час смотрит на неё гипнотическим взглядом, словно ожидает неизвестно какого волшебства, вроде звонка Пумы.

А с чего Пума вдруг позвонит? То-то и оно, что не с чего. Поэтому остаётся ждать волшебства.

Первую лекцию семинара, начавшегося в октябре месяце, Магницкий прочёл вполне удовлетворительно, на твёрдую четвёрку, на второй случилось непредвиденное событие: взглядом столкнулся с Пумой, совсем молодой, как тогда, летним днём в комнате у Забавы, когда она положила ему голову на грудь, и чуть не вскрикнул радостно: «Ты как здесь очутилась?».

Рот открыл или не закрыл, поперхнулся, уставившись на новенькую студентку, явно пропустившую первое занятие. Вылитая Лариска, просто один к одному, полный двойник во временном пространстве, за исключением самой малости – цвета волос. Студентка – блондинка, но что для девушек цвет волос? Явно не принципиальный вопрос.

Виктор подумал, что надо будет попросить её перекраситься в брюнетку – для полноты ощущений, пообещав за одно это поставить зачёт автоматом.

– Так-так-так, – сказал он, подходя к Пуме-2 и останавливаясь, – вижу новые лица, попрошу представиться.

Пуме-2 пришлось встать. Прodelала она это изящно и без малейшего следа виноватости на лице.

Роста студентка оказалась точно пуминого, и фигура та же: худенькая, с угловатыми плечами.

«Залетел. Сейчас скажет: “Лариса”, и я сойду с ума».

– Шапошникова Рита, – сказала Пума-2, по-прежнему не стесняясь пронзительного взгляда Магницкого, – я не была на первом занятии, потому что болела гриппом. Справку отдала старосте.

«Рита, Рита, Рита», – прислушивался к имени Магницкий. – Что за чертовщина?

– Хорошо, садитесь.

Бросился к доске, написал имя студентки прописью, прикрывая его от всех спиной, чтобы народ не углядел, чем он там занимается.

Аудитория решила, что преподаватель уже черкает заголовок очередной теоремы, зашелестела тетрадами, защёлкала ручками, раздались обычные вопросы: какое сегодня число, нет ли у кого листочка, а он расширенными зрачками впился в написанное имя: Рита, если читать латинскими буквами, получалось «Пума».

– Нам не видно, отойдите, пожалуйста, – раздался голос старосты.

Быстро стёр имя, повернулся к аудитории с насильственной улыбкой:

– Так, идея одна проскакала мимо. – И энергично: – Ну-с, приступим к занятию.

Зря пыжился. Лекция пошла насмарку. То и дело сталкивался с огромными вопросительными пумиными глазами, обмирал, то и дело терял нить рассуждений, сердясь на себя: «Что за идиот?».

Снова жить не может без Пумы? Непонятно только – первой, или теперь второй. Не приведи господь влипнуть в историю со студенткой, все они наперечёт, истории эти, и составляют декамероновский альманах университетского жизнерадостного эпоса, попадать в который себе дороже. Через пятьдесят лет после смерти будут рассказывать весёлые анекдоты, а ты давай, там, в гробу, крутись по-шустрому.

Плюнуть на семинар?

Семинаристы, а здесь в основном девушки, вопросительно поглядывают на замолкшего препода. Для них он уже почти мэтр, во всяком случае достопримечательность, ещё бы: доказал классическую теорему, и теперь она носит его фамилию, как жена. Говорят также, что владелец шикарного загородного дома с бассейном и зимним садом, ездит на крутом чёрном внедорожнике – все видели, привёз из загранкомандировки. Жаль, что женат, а так... совсем молодой, и наверняка будущее светило.

Бросить семинар? Не дождётесь!

Последнее относилось к незнакомой Рите с такими знакомыми глазами.

Следующее занятие Магницкий готовил, будто выступление на международном конгрессе, читал так, что сам себе завидовал, а семинаристы строчили с открытыми ртами. А вот знайте наших!

Единственной неприятностью являлось осознание тяжкого компромата: студентка Шапошникова начинает олицетворять для него молодую Пуму, и, стало быть, дело пахнет керосином.

После занятия она попросила личного разговора.

Магницкий согласился с неохотой:

– Я на работу в институт бегу, может, на пути переговорим?

– Хорошо. Я хочу просить вас, Виктор Фёдорович, стать моим дипломным руководителем.

– У вас давным-давно должен быть научный руководитель, он и есть руководитель вашей дипломной работы. На данный момент имеется таковой?

– Да, есть, Черкизов.

– Ну вот, доктор наук, что вам ещё?

Рита Шапошникова посмотрела откровенными глазами и сказала:

– Вас.

Когда говорят такое прямо в глаза, это, конечно, наглость, но наглость приятная и обезоруживающая.

– Он нам ничего не читает, – продолжала настырная девица. – А мне очень понравилось, как вы даёте материал, все девчонки тоже в восторге, и все хотят к вам в дипломницы проситься, но я первая решилась.

Так приходит сомнительная слава дамского угодника. Магницкий понял, что не сможет отказать ей ни в чём. Это как транс, вызванный цыганкой, остановившей тебя посередине улицы. Снимаешь и безвольно расстаёшься с обручальным кольцом, деньгами, впрочем, бумажника она никогда не возьмёт, лишь хранящиеся в нём деньги и драгоценности с тела.

Эта заберёт всё.

– Хорошо, я не против вашей кандидатуры, при условии, если сами согласуете с Черкизовым, который, учтите, является моим непосредственным начальником, а также решите вопрос в деканате. Остальным желающим передайте, что одной дипломницы для меня будет вполне достаточно.

– Передам, – блеснула очаровательной улыбкой Рита, – а с Черкизовым я уже договорилась. Я ему прямо так и сказала. Это ваша машина? Отличная штучка!

– Штучка ещё та.

63.

– Можно войти? – спросил Магницкий приторным тенорком, нежно отворяя дверь черкизовского кабинета.

– Вход воспрещается! – последовал грозный отклик руководителя.

Кого другого он, может быть, и остановил, только не подчинённых, воспитанных в суровых условиях остапо-бендеровских традиций.

– Оросим сладостными слезами радости насиженное место встреч, – завернул Виктор, выщёлкивая пальцами танец тарантеллу.

И просунул щёку и один глаз в кабинет.

– Посторонним лицам вход воспрещается! – раненым зверем проревел Черкизов.

«Ишь ты, переживает человек», – жалостливо сочувствовал подчинённый, но вслух, напротив, стал глумиться:

– Где тут постороннее лицо? Ну? Меня кадры знают! Поклёп на старших научных сотрудников, а в отношении руководителей фундаментальных тем стратегического оборонного направления – так просто средневековое изуверство. Прошу понять правильно: у меня пропуск есть. Это раз. Орало со мной сегодня за руку поздоровался. Это два...

– Хода нет! – упорствовал начальник отдела в своём ретроградстве.

– Волонтеризм зарвавшихся руководителей среднего звена пресечём в корне! – Магницкий с грохотом распахнул створки. – Молодым везде у нас дорога! Разве не так?

– Без доклада не входить!

– Доложусь позже!!

– Приём окончен!

– Обойдёмся без чайных церемоний, свои же люди. У нас теперь общая дипломница. Одна на двоих!

– Не ори, дурак, люди подумают чёрт-те что. Своим посещением ты мешаешь мне, почти государственному человеку. Закрой двери.

- С какой стороны? Чем прогневал тебя, о солнцеликий?
- Студентку-отличницу увёл, красавицу, умницу.
- Которая Рита? Та, которая? Она сама пришла.
- Да не ври ты, не ври! Человек у меня курсовую сделал, и какую курсовую! А ты чем будешь с ней заниматься? Теоремой Кузьмича-Магницкого?
- Вы заставляете меня бурно краснеть.
- Когда доживёшь до преклонного возраста, узнаешь, каково расставаться с перспективными учениками – продолжателями научного рода.
- А с ученицами-продолжательницами рода человеческого? Ой, когда стану доктором-профессором с плешивой лысиной, возьмёю в качестве учениц исключительно аспиранток много старше тридцати лет. Нет, даже сорока, вот те крест! Никаких студенток, юностью погибшей клянусь!
- Негодяй! Помню я ваши с Забавой штучки! Ох, помню! И даже знаю, отчего тебе, неверный, приглянулась Рита. Из-за Пумы! Разве нет?
- Какая такая Пума?
- Та самая, за которой ты принародно выскакивал из окна со второго этажа. В то самое время, когда окном ниже шло производственное совещание!
- Да боже мой, не хотел я вашей Риты! Зачем мне лишние хлопоты? Принял с большой неохотой, только после того, как сказала, что вы от неё отказались и ей, бедной, совершенно некуда приткнуться до диплома.
- Даже так? Тогда ладно, забирай, не жалко. Не люблю вруш.
- Кого, её или меня не любите?
- Обоих.
- Могу возвернуть в трёхдневный срок.
- Поздно, я первый сказал.
- А, в смысле ты начальник – я дурак?
- Да будет так всегда!
- Аминь!
- Но в деканате зафиксируйте смену научного руководства. За чужие грехи отвечать не собираюсь. Свободен!

В воскресенье чета Магницких отправилась на новеньком блестящем автомобиле по магазинам совершать покупки.

Удовольствие от управления машиной в некой мере компенсировало Виктору времяпребывание внутри магазинов. Нинино же лицо и фигура изображали двойное удовольствие.

Во-первых, от посещения магазинов с толстым кошельком в кармане, когда не нужно экономить каждую несчастную копейку, искать самый дешёвый и дрянной продукт, а должно покупать только самое лучшее, презрев цену. А во-вторых, сидя на высоком сиденье, она могла при среднем росте поглядывать на всех прочих через защищающее её тонированное стекло, как на пигмеев. Про пешеходов на тротуарах и говорить нечего. Эти люди как бы не существуют для красивой дамы из чёрного джипа.

Последним навестили оптовый рынок, откуда вывезли тележку продуктов, набив полный багажник.

Нина села в машину.

Виктор красиво вырулил со стоянки на проезжую часть дороги, где тормознул столь резко, что сзади в них чуть не въехал, противно визжа, маршрутный автобус.

Важная Нинель сидела бледнее питерской ночи.

С открытым ртом, не обращая внимания на мат, нёсшийся из окна водителя автобуса, Магницкий смотрел как раз на тротуар, по которому шла Пума, держа за руку мальчика. Самым удивительным во всей этой картинке было именно лицо мальчика. Оно не походило на фотографию, предъявленную Пумой для опознания. Ни в малейшей степени, уж скорее мальчик походил на него, Виктора, чем на того, фотографического. Откуда?

– И долго мы будем стоять? – спросила Нина с признаком нервной зевоты в голосе.

– Сейчас, вот переставлю ноги, опять перепутал газ с тормозом. Дурная машина этот «лэндкрузер». Эх, то ли дело был «Москвич»!

По возвращении домой все принялись мерить обновки. Начиная с Машки и оканчивая Виктором, лишь Джина сидела настороженная, глядя, как члены её семейства превращаются в посторонних лиц. Ей это не нравилось. А обед ничего, понравился. Расправилась с ним на лоджии в пять минут и заявила в столовую, где трапеза с мороженым и фруктами только начиналась.

Джине строго-настрога запрещалось входить сюда. Она рухнула на пороге в дверях, вытянув одну переднюю лапу на запретную территорию.

– Джина, – обратился строго Виктор, – опять испытываешь моё терпение? Привяжу в лоджии, тогда узнаешь, где раки зимуют.

Джина приветливо стукнула хвостом, но лапу не убрала.

– Не разговаривай с ней, а то прибежит к столу. Она съела свой обед?

– Две чашки. Теперь фруктов хочет. Можно, я ей грушу дам?

– Из-за стола ничего не давай.

– Я отнесу в комнату конфету и грушу.

Машка выбежала из столовой, Джинка за ней.

– Не забудь помыть потом руки, – сказала вслед Нина. Отложила вилку, вытерла салфеткой губы и, сделав участливое лицо, спросила Виктора: – Снова та женщина? Чуть не убились сегодня из-за неё.

– Та.

Нина удовлетворённо кивнула.

– Я так и поняла. Ну что же, если хочешь, давай разведёмся. Хочешь?

Муж озадаченно глянул в большое пластиковое окно. Пребывая в этой квартире, ему постоянно кажется, что он находится не у себя дома, в лучшем случае – на работе, или даже где-то в другом городе, на банкете, после ответственного совещания.

– Посмотрим.

– Отчего бы нам действительно не развестись? – начала размышлять вслух Нина голосом рассудительного взрослого человека, при этом разглядывая Магницкого по-доброму, как бы представляя, что будет, если он получит длительный отпуск от семейной жизни. – Уходи, я тебя отпускаю, – продолжает, мечтая уже не за Магницкого, а за себя.

– Куда?

– К ней. Квартиру оставишь мне, машина и гараж твои. Так во всех нормальных семьях раздел производят.

В последнее время Нина очень похорошела, частенько посещает дамские салоны, следит за собой, модно одевается, большие деньги пошли ей на пользу.

– С такой квартирой быстро замуж выскочишь.

– Уж, конечно, в девках не засижусь. Или, думаешь, никто не возьмёт?

– Возьмёт, возьмёт.

– Запросто. И очень скоро несчастной одиночкой, ежевечерне вздыхающей о кинувшем её муже, не буду. Набегут, только помани, от претендентов отбоя не будет.

– Знаю я этих претендентов, сплошь престарелые маразматика, накушавшиеся виагры, а первый припрётся твой любимый научный руководитель.

– Вот о нём никто не может сказать ничего плохого, так что можешь не ревновать.

Магницкий раздражённо отмахнулся.

– Сколько десятков лет у него диссертацию пишешь? Ладно, молчу, живи, как хочешь, и с кем хочешь, меня это не волнует!

– Подлец!

– Проходили, второгодница.

О грядущем новом замужестве Нина говорила как о деле практически решённом, будто у неё давно имеется претендент, что ждёт не дожждётся своего часа вселения в новую четырёхкомнатную квартиру.

Не то чтобы Магницкому жаль расставаться с жилплощадью ради любви или боязно перейти существовать в тёплый благоустроенный гараж. Некоторые разведённые мужья, вполне, кстати, приличные люди, годами живут в своих гаражах, и ничего, не жалуются. Много лучше строительного вагончика: водопровод с канализацией имеется, центральное отопление тоже.

Но если уходить, то к Пуме... и мальчику. А как же благодетель? Придётся уходить на время... посещений на сорок минут? Или сорок минут – Виктору, а тому больше времени полагается? И он один, или их несколько? Насколько дорог благодетель Пуме не как поставщик материальных ценностей, а как мужчина? В состоянии она будет отказаться от даровых благ и жить в некомфортном труде? Или нет? А вдруг привыкла навсегда к такой разнообразной жизни? Что тогда делать?

Виктор смотрел на жену пустыми глазами, ничего не отвечая. Нина решила, что он полностью раскаялся, хочет заключить мировую, но, как всегда, не знает, с чего начать.

Муж, однако, тяжело вздохнув, проследовал мимо жены искать по квартире или Джину, или Марию, нашел обеих и расхохотался: Машка привязала к Джининой башке Нинину новую шляпочку, которой та собиралась назавтра уничтожить всю женскую часть кафедры, спалить в огне жгучей зависти, как из огнемёта, и Джина жеманничала напропалую, сдвинув её лапой набекрень.

На общий хохот прибежала Нина.

И началось!

64.

В рабочей комнате концентрируется жуткая тишина.

С раннего утра Магницкий притащил из институтской библиотеки целую гору отчётов по «новой» тематике, которую ему подсунил Орало в качестве

руководящего подарка. Тематика эта корнями уходит в седую древность, когда текст печатали на пишущих машинках, а считали на электрических арифмометрах.

Желая узнать всё, что было придумано и сделано его выдающимися предшественниками, Виктор закопался в эту навозную кучу в поисках жемчуга с ручками-ножками, до обеда листал том за томом, и постепенно начал понимать, что сделано немного и едва ли что ещё можно здесь сотворить, кроме очередных годовых и ежеквартальных отчётов, составляющих гималаи гроссбухов в тяжелых негорючих переплётках.

Попробуй, скажи новое слово, когда этакое понаписано! Леонардо да Винчи – и тот, пожалуй, почитал бы, почитал – плюнул, пошёл проектировать винт для античной мясорубки или вертолёт. Да точно бы плюнул, что с него взять? Гений.

А Магницкий сиди, листай, да ещё читай этакую галиматью многотомную. Вывод был один-единственный: люди умели писать ни о чём и помногу, к тому же отлично знали правила нормоконтроля. Вот и писали из месяца в месяц, из года в год, получая из бюджета очень приличные зарплаты.

Пока по многолетнему отсутствию каких бы то ни было реальных результатов тему не закрыли.

Теперь у Орала появился новый теоретик, которого желательно проверить в деле, для начала дав погрызть железными зубами старый добрый орешек, который суть явная каменюка горно-кристаллических пород.

Орало всегда любил озадачивать молодёжь. Ныне у него все подряд – молодёжь, и такой простор для озадачивания открылся, что только успевай руками маши, открывая новые горизонты!

Виктор захлопнул очередной том, не долистав до конца. Отчего такая жуткая тишина? Ага, Оксана не трещит по телефону, ясенько. А где мы в таком случае? Сидим парочкой с Тимофеем и смотрим в компьютер? Понятненько. Тимофей решил ввести девушку в курс святого научного дела – и вот, начало положено. Дай бог, дай бог.

Но отчего у Оксаны глаза просветлённые, как у девы Марии в момент объявления о непорочном зачатии, а у Тимофея тупые-претупые? И чего это они так близко уселись, ещё чуть-чуть – и обнимутся мне здесь. Явно под столом за руки взялись.

Он прочистил горло продолжительным погмыкиванием, после чего запел с намёком, громко: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропа-а-а-сть поодиночке!».

Пропавшее дело. Женятся-то, может, и не скоро женятся, а Оксана точно сразу забеременеет, ишь, глаза какие, шибко ждущие, м-да, забеременеет, значица, потом родит – и нет вам специалиста на три года. Чего ей сейчас азы толковать, когда через три года абсолютно всё сменится – и тема, и программы... Впрочем, и теперь о работе не думают ни тот, ни другая, как они прежде с Пумой: наступило резкое умопомешательство на фоне обострения чувств. Ну и ладно, что теперь, одна работа, что ли, в жизни? Не в работе счастье, братцы, ох, не в работе!

Вдруг в комнату ни с того ни с сего вошла студентка Рита.

– Здравствуйте!

«Но и без работы полного счастья нет», – подвёл итоги шестиминутного размышления Магницкий и с видом подающего замечательно большие надежды начальника озадаченно наморщил лоб:

– Вы как здесь очутились?

– А мне Черкизов давно пропуск оформил, я тут не первый раз. Вам принесла для ознакомления свою курсовую. Почитаете?

– Давайте, посмотрим, – не слишком довольным тоном согласился Магницкий, критически оглядывая груды не пролистанной литературы с трудовыми институтскими плодами.

Рита сняла плащ, повесила на вешалку, причесалась у маленького криво висящего зеркала, взяла себе стул и уселась рядом с шефом, после чего аккуратно положила перед его носом свою работу.

Магницкий, несколько потеснившись, принялся листать курсовую, как предыдущие отчёты, с той же скоростью, даже зевнул по привычке, но вдруг затормозился, вернулся к началу, стал быстро и внимательно читать.

Чувствовалась черкизовская рука: по форме мысли, но не по содержанию. А содержание и было в данном случае превалирующей стороной. Итак, рука черкизовская, а голова студентки Риты Шапошниковой, и какая голова, ой-ёй-ёй, прямо золотая. Виктор влюблённо посмотрел на загорелый лоб девушки и сделал удивлённые глаза.

Лоб мигом среагировал: причудливо наморщился, однако Магницкий удержался от комментариев, продолжил чтение.

Да, вот такая умница сорока лет ждать не станет, как он, эта быстро защитится, два удара от борта: кандидатская, докторская – и партия сделана. Ну что за извилины, а? Эх, мне бы такие, загляденье просто. И станет краса-девица научным светилом, сие совмещение ныне приветствуется и даже поощряется на высших уровнях. Так что впереди нас ждёт блестящая карьера при поддержке сильного шефа, разумеется, вроде Черкизова. Даже Черкизов для неё маловат.

И тут вдруг его ноги под столом коснулось её колено и сразу отпрянуло.

Нет, нет, увы, не всё так просто. Начнутся скоро любви у девушки, первая, вторая, третья, там беременность, аборт, не дай бог, неудачное замужество, или, ещё того хуже, счастливый брак, родится ребёнок, – Магницкий зевнул, – второй, – пролистнул сразу пять страниц, но не стал возвращаться (какая разница?) – и только годам этак к сорока, не ранее, расхлебавшись с делами семейными, автор попытается вернуться к реальным делам. И хорошо, если защитится, но, скорее, нет, голова уже не та будет. В нормоконтроль отправят работать али в бухгалтерию определят. Куда весь блеск денется? Мишурой осыпется.

– Хорошо, – молвил Магницкий, с некоторой грустью захлопнув курсовую, лишь чуть осмотрев заключение и выводы, – очень хорошо. Просто великолепно. Честно говоря, не ожидал от вас такого... труда. Вижу, Черкизов держал под неусыпным контролем, бездельничать не давал.

Рита радостно кивнула и потупилась низко-низко, совсем как Пума.

– Задел на диплом отличный. И вообще, мне кажется, вы имеете большие данные вот здесь, – постучал себя по виску. – Меня это не может не радовать, с одной стороны, но с другой – всё же обязан довести до вашего сведения, что вам бы лучше с точки зрения перспективы иметь в качестве руководителя Черкизова, ибо он доктор наук и во много раз сильнее меня организационно. После защиты диплома непременно возьмёт вас к себе в аспирантуру.

– Он и так возьмёт, – в голосе Риты нет ни капли сомнения, – а руководителем дипломной работы будете вы.

«Зараза. А вот захочу и верну тебя назад Черкизову, тогда посмотрим. На фиг мне это счастье?»

Но в том-то и дело, что счастье нужно всем. Хоть немножко, хоть посидеть рядом пару раз... в неделю. Посмотреть на знакомые черты – и то хлеб.

– У вас обед с двенадцати? – Рита глянула на часики.

– С двенадцати, с двенадцати, – подскочила Оксана, – Тимофей, чего расселся, уже десять минут как наше время.

– Успеем!

– Идём живо, не сиди столбешником! Прогресс – чемпион!

Оксана вытащила Тимофея и утянула за собой, нежно помогая натянуть кепку.

– На улице так хорошо сегодня, свежо, листья в парках ворохами лежат. Красота!

– Вы и в парке успели погулять?

– Нет, не была, но догадываюсь. Второе бабье лето пришло в конце октября. Виктор Фёдорович, а поедете обедать на природу!

– Шашлыки жарить?

– Есть маленький ресторанчик на выезде из города, прямо в лесу стоит, там очень дёшево, а за себя я всегда сама плачу. Зато природа какая! Вот увидите!

– Раз сами за себя платите, поехали. Бензин тоже оплатим?

– А сколько ваш автомобиль ест на сотню километров?

– Что, так далеко ехать?

– Да нет, от поста ГАИ сразу вправо и триста метров всего. Там чудная красота!

– Ладно, забирайте свою курсовую. Пойдём, в первый и последний раз, ибо скажу вам, Рита, что научный руководитель не должен со своей студенткой на природу ездить. Тем более в лесной ресторан. Это аморально с любой точки зрения.

– Почему? Мы с Черкизовым даже в городском парке на скамейке пепси пили из горлышек.

– Эх, Черкизов, Черкизов, разворачивает помаленьку молодёжь. А как начинал...

– Нет, он хороший человек.

– Что же вздумали его заменить?

Рита вдруг замолчала и сделала осторожное лицо, будто приблизилась к некой грани. Молчала до самого поста ГАИ, увидев его, сказала:

– Вот теперь вправо поворачивайте... Черкизов очень хороший человек, а вы – талантливый.

Да, умеет девушка. Смешно противоречить доказывая собственную бездарность.

На лесной опушке, возле бревенчатого теремка, стилизованного под сказочную избушку Бабы-Яги, и с вывеской: «Глухомань», но банкоматом на входе, под корявой огромной елью стояла белая семёрка Забавы.

Итак, первый ход сделали белые, получив тем самым оперативный простор, чтобы иронизировать ежедневно, как «кто-то, не будем указывать пальцами, возит студенток налево в ресторан даже на обеденный перерыв, чего наши люди себе позволить не могут».

Магницкий мгновенно заподозрил Риту в договорных отношениях с Забавой, посмотрел на неё пристально, но та ответила таким наивно-прямым взглядом: «Здорово здесь, правда?», что Виктор лишь пробормотал себе под нос: «Посмотрим, кого ты привёз, старый донжуан», – и двинулся вперёд тяжелой походкой Командора.

Стеклянные створки избушки распахнулись в автоматическом режиме.

В местной «Глухомани» пропагандировалось самообслуживание.

За столиком в углу сидели с загадочными лицами Забава и Мила. Магницкий сделал вид, что не замечает их, купил две порции брусничного пирога и клюквенный кисель, хотел было занять соседний столик, но, проходя с подносом, не выдержал, глянул – и попался: Мила подмигнула ему, а Забава, смерив взглядом Риту, и особенно – длину её ног, вскричал:

– Не отрываться от коллектива, просим к нашему шалашу!

– У вас тут, случайно, не рай? – уточнил на всякий случай Виктор. – А то мы можем не подойти по морально-этическим качествам и отдельно расположиться на обычных местах. У нас-то самый обыкновенный обеденный перерыв, прошу учесть правильно.

– Знаем, знаем ваш перерыв, – возликовал Бориска тому, что заставил Магницкого оправдываться, – а ещё клялся как-то: налево рулить ни в жисть не буду, да ни ногой, ни рукой, голову сулил на отсечение, а вот и пожалуйста. Грош цена всем клятвам. Садись рядом, чего теперь, раз в нашем полку прибыло!

– Вы же сами утром мне про этот ресторанчик рассказали, – покраснела Рита.

– Приглашал, небось? – заинтересовался Магницкий. – Вы с данным гражданином, Рита, поосторожней будьте, это вам не отец родной Черкизов.

– Ну, так, завуалированно. Больше расписывал природу и пироги с зайчатиной.

– Старый волчара...

– Он по согласованию со мной удочки закинул, вас же просто так за уши не вытащишь пообедать нормально, некогда будет, – объяснила Мила, – а парочкой – все сразу согласными делаются.

Виктор откусил кусок брусничного пирога, который оказался очень приятным на вкус, да к тому же и свежим.

– Здесь действительно неплохо кормят.

Но Боря не успокаивался:

– А я вот на днях видел замечательную картину в городе, как возле «Пассажа» ты в свой вездеход дамочку подсаживал. Ах, какая женщина! Песня! Шляпка, боже мой, что за шляпка, просто мадам Бовари. Я бы тоже не устоял.

– В светлом плаще, отороченном мехом рыси? Моя жена Нина, желающие могут прийти в гости, удостовериться.

– Умри, – сказала Мила начальству, – он тебя сделал.

– Зато Черкизов переживает, что ученица от него ушла, валерианку на работе принимать начал, – не сдавался Забава, обращаясь уже к Рите, – говорят, больно вы перспективная студентка будете.

– Кто говорит?

Мила кивнула на партнёра.

– Вот он, Забава, непреходящий начальник нашего сектора. Он любит перспективных выдвигать, я ведь по молодости лет тоже числилась в перспективных. И Магницкий. Этот вообще убежал от блестящих перспектив куда подальше – мороженым торговать. И вас в перспективных будут числить до поры до времени.

– Не слушайте глупую бабу, Риточка. Я лично сам давно бесперспективный, старый и глупый, зачем мне нужны рядом перспективные? Комплексы в себе развивать? Я глупых люблю по старости моих лет всё больше и больше, – Борис обнял Милу, – они точно не подведут. А перспективный у нас нынче товарищ Магницкий, друг забулдыжной юности, нынче Орало на него ставку делает как на будущего главного теоретика. Так что его и держитесь, Риточка, он у вас быстро ошибку найдёт, если что.

– Скажи за это спасибо.

– Спасибо, и что дальше? Мой поезд давно ту-ту, ибо «единожды солгавший, кто тебе поверит?». Ну, девушки, погуляем на природе?

На свежем воздухе Забава грустно смерил взглядом пропорцию между «круизером» и «Жигулями».

– Сразу видно, кто из нас перспективен по жизни, чистый материальный эквивалент налицо, а значит, вам направо, нам налево, погуляем раздельно, господа молодые и перспективные.

Рита с Магницким пошли по узкой асфальтовой дорожке, усеянной жёлтыми пихтовыми иголками.

– Хорошо здесь, правда? – спросила Рита, беря Магницкого под руку.

– Да, воздух свежий, пирог с брусникой вкусный, девушка молодая, красивая, неплохо всё складывается сегодня с утра. Но что буду говорить жене вечером, ещё не придумал. Может, подскажите?

– Вы ничего не говорите.

– Почему? Были замужем, знаете?

– Потому что очевидно – не скажете.

– Точно, сказать – не скажу, и без того узнают. Джинка будет злиться, собака моя.

– Ой, а какой породы? У меня Макс – спаниель.

– Нет, нам с вами не суждено быть вместе, мы – кавказская овчарка. Рост очень большой, нюх не феноменальный, но не хуже, чем у домашнего спаниеля, во всяком случае, всегда знает, с кем хозяин общался на природе, и если что не так, типа пахнет сигаретным дымом и пивом, то ворчит противным мужским басом.

– Я не курю. Ваш приятель Забава тоже женатый, а с сослуживицей вместе обедают – и ничего, нормальные товарищеские отношения.

– С Милой? Да они любовники со столетним стажем, почти супруги, у них отношения крепче семейных уз.

Рита испуганно оглянулась.

– Неужели правда?

– Шучу, понятное дело.

– Вам сейчас новую тему дали? А можно я по ней буду диплом писать?

– Нет, дипломом рисковать не стоит. Пишите по прежней теме, где я помогу, где Черкизов подскажет, его со счетов сбрасывать не надо, он человечнейший человек, в беде всегда выручит. А эта новая тематика на самом деле очень старая, и двадцать лет подряд никакой отдачи не приносила, кроме пудовых отчётов. На моём столе фолианты заметили? Это и есть новая тема, описанная за многие лета со всех сторон. Да под столом ещё сколько валяется. Развивайте курсовую работу в дипломную, ну разве экспериментальные данные можно посмотреть, если интересно.

– Можно, я прямо сегодня начну читать? Пока время есть свободное?

– Тогда поехали. В бар ещё заглянем, я возьму пива для Черкизова, видел там «Стрелецкое». Черкизов им от хандры лечится. Вот, пожалуйста, Забава уже уехал, бережёт человек рабочее время, а мы про него напраслину выдумали.

Рита глянула с упрёком, и от знакомого выражения ком подошёл к горлу.

Магницкий открыл перед ней дверцу. Когда девушка уселась, предложил пристегнуться, и, впрыгнув за руль, погнался благо, гаишный пост быстро исчез из виду.

Глядя, как она устроилась рядышком за его столом, уткнувшись в большие листы, Магницкий мысленно согласился с выводом новейшей психологии, что женщины более усидчивый народ, особенно если усаживаются на место своего научного руководителя или подле него в непосредственной близости, совсем-совсем рядышком, так, что бедному начальству неудобно делается зевнуть как следует в своё удовольствие от написанной в отчёте галиматии.

– Читайте, Рита, и запоминайте, как не надо работать.

– Но вы же читаете.

– Хо, так я на работе! Мне за это деньги платят. Я обязан данное словоблудие проштудировать, но потом доказать товарищу Орало на пальцах, что не таким путём мы пойдём и не такой дорогой поедём.

– А вас не попросят? В смысле – не уволят вместе с нами? – деловито поинтересовалась Оксана. – Мне ещё рано увольняться.

– Орало-то? Не должен. Поорёт для порядка часа два, не без этого, ну, выгонит из кабинета, может, даже взашей, но должен же кто-то когда-то прямо ему сказать: лапша всё это, товарищ директор. Нынче я самый подходящий кандидат. Ясно?

В комнату заглянул Черкизов, обвёл присутствующих жёлтыми глазами усопшего на зимней дороге суслика, сначала парочку Тимофей-Оксана, затем сладкую парочку Виктор-Рита, мгновенно осунулся ещё больше и, кашлянув, обречённо пропал в коридорном небытии, не молвив слова на прощание.

Магницкий тотчас бросил листать отчёт, резвенько сгонял к машине за сумкой с пивом, тихой сапой проник в кабинет шефа, брякнув на пороге апартаментов мелодичным позвякиванием.

– Лекарство принёс, – сказал он соболезнующе, подсаживаясь к руководящему столу почти так же скромно, как Рита к его собственному.

Единственная разница: Рита сбоку села, неудобно скрутившись в талии под углом девяносто градусов: ноги в одну сторону, грудь в другую, да ей что, она гибкая, а он человек в летах и, не колеблясь, занял позицию прямую – супротив черкизовского вялого лица, так гораздо проще будет употреблять лекарство, глядя глаза в глаза. Разговор надо вести сопроводительный с доктором технических наук.

– От чего?

– От желтухи. У тебя глаза жёлтые, значит, желтуха начинается, требуется её вирус из печени срочно выгонять.

– Чем?

– Ясное дело, не аскорбинкой. Чем ещё печень чистить таким маринованным людям, как мы с тобой?

Магницкий начал выставлять бутылки на стол, но больной отмахнулся, кутаясь в шарф.

– Прогрессируешь?

– Не топят, черти, простыл я. Дома тоже холодно. И вообще – старость не радость.

– И её полечим, старость твою, заодним. Лучше пива от старости лекарства нет никакого, особенно в рабочее время, если закрыть кабинет на ключ и пить тихо, деликатно, будто сидим на скамеечке в Одессе, прямо на берегу моря.

Виктор достал из офисной мебели небольшие пивные кружки и приступил к церемонии, рассыпав на блюдечко подсолненных арахисовых орешков.

– Врежем по простуде.

Черкизов высморкался и без всякого выражения выпил. Ослабил шарф.

– Нет, не помогает. Как затычка внутри сидит: ни вздохнуть, ни охнуть.

– Так не сразу дело делается, погоди, посиди, подумай.

– Душа у меня болит.

– Да? Это серьёзно. Душу также следует пивом лечить, – Магницкий наплескал следующую порцию, слизнул пену со своей кружки. – Хороший у тебя кабинет, большой!

– Что, занять хочешь?

– Идея! Точно, у нас площадей даже меньше твоего, а сидим втроём. Сейчас вон ещё Рита присоседилась за мой стол. Знакомится с новой-старой тематикой. А что? Допуск у неё есть, я проверил.

Черкизов снова начал наматывать шарф на горло, открыл бутылку, отпил из горлышка. Дело пошло, больной ощутил целебную силу лекарства.

– Рита... – сказал он проникновенно, как любитель-астроном о необыкновенной звезде, которой посвятил собственную жизнь, – Рита – это!.. бриллиант.

«Не ожидал от шефа, – подумал Магницкий, – сравнивать девушку с каким-то бриллиантом! Сильна в товарище Черкизове приземлённость заведомо, на любителя-астронома не тянет. Максимум – ювелир из Амстердама. Или скрывает истинные чувства? Значит, надо налить ещё».

– По своей злосчастной хандре ты полностью растерял всяческий юмор. Нахальства никогда не было, а ныне энциклопедия о вкусной и здоровой пище одержала верх полностью, особенно – раздел диетического питания. Давай вот что сделаем. Посадим в твой кабинет ещё одного человека. Коллектив спасибо скажет прямо сейчас, от моего лица.

– Ты, Витя, обнаглел вне всяких правил. Да такого даже при развитом социализме не бывало, чтобы сэнээс к начальству в кабинет влезал самоходом. – Черкизов махнул кружечку пивка, и не заметил этого от возмущения. – Ты мне брось фокусы здесь устраивать, не посмотрю, что перспективным считают, отправлю куда подальше экспериментировать с лопатой на природе. Давно заводов не строил?

– Не надо, гражданин начальник, волну гнать, на черта мне тут с тобой сидеть, порученцем бегать: чего изволите? Да при такой близости мы сопьёмся в два счёта, месяца не пройдёт совместной жизни. Я о другом кандидате говорю. Давай к тебе пересадим студентку Шапошникову, пусть сидит читает литературу, вон и столик небольшой отдельный имеется с графином. Графин переставим на подоконник. Негде у нас, негде, чего упёрся, как баран? На время же, до диплома.

– Риту?

– Риту! Ты сходи, сходи, ещё раз загляни к нам, порадуйся: сидит сбоку за моим столом, скрючилась вся, смотреть страшно, с каким коэффициентом кривизны в талии перекрутилась. Она девушка, ей впоследствии рожать придётся, а кого она родит при такой посадке? Неведому зверюшку какую-нибудь змеевидную, не иначе.

– В смысле – рожать?

– Черкизов, ты пить пей, но дело разумею! Понял? Будет она когда-нибудь в своей жизни рожать? Как считаешь? А здоровье за моим столом подорвёт – разве хорошо?

Черкизов нахмурился.

– Если коллектив решил... я не возражаю. Часы выделим, пусть приходит, сидит, когда планёрки нет или совещания.

Однако Магницкий так раздухарился, что, несмотря на сдачу крепости противником, продолжал бойко её штурмовать.

– К тому же у меня стол однотумбовый, если рядом посадить, к чему коленками тыкаться? Я женатый человек, между прочим!

– Я тоже женатый, – обиделся Черкизов.

– У тебя она за отдельным столом будет, – стих Виктор.

– Только для совместной вашей с ней работы попрошу здесь не собираться, ясно? Уводи к себе, куда хочешь, раз она тебя выбрала себе в руководители.

– Конечно! Я тоже так думаю. Шибко о себе девушка возомнила. Мне лично Оксаной вот так хватает руководить. Хуже Орала, болельщица несчастная. Только задумаешься по пути над чем-нибудь интересным, как рывкнет ни с того ни с сего: «Прогресс - чемпион!!!» – и нет мысли. Испарилась. Вот веришь, взял бы и выкинул в окно со второго этажа. Короче, Черкес, садим Риту к тебе, возражения не принимаются. Разливай остатки.

– Обидится и уйдёт. Знаешь, сколько руководителей кругом развелось? Всяких яких.

– И чёрт с ней, пусть валит на все четыре стороны. Лично мне чужого не надо.

– Никому не надо. Но, понимаешь, способности необыкновенные, просто поразительные, и даже, можно сказать, феноменальные. У нас с тобой таких не было. Я перед ней благоговею. Нравится видеть, как она мыслит, просто завораживающее действие, это же нечто – при таком чуде присутствовать. Поэтому и боюсь, что уйдёт и загубит талант на какой-нибудь ерунде, так сплошь и рядом бывает. Сейчас самое время ей ускорение придать для выхода на орбиту. Она характерная, как и Пума, кстати, была.

– Не бойся брат – от нас не уйдёт. Короче, решено. Руководителей будет двое: ты и я. Ты – главный, я на подхвате, ну, куда подвезти там, в ресторан, на пляж, или ошибку найти при защите диплома, когда у доски париться будет,

прошу мною располагать, не подведу, не извольте беспокоиться. А сидит пусть здесь, под твоим отеческим приглядом.

– Хорошая идея. Кстати, как Пума поживает, не в курсе?

– Не знаю.

– Тоже интересная была девица, очень самостоятельный ум, но раннее замужество, плюс несносный характер, плюс некие прочие обстоятельства, нет, к сожалению, не то. Не потянула.

Черкизов напялил на себя нимб отца многочисленного семейства, где за каждым нужен глаз да глаз, поднял свою кружку, стал молча пялиться на янтарные остатки пива, как на далёкую прекрасную звезду. Ясное дело, не Пуму.

66.

Воскресенье, два часа дня – время большого семейного обеда, в подготовке которого участвуют все: Нина варит, жарит, парит и руководит общим процессом, Мария с ложкой наизготовку снимает пенку в специальную тарелочку, а Магницкий в маленьком цветастом шёлковом фартуке почти не плача режет луковицу на очень мелкие частицы. Человекообразная собака Джина охраняет всех сразу, в особенности будущую еду, валяясь на пороге, перекрыв проход собственным пушисто-зубастым телом.

Когда в дверь позвонили, прыгать через тело в длину пришлось именно Виктору, – и он сделал это! – считая с хвоста, почти два метра красивого полёта мужчины средних лет в развевающемся фартучке над восхищённо раскрытой клыкастой пастью.

Предварительно защёлкнув дверь в прихожую, дабы обезопасить незваных гостей, полюбопытствовал:

– А кто тама?

– Это я пришла, – ответил Пумин голос, вызвав у Магницкого попытку нервического взламывания нового блестящего замка с миллионом секретов миллион первым способом.

«Ухожу в гараж прямо сейчас, – молниеносно восхитился он, срывая с себя фартук, будто пояс девственника, и впуская гостью, нежно приобняв за тоненькую, невероятно совершенную талию, – с Пумой вместе, немедленно. Ох, и заживём!».

– Это... вы?

Закрыв дверь на замок без посторонней помощи, радостная Рита обернулась.

Перекрасила волосы в чёрный цвет!

С рассеянно-грустным выражением лица хозяин поднял брошенный фартук, сунул в него шею, как привычная лошадь в пожизненный хомут, завязал тесёмки за спиной.

– Виктор Фёдорович, я нашла ошибку в их отчёте за 1986 год! Представляете? Сейчас покажу!

– Поздравляю. По этому случаю траурный цвет?

– А вам не нравится? Мне показалось, вы предпочитаете брюнеток. Ой, какая у вас собака!

Джина стояла на задних лапах, опершись передними о полупрозрачное стекло двери, слегка помахивая хвостом.

– Вы говорили, что она злая, а она ничего, вежливая, хвостом машет.

– Это затишье перед бурей. Она уже высказывала мне своё неудовольствие после того, как мы погуляли под руку по лесной тропинке. Сейчас для начала хочет рассмотреть как следует, кого ещё выгуливает хозяин кроме неё. Как все дамы, она очень любопытна. Сначала рассмотрит в деталях платье, обувь, причёску, макияж, а уже потом набросится со скандалом и порвёт на мелкие клочки. Ну, показывайте лауреатскую ошибку. Можете не раздеваться, я здесь посмотрю, у нас, извините, семейное торжество назревает с неизменным участием домашних животных, посему не приглашаю.

Конечно, чистой воды хамство не пригласить ученицу к столу, но Виктор пошёл на него вполне сознательно.

– Вот посмотрите, они индексы здесь перепутали и тащили искореженную формулу по трём страницам, а потом она исчезла вообще и нигде больше не появилась, я даже сноски на неё не нашла.

– М-да, действительно. Не заметил, пролистал, но это, Риточка, работа в их лауреатском стиле. Побольше сложных наукообразных формул, авось приёмная комиссия испугается, не будет даже смотреть, сразу акт подпишут, очки в футлярчики засунут и скорее в банкетный зал – коньяк пить с заздравными тостами. Вас хвалю, внимательность – старшая сестра таланта, без неё никуда. Как без меня в семейном торжестве. Так что прошу извинения, пора возвращаться к столу, коньяк простынет.

Хам натуральный, а что делать?

Смущённая Рита неловко сунула гроссбух в пластиковый пакет. Упорное выражение скрепило пухлые губки печатью молчания. Отвернулась к двери, долго мучилась с замком, но открыла сама, после чего ушла к лифту, вызвала кабину, прочно встав спиной к Магницкому. Плачет, что ли? О господи!

Продолжая вести себя сугубо по-хамски, Виктор закрыл дверь, громко пощёлкав на прощание замками до того, как подошёл лифт. Просто свинья непорядочная.

– Кто был? – спросила Нина.

– Наша с Черкизовым дипломница.

– Жутко походит на женщину, из-за которой мы чуть не попали в аварию. Не дочка, случаем?

Ага, значит, подходила и любопытствовала, не хуже Джины.

– Чья?

– Надеюсь, не твоя?

– Повторяю: дипломница, работу приносила показать.

– И где ты их только находишь?

– Заодно передала, что Черкизов вызывает в институт, комиссия на днях приедет, надо отчёт составить.

– А позвонить он не мог?

– Значит, не мог! Начинайте обедать без меня, не ждите, присоединюсь позже.

Джинка открыла пасть и громко зевнула на это заявление: запахи супа и котлет парили в воздухе, вызывая в собаке прилив бешеной энергии. Она резво бегала по прихожей, гоняя носом пустую миску. Миска легко летала по скользкому ламинату, переворачиваясь, громыхая.

Виктор Фёдорович смылся под шумок.

Купил конфет, торт и бутылку пепси для ребёнка. Цветы брать не стал никаких. Плохая примета. Эта Рита только разбредила душу. Себя довела до слёз, и его до ювелирного магазина. Что купить Пуме? Он выбрал небольшой золотой кулончик и цепочку. Прошлое пусть останется в прошлом, с Пумой они будут жить долго, счастливо. Решение окончательное, обжалованию не подлежит: сегодня он переходит в гараж.

Кстати, можно стены отделать зеркалами, соорудить ниши с подсветкой, вроде окон, разместив внутри огромные цветные фотографии видов природы, везде торшеры, ночники, на пол большой ковёр, посередине огромная кровать. Классическая подземная спальня.

Или в центре установить роскошно-сверкающий «круизер» с откинутыми сиденьями? Нет, чересчур авангардно, «круизер» пусть живёт на стоянке, не сахарный, не растает. Устроить всё по высшему классу, а потом как бы случайно позвать Пуму – так просто, посмотреть. Магницкий выскочил из машины с подарками наперевес и, не включив сигналку, помчался к подъезду.

Некий усатый прохожий качнул головой, остановился, приблизился к машине и начал деловито, по-хозяйски её осматривать.

В это время Виктор уже звонил, дверь открылась как-то сразу. Пума стояла напротив, требовательно сощурившись, смотрела ему в область живота.

– Ты?

– Я, привет!

– Ты зачем пришёл? Почему без предупреждения?

– Соскучился очень, миленькая. Вот, возьми, – протянул торт, пепси, конфеты, пытаюсь задобрить сердитые глаза.

Не получилось.

– Ничего мне не надо. Уходи быстро, у меня ребёнок во дворе играет, я думала, это он позвонил.

– Я оставлю здесь и уйду.

– Уходи быстро!

– А зачем показала фото другого ребёнка?

– Ты его видел? Сейчас?

– Не сейчас, но видел. Не понимаю, что случится страшного, если...

– Всё случится страшное, не смей больше являться без приглашения, уходи сейчас же!

– Хорошо, хорошо.

Отворил дверь, на пороге сглотнул обиду и принялся рассудительным тоном члена родительского комитета задавать вопросы: как можно не глядя дверь открывать? Боже мой, разве так поступают?

Пума оправдывалась:

– Думала, сын пришёл. Ты мне прежде всегда звони, ладно?

– Как можно быть такой неосторожной? Да мало ли кто к тебе в дверь позвонит? Есть же глазок. Ты прежде, чем открывать, должна посмотреть в него, не пускать кого попало! А то напустит всяких, кого попало, потом выгоняет, так жизнь и проходит.

Он вышел на площадку.

Пума уже улыбалась, приложив сжатый кулак к уху, но Виктор продолжил говорить придиричиво-серьёзным тоном ворчливой бабки.

– Просто не понимаю, как можно молодой красивой женщине, находясь одной, открывать двери нараспашку любому!

– Ты звони мне, ладно? – она стучала кулаком по уху, как глухонемая. – Предварительно.

– Как можно... – продолжал недоумевать Магницкий.

– Позвони, и мы договоримся о встрече.

– Да не буду я тебе больше звонить, как ты не понимаешь? Не нужны мне твои сорок минут! Я просто зашёл в гости. Просто! По-человечески. Как человек к человеку.

Выскочил из подъезда, огляделся. Мальчика поблизости не оказалось. Расстроено махнул рукой и двинул к машине. И тут вспомнил, что не включил сигнализацию. Мгновенно вспотел, выбежал за угол – «крузер» на месте.

– Фу ты, чёрт! Нет, брат, повезло тебе, будешь жить в тёплом гараже, как белый человек! Но без зеркал. Да зачем тебе зеркала?

Что-то стукнулось ему в спину. Он обернулся, увидел, что от него уходит Пума, обратно в свой двор, к себе домой.

На асфальте валялся футляр из ювелирного магазина. Хорошо хоть тортом не зафинтилила. Магницкий подобрал коробочку, сунул в карман. Кулона в ней не оказалось, отлетел куда-то. Стал разглядывать асфальт там-сям, ничего.

– Не это ищите, господин хороший?

Рядом стоял Котомкин и протягивал золотую розу на цепочке.

– Спасибо, дружище. Куда путь держишь? Давай подвезу.

– Шикарная штучка. Сколько золота через мои руки прошло, а вот золотая роза, кстати, впервые. Помнится, Жарков, царство ему небесное, заставлял читать про золотую розу, этого... Паустовского, что ли. М-да. А я так и не прочитал, некогда.

– Мне с цветами нынче не везёт, с розами особенно плохо дело обстоит. Видишь, что творится? Ничего не получается.

– Не приняла? Не горюй, вручи жене на день рождения. Я так и думал, что ты скоро вернёшься, раз вездеход не закрыл. Рискуешь. Дай, думаю, подожду немного, а то придёт человек, а машина его – тью-тью. Расстроится ещё, чего доброго.

Дома народ пил чай, кушал шоколадное мороженое с блюдецек серебряными ложечками.

Виктор занял своё место. Он был задумчив.

– Мне опекун нужен, – сообщила Маша, – бабка не хочет в опекуны идти, говорит, старая, да ей и не разрешат, пьёт она.

– А мать чего? – рассеянно поинтересовался Магницкий, думая о своём.

– Забрали мамку в тюрьму, сидеть она будет.

Уточнять, за что, Виктор не решился. В столовой повисло молчание.

– Знаете, я второе, пожалуй, не буду, что-то не хочется. На меня мороженое купили?

– А как же, две порции. В магазине к шоколадному дорогому ещё добавочно бесплатное дают в нагрузку – невкусное.

Он достал вкусное из морозилки, развернул на блюдецко, взял ложку и стал ждать, пока подтает.

Машка уже доканчивала невкусное, маленькое, зелёно-оранжевое, но ела аккуратно, по всем правилам, отрезая краем ложечки маленькие дольки. Посмотрела в глаза Магницкому доверчивым взглядом:

– Сожителя своего она зарезала. Насмерть, хлебным ножиком. Достал, идиот. Бабка говорит, что долго теперь сидеть будет, а меня в детдом заберут.

– Не заберут. Прямо завтра пойду оформлю опекунство. А жить будешь где хочешь. Хочешь у нас, хочешь к бабке иди. Но уроки лучше здесь делай.

– Там надо, чтобы семья опекуна была крепкая. У вас крепкая?

– Крепче не бывает. И, кстати, всё необходимое имеется для воспитания современного ребёнка. Вот смотри: собака есть, внедорожник есть, гараж есть с погребом, квартира большая с мебелью, телевизорами и зеркалами. Нине, конечно, зеркала не нравятся, но ничего страшного, можно снять и в гараж унести, там повесить. Очень даже легко. С другой стороны, зачем в гараже зеркала, да ведь? Кому они там нужны, правда, девочки? – Виктор почесал затылок в недоумении. – Так перенести или оставить, или взять их и выбросить все? Вот где звона будет! Как скажете, так и сделаем.

Нина нахмурилась:

– Магницкий, что за ересь несёте?

Конкретно по существу вопроса высказалась Машка:

– Трюмо в гаражах не бывает. Трюмо должно дома стоять. В гараже зеркала или испортятся, или разобьёт их кто нечаянно. А ты своё невкусное мороженое мне отдашь? Нет? А давай тогда твоё шоколадное пополам? Виктор, ну не жмоться!

Вот Машка – тоже звезда, и притягивает комету Магницкого к себе. Размером помельче пуминой, конечно, однако чувствуется прямо на лету изменение собственной траектории полёта. Сегодня в одну сторону несёт, завтра в другую. Здесь тоже можно жить вполне нормально. Даже хорошо. Правда, без полноты счастья, но стоит ли оно, это эфемерное воображаемое завтрашнее счастье, всей совокупности сегодняшних потерь? И когда станешь вдруг его обладателем, не покажутся ли новым счастьем эти минуты тяжкого раздумья?

Размышления, мысли, прожекты и концепции возникают в человеческой голове, хотя истинно сущее – то, что на деле определяет жизнеустройство, – зарождается совсем-совсем в другом месте. Так и у Магницкого. Пока думал, колебался, выбирал, настоящий выбор давно был произведён свыше, просто он об этом пока не догадывался, а сидел за столом, ел половинку шоколадного мороженого и наивно полагал, что решает, как и с кем ему лучше быть по жизни. И что – как он решит, так оно и будет.

Людам всегда свойственно заблуждаться на этот счёт.

67.

Первой неладное с Джинкой заметила Нина.

Стоял ноябрь. Снег покрыл землю толстой попоной, ударили двадцатиградусные морозцы.

Виктор выгулял Джинку перед работой, завёл в квартиру, и она свалилась прямо у дверей совершенно без сил.

– А тебе не кажется, что собака беременна? – спросила Нина.

– С чего вдруг? Слушай, не выводи меня из себя, ладно?

– Да ты посмотри на её живот!

– Где? Разве это живот? Худая стала, как швабра, я её в вагончике кормил лучше, чем ты сейчас.

– В таком случае можешь для своей собаки варить сам!

– Придётся.

Он нахмурился, посмотрел на Джинку внимательно. Эта Нина всегда настроение испортит перед работой. Беременна. А ведь пузо и вправду здорово торчит. Присел: ох ты, толстенное какое, а в прочих местах одна кожа да кости. Джина подняла голову, посмотрела на него, и снова уронила.

Еле уговорил встать. Идти на выход собака не желала: погуляли, хватит. Сколько можно над животным измываться? Но Виктор был неумолим, засунул в машину, отвёз в клинику.

Ветврач поставил диагноз: беременности никакой нет, есть крупная раковая опухоль, жить осталось неделю, и не более того.

Джина вопреки диагнозу прожила две, умерла ночью. Виктор положил собаку на покрывало, обмотал и на руках вынес на улицу. Могила нынче не выкопать, земля промёрзла.

Он тащил её перед собой, одеяло спало, торчали вытянутые длинные лапы. Встречный ночной прохожий чуть не наткнулся на них, в ужасе отскочил в сугроб.

Перед погребением Виктор опустил тело на снег, покрепче связал концы покрывала узлом, и опустил на дно мусорного бака.

Через два дня на третью ночь приснилось, будто приехал отдохнуть на природу от всего. Остановил машину перед каким-то зелёным пригорком, за которым ничего, кроме синего неба, нет, раскрыл двери. Сидит, смотрит перед собой, отдыхает.

Кругом тихо, солнышко, травка зелёная-презелёная, и вроде бы даже весь капот травкой уже зарос, прямо у стёкол травка произрастает, ну до того на душе спокойно – прямо рай господен.

Вдруг двумя лапами и мордой выпрыгнула из-за холма на край травянистого капота Джина, живая, игривая, так раньше на забор запрыгивала и повисала. И такая весёлая! Пасть открыла, язык розовый, будто улыбается, чёрный нос влажно блестит, хотя чувствуется, что трудно ей висеть, но изо всех сил тянется к нему, лапами перебирает...

Вдруг скользнула обратно куда-то вниз, и снова травка зелёная, небо голубое, как и не бывала.

Прощаться, знать, душа прилетала.

Эх, настали дни тяжёлые.

Как-то в декабре подошёл к окну на работе, посмотреть, что на улице делается, сколько градусов мороза термометр показывает, глядь, а возле его машины фигура мнётся, весь снег вокруг притоптала.

Взял пульт, включил двигатель на разогрев. Человек на улице вздрогнул, когда машина мявкнула и завелась.

– Скоро буду, – шепнул Тимофею, схватил куртку, шапку, и был таков.

Но не пришёл ни через час, ни через два, ни к вечеру, ни на завтра.

Через две недели только объявился на работе.

– Ну, – спросила Зоя Степановна, – чай горячий будешь? Какие новости за истекший период?

– Буду, – обрадовался Магницкий, – наливайте, а новостей мало, по пальцам можно пересчитать. – И начал загигать. – Гараж продал, развёлся,

купил квартиру, женился. Вот и всё. О, у вас и лимон сегодня есть? Хорошо живём! Мне с лимончиком, если можно.

А дело было в том, что у машины его ждала Пума. Чего, спрашивается, морозиться на улице, когда можно зайти в родной институт?

Но расспрашивать о причинах женского своенравия в студёную зимнюю пору не стал, посадил в машину, сам сел, включил обогрев, смотрит и не узнаёт: так сильно Лариса изменилась. Лицом похудела, глаза бегают, мнётся. После Джинны мнительный стал и сразу испугался:

– Что случилось? Тебя куда отвезти, домой или в больницу? На работу явно не стоит.

– Давай поплачем?

– Ну давай. Ты начинай, я подхватчу.

– Никуда. Работы у меня больше нет.

– Уволилась?

– Уволил... спонсор.

Виктор не смог скрыть радости:

– И слава богу. Другую найдёшь, хочешь опять к нам? Есть место, точно, давай...

По тому, как Лариса посмотрела, Виктору сделалось ясно, что молотит какую-то чепуху, а главное, есть другие плохие новости, о коих он бы мог и сам догадаться.

– Из квартиры ушли.

– Где сейчас?

– С мамой живём.

А запавшие глаза смотрят на Виктора и криком кричат, что и это всё цветочки, не главное, главное впереди. Что у неё с глазами? Как провалились, ушли внутрь, запали. Были огромные, молодые, весёлые, стали средней величины, абсолютно неуверенные в жизни.

– Ну и какие у нас, девушки, ещё неприятности?

– Беременна я, Магницкий, как чувствовала тогда в армовской комнате, в шторе, что плохо кончится.

– Ясно. Слушай, а давай сделаем так. Деньги небольшие остались, если продать гараж и добавить, на квартиру хватит. Трёхкомнатную, нет, трёхкомнатную не получится, четырёхкомнатную надо.

– Зачем? – удивилась Пума. – Хватит нам трёхкомнатной.

– Не хватит. Считай: ты, я, Машка, Витька, да ещё новенький Магницкий появится, детям как минимум две спальни разнополым, так? Нам – одну, зал с мягкой мебелью и телевизором, так что четырёхкомнатная – минимум. Думаю, на 85-ю серию потянем. Там комнатки, правда, маленькие, но ничего, можно и не в центре, «круизер» на ходу, пусть возит всех.

– Нина отдаст тебе Машку? Ты уверен?

– Отдаст. Машка с Ниной сама ни за что не останется. А что, не хочешь?

– Да нет, почему? Твоя же дочь.

– Мы не родственники. Я её опекун. И Нина Машке не родственница, переформируем девочку на новую семью. Семья у нас будет крепкая, правда?

– Ну, ты, Магницкий, даёшь! Почему раньше не сказал? Давно бы тебя отбила, а то стеснялась дочку без отца оставить.

– Вот видишь, как хорошо, что в армовскую комнату подговорил тебя сходить.

– Да я сама туда пошла, по собственному желанию.

– Ага, по собственному, еле уболтал.

– Это тебе так кажется, а на самом деле...

– И, кстати, кое-что тогда не сказал.

– Что?

– Мелочи. Армовская комната уже года два как изнутри не закрывается. Даже замка нет.

– Так мы... всё время были открытыми?

– Конечно.

– Вот гад, а? Знаешь, кто ты, Магницкий, после этого? Змей подколодный! Обманщик! Врун! Да я с тобой после такого никаких дел больше не имею!

– Чего ты, миленькая, теперь-то орёшь? Ну?

Спустя два с лишним года, в половине десятого выходного летнего дня Виктор по-прежнему сидит в «крузере» с бесшумно работающим на холостых оборотах мотором, мурлычет под нос советское ретро, и видит, как из обшарпанного подъезда девятиэтажки вываливает его многочисленное семейство, одетое по-спортивному в тренировочные костюмы.

Впереди основная тройка: высокая крепкая Машка и худощавый Витёк тащат сумки с продуктами, вещами, мячиком и бадминтонными ракетками, а в дополнение ко всему ведут двухлетнего Петеньку, который старается прокатиться у них на руках как можно дальше, желательно до дверей «крузера».

Сзади выступает, тоже в тренировочном костюме, кроссовках Пума. Волосы туго затянуты с одной стороны на другую, гладко завёрнуты, а сверху из причёски выглядывают три чёрных кисточки, этакий трилистник, будто случайно не доделанный. При ходьбе хвостики задорно потряхиваются.

– Вещи в багажник, – командует Пума, – Петьку между собой.

Не дожидаясь исполнения команды, легко запрыгивает на переднее сиденье рядом с Магницким. Подростки старательно укладывают вещи, втаскивают младшего, тогда она опять говорит:

– Все готовы? Трогай.

А трилистник мелко-мелко и ужасно задорно сотрясается от малейшего наклона головы: «Привет, привет, привет!».

Виктор оглядывается на привлекательные хвостики, и чуть заметно улыбается в ответ: «Привет, коли не шутите!».

Пума восседает гордо, ни дать ни взять мать-командирша, руководящий банковский работник на культурном досуге в кругу семьи, только хвостики весело хохочут.

– Что опять? – недовольно отслеживает Викторovu улыбку Пума, поправляя волосы и проводя ладонью по красиво оголённой шее, опасаясь присутствия красных маленьких лепестков на невидимых местах.

– Всё в порядке, дорогая, уже едем.